ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 28. № 4 2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 28. No. 4 2023

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, A.A. Lagutina, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up: *E.S. Reshetnikova*
Technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing July 19, 2023.
Date of publication: Sept. 21, 2023. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 24.6. Published pages 26.4.
Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies). Order 95. «C» 20.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, А.А. Лагутина, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 19.07 2023 г.
Дата выхода в свет: 21.09 2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 24,6. Уч.-изд. л. 26,4.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.). Заказ 95. «С» 20.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. сайт: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023
Том 28. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2023
Volume 28. No. 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: АРХЕОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А. Новая неолитическая стоянка Приозерная в Нижнем Поволжье 6

Балабанова М.А. Проблема формирования выборки для биоархеологического исследования (по результатам изучения палеоантропологических материалов эпохи Нижнего Поволжья) 23

Клепиков В.М. Частично разрушенные сарматские погребения Есауловского Аксая (ограбление или ритуальное осквернение?) 38

Березуцкий В.Д. Позднесарматское клинковое оружие из погребений Березовского курганного могильника 47

Перерва Е.В. Преднамеренная искусственная деформация у населения позднесарматского времени (палеопатологический аспект) 57

Медникова М.Б., Евтеев А.А., Чечеткина О.Ю., Петрова К.А., Манрикес Г., Тарасова А.А. Изменчивость лицевого скелета у носителей джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья по данным 3D геометрической морфометрии 72

Недашковский Л.Ф., Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Археоботанические материалы с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья 94

ИЗ ИСТОРИИ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

Фурман Е.Л. Подготовка и переподготовка кадров в системе советских органов власти в Нижне-Волжском крае на первом этапе социалистической реконструкции (1928–1932 гг.) 107

Юдина Т.В. Индустриализация Сталинграда и разрешение жилищной проблемы городского населения 122

АЗИАТСКО-АФРИКАНСКИЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Почекаев Р.Ю. Побежденные перед судом победителей: процессы над мятежниками в период кризиса Монгольской империи (2-я половина XIII в.) 130

Омарбаев Ы.К., Жораева Г.Т., Нурмухамбетов А.А. Значение железной дороги Оренбург – Ташкент для социально-экономического развития Туркестанского края 144

Никитин Д.С. Индийский национальный конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Лэнсдауна (1888–1894): проблемы развития 156

Рабуш Т.В., Соловьев Р.А. СССР в гражданских войнах в странах третьего мира во второй половине 1970-х гг. (на примере Анголы и Афганистана) 165

Цыряпкина Ю.Н. Русские в Республике Узбекистан: демография, идентичность и социальная динамика 178

Сингува Ч., Хонрада Г. Интеграция в области региональной безопасности в регионе САДК [*На англ. яз.*] 192

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

Алимов Д.Е. Дунайская прародина славян в «Повести временных лет»: проблема интерпретации 202

Петрова И.С., Рвачева О.В. Воспоминания А.К. Выдрина как источник по истории Гражданской войны 214

Митюков Н.В., Тощевикова Н.В. Зарплатные ведомости как источник для реконструкции судовых биографий на примере Сарапульской эксплуатационной конторы 1954–1962 годов 224

Николаев Н.Ю., Рамазанов С.П. «От умолчания к интересу»: отечественная антивоенная мысль второй половины XIX – начала XX в. в советской историографии 241

Елохина А.К. Становление гендерных исследований в изучении Сталинградской битвы 253

CONTENTS

DIALOGUE OF CULTURES: ARCHEOLOGY AND ANTHROPOLOGY OF EURASIA

Grechkina T.Yu., Vybornov A.A. New Neolithic Site of Priozernaya in the Lower Volga Region 6

Balabanova M.A. The Problem of Forming a Sample for Bioarchaeological Research (Based on the Results of the Study of Paleoanthropological Materials of the Lower Volga Region) 23

Klepikov V.M. The Partial Destruction of the Sarmatians Burials of the Esaulovsky Aksai (Is It a Robbery or a Ritual Desecration?) 38

Berezutskij V.D. Late Sarmatian Swords and Daggers from the Burials of the Berezovsky Kurgan Burial Ground 47

Pererva E.V. Intentional Artificial Cranial Deformation in the Late Sarmatian Population (Paleopathological Aspect) 57

Mednikova M.B., Evteev A.A., Chechyotkina O.Yu., Petrova K.A., Manríquez G., Tarasova A.A. A Geometric Morphometric Study of the Facial Skeleton Variation in the Jetyasar Archaeological Culture Population of the Eastern Aral Region 72

Nedashkovsky L.F., Kochanova M.D., Aleshinskaya A.S., Spiridonova E.A. Archaeobotanical Materials from the Golden Horde Settlements of the Saratov Volga Region 94

FROM THE HISTORY OF THE LOWER VOLGA

Furman E.L. Training and Retraining of Personnel in the System of Soviet Authorities in the Lower Volga Region at the First Stage of Socialist Reconstruction (1928–1932) 107

Yudina T.V. Industrialization of Stalingrad and the Solution of the Housing Problem of the Urban Population 122

ASIAN-AFRICAN DISCOURSE: HISTORY AND MODERNITY

Pochekaev R.Yu. Defeated Before the Court of Victors: Trials of Rebels During the Crisis Period of the Mongol Empire (2nd Half of the 13th C.) 130

Omarbayev Y.K., Zhorayeva G.T., Nurmukhambetov A.A. The Significance of the Orenburg – Tashkent Railway for the Socio-Economic Development of the Turkestan Region 144

Nikitin D.S. Indian National Congress in the Years of the Lansdowne's Government (1888–1894): Problems of Development 156

Rabush T.V., Solovyev R.A. USSR in Civil Wars in the Countries of the Third World in the Second Half of the 1970s (On the Example of Angola and Afghanistan) 165

Tsyryapkina Yu.N. Russians in Republic of Uzbekistan: Demography, Identity, and Social Dynamics 178

Singuwa C., Honrada G. Regional Security Integration in the SADC Region 192

PROBLEMS OF SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

Alimov D.E. The Danube Homeland of the Slavs in the Tale of Bygone Years: A Problem of Interpretation 202

Petrova I.S., Rvacheva O.V. A.K. Vydrin's Memoirs as a Source on the History of the Civil War 214

Mityukov N.W., Toshchevikova N.V. Payrolls as a Source for the Reconstruction of Ship Biographies on the Example of the Sarapul Operating Office 1954–1962 224

Nikolaev N.Yu., Ramazanov S.P. "From Default to Interest": Domestic Anti-War Thought in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries in Soviet Historiography 241

Elokhina A.K. The Development of Gender Studies in the Research of the Battle of Stalingrad 253

www.volsu.ru

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: АРХЕОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.1

UDC 902/904
LBC 63.4

Submitted: 19.10.2022
Accepted: 17.02.2023

NEW NEOLITHIC SITE OF PRIOZERNAYA IN THE LOWER VOLGA REGION [1]

Tatiana Yu. Grechkina
Nasledie Scientific and Production Institution, Astrakhan, Russian Federation

Aleksandr A. Vybornov
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The Lower Volga region attracts the attention of specialists because the ancient cultures of this region had a great influence on neighboring regions. This also applies to the Neolithic era, when the inhabitants of this territory had the oldest ceramic production and cattle breeding. A number of questions remain open, as new sources are required. One of them is the site of Priozernaya in the southern part of the Lower Volga region. *Methods and materials.* Planographic and stratigraphic methods are used to identify the nature of the monument. According to the results of the technical and technological analysis, the ceramics are made of silt. The results of the typological method reveal flat-bottomed vessels ornamented with receding incisions in a geometric style. Stone tools are represented by scrapers, spikes, and knives. Spears and spearheads are made of bones. According to the results of archeozoological analysis, tur, kulan, saiga, tarpan, etc. are represented. According to the results of radiocarbon analysis, dates are obtained. It is 6700–6600 years BP for animal bones and ceramics. *Results*. The results of the spatial analysis reveal the presence of remnants of dwelling structures. The manufacturing technology and typology of ceramics and stone tools allow us to attribute the monument to the Tentexor type of the late stage of the Neolithic of the Northern Caspian. The results of the faunal analysis confirm the presence of only wild animal species. The hypothesis about the appearance of a producing economy in this region at the late stage of the Neolithic has not been confirmed. Only the dog belongs to the domesticated animals. According to the results of radiocarbon analysis, the site functioned in the second quarter of the 6th millennium BC. The monument is a short-lived hunting camp. The pattern application techniques and the nature of ornamental compositions allow us to detect similarities with the ceramics of the Caspian culture. This suggests assuming the participation of the local Neolithic population in the genesis of the bearers of the Eneolithic tradition. *Authors contribution.* T.Yu. Grechkina wrote sections about planographic and stratigraphic methods. A.A. Vybornov described ceramic and stone tools. The results are written together.

Key words: Lower Volga region, Neolithic, Tentexor type, ceramics, stone tools, chronology, Caspian culture, producing economy.

Citation. Grechkina T.Yu., Vybornov A.A. New Neolithic Site of Priozernaya in the Lower Volga Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 6-22. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.1

© Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., 2023

УДК 902/904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 19.10.2022
Дата принятия статьи: 17.02.2023

НОВАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПРИОЗЕРНАЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ [1]

Татьяна Юрьевна Гречкина

Научно-производственное учреждение «Наследие», г. Астрахань, Российская Федерация

Александр Алексеевич Выборнов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Нижнее Поволжье привлекает внимание специалистов, поскольку древние культуры данного региона оказали большое влияние на сопредельные области. Это касается и эпохи неолита, когда у обитателей интересуемой территории появляются древнейшее керамическое производство и скотоводство. Целый ряд вопросов остается открытым, так как требуются новые источники. Одним из них является стоянка Приозерная в южной части Нижнего Поволжья. *Методы и материалы.* Для выявления характера памятника применялись планиграфический и стратиграфический методы. Судя по технико-технологическому анализу, керамика изготовлена из ила. Типологический метод фиксирует плоскодонные сосуды, орнаментированные отступающими наколами в геометрическом стиле. Каменный инвентарь представлен скребками, остриями и ножами. Из костей сделаны копья и острия. По данным археозоологического анализа представлены тур, кулан, сайгак, тарпан и др. Согласно радиоуглеродному анализу, получены даты по костям животных и керамике 6700–6600 лет ВР. *Результаты.* Пространственный анализ позволяет сделать вывод о наличии остатков жилищного сооружения. Технология изготовления и типология керамики, а также каменных изделий дают основание отнести памятник к тентексорскому типу позднего этапа неолита Северного Прикаспия. Фаунистический анализ подтвердил наличие только диких видов животных. Гипотеза о появлении производящего хозяйства в этом регионе на позднем этапе неолита не нашла подтверждения. К домашним относится только собака. Судя по результатам радиоуглеродного анализа, стоянка функционировала во второй четверти VI тыс. до н. э. Памятник представляет собой недолговременную стоянку охотников. Способ нанесения орнамента и композиции позволяет проследить определенное сходство с керамикой прикаспийской культуры. Это дает основание предполагать участие местного неолитического населения в генезисе носителей традиции энеолита. *Вклад авторов.* Т.Ю. Гречкиной написаны разделы по планиграфии и стратиграфии. А.А. Выборновым описаны керамический и каменный инвентарь. Результаты прописаны совместно.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, неолит, тентексорский тип, керамика, каменный инвентарь, хронология, прикаспийская культура, присваивающее хозяйство.

Цитирование. Гречкина Т. Ю., Выборнов А. А. Новая неолитическая стоянка Приозерная в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 6–22. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.1

Введение. Сложно представить разработку вопросов появления гончарного производства и скотоводства в Восточной Европе без материалов Нижнего Поволжья. По данным специалистов, культуры позднего каменного века указанного региона оказали большое влияние на развитие населения в сопредельных территориях [2, с. 46–50; 13, с. 286–288; 18, с. 151–162]. Поэтому изучение неолита интересуемого района имеет большую актуальность.

Начало систематическому исследованию стоянок с каменным инвентарем было положено А.Н. Мелентьевым. Им были выделены две культуры: сероглазовская, отнесенная к мезолиту – раннему неолиту [14, с. 113–115], и прикаспийская позднего этапа [15]. Узким местом данной гипотезы была источниковая база: почти все памятники не содержали гомогенных культурных слоев. Дальнейшие изыскания позволили качественно изменить фактологическую основу. Раскопки стоянок Тентексор [3, с. 7–25] и Каиршак III [4, с. 19–44] дали основание выделить два этапа в развитии неолитических древностей, а к сероглазовской культуре отнесены материалы

только мезолита [3, с. 24–25]. Для ранней (каиршакской) фазы материалы накапливались [9, с. 142–151], что позволяло специалистам разрабатывать как вопросы появления древнейшей керамики [7], так и хронологии [5, с. 154–155]. Что касается позднего этапа неолита, то с 1980-х гг. XX в. новые стоянки обнаружены не были. Это тормозило разработку ряда важнейших аспектов. Если одни исследователи объединяли каиршакские и тентексорские древности в одну культуру [11, с. 16], то другие предполагали их отнесение к разным [12, с. 129–131]. Аргументом в пользу последней версии был и значительный хронологический разрыв между Каиршаком III и Тентексором. В предлагаемой работе авторы придерживаются первой точки зрения, но учитывают своеобразие тентексорских материалов на уровне типа. Не менее сложным оказался вопрос о появлении производящего хозяйства в Нижнем Поволжье. Высказывалась гипотеза о его наличии уже в позднем неолите [13, с. 233–235; 17, с. 100–112], что ставилось под сомнение [6, с. 9–10; 8, с. 364–365]. Все это требовало пополнения новыми источниками. Таковым и стала, после почти 40-летнего перерыва, стоянка Приозерная в южной части Нижнего Поволжья. Поэтому ее материалы обладают значительной научной новизной. Целью данной статьи является не только введение в научный оборот нового качественного источника, но и культурно-хронологическая атрибуция его материалов.

Методы и материалы. Поздненеолитическая стоянка Приозерная была выявлена в Рын-песках – полупустынной зоне Красноярского района Астраханской области при обследовании бархана Приозерный, расположенного в 15 км на север от стоянки Байбек, в 19 км на север от реки Кигач и в 20,5 км на ССЗ от поселка Байбек. Общая площадь разброса археологического материала составляла около 100 кв. м. На поверхности памятника, кроме отдельных черепков и каменных артефактов, было собрано большое количество небольших обломков костей животных, среди которых встречались кальцинированные и мелкие позвонки рыб. В некоторых квадратах в центральной части зафиксированы очень мелкие (2–3 мм в поперечнике) комочки охры. Снятие барханного песка с единичными фрагментами керамики и обломками костей животных позволило планиграфически установить площадь культурного слоя. Сохранившийся in situ участок был распространен на 16 кв. м (рис. 1). Протяженность пятна культурного слоя в верхней части с юга на север составляла около 4 м. Именно здесь фиксировалась наибольшая концентрация находок (рис. 2). Профиль исследованного культурного слоя, содержащего многочисленные артефакты, нашел отражение в северном фасе бровки (рис. 3). Его протяженность с востока на запад до 3,2 м, а мощность до 0,5 м (рис. 3). Значительная заглубленность культурного слоя в материк и плотная локализация артефактов дает возможность предполагать, что исследованная часть культурного слоя могла быть нижней частью остатков заглубленного жилища. В связи с сыпучестью грунта и невозможностью оставлять находки на останцах, для полупустынной песчаной зоны Астраханского края была выбрана и успешно используется методика расчистки культурного слоя условными пластами от 3 до 5 см с просевом и фиксацией артефактов. При исследовании стоянки Приозерная насчитывается 8 таких условных пластов. Эта методика позволила проследить следующее. В пределах пятна культурного слоя практически на каждом квадрате было зафиксировано керамическое, зубное и костяное крошево (размеры обломков не превышают 1–1,5 см в поперечнике), в том числе кальцинированных костей. В большинстве квадратов обнаружены фрагменты керамики как с орнаментом, так и без него, кости животных. Довольно часто на костях имеются бессистемные насечки, по всей видимости оставшиеся от использования кремневых ножей для разделки мяса. Крупные фрагменты развала нескольких лепных сосудов и костей животных были зафиксированы на 2-м условном пласте при разборе пятна культурного слоя, который наряду с 3-м условном пластом содержал самое большое количество находок. По мере заглубления в слой количество находок уменьшалось.

Весь археологический материал, как показали исследования пятна культурного слоя, происходит из одного участка площадью около 16 кв. м и мощностью около 50–60 см. Если кремневые изделия, костяные орудия, кости

животных можно отнести к тому или другому условному пласту, по которым разбирался культурный слой, то лепные сосуды и их отдельные части зачастую собраны из фрагментов, происходящих из разных пластов. Это еще раз подтверждает относительную одновременность образования самого культурного слоя. В связи с этим керамика стоянки Приозерная описывается как единый комплекс и не разносится по условным пластам.

При исследовании культурного слоя было зафиксировано 285 фрагментов керамики с орнаментом и без него, различных размеров – от 2 см в поперечнике до отдельных частей сосудов. Причем большая часть фрагментов была выявлена в верхних условных пластах (пласт 1 – 136 фрагментов, пласт 2 – 50 фрагментов) и при разборе бровки восток – запад – 45 фрагментов. В условных пластах 5, 6, 7 фрагменты керамики были единичными – 4, 2, 3 фрагмента соответственно.

Судя по технико-технологическому анализу, проведенному И.Н. Васильевой, керамика изготовлена из озерного ила с естественной примесью раковин пресноводных моллюсков и водной растительности.

Типологически выделено 9 сосудов открытой формы (рис. 4; 5, *2*; 6, *2–3*;), зачастую профилированной (рис. 5, *1*; 6, *1*; 7; 8, *1*). Посуда плоскодонная (рис. 4). Срезы венчиков округлые (рис. 4; 5, *1*; 7, *1*; 8, *1*) и плоские (рис. 5, *2*; 6). На некоторых из них (рис. 4; 5, *2*; 7) или на внутренней стороне (рис. 6) имеются насечки. Орнамент расположен преимущественно в верхней части сосудов, хотя доходит и до средней (рис. 6, *1*; 7; 8, *1*). Узор наносился глубоко в поверхность техникой крупной отступающей палочки, преимущественно подквадратной формы (рис. 5, *1*; 6, *1*; 7, *1*). В одном случае представлены прямые прочерки (рис. 5, *2*), разреженные двойные наколы (рис. 4) и разреженные треугольные вдавления (рис. 8, *1*). Композиции состоят из горизонтальных рядов (рис. 4), длинных горизонтальных и коротких линий (рис. 5, *1*; 6, *2*), зигзагообразных (рис. 6, *1*; 7, *1*) и прямоугольных (рис. 7, *1*) фигур, горизонтального зигзага (рис. 6, *1*), вертикальных рядов и зигзага (рис. 7, *2*), сочетания горизонтального зигзага, прочерченных линий и геометрических фигур (рис. 8, *1*). На внутренней или внешней поверхности некоторых сосудов представлен нагар. По данным липидного анализа, проведенного В.И. Платоновым, жиры происходят от животной или растительной пищи. Признаков молочных продуктов не обнаружено.

При исследовании культурного слоя было обнаружено 23 кремневых артефакта. В качестве сырья использовался желвачный кремень серо-бежевых оттенков, а также серо-зеленого и серо-желтого цветов. Из них 2 отщепа с ретушью, 2 осколка и 10 чешуек, микропластинка без ретуши и 9 орудий. Первый скребок на крупном сколе имеет лезвие по всему периметру (рис. 9, *12*). Еще два обломка скребковидных изделий (рис. 9, *3*, *9*) имеют ретушь по продольным граням. Два скобеля имеют выемки на спинке (рис. 9, *6*) или на брюшке (рис. 9, *4*). Третий экземпляр кроме выемок имеет ретушь на брюшке, что не исключает его применение в качестве сверла (рис. 9, *7*). Первое острие имеет небольшой скос (рис. 9, *10*), а второй перфоратор – намечающиеся плечики (рис. 9, *11*). На одной пластине краевая ретушь расположена как на спинке, так и на брюшке (рис. 9, *2*), на второй она только на спинке (рис. 9, *5*), а на третьей просматривается мелкая ретушь утилизации (рис. 9, *1*).

Обнаружено несколько костяных изделий. Учитывая их большую редкость в неолите данного региона и необходимость проведения трасологического анализа для определения их функции, считаем, что их описание требует отдельной работы. В предварительном плане отметим лишь одно изделие (рис. 9, *13*).

По данным археозоологического анализа, проведенного Н.В. Росляковой, на стоянке обнаружено более 5 тысяч костей животных. Значительная их часть от воздействия внешних факторов сильно фрагментирована. В предварительном плане можно констатировать, что преобладают следующие виды животных: сайгак, кулан, тур и лошадь. Единичны благородный олень, лисица, волк и корсак.

Для установления хронологических рамок памятника в радиоуглеродной лаборатории РГГУ (г. Санкт-Петербург) М.А. Кульковой были получены две даты. Первая сделана по органике в керамике: 6662 ± 120 BP (5794–5371 BC) (SPb_3110), а вторая по кос-

тям животных: 6699 ± 80 BP (5727–5488 BC) (SPb_3111). Они практически совпали, что еще раз подтверждает работоспособность методики датирования керамики [10].

Результаты. Планиграфический и стратиграфический анализы распространения культурного слоя и артефактов позволяют предполагать на стоянке наличие остатков жилищного сооружения. Его конфигурация и размеры не противоречат аналогичным постройкам на стоянке Тентексор: подчетырехугольной или подокруглой формы размерами 4 × 3; 5 × 5; 4 × 4,4; 3,5 × 3,2 м [3, с. 8–10]. Отсутствие очага, столбовых конструкций и незначительная углубленность в материк свидетельствуют против его отнесения к зимнему периоду. Его недолговременный характер подтверждается и незначительным количеством сосудов. Как площадь сооружения, так и число артефактов наводят на мысль о малом числе его обитателей.

Технология изготовления и типология керамики аналогичны посуде тентексорского типа позднего неолита интересуемой территории. Примечательно совпадение ряда орнаментальных композиций [3, с. 12, рис. 3, *4*, с. 13, рис. 4, *1*, *4*]. Различия узоров могут трактоваться как территориальной удаленностью памятников друг от друга, так и их разновременностью.

Каменный инвентарь как по сырью, так и технико-типологическим признакам сходен с комплексами тентексорского типа. Немногочисленность орудийного набора также присуща даже более крупному памятнику Тентексор. В то же время в отличие от последнего на Приозерной не найдены первичные и вторичные отщепы, продольные и поперечные сколы, а также ребристые пластины. Это дает основание предполагать, что первичное раскалывание на месте не проводилось и заготовки с орудиями были принесены на памятник. Следует обратить внимание на аналогичность скребков кругового типа [3, рис. 11, *1*, *9*, *11*]. Интересно отсутствие наконечников стрел, которые есть на Тентексоре. Нет и трапеций со струганной спинкой, которые присущи именно позднему неолиту [11, с. 12]. Возможно, это еще раз подтверждает кратковременность бытования памятника.

Костяные артефакты придают своеобразие стоянке Приозерная, так как на других (даже на таком крупном, как Тентексор) памятниках этого типа они не обнаружены. Эти изделия значительно расширяют наши представления о материальной культуре позднеолитического населения Северного Прикаспия.

Что касается фаунистических остатков, то их значительное количество не должно вводить в заблуждение: по особям статистика значительно иная. Их небольшое количество еще раз подтверждает относительно временный характер памятника. Приходится констатировать наличие только диких видов животных. Домашней определена лишь собака, которая появляется уже в раннем неолите. Примечательно, что подтверждается появление дикой лошади только в позднем неолите данного региона [8, с. 361]. Предположение о появлении первых признаков скотоводства в этом районе на позднем этапе неолита не нашло своего подтверждения.

Судя по радиоуглеродной дате по костям, стоянка функционировала во второй четверти VI тыс. до н.э. (в калиброванных значениях). Учитывая, что дата по костям стоянки Тентексор 6500 BP, можно констатировать, что Приозерная является более ранней стоянкой. Если она датируется 6700 BP, а комплексы каиршакского типа фиксируются 6800–6900 BP, то хронологический разрыв между ранним и поздним этапами неолита данного региона практически сходит на нет.

Несмотря на то что памятник представляет собой недолговременную стоянку, он является вторым по степени информативности объектом для характеристики позднего неолита Северного Прикаспия. Более того, новые материалы дают возможность для разработки вопроса о происхождении прикаспийской культуры. Исследователи единодушны в том, что одной из ее составных частей является предшествующая неолитическая культура. Но одни полагают, что это орловская степного Поволжья [16, с. 39–45; 19, с. 69–72], а другие специалисты отводят эту роль памятникам тентексорского типа Северного Прикаспия [20, с. 33–35]. На бордюрной зоне керамики Приозерной расположен плавный горизонтальный зигзаг, который имеет вполне определенное

сходство с волнистым мотивом на посуде прикаспийской культуры как в Северном Прикаспии [1, с. 101, табл. 16, *1*], так и в могильнике у с. Съезжее [1, с. 89, табл. 4, *3*, *6*]. Узор из прямоугольников, в том числе заполненных разреженными наколами, находит параллели там же [1, с. 89, табл. 4, 6]. Даже сложные композиции, состоящие из чередующихся прочерченных линий и геометрических фигур, станут характерными на сосудах прикаспийского типа [1, табл. 4, *3*; табл. 16, *1*]. Это дает основание предполагать участие местного неолитического населения в генезисе носителей традиции раннего энеолита Нижнего Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] А.А. Выборнов выполнял работу над статьей в рамках реализации гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00082.

A.A. Vybornov worked on the article as part of the Russian Science Foundation grant, project No. 22-28-00082.

ПРИЛОЖЕНИЕ

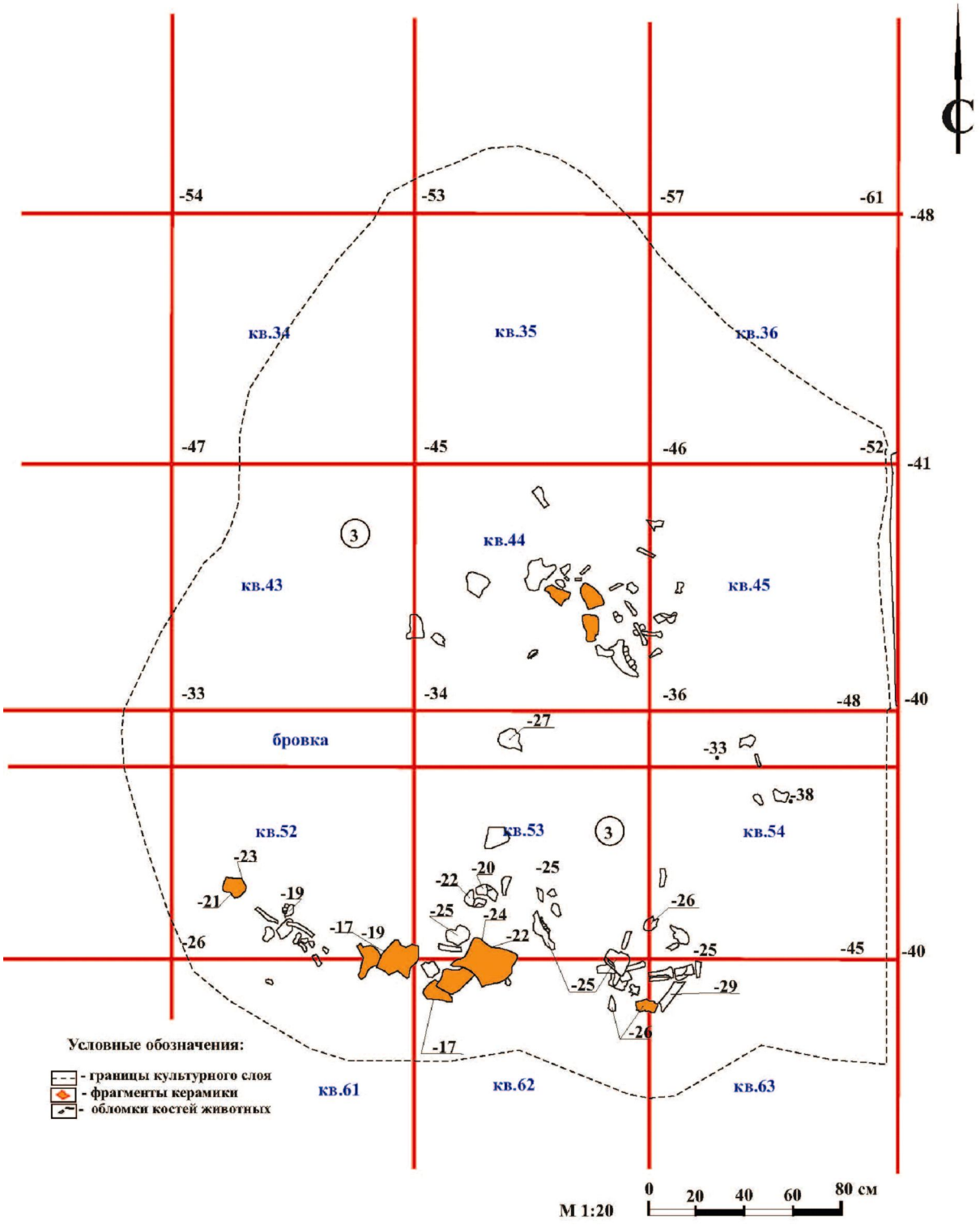

Рис. 1. План жилища

Fig. 1. The dwelling plan

Рис. 2. Находки в жилище
Fig. 2. Finds in the dwelling

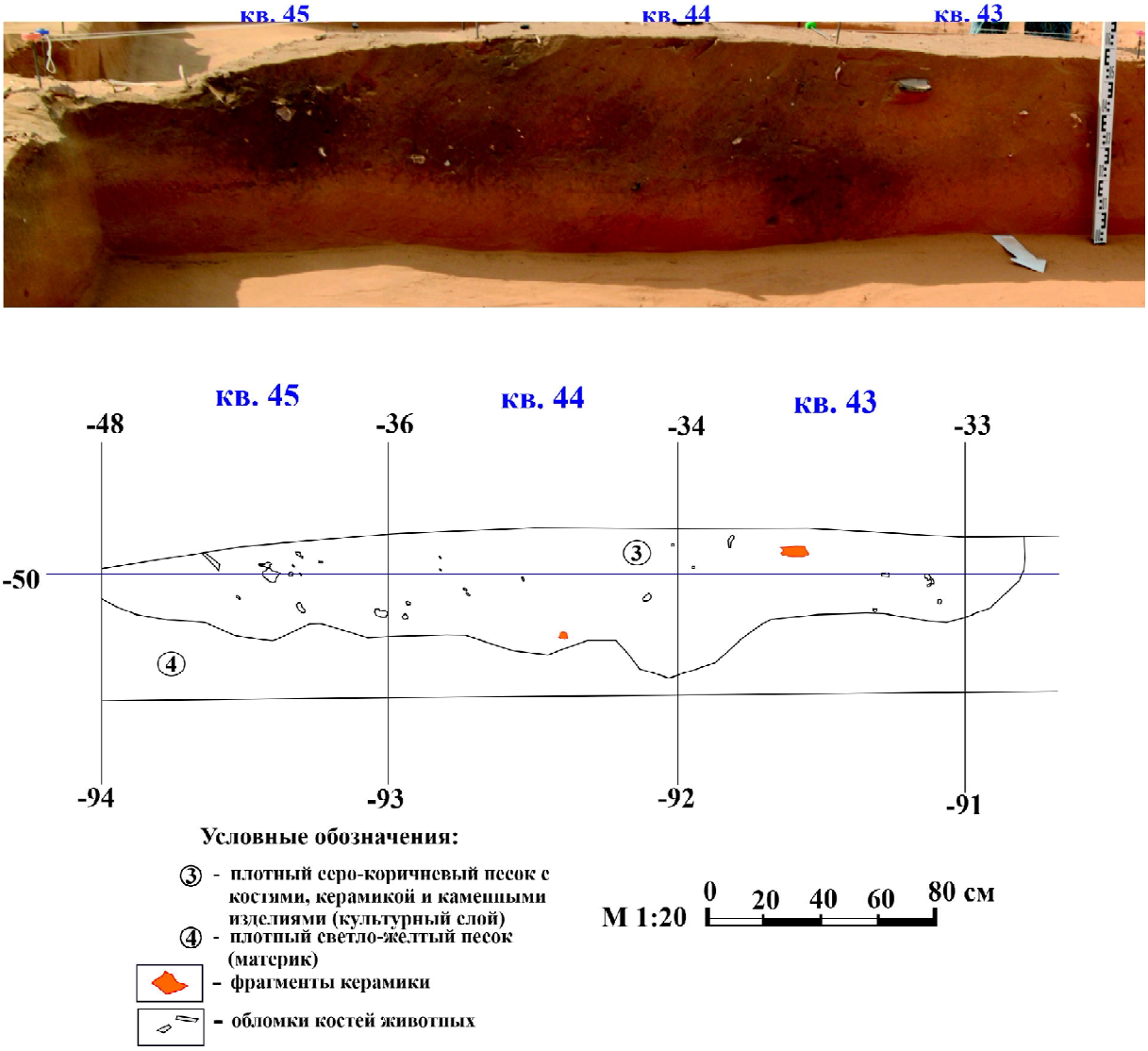

Рис. 3. Профили жилища

Fig. 3. The dwelling profiles

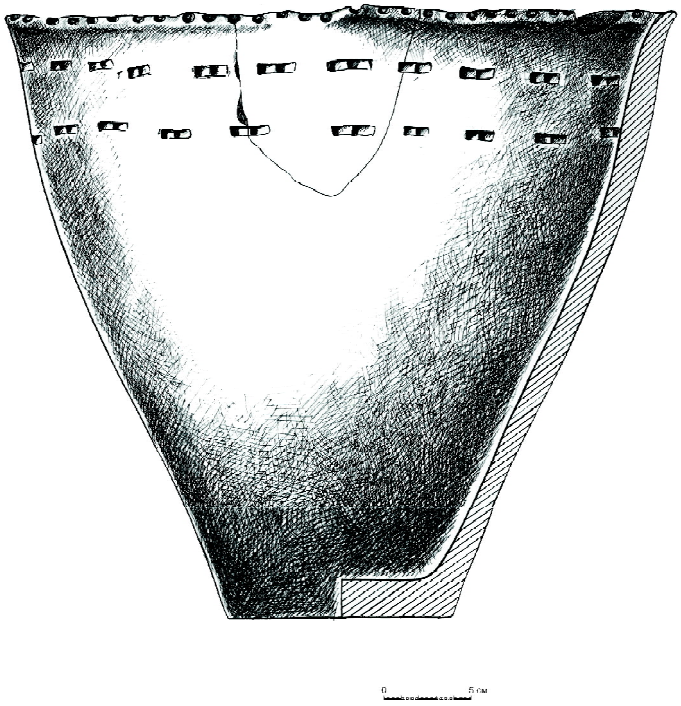

Рис. 4. Керамика из жилища
Fig. 4. Ceramics from the dwelling

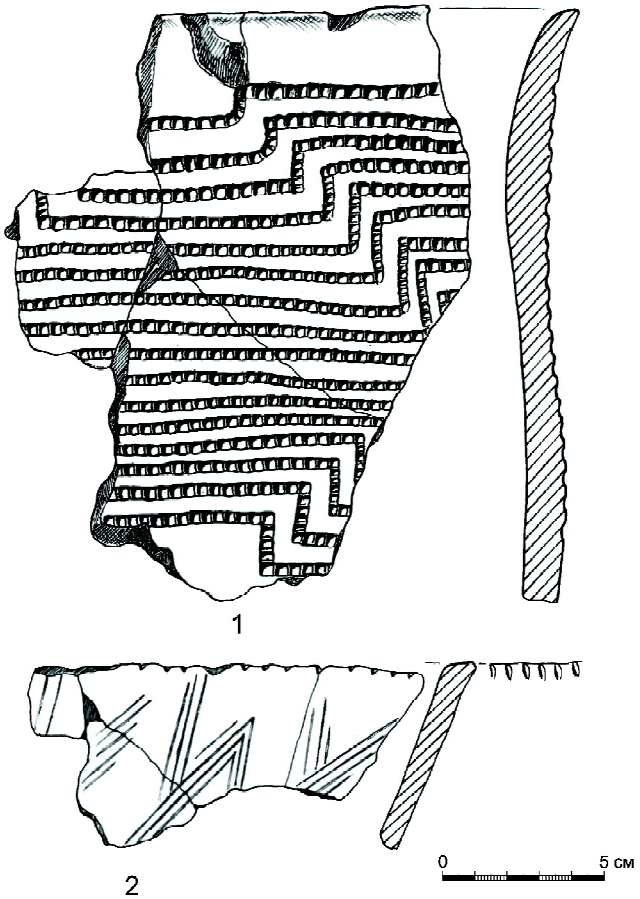

Рис. 5. Керамика из жилища
Fig. 5. Ceramics from the dwelling

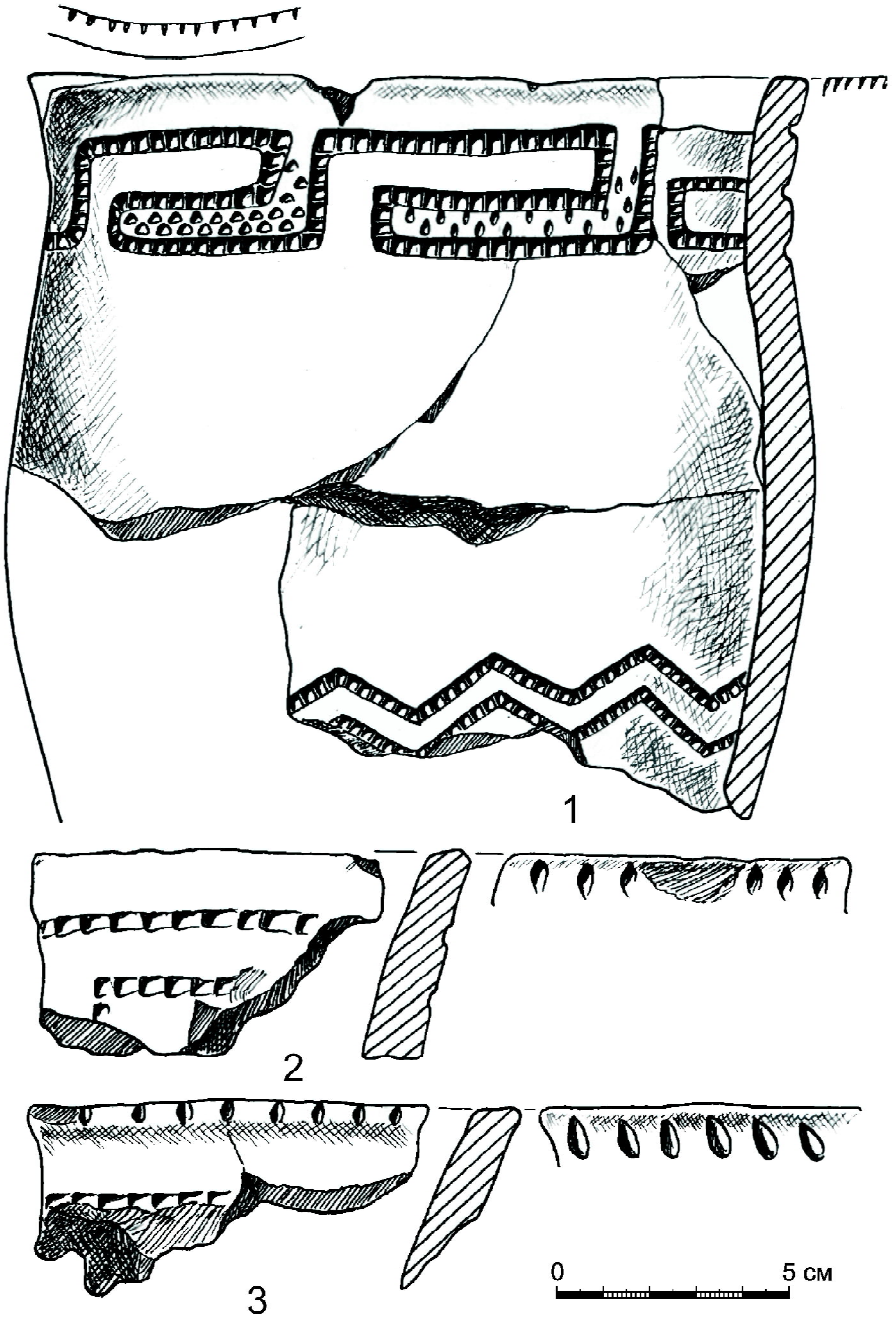

Рис. 6. Керамика из жилища
Fig. 6. Ceramics from the dwelling

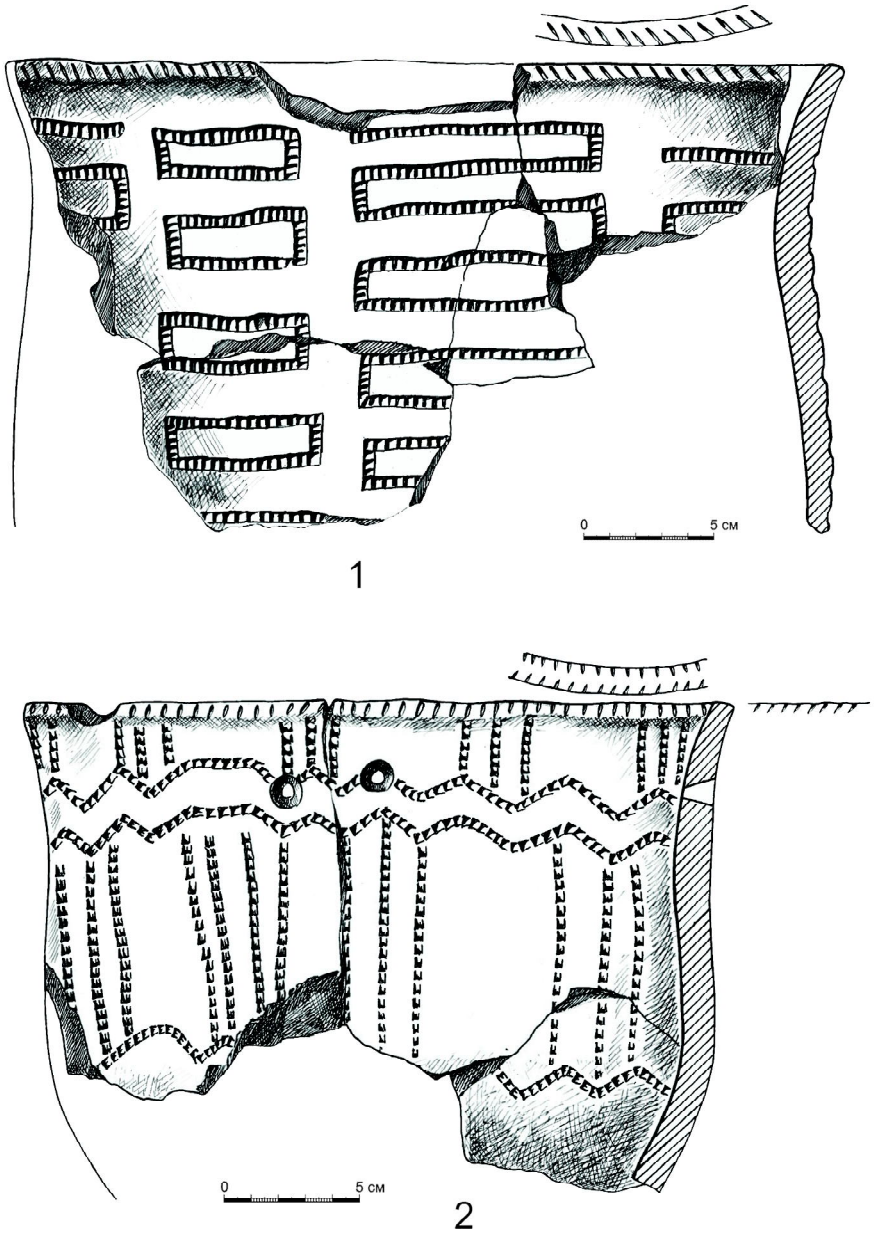

Рис. 7. Керамика из жилища
Fig. 7. Ceramics from the dwelling

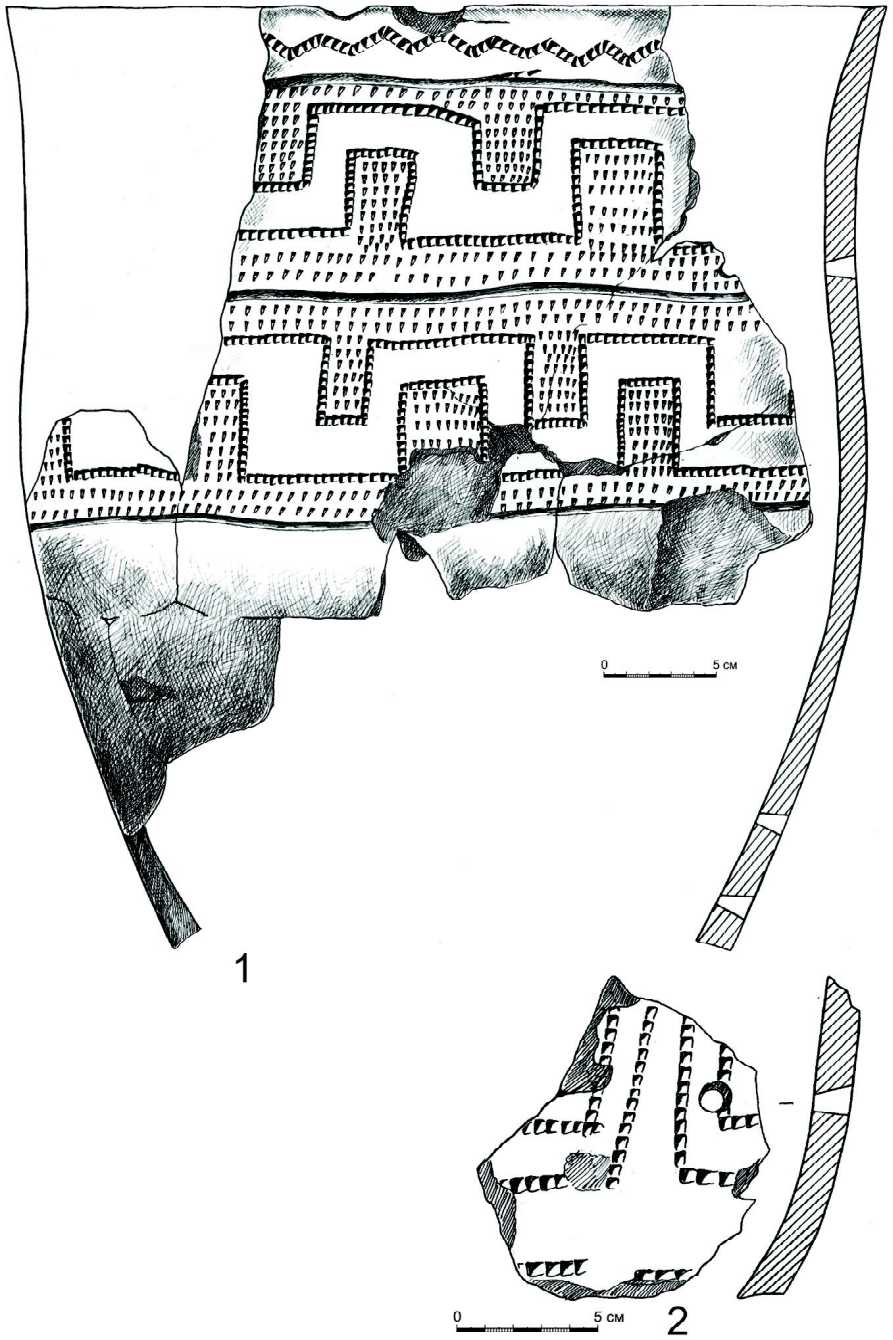

Рис. 8. Керамика из жилища
Fig. 8. Ceramics from the dwelling

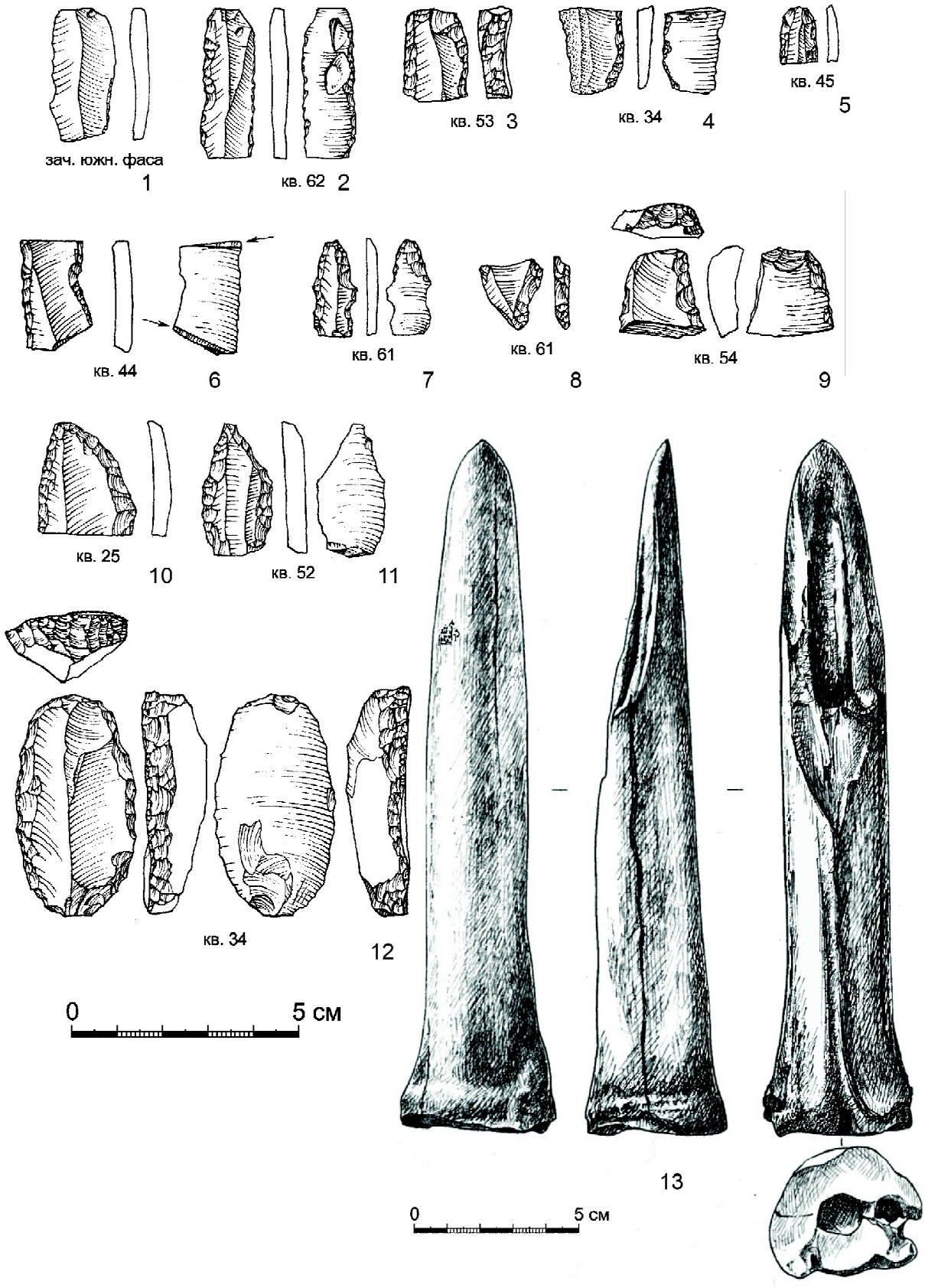

Рис. 9. Каменные (*1–12*) и костяное (*13*) орудия
Fig. 9. Stone (*1–12*) and bone (*13*) tools

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.

2. Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

3. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6–31.

4. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

5. Выборнов А. А., Гречкина Т. Ю., Кулькова М. А., Зайцева Г. И., Посснерт Г. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Известия СНЦ РАН. 2016. Т. 18, № 6. С. 153–156.

6. Выборнов А. А., Ойнонен М., Дога Н. С., Кулькова М. А., Попов А. С. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 6–13. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.1

7. Выборнов А. А. Васильева И. Н., Кулькова М. А., Ойнонен М., Посснерт Г., Нестерова Л. А. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 141–151. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.12

8. Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. 2019. № 2. С. 359–368.

9. Гречкина Т. Ю., Выборнов А. А., Лебедев Ю. С. Жилище ранненеолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 141–154.

10. Зайцева Г. И., Скаковский Е. Д., Посснерт Г., Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат // Труды III Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; В. Новгород: Изд-во ИА РАН, 2011. Т. II. С. 383–385.

11 Козин Е. В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 27 с.

12. Кольцов П. М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 186 с.

13. Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Воскресенье, 2005. 352 с.

14. Мелентьев А. Н. Памятники сероглазовской культуры (Неолит Северного Прикаспия) // КСИА. 1975. Вып. 141. С. 112–117.

15. Мелентьев А. Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 13–14.

16. Моргунова Н. Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

17. Наумов И. Н. О развитии производящего хозяйства в Волго-Донских степях // Записки Российского археологического общества. М., 1992. С. 99–114.

18. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 2004. 200 с.

19. Юдин А. И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Науч. кн., 2012. 212 с.

20. Vybornov A. A., Stavichkiy V. V., Kulkova M. A. On the Origin of the Caspian Culture // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 31–37. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.2

REFERENCES

1. Vasiliev I.B. *Eneolit Povolzhya. Step i lesostep* [Chalcolithic of the Volga Basin. Steppe and Forest-Steppe]. Kujbyshev, KGPI, 1981. 129 p.

2. Vasiliev I.B., Vybornov A.A. *Neolit Povolzhya* [The Neolithic of the Volga Region]. Kujbyshev, KGPI, 1988. 112 p.

3. Vasiliev I.B., Vybornov A.A., Kozin E.V. Pozdneneoliticheskaya stoyanka Tenteksor v Severnom Prikaspii [The Late Neolithic Site of Tenteksor in the Northern Caspian]. Merpert N.Ya, ed. *Drevnie kultury Severnogo Prikaspiya* [Ancient Cultures of the Northern Caspian]. Kujbyshev, KGPI, 1986, pp. 6-31.

4. Vasiliev I.B., Vybornov A.A., Kozin E.V. Issledovanie neoliticheskoj stoyanki Kairshak III [Research of the Neolithic Site Kairshak III]. Merpert N.Ya, ed. *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiya* [Neolithic and Eneolithic in the Northern Caspian]. Kujbyshev, KGPI, 1989, pp. 18-45.

5. Vybornov A.A., Grechkina T.Yu., Kulkova M.A., Zajceva G.I., Possnert G. Hronologiya stoyanki Bajbek v Severnom Prikaspii [The Chronology of Baibek Site in Northern Caspian]. *Izvestiya SNC RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 18, no. 6, pp. 153-156.

6. Vybornov A.A., Oinonen M., Doga N.S., Kulkova M.A., Popov A.S. O hronologicheskom aspekte

proishogdenija proizvodjashego hozjaystva v Nizhnem Povolzhje [On the Chronological Aspect of Productive Economy Origin in the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.* Serija 4. *Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 3, pp. 6-13. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.1

7. Vybornov A.A., Vasilieva I.N., Kulkova M.A., Ojnonen M., Possnert G., Nesterova L.A. O drevnejshih keramicheskih tradiciyah naseleniya Severnogo Prikaspiya [About Ancient Ceramic Traditions of the Population of the Northern Caspian Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 141-151. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.12

8. Vybornov A.A., Kosincev P.A., Kulkova M.A., Doga N.S., Platonov V.I. Vremya poyavleniya proizvodyashchego hozyajstva v Nizhnem Povolzhye [When Production Economy Appeared in the Lower Volga Region]. *Stratum plus,* 2019, no. 2, pp. 359-368.

9. Grechkina T.Yu., Vybornov A.A., Lebedev Yu.S. Zhilishe ranneneoliticheskoy stoyanki Baybek v Severnom Prikaspii [Dwelling at the Early Neolithic Site Baibek in the North Caspian Sea Region]. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2021, iss. 262, pp. 141-154.

10. Zajceva G.I., Skakovskij E.D., Possnert G., Vybornov A.A., Kovalyuh N.N., Skripkin V.V. Organicheskoe veshchestvo keramiki: priroda, organicheskie komponenty i dostovernost radiouglerodnyh dat [Organic Material of Pottery: Nature, Organic Ingredients and the Accuracy of Radiocarbon Dates]. *Trudy III Vserossijskogo arheologicheskogo syezda* [Proceedings of the 3rd All-Russian Archaeological Congress]. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, Izd-vo IA RAN, 2011, vol. 2, pp. 383-385.

11. Kozin E.V. *Neolit Severnogo Prikaspiya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Neolithic of the Northern Caspian. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk, 2002. 27 p.

12. Koltsov P.M. *Poselenie Dzhangar. Chelovek i ego kultura v neolite Severo-Zapadnogo Prikaspiya* [Dzhangar Site. People and Their Culture in the Neolithic Era of the North-Western Caspian Region]. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2004. 186 p.

13. Koltsov P.M. *Mezolit i neolit Severo-Zapadnogo Prikaspiya* [Mesolithic and Neolithic of the North-Western Caspian]. Moscow, Voskresenye Publ., 2005. 352 p.

14. Melentiev A.N. Pamiatniki seroglazovskoy kultury (Neolit Severnogo Prikaspiya) [Monuments of the Seroglazovskaya Culture (Neolithic of the Northern Caspian Sea)]. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1975, iss. 141, pp. 112-117.

15. Melentiev A. N. Pamyatniki neolita Severnogo Prikaspiya (pamyatniki prikaspijskogo tipa) [Neolithic Settlements of the Northern Caspian Sea Region (Settlements of the Caspian Type)]. Merpert N.Ya, ed. *Problemy arheologii Povolzhya i Priuralya* [Problems of Archeology of the Volga Region and Cis-Urals]. Kujbyshev, KGPI, 1976, pp. 13-14.

16. Morgunova N.L. *Eneolit Volzhsko-Uralskogo mezhdurechya* [Eneolithic of the Volga-Ural Interfluve]. Orenburg, OGPU, 2011. 220 p.

17. Naumov I.N. O razvitii proizvodyashego hozyaystva v Volgo-Donskih stepyah [About Development of Domestication in the Volga-Don Steppe Regions]. *Zapiski Rossiyskogo archeologicheskogo obshestva* [Notes of the Russian Archaeological Society]. Moscow, 1992, pp. 99-114.

18. Yudin A.I. *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzhya* [Varfolomeyevskaya Site and the Neolithic of the Steppe Povolzhye]. Saratov, Izd-vo SGU, 2004. 200 p.

19. Yudin A.I. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzhya* [The Settlement of Kumyska and the Eneolithic of the Steppe Volga Region]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2012. 212 p.

20. Vybornov A.A., Stavichkiy V.V., Kulkova M.A. On the Origin of the Caspian Culture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 31-37. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.2

Information About the Authors

Tatiana Yu. Grechkina, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archaeology, Nasledie Scientific and Production Institution, Krasnaya naberezhnaya St, 24, 414000 Astrakhan, Russian Federation, grechkina54@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-9016-6676

Alexandr A. Vybornov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, vibornov_kin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3893-2933

Информация об авторах

Татьяна Юрьевна Гречкина, кандидат исторических наук, начальник отдела археологии, Научно-производственное учреждение «Наследие», ул. Красная набережная, 24, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, grechkina54@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-9016-6676

Александр Алексеевич Выборнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, vibornov_kin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3893-2933

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.2

UDC 903'1
LBC 63.400

Submitted: 25.04.2023
Accepted: 14.07.2023

THE PROBLEM OF FORMING A SAMPLE FOR BIOARCHAEOLOGICAL RESEARCH (BASED ON THE RESULTS OF THE STUDY OF PALEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The problem of studying the ethnogenesis and ethnic history of ancient and medieval peoples appeared immediately after the formation of archaeology as a science. At first, archaeologists tried to identify the bearers of archaeological cultures with specific ethnic groups, and then they began to determine cultural-historical communities and color them ethnically. In the anthropological context, cultural-historical communities exist in the form of paleopopulations or samples. The question of the relationship between the materials of the monument and the sample is legitimate since often the archaeological and anthropological contexts do not coincide. *Methods and materials.* The work is based on a comparison of data from an anthropological sample (paleopopulation) and cultural and chronological definitions of archaeological complexes from where the material originated. For this, both the results of studies published by the author and new data, which were studied by the methods of simple and multivariate statistics, were used. *Analysis and discussion.* Comparative analysis of the Sauromat-Sarmatian materials shows that the series of previous and subsequent cultures often show great similarity, which can be explained not only by the continuity of the population but also by the fact that the chronological groups are members of the same paleopopulation. In addition, there are a number of complexes of the transitional period that are culturally defined by different archaeologists in different ways. Another aspect, which is considered in the article, is connected with the materials of the same burial ground or even a mound-cemetery of the Middle and Late Bronze Age. With the relative synchronism of the burials, a different cultural interpretation (variant, culture) is given, which leads to significant difficulties in the study of anthropological materials, the results of which also allow us to assume that all individuals belong to the same population. *Conclusions.* The problem associated with the procedure of sampling for bioarchaeological research has a long history, and it needs to be solved in the context of the archaeological source being studied. It is necessary to constantly compare the monument data with the results of the sample study, rethink, revise, and test them, and determine how reliable they are and whether they fall into the confidence interval.

Key words: Lower Volga region, Bronze Age, archaeological cultures, Sauromat-Sarmatian time, paleopopulation, craniology, ethnic group, cultural-historical community.

Citation. Balabanova M.A. The Problem of Forming a Sample for Bioarchaeological Research (Based on the Results of the Study of Paleoanthropological Materials of the Lower Volga Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 23-37. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.2

© Балабанова М.А., 2023

УДК 903’1
ББК 63.400

Дата поступления статьи: 25.04.2023
Дата принятия статьи: 14.07.2023

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРКИ ДЛЯ БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Заявленная тема непосредственно связана с проблемой изучения этногенеза и этнической истории древних и средневековых народов, которая появилась сразу же после становления археологии как науки. Сначала археологи пытались идентифицировать носителей археологических культур с конкретными этносами, а затем стали выделять культурно-исторические общности и этнически их окрашивать. В антропологическом контексте культурно-исторические общности существуют в виде палеопопуляций или выборок. Вопрос о соотношении материалов памятника и выборки является правомерным, так как зачастую археологический и антропологический контексты не совпадают. *Материал и методика.* Работа основана на сравнении данных антропологической выборки (палеопопуляции) и культурно-хронологических определений археологических комплексов, откуда происходит материал. Для этого были использованы как результаты опубликованных автором исследований, так и новые данные, которые изучались методами простой и многомерной статистики. *Анализ и обсуждение.* Сравнительный анализ савромато-сарматских материалов показывает, что серии предшествующей и последующей культур часто демонстрируют большое сходство, которое можно объяснять не только преемственностью населения, но и тем, что хронологические группы являются членами одной палеопопуляции. Кроме того, встречается целый ряд комплексов переходного периода, которые разные археологи по-разному культурно определяют. Другой аспект, который рассматривается в статье, связан с материалами одного и того же могильника или даже кургана-кладбища эпохи средней и поздней бронзы. При относительной синхронности погребений дается разная культурная интерпретация (вариант, культура), что приводит к значительным затруднениям при изучении антропологических материалов, результаты которого также позволяют предположить принадлежность всех индивидов к одной популяции. *Выводы.* Проблема, связанная с процедурой формирования выборки для биоархеологического исследования, имеет многолетнюю историю, и решать ее следует в контексте изучаемого археологического источника. Необходимо постоянно сопоставлять данные памятника с результатами исследования выборки, переосмысливать и пересматривать их, тестировать и определять, насколько они надежны и попадают ли они в доверительный интервал.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, эпоха бронзы, археологические культуры, савромато-сарматское время, палеопопуляция, краниология, этнос, культурно-историческая общность.

Цитирование. Балабанова М. А. Проблема формирования выборки для биоархеологического исследования (по результатам изучения палеоантропологических материалов эпохи Нижнего Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 23–37. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.2

Введение. Одной из актуальных задач современных археологических исследований остается изучение культур древнего и средневекового населения в той мере, в которой она отразилась в памятниках. Сразу после становления археологии как науки сложилось представление, что каждой культуре должен соответствовать определенный древний этнос. Этническую окраску ученые находили в вещевом комплексе и в элементах погребального обряда. В процессе решения проблемы археологи сначала пытались идентифицировать культуры с этносами, известными по письменным источникам, а впоследствии на основе группировки археологических памятников пытались выделять конкретную культурно-историческую общность (далее – КИО): катакомбная КИО, срубная КИО и др. [3; 14;

15; 17; 20; 22; 25; 30]. В связи с этим как у авторов, так и у их оппонентов не вызывало сомнения существование и разнообразие культурных общностей, между которыми можно провести границы. При этом у каждого археолога была своя точка зрения на соотношение археологической культуры и этнической общности.

С появлением междисциплинарного сотрудничества в археологии в конце XX – начале XXI в. подходы и принципы исследований менялись, но дискуссии не прекращались. Об этом свидетельствует широкая тематика, разрабатываемая различными научными центрами [13; 22–24; 34]. В качестве примера можно привести часть вопросов, которые обсуждались в 2012 г. на круглом столе, проведенном в рамках V региональной (с международным участием) научно-практической конференции в г. Челябинске [38]:

1) реальность выделения социумов на основе археологических данных [26];

2) проблема изучения этногенеза с междисциплинарным подходом [39];

3) этничность в археологии и какова ее реальность [37].

Поднятые выше вопросы имеют непосредственное отношение к антропологии древних и средневековых популяций, так как этнические общности археологических культур представлены в виде антропологических выборок / палеопопуляций. В процессе их анализа решаются проблемы определения морфологического типа и состава, этногенеза и этнической истории. Особую роль антропологических исследований в этногенетических реконструкциях сложно переоценить [1; 39]. В соответствии с этим от принципов комплектации материала будет зависеть адекватный результат исследования, поэтому вопрос о соотношении понятий «археологический памятник» (культура) / «антропологическая выборка» (палеопопуляция) приобретает свою актуальность.

Материал и методика. Для демонстрации сложности вышеобозначенной проблемы использовались как результаты изучения краниологических серий различных культур от эпохи бронзы до раннего железного века, полученные при раскопках (в основном могильников Нижнего Поволжья) и насчитывающие более 1 500 черепов, так и вновь вводимые автором статьи данные. При компоновке серий совместно с археологами была тщательно проверена культурно-хронологическая принадлежность погребений, откуда происходил материал, включая опубликованный в 50–70-х гг. XX столетия. Большая часть этого материала, особенно многочисленные серии савромато-сарматского времени (VI в. до н. э. – IV в. н. э.), была опубликована в разное время мною [4; 6; 7]. В этих работах содержится информация о результатах исследований внутригрупповой и межгрупповой изменчивости серий, сформированных по различному принципу: серии суммарные и локальные по культурам; серии, полученные из отдельно взятых могильников; группы, сформированные по погребальному обряду и хронологическим периодам внутри культуры и т. д. Кроме того, имеются данные, которые позволяют строить исторические реконструкции этногенетического характера.

Ввиду того что этногенетический аспект антропологического исследования основан на изучении групп по краниологической программе, сам процесс основан на использовании традиционной, общепринятой в отечественной науке методике, которая включает в себя систему признаков и их производные с высоким таксономическим весом [2]. Цифровой материал выборок различного уровня группирования обрабатывался компьютерными программами одномерной и многомерной статистики.

Статистически значимый уровень различия или сходства между хронологическими и культурными группами осуществлялся по t-критерию Стьюдента и каноническим методом с последующей обработкой расстояний близости по Махаланобису кластерным анализом и методом многомерного неметрического шкалирования. Теоретические подходы при анализе внутригрупповой и межгрупповой изменчивости антропологических материалов были взяты из работы В.Е. Дерябина [16].

Анализ и обсуждение (размышления по поводу). При формировании антропологической выборки в процессе работы с объектами исследования каждому антропологу приходится решать ряд задач, которые зачастую не зависят от него. Обозначим лишь те, которые касаются тематики данной статьи.

1. Проблема хронологических рамок, в которых существовал тот или иной могильник / культура. Эти данные предоставляют археологи, и они не всегда корректны с позиций археологического критерия определения «палеопопуляции» [1, с. 115].

2. Неоднозначность культурных определений разными археологами одних и тех же комплексов.

3. Наличие памятников, сочетающих признаки предшествующей и последующей культур и др.

Со всем этим мне не раз приходилось сталкиваться в процессе антропологических исследований савромато-сарматских популяций. Прежде всего следует обратить внимание на размытость хронологических рамок той или иной археологической культуры, когда нижняя дата одной культуры совпадает с верхней датой другой, а часть комплексов этого времени сочетает признаки обеих культур. Такую позицию археологи объясняют преемственностью населением предшествующей и последующей культурно-хронологических групп. В этом контексте уместно вспомнить К.Ф. Смирнова и других археологов, которые отмечали наличие в курганах-кладбищах, являющихся признаком раннесарматской (прохоровской) культуры, погребений савроматской культуры. Эту ситуацию К.Ф. Смирнов объяснял фактом «живой памяти ранних прохоровцев о своих савроматских предках» [32, с. 157].

Другое объяснение данной ситуации – наличие единой савромато-прохоровской культуры с хронологическими рамками VI–III вв. до н. э. – дают Б.Ф. Железчиков и А.Х. Пшеничнюк [19]. Эту концепцию в последнее время разрабатывает и А.Д. Таиров [33] с поправкой временного диапазона на VI–II вв. до н. э.

Последние результаты археологических изысканий подкрепляются проведенными межгрупповыми сопоставлениями суммарных антропологических серий ранних кочевников савроматского (VI–IV вв. до н. э.) и раннесарматского времени (IV–III вв. до н. э.) [1, с. 58; 6, с. 40, 41]. Во-первых, наблюдается морфологическое сходство трех восточных групп (VI–III вв. до н. э.) (Западный Казахстан, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье) между собой и отличие их от более западной из Нижнего Дона. Во-вторых, результаты сравнения населения савроматского и раннепрохоровского времени (VI–IV вв. до н. э. и IV–III вв. до н. э.) отдельно из могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья свидетельствуют как об идентичности морфологических типов, так и о том, что они составляют один и тот же племенной союз (популяцию), причем каждый из этих типов обитал на конкретной территории на протяжении нескольких веков, сохраняя свой генофонд, но при этом изменяя культуру.

Особое значение приобретает в хронологии этих культур IV в. до н. э. – дата, завершающая савроматскую и начинающая раннесарматскую культуру. В комплексах этого времени встречаются погребения, демонстрирующие наличие признаков обеих культур, что затрудняет процедуру оформления краниологических серий. От субъективных причин зависит, в какую культурно-хронологическую группу попадет материал из этих комплексов: в более раннюю (савроматскую, VI–IV вв. до н. э.) или в позднюю (раннесарматскую, IV–III вв. до н. э.). Как показали результаты сравнения антропологических материалов, существенные различия между ними не прослеживаются.

При обсуждении данных результатов антропологического исследования возникает проблема их интерпретации. С одной стороны, морфологическое сходство, которое может быть связано с генетическим родством ранних кочевников VI–III вв. до н. э. с различных территорий (Западный Казахстан, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье), а с другой – сходство хронологических групп между собой. Резкую границу невозможно выстроить, как показывают примеры из нашей современной жизни. Одни и те же люди, родившиеся в советское время, являются носителями трех, а то и более культур: советской, перестроечной и современной.

В-третьих, отмечается еще один факт – это большее сходство материалов из могильников Западного Казахстана и Южного Приуралья, которое можно объяснить как общими маршрутами перекочевок и связанными с ними этническими процессами в виде перегруппировок и интеграции, так и концепцией о

том, что обе группы входили в один племенной союз, а свои могильники формировали вблизи летних или зимних стойбищ [6, с. 47]. В этом случае сложно определить не только хронологические, но и территориальные границы палеопопуляции.

Определенная культурная и морфологическая близость отмечается и при сравнении групп Нижнего Поволжья так называемого раннепрохоровского и позднепрохоровского времени (IV–III и II–I вв. до н. э.). Культурные новации, выделенные в поздней группе, позволяют предположить приток мигрантов, компонент которых прослеживается и на археологическом материале, и в увеличении доли длинноголовых европеоидов в суммарной серии. Данное распределение хронологической изменчивости можно также объяснить как сохранением основного субстратного компонента, так и включением мигрантов в состав поздней группы, которые могли быть носителями новых культурных традиций [6, с. 41; 8, с. 149, 150; 28, с. 26].

Что касается соотношения раннесарматской (II–I вв. до н. э.) и среднесарматской культур (I – первая половина II в. н. э.), отмечается не только различие в наборах признаков, но и сочетание элементов обеих культур в комплексах отдельных могильников, что также вызывает трудности при культурных определениях [31, с. 318; 36, с. 324; 10; 29].

Результаты анализа как суммарных краниологических групп, так и групп из отдельно взятых могильников и даже курганов-кладбищ демонстрируют аналогичные тенденции. О сходстве их уже не раз писалось, в том числе и в последних публикациях [5–7]. Материал этого времени рассмотрен с разных ракурсов. В первую очередь отметим сходство, которое наблюдается между сериями раннесарматской и среднесарматской культур из отдельно взятых могильников Заволжья, Волго-Донского и Маныч-Сальского междуречий (могильники: Калиновка, Бережновка, Первомайский, Перегрузное I, Новый и др. [4, с. 111; 10, с. 153]. Если исходить из археологического критерия, то сходство можно объяснить сохранением в среднесарматское время субстратных раннесарматских черт, антропологический же критерий позволяет считать, что все индивиды из погребений в могильнике являлись членами одной палеопопуляции, тем более что большая часть комплексов датируется в узком хронологическом диапазоне (I в. до н. э. – I в. н. э.).

Еще одним свидетельством вышесказанного являются результаты демографических исследований двух культурно-хронологических групп из курганов-кладбищ. Например, материалы серий раннесарматского и среднесарматского времени могильника Первомайский демонстрируют сходные показатели половозрастной структуры, в отличие от среднесарматских серий из других могильников, которые формировались из материалов индивидуальных насыпей [10, с. 133]. К тому же в могильниках, особенно курганов-кладбищ, где представлены материалы обеих культур, выделяется группа погребений, которую трудно атрибутировать, а сформированные серии оттуда, как из могильников Нижнего Поволжья, так и Нижнего Дона, отличаются от остальной части и тяготеют к тагарско-тесинскому населению Южной Сибири [6, с. 45, 47]. Возможно, данное направление этногенетических связей дает указание на территорию истока волны мигрантов, носителей среднесарматских культурных новаций. Несмотря на специфику этой группы, ее нельзя убрать из общей серии, так как потенциально генетический обмен с другими популяциями не исключается.

Эти идеи нашли отражение в результатах недавно проведенного комплексного археолого-антропологического исследования материалов калиновского могильника, опубликованного В.П. Шиловым еще в 1959 г., с учетом современных археологических разработок [12, с. 9; 17]. В процессе анализа были описаны черты сходства комплексов раннесарматской и среднесарматской культур и морфологических типов населения. Результаты исследования позволили авторам высказать мнение о том, что погребальные комплексы калиновского курганного могильника последних веков до нашей эры и первых веков новой эры оставлены одной и той же популяцией сарматского населения. Изменениям подвергалась только материальная культура.

Что касается проблем соотношения среднесарматской и позднесарматской культур, наблюдается как общая схожесть, особенно на этапе становления позднего культур-

ного комплекса, так и существенные различия. То же самое обнаруживается и при изучении антропологических материалов. Безусловно, можно констатировать факт того, что отдельная часть населения обеих культур характеризуется близкими морфологическими вариантами.

Культурное сходство прежде всего связано с наличием комплексов с диагональным типом захоронения, который является чертой среднесарматской культуры, и обряд этот продолжал практиковаться населением раннего этапа существования позднесарматской культуры. На основе сопоставления краниологических групп двух культур из диагональных комплексов удалось проследить возможные процессы взаимодействия населения [11, с. 56–60]. Первое, на что следует обратить внимание, это присутствие брахикранного компонента в мужском краниотипе «диагональников» среднесарматского и позднесарматского времени, без следов преднамеренной искусственной деформации черепа. Брахикранный компонент «диагональников» позднесарматского времени выбивается из общего контекста, так как все остальные серии, независимо от принципа их оформления, обладают морфологическим типом длинноголовых европеоидов. Данный факт позволяет предположить, что среднесарматское население, практиковавшее диагональный обряд, при формировании позднесарматского населения включается в него как отдельный компонент [11]. Наличие группы «диагональников» позднесарматского времени со следами деформации позволяет предположить восприятие диагонального обряда пришлыми группами длинноголового населения с культурным признаком «искусственно деформированная голова».

По поводу статуса диагональных захоронений авторы также высказали свое видение. Обряд может отражать признак религиозной принадлежности отдельного компонента населения среднесарматского и позднесарматского времени.

Еще один аргумент несоответствия археологической культуры и антропологической выборки демонстрируют материалы могильника Хутор Кузин. Исследования показали, что в серии субстратный раннесарматский пласт, сочетающий тип широкоголовых европеоидов, не обнаруживается, а наблюдается большое сходство выборок среднесарматского и позднесарматского времени [4, с. 117]. Данный результат сопоставления позволяет предполагать, что осевшие на данной территории среднесарматские мигранты постепенно культурно трансформировались без значительных морфологических изменений в позднесарматское общество. С биологической точки зрения это одна популяция, так как хронологический диапазон погребений укладывается максимум в два века.

Ситуация неоднозначного культурного определения разными учеными одних и тех же комплексов имеет место и при изучении материалов эпохи бронзы. Особенно это характерно для погребений катакомбной культурно-исторической общности. При оформлении черепов в серии приходится сталкиваться не только с тем, что археологи дают разную культурную атрибутику одних и тех же комплексов, но и с тем, что в одном могильнике и даже кургане-кладбище выделяют несколько катакомбных культур (вариантов) (табл. 1). В связи с этим приходится дробить материал на группы, а при плохой сохранности черепов сильно сокращать численность выборки, что затрудняет проведение полноценного исследования.

В этой связи можно привести пример материалов могильника эпохи средней бронзы Орешкин I. Сам автор раскопок А.Н. Дьяченко [18, с. 36] пишет о том, что для комплексов катакомбной КИО этого могильника характерно смешение обрядовых черт с проявлением признаков ряда катакомбных культур. В первую очередь автор выделяет комплексы предкавказской и среднедонской культур. В своей работе А.Т. Синюк и Ю.П. Матвеев [27, с. 31, 32] все комплексы могильника Орешкин I помещают в рамки среднедонской культуры. Так же как и автор раскопок, неоднозначно комплексы этого могильника определяют А.В. Кияшко [21] и М.Ю. Федосов [35]. По мнению последних, одну часть погребений могильника Орешкин I следует отнести к среднедонской культуре, а другую – к донецкой. Выше был продемонстрирован лишь один пример, но практически во всех могильниках катакомбной культуры аналогичная ситуация. Иногда в таких могильни-

ках археологи определяют не 2 и не 3 культуры катакомбного круга, а гораздо больше.

Тем не менее сравнительный анализ краниологических серий различных вариантов катакомбных культур дает очень сложную картину этногенетических связей, за небольшим исключением [9, с. 56]. Так, серии среднедонской и восточноманычской культур без деформации в среднем характеризуются одним и тем же типом и отличаются от других, относительно синхронных культур катакомбного круга. Почти все серии со следами деформации имеют похожие сочетания, что, возможно, связано еще и с формообразующим эффектом деформирующей конструкции. Что касается недеформированных серий остальных катакомбных культур, то волго-донской вариант имеет сходство с серией полтавкинской культуры и серией поздних «ямников».

Приведенные результаты исследований основаны на анализе суммарных серий по катакомбным культурам, а изучение серий из отдельно взятых могильников не представляется пока возможным, так как антропологам приходится многократно делить материал по вариантам катакомбных культур, по полу, наличию или отсутствию следов искусственной деформации и т. д. К тому же следует учитывать и плохую сохранность костного материала этого времени.

Анализируя материалы эпохи поздней бронзы, которая в нижневолжских могильниках представлена курганами-кладбищами, содержащими захоронения покровской и срубной культур, приходится отмечать аналогичную вышеописанной ситуацию. Судя по современным археологическим данным, покровская культура предшествовала срубной. При наличии в кургане погребений обеих культур наблюдаются интересные закономерности, связанные с тем, что более поздние погребения срубной культуры не нарушали более ранние, покровской культуры (рис. 1). Очень часто погребения покровской культуры занимают центральное место в кургане-кладбище, а вокруг него концентрируются погребения срубной культуры.

В связи с тем что антропологический материал эпохи бронзы очень плохой сохранности, нет возможности рассмотреть серии из отдельно взятых могильников обеих культур. Сравнение же суммарных выборок покровской и срубной культур по t-критерию Стьюдента дает 16 признаков с достоверно значимыми различиями, которые относятся к абсолютным размерам черепа. При том что антропологический тип один и тот же – тип длинноголовых европеоидов, размеры больше в серии покровской культуры (табл. 2). Результаты исследования внутригрупповой структуры методом главных компонент также демонстрируют эти различия (рис. 2), хотя если исходить из археологической концепции о более ранней дате погребений покровской культуры, то различия можно связать с посмертным отбором, то есть в покровской серии, как более древней, лучше сохраняются массивные черепа.

На данный момент остается неясным хронологическое соотношение этих двух культур, в том числе и основанное на радиоуглеродном датировании. Несмотря на то что имеющиеся даты, полученные из комплексов как ранней, так и поздней культуры, вроде бы свидетельствуют о временном разрыве, практически отсутствуют сведения, полученные из комплексов одного кургана-кладбища, где есть и покровские, и срубные погребения. Решение обозначенной проблемы требует дальнейшего исследования.

Основные выводы. Подводя итоги изложенного выше, необходимо отметить, что поднятая в статье проблема остается дискуссионной и предложить какие-либо рекомендации автор пока не берется.

Антрополог, изучая древние группы населения, должен обязательно принимать во внимание их популяционный и исторический критерий, учитывая не только биологические характеристики, связанные с различными видами изменчивости, но и широкий спектр факторов, определяющих эту изменчивость. Следует также принять во внимание, что и современный человек, и живший в древности и средневековье в течение всей своей жизни мог являться носителем различных культурных традиций и одновременно быть членом одной популяции. Особенно это характеризует время перемен, которое чаще всего приводит к смене культурных парадигм, связанных с общими тенденциями или с какими-либо историческими событиями. Различные миграци-

онные процессы также могут провоцировать культурные новации. К тому же каждый индивид в любой культуре является носителем этнических, социальных, религиозных и других признаков, что тоже может влиять на формирование его культурного комплекса и определенным образом отразиться в погребальном обряде и во временном диапазоне существования вещей, поэтому оказываются размытыми хронологические рамки предшествующей и последующей культур.

Как же поступать антропологам при оформлении выборок, с которыми они работают? Видимо, решение этого вопроса находится в компетенции каждого отдельно взятого исследователя, и он должен исходить из конкретного материала, который изучает. Одно из решений этой проблемы видится в более тщательном изучении не только антропологических материалов отдельно взятых могильников, в которых выделяется несколько культур, особенно если численность позволяет это делать, но и археологического контекста. Дело в том, что культурная специфика передается из поколения в поколение благодаря многим социальным факторам, таким как: условия жизни, социальная среда, в которой воспитывался человек, и т. д., но не по законам биологической наследственности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. **Распределение погребений с чертами катакомбных культур по могильникам Нижнего Поволжья (культурные определения приводятся по А.В. Кияшко и др.)**

Table 1. **Distribution of burials with features of Catacomb cultures in the burial grounds of the Lower Volga region (cultural definitions are given by A.V. Kiyashko et al.)**

Катакомбные культуры	Могильник			
	Старица	Орешкин I	Чограй I	Первомайский
Донецкая	2	1		2
Среднедонская		6		8
Раннедонская		1		
Восточноманычская			7	2
Позднеямная	5	1		4
Раннекатакомбная	2		3	
Северокавказская	1		3	
Волгодонская	4			
Полтавкинская	1			
Криволукская	1			

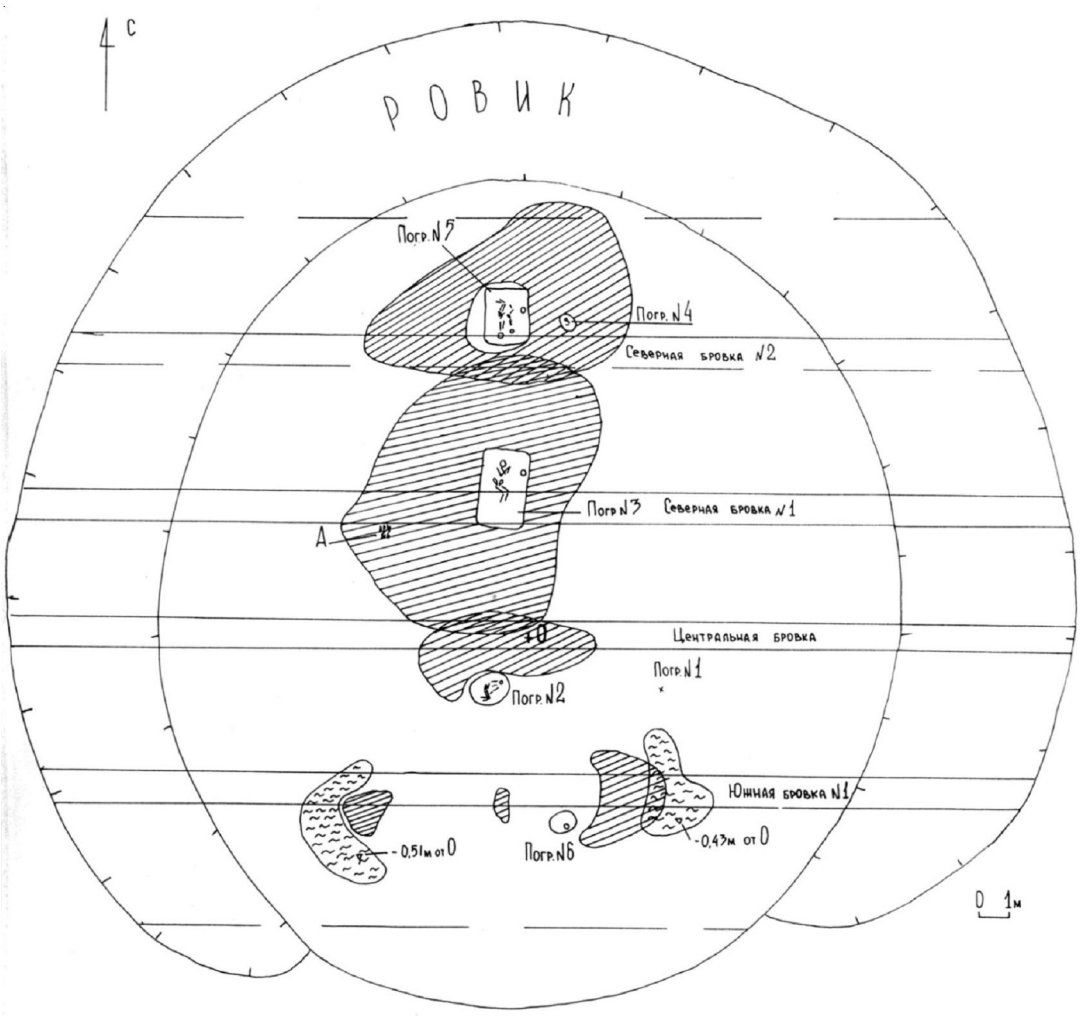

Рис. 1. План кургана 8 могильника Линево: погребение 3 покровской культуры; погребения 1, 2, 4, 6 срубной культуры

Fig. 1. Plan of the burial mound 8 of the Linevo burial ground: burial 3 is of the Pokrov culture; burials 1, 2, 4, 6 are of the Srubnaya culture

Таблица 2. **Средние значения размеров и указателей мужских серий эпохи поздней бронзы**

Table 2. **Average values of sizes and indexes of male series from the Late Bronze Age**

№ по Мартину и др.	Покровская культура	Срубная культура
1. Продольный диаметр	199,1	193
8. Поперечный диаметр	138,0	136,7
8:1. Черепной указатель	69,5	71,1
17. Высотный диаметр (ba-br)	144,2	137,8
ОРВ. Общеростовая величина	282,0	271
М3. Условный трансверсальный объем	2000,0	1777,6
45. Скуловой диаметр	137,6	133,3
48. Верхняя высота лица	75,8	72,6
75-1. Угол выступания носа	38,8	32,7

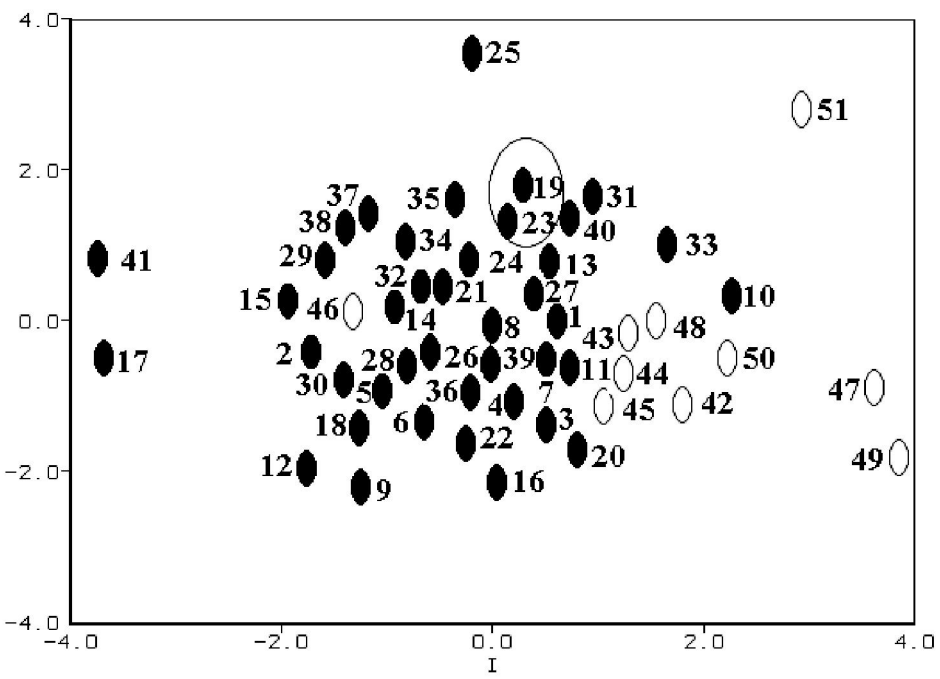

Рис. 2. Результаты внутригруппового анализа методом главных компонент с последующей обработкой матрицы внутригрупповых корреляций мужской серии эпохи бронзы методом неметрического многомерного шкалирования

Примечание: ● – черепа срубной культуры; ○ – черепа покровской культуры

Fig. 2. Results of intragroup analysis by the method of principal components with subsequent processing of the matrix of intragroup correlations of the male series of the Bronze Age by the method of non-metric multidimensional scaling

Note: ● – the skulls of the log culture; ○ – the skulls of the Pokrov culture

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.
2. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
3. Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. 1979. № 6. С. 79–89.
4. Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
5. Балабанова М. А. К вопросу о преемственности населения сарматского времени Восточно-Европейских степей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 2. С. 25–39. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.2
6. Балабанова М. А. Этногенетические связи ранних кочевников VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 37–51. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4
7. Балабанова М. А. Этногенетические связи населения среднесарматского времени восточноевропейских степей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 51–66. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.4
8. Балабанова М. А. Культурные и морфологические характеристики мигрантов сарматского времени Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // Stratum plus. 2020. № 4. С. 147–162.
9. Балабанова М. А. Культурная и морфологическая дифференциация населения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и сопредельных территорий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 51–64. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.3
10. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
11. Балабанова М. А., Кривошеев М. В. Диагональные погребения как маркер преемственности в сарматских культурах в первые века нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 50–75. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.3
12. Балабанова М. А., Скрипкин А. С. О преемственности сарматских культур и населения (по материалам Калиновского курганного могильника) // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 5–26. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.1
13. Белых С. К. Этнос и археологические «этномаркеры» (полемические заметки) // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2013. Вып. 1. С. 100–105.
14. Ганжа А. И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка, 1987. С. 118–158.
15. Генинг В. Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1976. С. 3–35.
16. Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983. 227 с.
17. Добжанский В. Н. Локальный вариант – археологическая культура – культурно-историческая общность. Что дальше? // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 116–122.
18. Дьяченко А. Н. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 4–59.
19. Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов / под ред. А. С. Скрипкина. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. С. 5–8.
20. Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. Л. : Аврора, 1974. С. 105–121.
21. Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 268 с.
22. Клейн Л. С. Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2013. 528 с.
23. Крадин Н. Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 9–19.
24. Крадин Н. Н. Археология, этничность и донациональные государства // Метод. 2010. № 1. С. 176–187.
25. Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии. Самара: ТОР, 1996. 101 с.

26. Мосин В. С. Реальность выделения социумов в археологии каменного века // Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 6–27.

27. Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж: ВГПУ, 2007. 220 с.

28. Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 17–40.

29. Скрипкин А. С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматских культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения / отв. ред. В. М. Клепиков. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. С. 5–36. (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов ; вып. I).

30. Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 213–219.

31. Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Материалы и исследования по археологии. № 60. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 206–322.

32. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

33. Таиров А. Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–II веках до н. э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 54 с.

34. Томилов Н. А. Межотраслевые исследования в научной серии «Этнографоархеологические комплексы: проблемы культуры и социума» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 195–202.

35. Федосов М. Ю. Катакомбные культуры Донецко-Доно-Волжского региона (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 22 с.

36. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии. № 60. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 323–523.

37. Шнирельман В. А. Этничность в археологии – реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 50–74.

38. Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. 136 с.

39. Яблонский Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 34–48.

REFERENCES

1. Alekseev V.P. *Istoricheskaia antropologiia i etnogenez* [Historical Anthropology and Ethnic Genesis]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 448 p.

2. Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry. Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 127 p.

3. Arutyunov S.A., Khazanov A.M. Problema arkheologicheskikh kriteriev etnicheskoy spetsifiki [Issue of Archaeological Criteria of Ethnical Particularity]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1979, no. 6, pp.79-89.

4. Balabanova M.A. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 133 p.

5. Balabanova M.A. K voprosu o preemstvennosti naselenija sarmatskogo vremeni Vostochno-Evropejskih stepej [On the Succession of Sarmatian Population in the East-European Steppes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 2, pp. 25-39. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.2

6. Balabanova M.A. Etnogeneticheskie svyazi rannikh kochevnikov VI–I vv. do n. e. (po materialam mogilnikov Zapadnogo Kazakhstana, Yuzhnogo Priuralya, Nizhnego Povolzhya i Nizhnego Dona) [Ethnogenetic Connections of Early Nomads in the 6th – 1st CC. BC (Based on the Materials of Burial Mounds of Western Kazakhastan, the Southern Cisurals, the Lower Volga Region and the Lower Don Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 3, pp. 37-51. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4

7. Balabanova M.A. Etnogeneticheskie svyazi naseleniya srednesarmatskogo vremeni vostochno-evropeyskikh stepey [Ethnogenetic Relations Between the Population of the Middle Sarmatian Time in the Eastern European Steppes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 51-66. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.4

8. Balabanova M.A. Kulturnye i morfologicheskie harakteristiki migrantov sarmatskogo vremeni

Juzhnogo Priuralja, Nizhnego Povolzhja i Nizhnego Dona [Cultural and Morphological Features of the Migrating Sarmatian Population from the Southern Urals, the Lower Volga and the Lower Don Regions]. *Stratum plus*, 2020, no. 4, pp. 147-162.

9. Balabanova M.A. Kulturnaja i morfologicheskaja differenciacija naselenija epohi srednej bronzy Nizhnego Povolzhja i sopredelnyh territorij [Cultural and Morphological Differentiation of the Population of the Middle Bronze Age in the Lower Volga Region and Adjacent Territories]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 51-64. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.3

10. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. *Polovozrastnaja struktura sarmatskogo naselenija Nizhnego Povolzhja: pogrebalnaja obrjadnost i antropologija* [Sex and Age Structure of the Sarmatian Population of the Lower Volga: Funerary Rite and Physical Anthropology]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VO RANKhiGS, 2015. 272 p.

11. Balabanova M.A., Krivosheev M.V. Diagonalnye pogrebeniya kak marker preemstvennosti v sarmatskih kulturah v pervye veka nashej ery [Diagonal Burials as a Marker of Succession of Sarmatian Cultures in the First Centuries AD]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 50-75. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.3

12. Balabanova M.A., Skripkin A.S. O preemstvennosti sarmatskikh kultur i naseleniya (po materialam Kalinovskogo kurgannogo mogilnika) [On the Succession of Sarmatian Cultures and Population (Based on the Materials of the Kalinovsky Burial Mound)]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 5-26. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.1

13. Belykh S.K. Etnos i arkheologicheskie «etnomarkery» (polemicheskie zametki) [Ethnos and "Ethnic Markers" (Polemic Notes)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. Izhevsk, 2013, iss. 1, pp. 100-105.

14. Ganzha A.I. Etnicheskie rekonstruktsii v sovetskoy arkheologii 40–60 gg. kak istoriko-nauchnaya problema [Ethnic Reconstruction in Soviet Archeology During the 40– 60 Years as a Historical and Scientific Issue]. *Issledovanie sotsialno-istoricheskikh problem v arkheologii* [Research in Socio-Historical Issues on Archaeology]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1987, pp. 118-158.

15. Gening V.F. Problema sootnosheniya arkheologicheskoy kultury i etnosa [Issue on Correlation of Archaeological Culture and Ethnicity]. *Voprosy etnografii Udmurtii* [Issues on Udmurtia Ethnography]. Izhevsk, Udmurt. kn. izd-vo, 1976, pp. 3-35.

16. Deryabin V.E. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov* [Multidimensional Biometrics for Anthropologists]. Moscow, Izd-vo MGU, 1983. 227 p.

17. Dobzhansky V.N. Lokalnyj variant – arheologicheskaja kultura – kulturno-istoricheskaja obshhnost. Chto dalshe? [Local Variant – Archaeological Culture – Cultural and Historical Community. What's Next?] *Arheologija Juzhnoj Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo, KemGU, 1985, pp. 116-122.

18. Djachenko A.N. Pamjatniki katakombnoj kultury na Medvedice [Monuments of Catacomb Culture on the Medveditsa River]. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Nizhnem Povolzhye. Vyp. 2* [Historical and Archaeological Research in the Lower Volga Region. Iss. 2]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997, pp. 4-59.

19. Zhelezchikov B.F., Pshenichnjuk A.H. Plemena Juzhnogo Priuralja v VI–III vv. do n.e. [Tribes of the Southern Urals in the 6th – 3rd Centuries BC]. Skripkin A.S., ed. *Problemy istorii i kultury sarmatov* [Problems of History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1994, pp. 5-8.

20. Zaseckaja I.P. «Diagonalnye» pogrebenija Nizhnego Povolzhja i problema opredelenija ih etnicheskoj prinadlezhnosti ["Diagonal" Burials of the Lower Volga Region and the Problem of Determining Their Ethnicity]. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Vyp. 16* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum. Iss. 16]. Leningrad, Avrora Publ., 1974, pp. 105-121.

21. Kiyashko A.V. *Kulturogenez na vostoke katakombnogo mira* [Cultural Genesis in the East of the Catacomb World]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. 268 p.

22. Kleyn L.S. *Etnogenez i arkheologiya. T. 1: Teoreticheskie issledovaniya* [Etno-Genesis and Archeology. Vol. 1: Theoretical Research]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2013. 528 p.

23. Kradin N.N. Arkheologicheskie kultury i etnicheskie obshchnosti [Archaeological Cultures and Ethnic Communities]. Tishkin A.A., ed. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archeological Research]. Barnaul, Azbuka Publ., 2009, iss. 5, pp. 9-19.

24. Kradin N.N. Arheologija, etnichnost i donacionalnye gosudarstva [Archeology, Ethnicity and Pre-National States]. *Metod* [Method], 2010, no. 1, pp. 176-187.

25. Masson V.M. *Istoricheskie rekonstrukcii v arheologii* [Historical Reconstructions in Archeology]. Samara, TOR Publ., 1996. 101 p.

26. Mosin V.S. Realnost vydelenija sociumov v arheologii kamennogo veka [The Reality of the Allocation of Societies in the Archeology of the Stone Age]. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013, pp. 6-27.

27. Sinjuk A.T., Matveev Ju.P. *Srednedonskaja katakombnaja kultura epohi bronzy (po dannym kurgannyh kompleksov)* [Srednedonskaya Catacomb Culture of the Bronze Age (According to The Kurgan Complexes)]. Voronezh, VGPU, 2007. 220 p.

28. Skripkin A.S. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoj kultury sarmatov [New Aspects in the Study of the History of Material Culture of the Sarmatians]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2000, iss. 3, pp. 17-40.

29. Skripkin A.S. K probleme sootnoshenija ranne- i srednesarmatskih kultur [On the Problem of Correlation of Early and Middle Armenian Cultures]. Klepikov V.M., ed. *Rannesarmatskaja i srednesarmatskaja kultury: problemy sootnoshenija* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Problems of Correlation]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2006, pp. 5-36. (Materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov [Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. 1).

30. Smirnov K.F. O pogrebenijah roksolan [About the Burials of Roksolany]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 1948, no. 1, pp. 213-219.

31. Smirnov K.F. Kurgany u s. Ilovatka i Politotdelskoe Stalingradskoj oblasti [Burial Mounds near the Ilovatka and Politotdelskoe Villages in the Stalingrad Region]. *Materialy i issledovanija po arheologii. № 60* [Materials and Research on Archaeology. No. 60]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 206-322.

32. Smirnov K.F. *Sarmaty na Ileke* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 176 p.

33. Tairov A.D. *Rannie kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–II vekakh do n. e.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Early Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes in the 7th – 2nd CC. BC. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2005. 54 p.

34. Tomilov N.A. Mezhotraslevye issledovanija v nauchnoj serii «Etnografoarheologicheskie kompleksy: problemy kultury i sociuma» [Intersectoral Research in The Scientific Series "Ethnographoarchaeological Complexes: Problems of Culture and Society"]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk University. The Series "Historical Sciences"], 2016, no. 4 (12), pp. 195-202.

35. Fedosov M.Yu. *Katakombnye kultury Donetsko-Dono-Volzhskogo regiona (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Catacomb Cultures of the Donetsk-Don-Volga Region (Based on Materials from Funerary Monuments). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2012. 22 p.

36. Shilov V.P. Kalinovskij kurgannyj mogilnik [Kalinovsky Kurgan Burial Ground]. *Materialy i issledovanija po arheologii. № 60* [Materials and Research on Archaeology. No. 60]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 323-523.

37. Shnirelman V.A. Etnichnost v arheologii – realnost ili fantom? [Ethnicity in Archaeology – Reality or a Phantom?]. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013, pp. 50-74.

38. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013. 136 p.

39. Yablonsky L.T. Problemy koncepcii etnogeneza na sovremennom etape razvitija gumanitarnyh znanij [Problems of the Concept of Ethnogenesis at the Present Stage of the Development of Humanitarian Knowledge]. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013, pp. 34-48.

Information About the Author

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1565-474X

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1565-474X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3

UDC 902.3
LBC 63.4(2)

Submitted: 03.04.2023
Accepted: 26.06.2023

THE PARTIAL DESTRUCTION OF THE SARMATIANS BURIALS OF THE ESAULOVSKY AKSAI (IS IT A ROBBERY OR A RITUAL DESECRATION?)

Valeriy M. Klepikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to the problem of the partial robbery of the high-status Middle Sarmatians burials analyzed in the Esaulovsky Aksai River floodplain. The analysis of the burial complexes near the village named Kovalevka revealed an interesting feature. There was partial destruction of the buried Sarmatians bones, but, at the same time, the parts of the bones and accompanying burial equipment remained undisturbed. Typically, these burials had some status artifacts like bronze cast and forged cauldrons, weapons and horse harness items, and ceramics from the Central Caucasus, Kuban, and Lower Don Valley. *Methods and materials.* The objects of research were not only burials from Kovalevka but also synchronic burial complexes from Zhutovo, Aksai, Peregruznoe, and Oktyabrsky. The research involves using both traditional general scientific methods, including chronological and spatial analysis, and special archaeological research methods, including formal typological, cartographic, and analogy methods, which describe the scientific facts and reconstruct ethnocultural processes. *Analysis*. These burials are characterized not only by dead-drops under an individual mound but also by a special inventory, where, except for the swords and arrows, there were also spearheads, two-part bits with rod-shaped psalms, and horse bones. At the same time, the synchronic Early Sarmatian complexes found in the burial mounds were left intact. Such partial robbery of the high-status Middle Sarmatians burials is also fixed when expanding the area of the neighboring burial grounds of the Esaulovsky Aksai River basin. This observation suggests that a group of well-armed nomads with slightly different traditions characteristic of the Middle Sarmatian culture appeared on the studied territory occupied by the Early Sarmatian population at the turn of the era. Migrants who founded their cemeteries in the floodplain of the Esaulovsky Aksai River aroused the anger of the local Sarmatian groups, which led to the burials desecration of the aliens. *Results*. We can assume that at the end of the 1st century BC and the beginning of the 1st century AD, in the Don-Volga interfluve, there was a struggle for control over an important transit zone, as indirectly evidenced by a significant number of prestigious imported items discovered in the burials of the investigated territory.

Key words: Early Sarmatians, Middle Sarmatians, burial, robbery of burials, Don-Volga interfluve.

Citation. Klepikov V.M. The Partial Destruction of the Sarmatians Burials of the Esaulovsky Aksai (Is It a Robbery or a Ritual Desecration?). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 38-46. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3

УДК 902.3
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 03.04.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

© Клепиков В.М., 2023

ЧАСТИЧНО РАЗРУШЕННЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕСАУЛОВСКОГО АКСАЯ (ОГРАБЛЕНИЕ ИЛИ РИТУАЛЬНОЕ ОСКВЕРНЕНИЕ?)

Валерий Михайлович Клепиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме частичного ограбления статусных среднесарматских погребений, исследованных в пойме р. Есауловский Аксай. Анализ погребальных комплексов могильника у с. Ковалевка позволил выявить интересную особенность, заключавшуюся в частичном разрушении скелетов погребенных сарматов при сохранении в непотревоженном положении части этих скелетов и сопутствующего погребального инвентаря. Обычно такие захоронения сопровождались статусными артефактами, среди которых выделяются бронзовые литые и кованые котлы, вооружение и предметы конской упряжи, керамика из гончарных центров Центрального Предкавказья, Кубани и Нижнего Дона. Погребения характеризуются не только одиночными погребениями с нишами-тайниками, под индивидуальной насыпью, но и особенностями инвентаря, в котором неоднократно встречаются наравне с мечами и стрелами наконечники копий, двусоставные удила со стержневидными псалиями, кости лошади. При этом синхронные раннесарматские комплексы, обнаруженные в курганах-кладбищах, остаются нетронутыми. При расширении зоны поиска выяснилось, что в соседних могильниках бассейна р. Есауловский Аксай такая практика частичного разрушения статусных среднесарматских могил также фиксируется. Это наблюдение позволяет высказать предположение, что на исследуемой территории, занятой раннесарматским населением, на рубеже эр появилась группа хорошо вооруженных кочевников с несколько иными традициями, характерными для среднесарматской культуры. Мигранты, основавшие свои кладбища в пойме р. Есауловский Аксай, вызвали недовольство местных сарматских группировок, результатом чего стало осквернение погребений пришельцев. Можно предположить, что в междуречье Дона и Волги в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. шла борьба за контроль над важной транзитной зоной, о чем косвенно свидетельствует значительное количество престижных импортных вещей, происходящих из погребений, исследованных на этой территории.

Ключевые слова: ранние сарматы, средние сарматы, погребение, ограбление погребений, междуречье Дона и Волги.

Цитирование. Клепиков В. М. Частично разрушенные сарматские погребения Есауловского Аксая (ограбление или ритуальное осквернение?) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 38–46. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3

Введение. Сарматские погребения с частичным нарушением костяка при сохранении погребального инвентаря in situ периодически встречаются в процессе раскопок и традиционно фиксируются исследователями в отчетах с кратким определением как «результат ограбления». Иногда предлагаются индивидуальные интерпретации, сводящиеся либо к выводам о недостаточном профессионализме грабителей, либо к их узким задачам поисков конкретных предметов, либо к их опасению трогать некий табуированный набор артефактов. Обычно каждый конкретный случай интерпретируется индивидуально, без каких-либо обобщений. В то же время есть целый ряд работ, в которых на основе весьма представительного материала разных эпох и регионов с привлечением этнографических параллелей предлагаются различные версии мотивов и методов действий разрушителей могил. В контексте нашей темы, ограниченной сарматскими погребениями Есауловского Аксая, весьма интересны работы С.А. Яценко и Е.В. Вдовченкова о практике ограбления сарматских курганов в бассейне реки Дон, где дана весьма содержательная характеристика действий грабителей. Однако выводы авторов, что «действия грабителей во всех изучаемых районах и хронологических группах, безусловно, нельзя считать сознательным и массовым “осквернением” вражеских иноэтничных могил», мне кажется преждевременным [11, с. 38; 12, с. 88]. Раскопки могильника Ковалевка на левой береговой террасе степной реки Есауловский Аксай, левого притока Дона, позволили мне в свое время высказать осторожное предположение, что на исследуемой территории на рубеже эр появилась группа хорошо вооруженных кочевников с несколько иными традициями, характерными для среднесарматской культуры. Мигранты, основавшие свое кладбище в пойме реки Есауловский Аксай, вызвали недовольство местных сарматских группировок, результатом чего стало осквернение погребений пришельцев [6, с. 40]. Раскопки 2022 г. подтверждают эту гипотезу, поскольку в двух раскопанных курганах вновь найдены сарматские погребения, причем, как и в предыдущих случаях, при наличии нескольких погребений под одной насыпью (кург. 20, погр. 1, 2), то есть в кургане-кладбище, погребенные не потревожены, а

индивидуальное захоронение (кург. 25, погр. 1) подверглось частичному разрушению.

Материалы. Погребение 1 из кургана 25 обнаружено под сильно распаханной насыпью высотой 0,17 м, диаметром 28 м. В насыпи фиксировались разрозненные мелкие кости животных. Могильная яма располагалась в центре кургана, имела вытянутую овальную форму и длинной осью ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Длина ямы – 2,56 м, ширина – 1,26 м, глубина – 1,43 м от 0. В засыпи ямы в юго-восточном углу и у южной стенки на глубине 1,18–1,22 м от 0 были обнаружены кости и лопатка правой руки, ребра правой стороны, правая бедренная кость с крылом таза в сочленении, крестец и позвонки. На дне могильной ямы была обнаружена остальная часть костяка взрослого мужчины. Непотревоженными остались вся левая верхняя часть костяка и обе берцовые кости погребенного с костями стоп ног. Судя по сохранившемуся положению костей, погребенный лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища, левая нога вытянуто, правая – слабо согнута в колене. Остальная часть костяка была срезана грабительским перекопом и сложена в юго-восточном углу. Череп отсутствовал. На дне ямы фрагментарно сохранились следы органической подстилки (рисунок, *1*).

При этом сопутствующий инвентарь остался нетронутым, за исключением нескольких железных черешковых наконечников стрел и стеклянной бусины, обнаруженных в юго-восточном углу среди костей. При этом большой пучок таких же стрел лежал непотревоженным на левом бедре наконечниками к югу (рисунок, *9*). Вдоль правой берцовой кости лежали вместе два длинных железных ножа длиной до 40 см (рисунок, *10*), на кости найдена серебряная пряжка с бронзовым откидным язычком и рамкой из двух симметричных волют, спаянных между собой (рисунок, *2*). В ногах найдено и железное кольцо.

В восточной стенке после снятия костей была обнаружена ниша-тайник. Фиксируемая высота свода ниши от уровня дна ямы – 30 см, длина – 1,1 м, ширина – 45 см. Дно тайника на 8–10 см ниже дна могильной ямы. В тайнике дном вверх лежал разбитый в древности котел с полусферическим туловом, остатками поддона на дне, двумя вертикальными петлевидными ручками с одним выступом и двумя ручками-петельками под венчиком и петлевидными тамгообразными знаками под основанием вертикальных ручек. Тулово опоясано орнаментом в виде «веревочки» (рисунок, *4*).

По обе стороны от котла стояли два сероглиняных кружальных кувшина. Один, с округлым туловом на выделенном поддоне, высоким сужающимся кверху горлом, отогнутым наружу венчиком и лентовидной вертикальной ручкой, был орнаментирован горизонтальными круговыми каннелюрами по нижней части горла и по плечикам. Ручка украшена четырьмя вертикальными валиками по внешней поверхности. На горле у венчика имеются две пары сквозных отверстий – следы ремонта. Четыре пары аналогичных отверстий есть и на тулове. Высота сосуда – 31 см (рисунок, *6*). Второй кувшин – с округло-биконическим туловом, плоским дном, раструбным горлом и отогнутым наружу венчиком, с ручкой-петелькой, прикрепленной к верхней части тулова. Высота кувшина – 27,7 см (рисунок, *5*).

Между первым кувшином и котлом у стенки тайника были обнаружены железные двухзвенные удила и стержневые двухпетельчатые псалии с зауженными штыревидными окончаниями. Рядом лежали пять серебряных выпуклых бляшек и конусовидный железный предмет, вероятно от уздечного набора. За котлом были обнаружены три серебряных фалара со следами позолоты на внешней поверхности, очень плохой сохранности. Один из фаларов был, видимо, разбит в древности. На внешней стороне прослеживаются изображения животных. По краю сохранился крепеж в виде гвоздиков. Диаметр дисков – 18 см (рисунок, *3*).

На котле лежали кости задней ноги и таза овцы. Найденный рядом с удилами железный ножичек, вероятно, был положен с ними. Внутри котла был найден каменный оселок вытянутой овальной формы (рисунок, *11*).

Поскольку часть найденного инвентаря находится на реставрации, а номенклатура обнаруженных артефактов весьма интересна, полностью комплекс будет представлен отдельно, как самостоятельная публикация. Нас же в данном случае интересуют прежде всего специфические особенности процесса ограбления могилы.

Анализ. Особенности погребального обряда свидетельствуют о среднесарматской традиции: это и одиночное захоронение под индивидуальной насыпью, и вытянутое положение погребенного головой и позвоночным столбом на Ю, и наличие тайника-ниши в боковой стенке могилы. Сам набор инвентаря позволяет определить хронологические рамки захоронения.

Бронзовый литой котел с двумя вертикальными ручками с одним выступом, двумя ручками-петельками и опоясывающим орнаментом в виде «веревочки» наиболее близок котлу из ст-цы Новокорсунской (тип VI,4.А по классификации С.В. Демиденко), датированному второй четвертью I в. до н. э. [3, с. 19, рис. 150–151], и отличается только наличием тамгообразных знаков под ручками.

Сероглиняные круговые кувшины кубанских гончарных центров широко представлены в могильниках Кубани и Нижнего Дона начиная с рубежа эр, хотя появляются в сарматских погребениях уже в финале раннесарматского времени [1, с. 179; 7, с. 50–56].

Удила со стержневыми двухпетельчатыми псалиями и разными вариантами окончаний стержней хорошо известны в комплексах среднесарматского времени начиная с рубежа эр [2, с. 57–58].

Серебряная пряжка с подвижным язычком и рамкой в виде двух волют имеет прямую аналогию в статусном сарматском комплексе из могильника Октябрьский-V. Такая же пряжка, но в более ценном оформлении, золотая, украшенная цилиндрическими кастами со вставками бледно-голубого стекла, датируется М.Ю. Трейстером I в. н. э., а весь комплекс – не выходящим за пределы первой половины I в. н. э. [10, с. 398, 407].

Два длинных железных ножа, уложенные вдоль правой ноги погребенного, и типологически, и по размерам идентичны боевым ножам, найденным в позднесарматском кенотафе кургана 2 могильника Котлубань-V вместе с набором серебряных украшений конской узды и другими предметами [9, с. 154, рис. 1, *1,2*].

Железные черешковые наконечники стрел, оселок, железный ножичек, бусина, железные кольца бытовали длительное время и не могут служить хронологическими реперами. Однако представленный набор значимых артефактов позволяет определить хронологический диапазон погребения в интервале рубежа эр – первой половины I в. н. э.

Погребальный обряд, определенный набор статусных предметов, время захоронения и специфический способ ограбления с сохранением части скелета in situ – все это позволяет увидеть сходство с другими погребениями данного могильника, опубликованными ранее [6]. В кургане 9 в индивидуальном захоронении вместе с частично поврежденным скелетом найден в нише разбитый бронзовый кованый котел с костями задних ног и таза овцы и наконечником копья, в другой нише – нетронутый круговой кувшин северокавказской гончарной традиции, наиболее распространенный в I в. до н. э. Аналогичную ситуацию мы встречаем в кургане 13, где у костяка мужчины отсутствовали череп, кости правого предплечья, берцовые кости правой ноги и стопы. Все это найдено в засыпи ямы, но под средневековым нетронутым захоронением, располагавшемся над погребенным сарматом. Сармата сопровождал набор вооружения, включавший железный меч, черешковые наконечники стрел и удила с псалиями, имевшими дисковидные окончания, бляхи и наконечники ремней. Сероглиняные гончарные сосуды были разбиты и выброшены из могилы. Заметим при этом, что в кургане 16 с тремя погребениями, уложенными в ряд, то есть представляющими курган-кладбище, никаких нарушений не зафиксировано. То же самое следует отметить и для двух погребений кургана 20, раскопанного в 2022 году.

Столь выборочное разрушение могил позволило мне высказать предположение о борьбе местного сарматского населения против закрепления на этой территории новой группы кочевников с традицией индивидуальных захоронений [6, с. 40]. Погребения кочевой знати, сконцентрированные в бассейне р. Есауловский Аксай, М.Ю. Трейстером были выделены в раннюю группу могил высшей элиты среднесарматского времени [10, с. 407]. Поэтому логично посмотреть, есть ли среди них захоронения, подвергшиеся аналогичной процедуре разрушения.

Хорошо известное элитное захоронение из кургана 1 могильника Октябрьский-V впол-

не соответствует описанной практике. Непотревоженными остались только череп и левая рука, все остальное было сложено аккуратной кучкой. Поскольку следов ограбления исследователи не зафиксировали, то было предложено объяснение, связанное с древнеиранскими представлениями о вторичном захоронении, почерпнутое у Геродота [5, с. 47, 49]. Отметим присутствие в погребении бронзового котла, удил с псалиями, оружия, ценных импортов, длинных боевых ножей и золотой пряжки с волютовидной рамкой, аналогичных найденным в Ковалевке. В погребении 3 кургана 45 могильника Перегрузное было обнаружено захоронение знатной женщины среднесарматского времени с нетронутым сопутствующим инвентарем, но с отчлененным черепом со следами трепанации и берцовыми костями, обнаруженными в заполнении ямы [8, с. 65–67, рис. 95–97]. В этой связи можно предположить продолжение той же практики нарушения покоя погребенной, что было прослежено на предыдущих примерах. Продолжая поиски таких практик, можно по-иному взглянуть опять же на статусное среднесарматское женское погребение 1 из кургана 34 могильника Аксай II, где погребенная женщина, под которой располагался тайник с бронзовыми котлами, гончарной сероглиняной керамикой и другими предметами, лежала нетрадиционно на боку вытянуто, буквально прижатая к западной стенке. Вполне можно предположить возможность отодвигания покойной с центрального местоположения в сторону, но тогда следует констатировать, что труп к этому времени еще не разложился [4, с. 19–22, рис. 12–14].

Результаты. Таким образом, в локальной зоне бассейна реки Есауловский Аксай мы фиксируем периодически повторяющуюся ситуацию, когда статусные среднесарматские погребальные сооружения с индивидуальным захоронением подвергаются частичному разрушению, а раннесарматские курганы-кладбища этого же времени сохраняются нетронутыми. О синхронности этих погребальных комплексов свидетельствует наличие как в раннесарматских, так и в среднесарматских погребениях наряду с кубанской сероглиняной кружальной керамикой, традиционно датируемой с рубежа эр, сероглиняных гончарных сосудов с желобчатым вертикальным лощением из мастерских Центрального Предкавказья, определяемых в хронологическом интервале II–I вв. до н. э. Так, в кургане 9 из Ковалевки в одиночном погребении с разбитым бронзовым котлом стоял кувшин предкавказского происхождения, а в погребении 1 из кургана 37 могильника Аксай II, где под одной насыпью располагались четыре захоронения в ряд, то есть сохранялась раннесарматская практика, а в вещевом комплексе вместе с двумя мечами, длинным и коротким, удилами найдены сероглиняный кувшин с округло-биконическим туловом и ручкой-петелькой на верхней части тулова, а так же курильницы, вставленные одна в другую, что традиционно встречается в среднесарматских погребениях [4, с. 25–26, рис. 17].

Разумеется, из анализа исключены полностью разрушенные с целью ограбления погребения сарматского времени, что практиковалось с древности вплоть до наших дней.

Можно предположить, что в междуречье Дона и Волги в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. шла борьба за контроль над важной транзитной зоной, о чем косвенно свидетельствует значительное количество престижных импортных вещей, происходящих из погребений, исследованных на этой территории. Во всяком случае, известные погребальные комплексы раннесарматской и среднесарматской элиты из могильников Жутово, Октябрьский, Аксай, Перегрузное свидетельствуют о явной концентрации погребений элитного статуса на этой территории, видимо весьма ценной с точки зрения кочевого населения. Возможно, в частично нарушенных, но не ограбленных могилах среднесарматского времени мы видим отражение этой борьбы. При этом погребения с разной погребальной традицией (курганы-кладбища и захоронения под индивидуальной насыпью) на рубеже эр практически синхронны.

Заметим, что выводы из предложенного анализа представляют собой лишь одну из возможных версий. Многочисленные описания различных вариантов ограбления, даже только на сарматском материале, а также этнографические примеры манипуляций с телом погребенного после его захоронения позволяют дифференцировать описанные ситуации, предлагая

разные интерпретации. Тем не менее следует обратить внимание на ряд моментов: во-первых, это относительно небольшой район по берегам Есауловского Аксая; во-вторых, раннесарматские и среднесарматские погребения, анализируемые в предлагаемой статье, практически одновременны, вплоть до идентичного инвентаря, но подвергаются частичному разрушению только среднесарматские могилы. Иными словами, в данном случае мы имеем конкретно-историческую ситуацию, которая не претендует на универсальность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Могильник Ковалевка, курган 25:

1 – план погребения 1; *2* – серебряная пряжка; *3* – серебряные фалары; *4* – бронзовый котел; *5, 6* – сероглиняный кувшин; *7* – железные удила и псалии; *8* – серебряные бляшки; *9* – железные наконечники стрел; *10* – железные ножи; *11* – оселок

Kovalevka burial ground, mound No. 25:

1 – plan of burial 1; *2* – silver buckle; *3* – silver phalars; *4* – bronze cauldron; *5, 6* – gray clay jug; *7* – iron bits and cheekpieces; *8* – silver plaques; *9* – iron arrowheads; *10* – iron knives; *11* – whetstone

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глебов В. П. Сарматские погребения могильника Отрадный II // Труды археологического научно-исследовательского бюро. 2005. Т. II. С. 161–198.

2. Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005. 240 с.

3. Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.

4. Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С., Моисеев В. И. Раскопки курганных могильников Аксай II и Аксай III у села Аксай Октябрьского района Волгоградской области (к вопросу об экономических связях сарматского населения Волго-Донского региона) // Материалы по археологии Волго-Донских степей / отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та управления – фил. РАНХиГС, 2017. Вып. 4. С. 8–82

5. Кияшко А. В., Мыськов Е. П. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону : Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I / отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 46–57.

6. Клепиков В. М. Сарматские погребения могильника Ковалевка: чужие среди своих? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 35–46. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.3

7. Косяненко В. М. Сероглиняная гончарная керамика Крепинского могильника // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988. С. 50–57.

8. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований / под ред. М. А. Балабановой, Е. В. Перервы. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 360 с.

9. Мамонтов В. И. К вопросу об оружии ближнего боя сарматов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 153–158. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.13

10. Трейстер М. Ю. Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // Вестник древней истории. 2019. № 2. С. 379–415. DOI: https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4

11. Яценко С. А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 25–41. DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2013)2(8).-03

12. Яценко С. А., Вдовченков Е. В. Ограбление сарматских курганов в древности: методы и цели // Нижневолжский археологический вестник. 2013. Вып. 13. С. 78–90.

REFERENCES

1. Glebov V.P. Sarmatskie pogrebeniya mogilnika Otradnyj II [Sarmatian Burials of the Otradny II Burial Ground]. *Trudy arheologicheskogo nauchno-issledovatelskogo byuro* [Proceedings of the Archaeological Research Bureau], 2005, vol. 2, pp. 161-198.

2. Glukhov A.A. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n. e.* [The Sarmatians of the Interfluve of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2005. 240 p.

3. Demidenko S.V. *Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya (V v. do n.e. – III v. n.e.)* [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th Century BC – 3rd Century AD)]. Moscow, Izd-vo LKI, 2008. 328 p.

4. Dyachenko A.N., Skripkin A.S., Moiseev V.I. Raskopki kurgannykh mogilnikov Aksay II i Aksay III u sela Aksay Oktyabrskogo rayona Volgogradskoy oblasti (k voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh sarmatskogo naseleniya Volgo-Donskogo regiona) [Excavations of Kurgan Cemeteries Aksai II and Aksai III near the Village of Aksai, Oktyabrsky District, Volgograd Region (On Economic Relations of the Sarmatian Tribes of the Volga-Don Region)]. Skripkin A.S., ed. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. in-ta upravleniya – fil. RANKhiGS, 2017, iss. 4, pp. 8-82.

5. Kiyashko A.V., Myskov E.P. Ritual elitnogo sarmatskogo pogrebeniya na reke Esaulovskij Aksaj (predvaritelnoe issledovanie) [The Ritual of Elite Sarmatian Burial on the Esaulovskiy Aksay River (Preliminary Study)]. Guguev Yu.K., ed. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vyp. I* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Research on the Archeology of the Don. Issue 1]. Rostov-on-Don, OOO "Terra", NPK "Gefest", 2000, pp. 46-57.

6. Klepikov V.M. Sarmatskie pogrebeniya mogilnika Kovalevka: chuzhie sredi svoih? [Sarmatian Burials of the Kovalevka Burial Mound: Strangers Among Friends?]. *Vestnik Volgogradskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 35-46. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.3

7. Kosyanenko V.M. Seroglinyanaya goncharnaya keramika Krepinskogo mogilnika [Gray-Clay Pottery of the Krepinsky Burial Ground]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Vyp. 5* [Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore]. Rostov-on-Don, 1988. Iss. 5, pp. 50-57.

8. Balabanova M.A., Pererva E.V., eds. *Kurgannyy mogilnik Peregruznoe I: rezultaty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Kurgan Cemetery Peregruznoe I: Results of Interdisciplinary Research]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 360 p.

9. Mamontov V.I. K voprosu ob oruzhii blizhnego boya sarmatov [On the Weapons Used by Sarmatians in Close Combats]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 3, pp. 153-158. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.13

10. Treister M.Yu. Taz(-y) iz kurgana №1 mogilnika Oktyabrskij-V (k voprosu o vremeni i istoricheskom kontekste formirovaniya centra pogrebalnyh pamyatnikov kochevoj elity v mezhdurechye Dona i Volgi) [Basin(s) from the Burial-Mound No. 1 of the Oktyabrskiy Necropolis (On the Center of Nomadic Elite Burials in the Don-Volga Interfluve)]. *Vestnik drevney istorii* [Herald of Ancient History], 2019, no. 2, pp. 379-415. DOI: https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4

11. Yatsenko S.A. O sarmatskih ogrableniyah sinhronnyh kurganov [Synchronous Robberies in Sarmatian Barrows]. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2013, no. 2 (8), pp. 25-41. DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2013)2(8).-03

12. Yatsenko S.A., Vdovchenkov E.V. Ograblenie sarmatskih kurganov v drevnosti: metody i celi [Looting Sarmatian Kurgans in Ancient Times: Methods and Purposes]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2013, iss. 13, pp. 78-90.

Information About the Author

Valeriy M. Klepikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, klepikov.azi@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2891-7366

Информация об авторе

Валерий Михайлович Клепиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, klepikov.azi@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2891-7366

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.4

UDC 902.2
LBC 63.3(2)2-9

Submitted: 05.09.2021
Accepted: 22.12.2021

LATE SARMATIAN SWORDS AND DAGGERS FROM THE BURIALS OF THE BEREZOVSKY KURGAN BURIAL GROUND [1]

Valerij D. Berezutskij

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* One of the main types of Sarmatian weapons is bladed weapons, represented by daggers and swords. The relatively small number of Late Sarmatian burials in the forest-steppe Podonye determines the importance of publishing new materials – daggers and swords. *Materials.* The materials for the analysis were artifacts (iron daggers and swords) discovered during the study of kurgan burial ground 4 near the village of Berezovka in the Vorobyevsky district of the Voronezh region (left bank of the Middle Don). In four of the seven burials examined, bladed weapons were found. The dead were buried under separate mounds in elongated rectangular pits and chambers clogged with continental clay. The heads of the buried were directed to the southern sector (three burials) and to the east-northeast (one burial). Bladed weapons were located according to the tradition of the Scythians and Sarmatians – at the right hand with the tip to the extremities of the legs. *Methods.* The study used a comparative typological method that allowed us to distinguish the found daggers and swords into a separate type of bladed weapons; the method of analogies, which was used to compare the type with similar finds in the Sarmatian culture; and the chronological method, which made it possible to attribute the discovered blades to the late Sarmatian culture. *Analysis.* During the analysis of artifacts, typical signs of bladed weapons characteristic of the late Sarmatian culture were identified; although the time of their appearance belongs to the early and Middle Sarmatian periods, their chronological framework was determined (mid-2nd – 4th centuries AD). A dagger and a sword were found together in two burials. *Results.* All burials in which bladed weapons were found belong to men (age range from 25–30 years to 35–40 years). Judging by the available data, the joint occurrence of a dagger and a sword in the burial may indicate in favor of the opinion that there are burials of professional soldiers in the burial ground.

Key words: Middle Don region, forest steppe, Late Sarmatian culture, kurgans, Sarmatians, daggers, swords.

Citation. Berezutskij V.D. Late Sarmatian Swords and Daggers from the Burials of the Berezovsky Kurgan Burial Ground. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 47-56. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.4

УДК 902.2
ББК 63.3(2)2-9

Дата поступления статьи: 05.09.2021
Дата принятия статьи: 22.12.2021

ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ БЕРЕЗОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА [1]

Валерий Дмитриевич Березуцкий

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Одним из основных видов сарматского вооружения является клинковое оружие, представленное кинжалами и мечами. Сравнительно малое количество погребений позднесарматского времени в лесостепном Подонье определяет важность публикации новых материалов – кинжалов и мечей. *Материалы.* Материалами для анализа послужили артефакты (железные кинжалы и мечи), обнаруженные во время исследования курганного могильника 4 у с. Березовка Воробьевского района Воронежской области (левобережье Среднего Дона). В четырех погребениях из семи исследованных было обнаружено клинковое оружие. Умершие погребены под индивидуальными курганами, в удлиненно-прямоугольных ямах и подбоях, забутованных материковой глиной. Ориентированы погребенные головой в южный сектор (три погребения) и на ВСВ (одно погребение). Клинковое вооружение располагалось по традиции скифов и

© Березуцкий В.Д., 2023

сарматов – у правой руки острием к конечностям ног. В двух погребениях были обнаружены совместно кинжал и меч. *Методы.* В ходе исследования были использованы сравнительно-типологический метод, который позволил отнести найденные клинки к типу позднесарматских, метод аналогий, который использовался для сравнения типа с аналогичными находками в позднесарматской культуре, хронологический метод, давший возможность отнести обнаруженные клинки к позднесарматской культуре. *Анализ.* В ходе анализа артефактов были выявлены типичные признаки клинкового оружия, характерного для позднесарматской культуры, хотя время его появления относится к ранне- и среднесарматскому времени, определены его хронологические рамки (середина II – IV в. н. э.). *Результаты.* Все погребения, в которых было обнаружено клинковое оружие, принадлежат мужчинам (возрастной диапазон от 25–30 до 35–40 лет). Судя по имеющимся данным, совместная встречаемость в погребении кинжала и меча может свидетельствовать в пользу мнения о наличии в могильнике погребений воинов-профессионалов.

Ключевые слова. Средний Дон, лесостепь, позднесарматская культура, курганы, сарматы, кинжалы, мечи.

Цитирование. Березуцкий В. Д. Позднесарматское клинковое оружие из погребений Березовского курганного могильника // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 47–56. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.4

Введение. Клинковое оружие являлось одним из основных видов вооружения сарматов. Сравнительно малое количество погребений позднесарматского времени на территории лесостепного Дона, а отсюда – сравнительно малое представительство клинкового вооружения этого периода делает важным публикацию новых материалов. При проведении раскопок позднесарматского курганного могильника у с. Березовка в левобережье Среднего Дона были обнаружены погребения с позднесарматскими кинжалами и мечами.

Материалы. Курганный могильник 4 у с. Березовка Воробьевского района Воронежской области был обнаружен в 1989 г. археологической экспедицией Воронежского государственного педагогического университета в ходе проведения археологической разведки. С 2017 г. идет планомерное исследование курганов могильника, к настоящему времени исследовано семь курганов. Часть материалов раскопок получила освещение в более ранних публикациях [2; 3; 7]. Погребения могильника относятся к позднесарматскому времени, а в курганах 8 и 9, вероятно, к финальному этапу позднесарматского времени или, скорее, к горизонту, непосредственно предшествующему гуннской эпохе [7, с. 143].

В четырех из семи исследованных курганов обнаружены кинжалы и мечи (в двух погребениях по кинжалу и мечу, в остальных – мечи). Все погребения мужские, совершены под индивидуальными насыпями в погребальных сооружениях разного типа – удлиненно-прямоугольных ямах и подбоях, плотно забутованных материковой глиной. Умершие ориентированы головой в южный сектор (три погребения) и к ВСВ (одно погребение).

Курган 9. Погребальное сооружение – подбой, плотно забутованный материковой глиной (рис. 1). Погребенный – мужчина, возраст около 30 лет [2], лежавший вытянуто на спине и ориентированный головой на ВСВ. Между стенкой могилы и погребенным находились кинжал (рис. 1, *4*) и железный меч (рис. 1, *3*), лежавшие вдоль скелета у правой руки острием к ступням.

Кинжал без перекрестья и навершия, с рукоятью-штырем, клинком линзовидного сечения с параллельными лезвиями, шириной 5 см и сохранившейся длиной 40,5 см. Острие клинка закруглено. На рукояти-штыре находилась серебряная усечено-коническая круглая шайба диаметром 0,9 см с отверстием посредине и остатками железного гвоздика для крепления на деревянную накладку рукояти-штыря. На кинжале и вокруг него – тлен от деревянных ножен.

Железный меч (рис. 1, *3*) без перекрестья и навершия, с рукоятью-штырем, клинком линзовидного сечения шириной 4 см длиной 50 см с параллельными, постепенно сужающимися к окончанию лезвиями, найден рядом с кинжалом. Рукоять сохранилась частично, но принадлежность ее к рукоятям-штырям сомнений не вызывает. На мече и вокруг него – тлен от деревянных ножен. По-видимому, определенное отношение к обоим клинкам имеет пронизь из мела, найденная в районе пояса умершего, являясь, возможно, частью портупеи или ее украшением.

Дисковидная бусина из мела (определение материала ведущего сотрудника Государственного научно-исследовательского института реставрации, кандидата геологических наук О.В. Аникеевой) (рис. 1, *2*) использовалась, вероятно, в качестве детали портупеи. Диаметр 2,1 см, толщина 0,6 см, отверстие по центру диаметром 0,5 см.

В погребении из предметов вооружения обнаружен также плохо сохранившийся железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 1, *13*).

Курган 17. Тип погребального сооружения не установлен, однако наиболее вероятным является отнесение его к типу удлиненно-прямоугольных ям (рис. 2, *1*). Скелет мужчины, лежавшего вытянуто на спине и ориентированного головой на ЮВ, сильно разрушен сурками, возраст не установлен.

Железный меч (рис. 2, *2*) без перекрестья и навершия, с рукоятью-штырем, клинком линзовидного сечения шириной 4–5 см и длиной 53 см с параллельными лезвиями лежал у правой руки острием к ногам. Острие меча закруглено. Принадлежит типу позднесарматских мечей без перекрестья с рукоятью-штырем (от штыря сохранился фрагмент прямоугольной в сечении формы). На мече – остатки сгнившего дерева, видимо, от ножен.

Около меча лежали четыре железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (рис. 2, *3*).

Курган 21. Погребальное сооружение – удлиненно-прямоугольная яма с сильно закругленными углами (рис. 2, *4*). Умерший – мужчина 35–40 лет, лежавший вытянуто на спине и ориентированный головой на ЮЮВ. У правой руки вдоль скелета острием к ногам лежал меч.

Железный меч без перекрестья и навершия, с прямоугольной в сечении рукоятью-штырем, треугольным клинком линзовидного сечения шириной 4–4,2 см (рис. 2, *5*). Окончание меча овальное. Длина сохранившейся части меча составляет 39 см, а с учетом фрагментированных остатков клинка – до 50 см.

Костяное изделие. У локтя правой руки умершего лежало костяное плоское прямоугольное изделие 1,7 × 2,3 см толщиной 0,4 см с круглым отверстием диаметром 0,6 см (рис. 2, *6*). Одна из поверхностей его заполирована. По-видимому, это часть портупейных принадлежностей.

Курган 22. Погребальное сооружение – подбой, плотно забутованный материковой глиной (рис. 3, *1*). Умерший – мужчина 25–30 лет, лежавший вытянуто на спине и ориентированный головой на ЮЗ. У правой руки находились железный кинжал и железный меч.

Железный кинжал (рис. 3, *4*) лежал у правой руки погребенного. Он располагался под острым углом к скелету, острием к ступням. Кинжал без перекрестья и навершия, с прямоугольной в сечении рукоятью-штырем, листовидным клинком линзовидного сечения с заостренным окончанием. Длина кинжала 30 см, ширина лезвия до 3,2 см. На рукояти-штыре сохранились остатки деревянных накладок и две железные заклепки для их крепления.

Железный меч (рис. 3, *5*) находился рядом с кинжалом и был положен вдоль правой ноги. Меч очень плохой сохранности, но его тип и размеры определяются: меч без перекрестья и навершия, с рукоятью-штырем, клинком линзовидного сечения шириной 4–4,5 см с лезвиями, постепенно сужающимися к закругленному острию. Острие клинка закруглено. Длина меча составляет 90 см.

Роговое изделие (рис. 3, *3*) обнаружено у правой руки умершего. Представляет собой небольшую «пирамидку», похожую на пряслице (высота 1,5 см, диаметр верха 1,5, низа – 2,3 см). «Пряслицем» назвал аналогичную находку в савроматском погребении 8/35 Калиновского могильника В.П. Шилов [11, с. 426]. Однако изделие находилось рядом с оформленным в зверином стиле клыком кабана, являвшимся подвеской удил или подвеской-амулетом на мече, который находился в могиле. Роговое изделие, скорее всего, было частью портупейных принадлежностей. Оно могло служить, кроме того, навершием меча [4, с. 190, табл. LXXVI, *14*].

Анализ. Все обнаруженные клинки располагались справа от умершего острием к ступням. Кинжалы и мечи из погребений сарматов Березовского могильника характерны для позднесарматской культуры. Судя по имеющимся данным, могильник начал функционировать, скорее всего, в середине – второй половине II в. н. э., когда еще сохранилась тра-

диция среднесарматской культуры в ориентировке погребенного в южный сектор, но господствуют позднесарматские кинжалы и мечи, а также позднесарматская традиция положения в могилу не колчанных наборов, а нескольких наконечников стрел. Самые поздние погребения (в курганах 8 и 9) относятся, вероятно, уже к периоду, следующим за финалом позднесарматской культуры (до 70-х гг. IV в. н. э.) [7]. В соответствии с этим предложено выделить «постсарматский горизонт», характеризующийся наличием позднесарматских традиций в культуре и обряде и отсутствием каких-либо гуннских черт [7, с. 139].

Охарактеризованное клинковое оружие имеет черты, присущие кинжалам и мечам, выделенным еще А.М. Хазановым. Исследователь кинжалы и мечи без навершия и перекрестья разделил на два типа. В тип 2 вошли мечи с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь. В тип 3 были отнесены мечи, у которых основание клинка составляет прямой угол с рукоятью-штырем. При этом тип 3, по мнению А.М. Хазанова, представлен только длинными мечами [10, с. 17]. А.М. Хазановым были определены хронологические приоритеты между типами отмеченных мечей. Более ранними исследователь считал мечи типа 2 (I–II вв. н. э.), более поздними – типа 3 (III–IV вв. н. э.). А.С. Скрипкиным было установлено, что подобное хронологическое разделение неправомерно. И те и другие клинки в равной степени встречались и в более ранних, и в более поздних погребениях позднесарматского времени [9, с. 132]. В двух погребениях вместе с клинковым оружием найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел – в погребении 1 кургана 9 (один наконечник), в погребении 1 кургана 17 – четыре наконечника.

Нельзя не отметить: в могильнике обнаружены два мужских погребения, в которых встречены совместно кинжалы и длинные мечи (курганы 9 и 22). М.В. Кривошеев посвятил этому вопросу отдельную статью, где отметил малочисленность подобных погребений в Нижнем Поволжье, Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье, Северном Причерноморье [5, с. 87–89]. Такие погребения М.В. Кривошеев характеризует как захоронения немногочисленной прослойки «профессиональных воинов». Выделение этой группы позднесарматского населения в специфическую прослойку происходит во второй половине II в. н. э. В этом процессе участвовали, вероятно, не только представители пришлого населения, но и часть среднесарматского населения, которое продолжало существовать во второй половине II в. н. э. [5, с. 90; 6]. При этом более ранние погребения времени начала становления «воинов-профессионалов» (вторая половина II в. н. э.) не отличаются еще богатством погребального инвентаря, в то время как более поздние (конец II – начало III в. н. э.) содержат обыкновенно и предметы роскоши.

Что касается происхождения позднесарматского клинкового оружия, то среди археологов утвердилась точка зрения С.И. Безуглова о его центральноазиатских прототипах [1, с. 169–182]. Время появления этого типа вооружения относится к ранне- и среднесарматскому времени [8, с. 63; 9, с. 132, 133], а отдельные экземпляры встречены в погребениях скифского времени [8, с. 63]. Однако время их широкого распространения – позднесарматское. В Березовском могильнике нет надежных критериев, которые позволили бы отнести погребения с клинковым оружием к более раннему периоду, чем начало позднесарматского времени.

Результаты. Сравнительно малое количество позднесарматских погребений в лесостепном Подонье, с одной стороны, и необходимость уточнения их хронологии – с другой, определяют важность публикации новых материалов – кинжалов и мечей, являвшихся одной из основ сарматского наступательного вооружения.

В ходе исследования Березовского позднесарматского курганного могильника среди семи исследованных курганов в четырех мужских погребениях было обнаружено клинковое вооружение – железные кинжалы и мечи, которые были широко распространены в позднесарматский период. Их датировка в рамках могильника укладывается в период с середины II по IV век. В двух погребениях встречены попарно кинжал вместе с длинным мечом. Эти факты могут свидетельствовать в пользу мнения о наличии в среде сарматов прослойки воинов-профессионалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-360002 «Этнокультурные и социальные процессы в лесостепном Подонье в начале новой эры (по материалам новейших исследований сарматских курганов I–IV вв.)».

The reported research is funded by RFBR, project no. 19-49-360002 "Ethnocultural and social processes in the forest-steppe Don region in the beginning of a new era (on the materials of the latest research of Sarmatian burial mounds of the 1st – 4th centuries)."

[2] Здесь и далее антропологические определения кандидата исторических наук И.К. Решетовой и доктора исторических наук С.В. Васильева.

ПРИЛОЖЕНИЕ

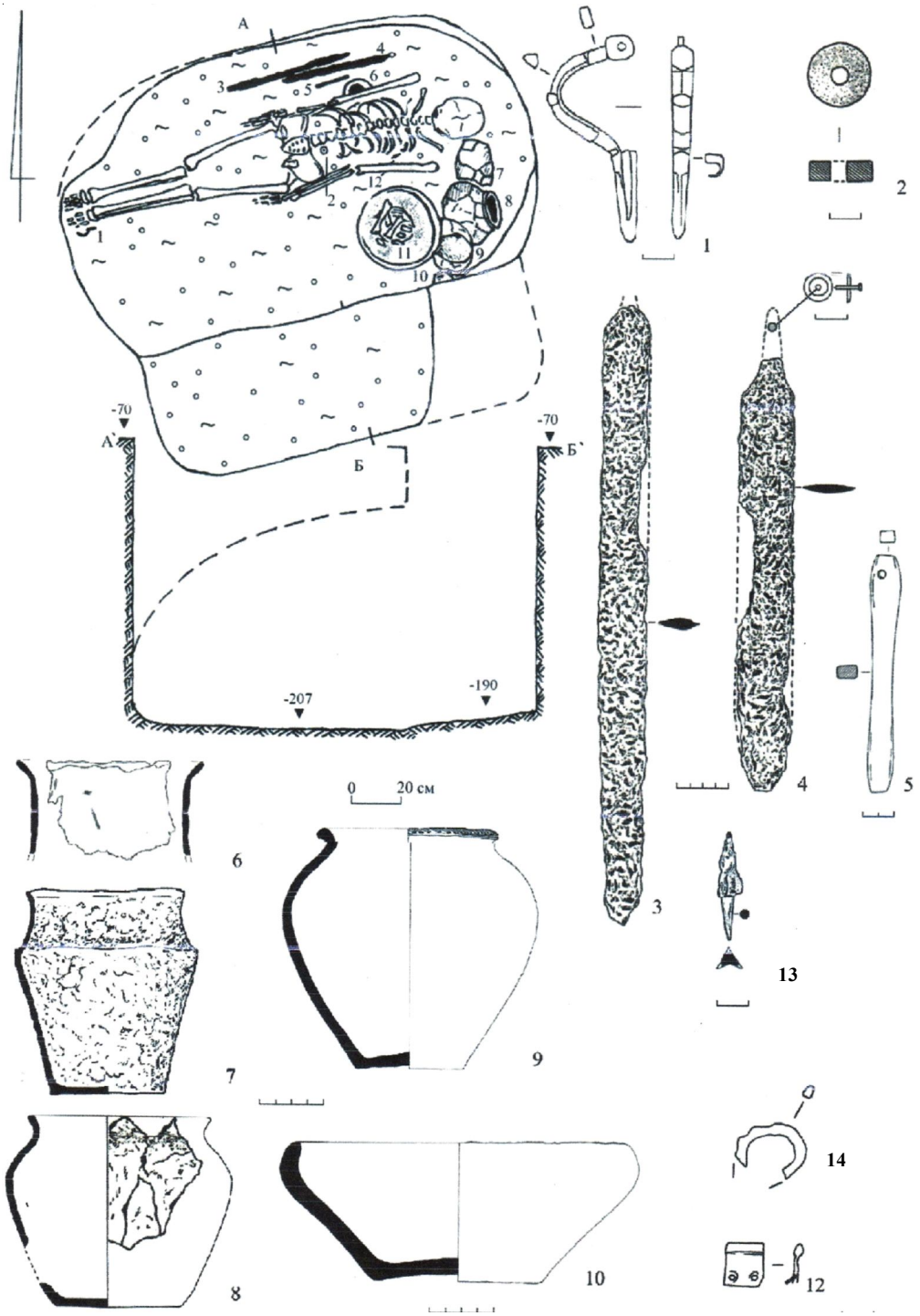

Рис. 1. Погребение в кургане 9 у с. Березовка. План и разрез подбойной могилы:

1 – фибула; *2* – пронизь; *3* – меч; *4* – кинжал; *5* – каменный оселок; *6–9* – лепные сосуды; *10* – гончарная миска; *11* – кости МРС; *12* – накладка; *13* – наконечник стрелы; *14* – кольцо. *1* – бронза; *2* – мел; *3, 4, 13, 14* – железо; *5* – камень; *6 –10* – глина; *12* – серебро

Fig. 1. Burial in kurgan 9 near the Berezovka village. Plan and section view of the shaft-and-chamber grave:

1 – fibula; *2* – piercing; *3* – sword; *4* – dagger; *5* – stone touchstone; *6–9* – moulded vessels; *10* – pottery bowl; *11* – bones of the MRC; *12* – pad; *13* – arrowhead; *14* – ring. *1* – bronze; *2* – chalk; *3, 4, 13, 14* – iron; *5* – stone; *6 – 10* – clay; *12* – silver

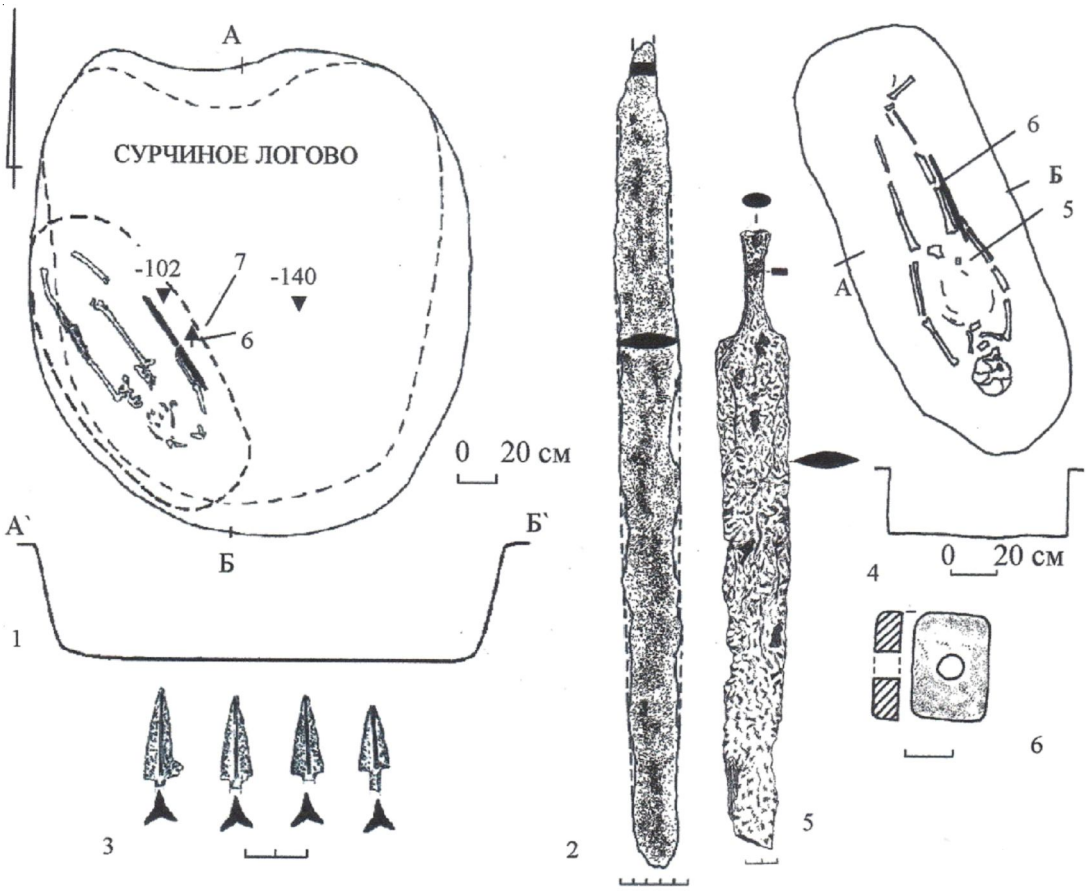

Рис. 2. Погребения в кургане 17 (*1–3*) и 21 (*4–6*) у с. Березовка:

1–3 – погребение 17/1: *1* – план погребения; *2* – меч; *3* – наконечники стрел.
4–6 – погребение 21/1: *4* – план и профиль погребения; *5* – меч; *6* – костяная поделка.
2, 3, 5 – железо; *6* – кость

Fig. 2. Burials in kurgans 17 (*1–3*) and 21 (*4–6*) near the village of Berezovka:

1–3 – burial 17/1: *1* – burial plan; *2* – sword; *3* – arrowheads.
4–6 – burial 21/1: *4* – plan and profile of the burial; *5* – sword; *6* – bone craft.
2, 3, 5 – iron; *6* – bone

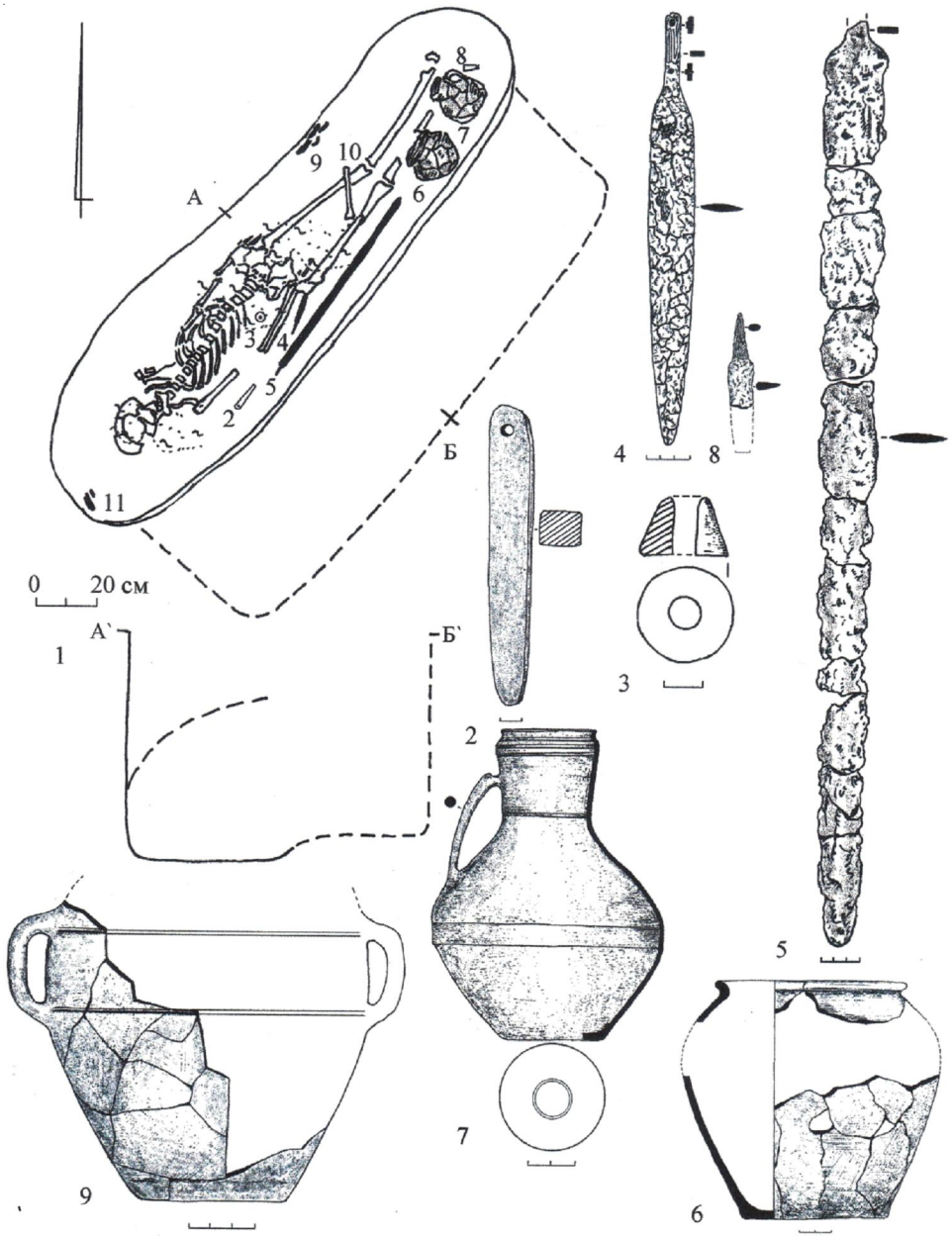

Рис. 3. Погребение кургана 22 у с. Березовка:

1 – план и профили подбоя; *2* – оселок; *3* – костяная поделка; *4* – кинжал; *5* – меч; *6* – горшок; *7* – кувшин; *8* – нож; *9* – двуручный сосуд.
2 – камень, *3* – кость, *4, 5, 8* – железо; *6, 7, 9* – глина

Fig. 3. Burial of kurgan 22 near the village of Berezovka:

1 – plan and profiles of the chamber; *2* – touchstone; *3* – bone craft; *4* – dagger; *5* – sword; *6* – pot; *7* – jug; *8* – knife; *9* – two-handed vessel.
2 – stone; *3* – bone; *4, 5, 8* – iron; *6, 7, 9* – clay

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону : Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Терра : Гефест, 2000. Вып. I. С. 169–193.

2. Березуцкий В. Д. Позднесарматские погребения Березовского курганного могильника на Среднем Дону // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 214–224. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.14

3. Березуцкий В. Д. Погребения переходного периода от средне- к позднесарматской культуре Березовского курганного могильника // Символ науки. 2021. № 8-1. С. 31–33.

4. Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино : Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. Т. 1. 224 с.

5. Кривошеев М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 87–91.

6. Кривошеев М. В., Скрипкин А. С. Позднесарматская культура междуречья Дона и Волги. Проблема становления и развития // Советская археология. 2006. № 1. С. 124–136.

7. Медведев А. П., Березуцкий В. Д. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 138–152. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.12

8. Сергацков И. В. Мечи и кинжалы из среднесарматских памятников Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 58–64.

9. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 300 с.

10. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

11. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 1, № 60. С. 323–523.

REFERENCES

1. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podonya) [Late Sarmatian Swords (Based on the Materials from the Don Region)]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Donu* [Sarmatians and Their Neighbours on the Don. Materials and Research on Archeology of Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., Gefest Publ., 2000, iss.1, pp. 169-193.

2. Berezutskij V.D. Pozdnesarmatskie pogrebeniya Berezovskogo kurgannogo mogilnika na Srednem Donu [Late Sarmatian Army Burials of the Berezovsky Barrow Burial Ground in the Middle Don]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 214-224. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.14

3. Berezuckij V.D. Pogrebeniya perekhodnogo perioda ot sredne- k pozdnesarmatskoj kulture Berezovskogo kurgannogo mogilnika [Burials of the Transitional Period from the Middle to Late Early Culture of the Berezovsky Barrow Burial Ground]. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2021, no. 8-1, pp. 31-33.

4. Bespalyj E.I., Lukjashko S.I. *Drevnee naselenie mezhdurechja Dona i Kagalnika. Kurgannyj mogilnik u s. Vysochino: materialy i issledovaniya po arheologii Juga Rossii* [The Ancient Population of the Interfluve of the Don and Kagalnik. Mound near the Village of Vysochino. Materials and Research on the Archeology of the South of Russia]. Rostov-on-Don, Izd-vo JuNC RAN, 2008, vol. 1. 224 p.

5. Krivosheev M.V. Pozdnesarmatskie kompleksy s naborami klinkov s territorii Nizhnego Povolzhya [The Lower Volga Late Sarmatian Complexes with Sets of Blades]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2014, iss. 14, pp. 87-91.

6. Krivosheev M.V., Skripkin A.S. Pozdnesarmatskaja kultura mezhdurechja Dona i Volgi. Problema stanovlenija i razvitija [Late Sarmatian Culture Between the Don and the Volga. The Problem of Formation and Development]. *Sovetskaya Arkheologiya*, 2006, no. 1, pp. 124-136.

7. Medvedev A.P., Berezutskij V.D. O novoy gruppe pogrebeniy postsarmatskogo vremeni na Srednem Donu [On a New Group of Post-Sarmatian Burials in the Middle Don Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 3, pp. 138-152. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.3.12

8. Sergackov I.V. Mechi i kinzhaly iz srednesarmatskih pamjatnikov Nizhnego Povolzhja [Swords and Daggers from The Middle Sarmatian Sites of the Lower Volga]. *Vooruzhenie sarmatov. Regionalnaja tipologija i hronologija: dokl. k VI Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj*

arheologii i istorii» [Armament of the Sarmatians. Regional Typology and Chronology: Papers for the 6th International Conference "Problems of Sarmatian Archeology and History"]. Cheljabinsk, Izd-vo JuUrGU, 2007, pp. 58-64.

9. Skripkin A.S. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1990. 300 p.

10. Hazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Art of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 172 p.

11. Shilov V.P. Kalinovskiy kurgannyy mogilnik [Kalinovsky Barrow Burial Ground]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959, vol. 1, no. 60, pp. 323-523.

Information About the Author

Valerij D. Berezutskij, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, berezytski1@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8336-6283

Информация об авторе

Валерий Дмитриевич Березуцкий, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, berezytski1@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8336-6283

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.5

UDC 930.26(470.4):340.624
LBC 63.48(235.4)-52

Submitted: 05.05.2023
Accepted: 27.06.2023

INTENTIONAL ARTIFICIAL CRANIAL DEFORMATION IN THE LATE SARMATIAN POPULATION (PALEOPATHOLOGICAL ASPECT) [1]

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Intentional artificial head deformation is one of the most striking features of the late Sarmatian nomads from the Eastern European steppes. For quite a long time, archaeologists and anthropologists tried to solve the issues associated with this custom's emergence and existence in the population of the 2nd – 4th centuries AD. Later, the question of the deforming structure's impact on the normal life of a person became a separate research line for the phenomenon of artificial cranial deformation in the late Sarmatians. *Methods and materials*. 155 craniums of sexually mature late Sarmatian populations (2nd – 4th centuries AD) originating from under the burial mounds in the territory of the Lower Volga region were the material for the study. Comparison of pathological conditions occurrence between the deformed and undeformed skull groups was carried out using nonparametric tests: Pearson's chi-squared test (χ^2) and Fisher's exact test. *Results*. Comparative analysis of pathological conditions occurrence on deformed and undeformed skulls in late Sarmatian time has shown that the only deviation in which the compared series differ significantly is temporomandibular joint arthritis. *Discussion*. The frequency and degree of articular disease development in late Sarmatians with intentional artificial head deformities increase with age. The age-related variability of arthrotic changes in the mandibular joint area indicates the involutionary nature of this condition. At the same time, the absence of statistical differences between age groups in the distribution frequencies of this pathology and its wide distribution in young individuals under 35 years of age suggest that artificial skull deformation is one of the factors stimulating its development. *Conclusions*. Degenerative changes in the temporomandibular joint area are a statistically more widespread pathology in deformed skulls. The absence of gender differences between the deformed and undeformed skulls in the late Sarmatians, as well as the groups of pathologies associated with diet and the degree of negative factors impacting the natural and social environment, indicates that this custom in the late Sarmatian society did not carry the function of gender or social differentiation. The use of a modifying structure for deliberate artificial cranial deformation is quite compatible with normal human life, and its use did not subsequently lead to the development of serious skull and brain pathologies.

Key words: Late Sarmatians, intentional artificial deformation, temporomandibular joint, stress markers, skulls.

Citation. Pererva E.V. Intentional Artificial Cranial Deformation in the Late Sarmatian Population (Paleopathological Aspect). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 57-71. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.5

УДК 930.26(470.4):340.624
ББК 63.48(235.4)-52

Дата поступления статьи: 05.05.2023
Дата принятия статьи: 27.06.2023

ПРЕДНАМЕРЕННАЯ ИСКУССТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ У НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ (ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) [1]

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Преднамеренная искусственная деформация головы является одной из самых ярких черт кочевников позднесарматского времени восточноевропейских степей. Достаточно долгое время проблемы, связанные с возникновением и бытованием данного обычая у населения II–IV вв. н. э., пытались

© Перерва Е.В., 2023

решить археологи и антропологи. Отдельным направлением при исследовании феномена искусственной модификации черепа у поздних сарматов являлся вопрос воздействия деформирующей конструкции на нормальную жизнедеятельность человека. *Материал и методика.* Материалом для исследования послужили 155 черепных коробок половозрелого населения позднесарматского времени (II–IV вв. н. э.), происходящие из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья. Сопоставление встречаемости патологических состояний между группами деформированных и недеформированных черепов осуществлялось с помощью непараметрического критерия – хи-квадрат (χ^2) Пирсона и точного критерия Фишера. *Результаты.* Сравнительный анализ встречаемости патологических состояний на деформированных и недеформированных черепах позднесарматского времени показал, что единственным отклонением, по которому сопоставляемые серии достоверно отличаются, является артроз височно-нижнечелюстного сустава. *Дискуссия.* Частота и степень развития артикулярных заболеваний у поздних сарматов с преднамеренной искусственной деформацией головы растет с возрастом. Возрастная изменчивость артроза в области нижнечелюстного сустава указывает на инволюционный характер данного состояния. В то же время отсутствие статистических различий между возрастными группами в частотах распределения данной патологии и широкое распространение его у молодых индивидов до 35 лет говорит о том, что одним из факторов, стимулирующих его развитие, могла быть искусственная деформация черепа. *Выводы.* Патология, которая статистически чаще встречается на деформированных черепах, – это дегенеративные изменения в области височно-нижнечелюстного сустава. Отсутствие различий между сериями деформированных и недеформированных черепов поздних сарматов по половому признаку, а также по группам патологий, связанных с диетой, степенью воздействия негативных факторов природной и социальной среды, указывает на то, что данный обычай в позднесарматском обществе не нес на себе функцию половой или социальной дифференциации. Использование модифицирующей конструкции вполне совместимо с нормальной жизнедеятельностью человека и ее применение не приводило в последующем к развитию серьезных патологий черепа и мозга.

Ключевые слова: поздние сарматы, преднамеренная искусственная деформация, височно-нижнечелюстной сустав, маркеры стресса, черепа.

Цитирование. Перерва Е. В. Преднамеренная искусственная деформация у населения позднесарматского времени (палеопатологический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 57–71. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.5

Введение. Одной из отличительных черт носителей позднесарматской культуры является распространение у них такой традиции, как преднамеренная искусственная деформация головы. О том, что у кочевников II–IV вв. н. э. бытование обычая деформирования головы считается специфической особенностью, указал еще в начале XX в. П.Д. Рау [29]. Впервые антропологический анализ черепов населения Поволжья первых веков нашей эры был проведен Е.В. Жировым, который установил, что у поздних сарматов распространен кольцевой тип деформации [11, с. 85–86]. В дальнейшем к проблеме определения истоков появления этого обычая у кочевников II–IV вв. н. э. и причин его широкого распространения обращались многие исследователи [2, с. 107–108; 17, с. 147; 6, с. 15–16].

Работа Н.П. Маклецовой, источником которой в том числе послужили краниологические материалы позднесарматского времени из погребений заволжских могильников, положила начало дискуссии о влиянии преднамеренной искусственной деформации на развитие патологических признаков на черепной коробке человека [13]. В целом проблеме негативного влияния деформирующей конструкции на состояние здоровья человека уделяется достаточно большое внимание как в нашей стране, так и за рубежом [5; 7; 9; 18; 23; 25; 33]. Используя антропологические материалы позднесарматского времени, этот вопрос рассматривали М.А. Балабанова [3; 4] и Е.В. Перерва [14].

Данная работа посвящена сравнительному анализу групп позднесарматского населения, практикующего традицию преднамеренной искусственной деформации и индивидов без следов деформации. В результате будет предпринята попытка оценки степени воздействия модифицирующей конструкции на развитие отдельных патологических состояний на черепной коробке.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили черепные коробки половозрелого населения позднесарматского

времени (II–IV вв. н. э.), происходящие из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья. Всего было исследовано 155 краниумов в хорошей сохранности. Из них на 104 были выявлены следы преднамеренной искусственной деформации. Сравнение серий недеформированных и деформированных черепов осуществлялось по 20 признакам, среди которых отклонения на зубочелюстной системе, эпигенетические маркеры, патологии, связанные с нарушениями обмена веществ и кровеносной системы, процессов роста и воздействия окружающей и социальной среды, фиксирующиеся исключительно на черепной коробке (табл. 1).

Сопоставление частот патологических состояний между группами деформированных и недеформированных черепов осуществлялось с помощью непараметрического критерия – хи-квадрат (χ^2) Пирсона, который позволяет оценить значимость различий во встречаемости признаков между двумя независимыми выборками, так как данный метод имеет ограничения по своему использованию, когда при анализе многопольных таблиц ожидаемое число наблюдений не должно принимать значение менее 5 более чем в 20 % ячеек. В таких случаях значимые различия между группами оценивались с помощью точного теста Фишера. За статистическую значимость был принят обычный уровень $P \leq 0{,}05$.

Статистические расчеты осуществлялись в оболочке StatSoft, Inc. (2011) STATISTICA (data analysis software system), version 10 [31].

Результаты. Частота встречаемости черепов с преднамеренной искусственной деформацией в исследуемой выборке составляет 67,1 %. Данный показатель близок значению, которое было получено М.А. Балабановой (70 %) при анализе обобщенной серии, насчитывающей более 350 черепов, происходящих из позднесарматских нижневолжских могильников [3, с. 182]. В исследуемой серии не выявлен половой диморфизм во встречаемости черепов с искусственной модификацией. По общим показателям у женщин деформированные черепа встречаются даже чаще, чем у мужчин, но статистически это не подтверждается.

Преобладающим типом деформации у поздних сарматов Нижнего Поволжья является лобно-затылочный (рисунок, *А*). Тем не менее следует указать, что в научной литературе до сих пор вопрос о способе деформации, используемой кочевниками II–IV вв., остается дискуссионным. Связано данное обстоятельство с тем, что на антропологических материалах первых веков нашей эры выявляются бесконечные переходные или смешанные типы. Так, Е.В. Жиров, Б.В. Фиршстейн, Л.Т. Яблонский, Е.П. Китов у поздних сарматов выделяли варианты кольцевой, циркулярной или круговой деформации [11; 12; 17; 19]. В.В. Гинзбург определил у сарматов смешанный тип – лобно-затылочный с кольцевой [10].

Теперь перейдем к описанию результатов сравнительного анализа встречаемости патологических состояний на деформированных и недеформированных черепах позднесарматского времени. Первоначально остановимся на характере распределения отклонений на зубочелюстной системе. Сопоставление суммарных серий деформированных и недеформированных черепов показало, что у первых чаще выявляются такие состояния, как прижизненная утрата зубов, признаки заболеваний пародонта, а также дегенеративные изменения в области височно-нижнечелюстного сустава, в последнем случае наблюдается даже статистическая достоверность (табл. 1). Сходная направленность проявляется и при сравнении групп с деформацией головы и без нее в мужской серии. В женской выборке такая динамика сохраняется только в случае встречаемости артрозов в области височно-нижнечелюстного сустава (табл. 1).

Несколько чаще на деформированных черепах поздних сарматов фиксируются дискретно-варьирующие признаки (метопический шов, остеомы), а также маркеры нарушения нормального зарастания черепных швов и развития признаков внутричерепной гипертензии в виде пальцевидных вдавлений. Тенденция доминирования данных состояний на черепах с искусственной деформацией сохраняется и в разнополых выборках. Исключение составляет такой признак, как пальцевидные вдавления, которые у женщин чаще встречаются на черепных коробках без следов модификации (табл. 2).

Также следует указать, что характер распределения частот встречаемости вышеуказанных признаков не обнаруживает статистической достоверности между серией деформированных и недеформированных черепов как в суммарной выборке, так и в группах, разделенных по половому признаку (табл. 1, 2).

Отсутствуют значимые различия и в результате сравнения групп по таким критериям, как отклонения, связанные с нарушением обмена веществ (поротический гиперостоз и «cribra orbitalia»), расстройствами эндокринной системы (внутренний лобный гиперостоз), признаками распространения маркеров холодового стресса (васкулярная реакция костей черепа), воспалительных процессов, а также негативного воздействия социальной среды (травмы). Причем такая картина сохраняется и при сравнительном анализе в мужских и женских сериях (табл. 1, 2).

Таким образом, единственным патологическим состоянием, по которому серия деформированных черепов поздних сарматов достоверно отличается от группы краниумов без деформации, является артроз височно-нижнечелюстного сустава (рисунок, *Б*).

Обсуждение. Научных работ, посвященных различным вопросам, связанным с возникновением и распространением преднамеренной искусственной деформации головы у древних народов на территории ойкумены, в настоящий момент огромное количество. Тем не менее проблеме последствий, к которым может приводить практика такой традиции для организма, уделяется сравнительно меньшее внимание. Вероятно, данное обстоятельство связано с тем, что, как указывает ряд исследователей, воздействие деформирующей конструкции на развития патологических состояний было незначительным [28, p. 226; 33, p. 95].

Первой попыткой научного осмысления данного вопроса является исследование, проведенное Н.П. Маклецовой, которая проанализировала рентгенологические снимки серии деформированных черепов и установила, что давление на кости, которое создает деформирующая конструкция при ее применении, могла стимулировать развитие гипертензивных процессов и приводить к сохранению пальцевидных вдавлений у взрослых [13, с. 172]. Схожие исследования впоследствии были осуществлены М.А. Балабановой и А.В. Сычевой [4], Е.В. Перервой [15; 16]. Авторы также пришли к выводам, что преднамеренная и непреднамеренная деформация черепа могла приводить к повышению частоты встречаемости на черепах интракраниальной гипертензии. Стоит сказать, что к аналогичным результатам пришла и А.Ю. Худавердян, указав, что длительное использование деформирующих повязок могло приводить к развитию гипертензивных процессов и сохранению пальцевидных вдавлений на черепе [18, с. 143].

Рядом исследователей высказывалось предположение о возможном воздействии преднамеренной искусственной деформации на развитие процессов, связанных с нарушением сроков облитерации черепных швов, как в сторону задержки, так и ускорения [5, с. 221; 8, с. 168; 14, с. 179; 18, с. 143; 27, p. 92; 32, p. 349].

За рубежом изучение характера воздействия искусственной деформации черепа на организм человека дало начало такому направлению в науке, как палеонейрохирургия [22, p. 5]. Работая в этом ключе, некоторые авторы высказали предположение, что преднамеренная деформация черепа могла стимулировать проявление нарушений работы головного мозга и соответственно нервной системы, приводя к головным болям, душевным болезням и эпилепсии [7, с. 46; 20, с. 114]. В то же время Е. Шийман в результате исследования влияния искусственной деформации черепа у новорожденных, происходящих из погребений доколумбовых Анд, пришел к выводу об отсутствии у них следов неврологических нарушений [30].

П. Лангдон провел изучение взаимосвязи между деформацией черепа и поротическим гиперостозом (признаками развития железодефицитной анемии в детском возрасте) у коренного населения юго-восточной части Соединенных Штатов Америки, принадлежащих миссисипской культуре, датирующейся 800–1500 гг. н. э. В результате исследования автор сделал вывод о существовании умеренной положительной корреляции между данными состояниями, однако статистически она не подтверждается [24, p. 79].

Аналогичное исследование было осуществлено С. Хилгеманом, но уже на антропологических материалах доисторического времени с территории юго-западной Индианы. В данном случае исследователь установил прямую корреляцию между поротическим гиперостозом на черепе и преднамеренной деформацией головы [23, p. 83].

Чилийские ученые высказали предположение, что к развитию воспалительных процессов на костной ткани черепной коробки в некоторых случаях могла приводить специфическая процедура наложения деформирующей конструкции на голову ребенка [25, p. 52].

Результаты нашего исследования частично подтверждают выводы других авторов, которые были сделаны ранее при изучении позднесарматских материалов [4; 14]. В суммарных и разнополых сериях наблюдаются повышение частот встречаемости на деформированных черепах таких патологических состояний, как краниостенозы, остеомы, пальцевидные вдавления, внутренний лобный гиперостоз, прижизненная утрата зубов, пародонтит. Однако выявленные различия имеют лишь тенденции, так как статистически они не подтверждаются.

Достоверные корреляционные связи с фактором деформации черепа обнаруживают только такое патологическое состояние, как дегенеративные изменения в области височно-нижнечелюстного сустава, чему находятся и статистические подтверждения, при сопоставлении групп с помощью непараметрического критерия χ^2 Пирсона.

Ранее в научной литературе уже высказывались предположения, что применение деформирующей конструкции могло приводить к провоцированию развития патологий зубочелюстной системы [8; 21; 26]. Касательно нашего исследования наиболее важное замечание было сделано А.П. Бужиловой, изучившей антропологические материалы джетыасарской культуры могильника Косасар-2, население которого также практиковало преднамеренную искусственную деформацию головы. Автором было высказано предположение, что под воздействием деформирующей конструкции зубочелюстная система людей могла подвергаться серьезным изменениям, вызывавшим сильную стертость резцов из-за формирования неправильного прикуса [8, с. 173].

В случае с поздними сарматами в результате сравнительного анализа не удалось установить, что для индивидов с деформацией головы характерна более интенсивная стертость зубов, по сравнению с той частью населения, у которой не обнаружены следы модификации черепа. В целом для обеих групп характерны достаточно высокие частоты встречаемости повышенной стертости эмали зубов, но, вероятнее всего, у нижневолжского населения II–IV вв. н. э. такая особенность связана со специфической диетой, которая базировалась на мясомолочном комплексе продуктов, что в основном характерно для обществ, ведущих кочевой образ жизни.

Теперь остановимся на патологии, по которой между сериями были обнаружены достоверные различия, а именно признаки дегенеративных изменений в области височно-нижнечелюстного сустава. Болезни данной части черепа обычно называют артикулярными, и чаще всего они бывают воспалительного и невоспалительного характера. Основные их причины: инфекция, макро- и микротравмы, воспаления сустава [1, с. 13–14]. В связи с тем, что большая часть дегенеративных заболеваний человека носят так называемый инволюционный характер, было принято решение об оценке особенностей распределения признаков заболеваний височно-нижнечелюстного сустава в различных возрастных группах деформированных черепов позднесарматского времени (табл. 3). Результаты данного анализа показали, что частота артикулярных заболеваний растет у поздних сарматов с преднамеренной искусственной деформацией головы с возрастом. Также наблюдается незначительная интенсификация степени поражения сустава с возрастом. Однако статистически различий во встречаемости изменений артикулярных заболеваний между молодыми и взрослыми индивидами не выявляется. Показатели возрастной изменчивости артроза нижнечелюстного сустава указывают на его накопительный и инволюционный характер. В то же время отсутствие статистических различий между возрастными группами в частотах распределения данного патологического состояния и широкое распространение его

у молодых индивидов до 35 лет может указывать на то, что одним из факторов, стимулирующих его развитие, могла быть искусственная деформация черепа. Причиной воздействия деформирующей конструкции на данную область черепа могла являться фиксирующая повязка, которая проходила через нижнюю челюсть.

Выводы. Сравнительный анализ черепов позднесарматского времени со следами преднамеренной искусственной деформации и без признаков модификации показал, что по большей части патологических состояний достоверных различий между сериями не обнаруживается.

Единственный признак, который статистически чаще встречается на деформированных черепах – это дегенеративные изменения в области височно-нижнечелюстного сустава.

Зафиксированная возрастная изменчивость во встречаемости данной патологии указывает на ее инволюционный характер. В то же время высокая частота признаков артроза височно-нижнечелюстного сустава у молодых индивидов может свидетельствовать о том, что одним из факторов их развития могла быть деформирующая конструкция, в особенности в том случае, если удерживающая ее повязка проходила через нижнюю челюсть.

Отсутствие различий между сериями деформированных и недеформированных черепов поздних сарматов по половому признаку, а также по группам патологий, связанных с диетой, степенью воздействия негативных факторов природной и социальной среды, указывает на то, что данный обычай не выполнял в позднесарматском обществе функций половой или социальной дифференциации.

Полученные результаты сравнительного анализа серий поздних сарматов с деформацией черепа и без нее показывают, что использование модифицирующей конструкции вполне совместимо с нормальной жизнедеятельностью человека и не приводило к развитию серьезных патологий черепа и мозга.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18- 00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

The work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00194 “Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga and Urals in the Neolithic – Early Iron Age according to the sources of archeology, anthropology, genetics.”

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. **Частоты встречаемости некоторых патологических состояний, фиксируемых на зубной системе человека и черепной коробке населения позднесарматского времени с преднамеренной искусственной деформацией черепа и без деформации головы**

Table 1. **Frequency of occurrence of some pathological abnormalities recorded on the human dental system and the cranium of the Late Sarmatians with intentional artificial cranial deformation and without head deformation**

Признаки	Взрослые							
	Деформированные черепа / 104		Недеформированные черепа / 51		p-value		p-value	
	n	%	*n*	%	Значимость	χ^2 [Хи–квадрат Пирсона]	Значимость	Точный критерий Фишера
Кариес	1	0,96	3	–	–	0,069	3,296	0,069
Абсцесс	28	26,92	14	27,45	0,005	0,945	–	–
Зубной камень	93	89,4	49	96,1	1,973	0,160	–	–
Эмалевая гипоплазия	50	48,1	24	47,1	0,014	0,905	–	–
Прижизненная утрата зубов	55	52,9	21	41,2	1,877	0,171	–	–
Пародонтоз	19	18,3	5	9,8	1,874	0,171	–	–
Сколы эмали	72	69,2	31	60,8	1,095	0,295	–	–
Повышенная стертость зубов	46	44,2	23	45,1	0,010	0,919	–	–
Дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава	65	62,5	20	39,2	*7,491*	*0,006*	–	–
Краниостеноз	13	12,5	4	7,8	–	–	0,76	0,383
Метопический шов	23	22,1	6	11,8	2,410	0,121	–	–
Остеомы	17	16,4	5	9,8	1,203	0,273	–	–
Пальцевидные вдавления	23	22,1	8	15,7	0,884	0,347	–	–
Васкулярная реакция	67	64,4	33	64,7	0,001	0,972	–	–
Cribra orbitalia	8	7,7	8	15,7	2,362	0,124	–	–
Поротический гиперостоз костей свода черепа	2	1,9	4	7,8	–	–	3,222	0,072
ВЛГ	11	10,6	2	3,9	1,973	0,160	–	–
Воспалительный процесс на черепе	8	7,7	1	1,9	–	–	2,05	0,152
Травмы лицевого отдела черепа	29	27,9	14	27,4	0,003	0,955	–	–
Травмы свода черепа	14	13,5	7	13,7	0,002	0,964	–	–

Таблица 2. **Частоты встречаемости некоторых патологических состояний на зубной системе человека и черепной коробке мужчин и женщин позднесарматского времени с преднамеренной искусственной деформацией и без деформации головы**

Table 2. **Frequency of occurrence of some pathological abnormalities on the human dental system and the cranium of late Sarmatian men and women with artificial deformation and without head deformation**

Признаки	Мужчины							
	Деформированные черепа / 76		Недеформированные черепа / 40		p-value		p-value	
	n	%	*n*	%	Значимость	χ^2 [Хи-квадрат Пирсона]	Значимость	Точный критерий Фишера
Кариес	1	1,3	3	7,5	–	–	3,010	0,083
Абсцесс	24	31,6	12	30	0,030	0,861	–	–
Зубной камень	68	89,5	39	97,5	2,359	0,125	–	–
Эмалевая гипоплазия	38	50	21	52,5	0,066	0,798	–	–
Прижизненная утрата зубов	43	56,6	15	37,5	3,815	0,051	–	–
Пародонтоз	17	22,4	4	10	–	–	2,704	0,100
Сколы эмали	59	77,6	25	62,5	3,004	0,083	–	–
Повышенная стертость зубов	39	51,3	18	45	0,418	0,517	–	–
Дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава	50	65,8	16	40	7,107	*0,008*	–	–
Краниостеноз	12	15,8	4	10	–	–	0,739	0,390
Метопический шов	13	17,1	6	15	0,085	0,771	–	–
Остеомы	12	15,8	5	12,5	0,227	0,633	–	–
Пальцевидные вдавления	21	27,6	5	12,5	3,450	0,063	–	–
Васкулярная реакция	60	78,9	32	80	0,018	0,894	–	–
Cribra orbitalia	6	7,9	7	17,5	2,430	0,119	–	–
Поротический гиперостоз костей свода черепа	2	2,6	3	7,5	1,506	0,220	1,506	0,220
ВЛГ	10	13,2	2	5	–	–	1,881	0,170
Воспалительный процесс на черепе	7	9,2	1	2,5	–	–	1,837	0,175
Травмы лицевого отдела черепа	23	30,3	14	35	0,271	0,603	–	–
Травмы свода черепа	14	18,4	7	17,5	0,015	0,903	–	–

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Признаки	Женщины							
	Деформированные черепа / 28		Недеформированные черепа / 11		p-value		p-value	
	n	%	*n*	%	Значимость	χ^2 [Хи–квадрат Пирсона]	Значимость	Точный критерий Фишера
Кариес	0	0	0	0	–	–	–	–
Абсцесс	4	14,3	2	18,2	–	–	0,092	0,761
Зубной камень	25	89,3	10	90,1	0,023	0,880	–	–
Эмалевая гипоплазия	12	42,9	3	27,3	–	–	0,810	0,368
Прижизненная утрата зубов	12	42,9	6	54,6	0,434	0,510	–	–
Пародонтоз	2	7,1	1	9,1	–	–	0,042	0,837
Сколы эмали	13	46,4	6	54,6	0,208	0,648	–	–
Повышенная стертость зубов	7	25	5	45,4	1,551	0,212	–	–
Дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава	15	53,6	4	36,4	–	–	0,936	0,333
Краниостеноз	1	3,6	0	0	–	–	0,403	0,525
Метопический шов	10	35,7	1	9,1	–	–	2,764	0,096
Остеомы	5	17,9	1	9,1	–	–	0,466	0,495
Пальцевидные вдавления	2	7,1	3	27,3	–	–	2,863	0,091
Васкулярная реакция	21	25	1	9,1	–	–	1,226	0,268
Cribra orbitalia	2	7,1	1	9,1	–	–	0,042	0,837
Поротический гиперостоз костей свода черепа	0	0	1	9,1	–	–	2,612	0,106
ВЛГ	1	3,6	0	0	–	–	0,403	0,525
Воспалительный процесс на черепе	1	3,6	1	9,1	–	–	0,495	0,482
Травмы лицевого отдела черепа	6	21,4	0	0	–	–	2,786	0,095
Травмы свода черепа	6	21,4	0	0	–	–	2,786	0,095

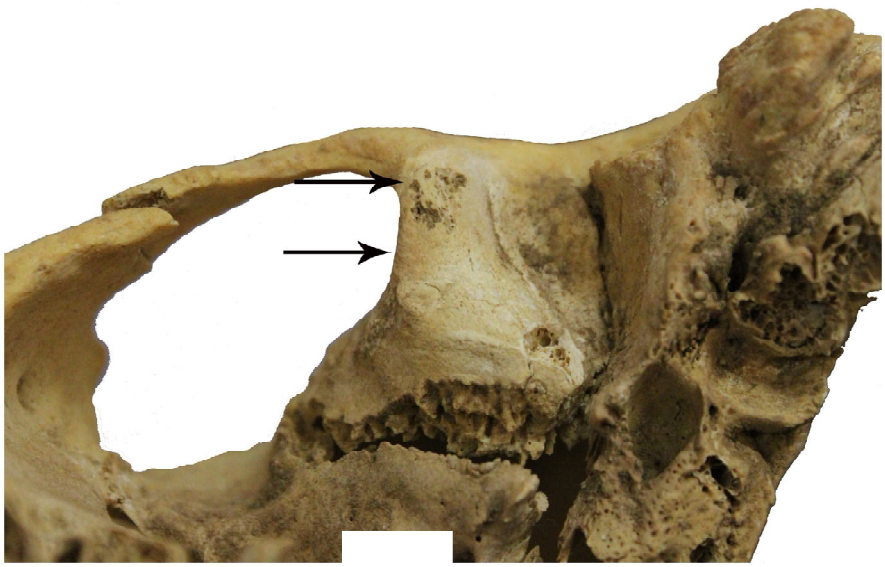
Таблица 3. **Частоты встречаемости и оценка степени развития дегенеративных изменений в области височно-нижнечелюстного сустава у поздних сарматов с преднамеренной искусственной деформацией головы**

Table 3. **Frequency of occurrence and assessment of the degree of development of degenerative changes in the temporomandibular joint area of Late Sarmatians with intentional artificial head deformation**

Возраст, численность, показатели	Adultus (19–34) / 45		Maturus (35–55) / 51	
	Adultus I (19–24) / 10	Adultus II (25–34) / 35	Maturus I (35–44) / 35	Maturus II (45–55) / 16
Средние значение уровня поражения сустава	1,35	1,54	1,72	2,2
Средние значение уровня поражения сустава	1,5		1,9	
N / %	28 (62,2)		32 (62,8)	
Значимость	0,003			
χ^2	0,958			

А

Б

Рисунок:

А – череп женщины из погребения 2 кургана 2 могильника Барановка (1972 г.)
со следами преднамеренной искусственной деформации; *Б* – признаки дегенеративных изменений
в области височно-нижнечелюстного сустава у мужчины 25–35 лет из погребения 1 кургана 5 могильника Степанёвка

Figure:

A – skull of a woman from burial 2, mound 2, Baranovka burial ground (1972)
with traces of intentional artificial deformation; *B* – signs of degenerative changes
in the area of the temporomandibular joint at a 25–35-year-old man from burial 1, kurgan 5, Stepanevka burial ground

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюшкевич А. С. Заболевания височно-нижнечелюстного сустава // Современная стоматология. 2014. № 1. С. 11–14.

2. Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. 2001. № 4. С. 107–122.

3. Балабанова М. А. О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2004. № 3. С. 171–187.

4. Балабанова М. А., Сычева А. В. Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 152–163.

5. Балабанова М. А. Антропологический аспект обычая искусственной деформации черепа у населения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и сопредельной территории // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 219–227.

6. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. II. 34 с.

7. Бобин В. В. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму // Труды кафедр нормальной анатомии и гистологии с эмбриологией. Симферополь, 1957. С. 46–73.

8. Бужилова А.П. Биоархеологические подходы к изучению деформированных черепов из Приаралья (по антропологическим материалам могильника Косасар-2) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 164–177.

9. Бужилова А. П., Соколова М. А. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 188–197.

10. Гинзбург В. В. Этнические связи древнего населения // МИА. 1959. № 60. С. 563–575.

11. Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. М. ; Л., 1940. Вып. 8. С. 80–87.

12. Китов Е. П. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3-2. С. 611–616.

13. Маклецова Н. П. Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 165–172.

14. Перерва Е. В. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией черепа // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 177–187.

15. Перерва Е. В. Рентгенологическое исследование деформированных черепов эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья : (Палеопатологический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. Т. 18, № 2. С. 7–19. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2013.2.1

16. Перерва Е. В. Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 98–114.

17. Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 116–137.

18. Худавердян А. Ю. Искусственно деформированные черепа и зубы из могильника Бениамин // Вестник общественных наук. 1997. № 2 (595). С. 138–144.

19. Яблонский Л. Т. Палеоантропологические материалы из погребений позднесарматского времени // Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008. С. 73–81. (Материалы и исследования по археологии России ; № 9).

20. Bereczki Zs., Varcsik A. Artificial Cranial Deformation in Hungary // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 96–114.

21. Bjork A., Bjork L. Artificial Deformation and Cranio-Facial Asymmetry in Ancient Peruvians // Journal of Dental Research. 1964. Vol. 43 (3). P. 353–362.

22. Enchev Ya., Nedelkov Y. G., Atanassova-Timeva N., Jordanov J. Paleoneurosurgical Aspects of Proto-Bulgarian Artificial Skull Deformations // Neurosurg Focus. 2010. Vol. 29 (6). P. 1–7.

23. Hilgeman S. L. Artificial Cranial Deformation and Porotic Hyperostosis at Angel Site, Wanderburgh County, Indiana // Proceedings of the Indiana Academy of Science. 1988. Vol. 98. P. 83–91.

24. Langdon St. P. Porotic Hyperostosis and Artificial Cranial Deformation in Dallas Society. Master's Thesis. University of Tennessee, 1989. 107 p.

25. Mendonça de Souza, Sh. V. F., Reinhard K. J., Lessa A. Cranial Deformation as the Cause of Death for a Child from the Chillon River Valley, Peru // Chungara, Revista de Antropología Chilena, 2008. Vol. 440 (1). P. 41–53.

26. Okumura M. Differences in Types of Artificial Cranial Deformation Are Related to Differences in Frequencies of Cranial and Oral Health Markers in Pre-Columbian Skulls from Peru // Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. Ciências Humanas. 2014. Vol. 9 (1). P. 15–26.

27. Ortner D. J., Putschar W. G. J. Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1981. 479 p.

28. Pechenkina E. A., Delgado M. Dimensions of Health and Social Structure in the Early Intermediate Period Cemetery at Villa El Salvador, Peru // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 131. P. 218–235.

29. Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926 // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Jahrg, 1927. № 2, Heft 1. P. 3–78.

30. Schijman E. Artificial Cranial Deformation in Newborns in the Pre-Columbian Andes // ChildsNervous System. 2005. Vol. 21. P. 945–950.

31. StatSoft Russia. URL: http://statsoft.ru/

32. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 478 p.

33. Torres-Rouff Ch. Cranial Modification and the Shapes of Heads Across the Andes // International Journal of Paleopathology. 2020. Vol. 29. P. 94–101. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.06.007

REFERENCES

1. Artiushkevich A.S. Zabolevaniia visochno-nizhnecheliustnogo sustava [Diseases of the Temporomandibular Joint]. *Sovremennaia stomatologiia* [Modern Dentistry], 2014, no. 1, pp. 11-14.

2. Balabanova M.A. Obychai iskusstvennoi deformatsii golovy u pozdnikh sarmatov: problemy, issledovaniia, rezultaty i suzhdeniia [The Custom of Artificial Head Deformation Among the Late Sarmatians: Problems, Research, Results and Judgments]. *Nizhnevolzhskii Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2001, no. 4, pp. 107-122.

3. Balabanova M.A. O drevnikh makrokefalakh Vostochnoi Evropy [About the Ancient Macrocephals of Eastern Europe]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], 2004, no. 3, pp. 171-187.

4. Balabanova M.A., Sycheva A.V. Rentgenologicheskoe issledovanie pozdnesarmatskikh cherepov [Radiological Investigation of the Late Sarmatian Skulls with Deliberate Deformation]. *Iskusstvennaia deformatsiia golovy cheloveka v proshlom Evrazii. OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [Artificial Deformation of Human Head in Eurasian Past. OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], 2006, no. 5, pp. 152-163.

5. Balabanova M.A. Antropologicheskii aspekt obychaia iskusstvennoi deformatsii cherepa u naseleniia epokhi srednei bronzy Nizhnego Povolzhia i sopredelnoi territorii [Anthropological Aspect of the Artifitial Skull Deformation Custom Among the Middle Bronze Age Population of the Lower Volga Region]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Journal of Science], 2018, vol. 7, no. 4 (25), pp. 219-227.

6. Bernshtam A.N. Kenkolskii mogilnik [Kenkol Burial Ground]. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Expeditions of the State Hermitage], 1940, iss. 2. 34 p.

7. Bobin V.V. Iskusstvenno deformirovannye cherepa, naidennye pri raskopkakh v Krymu [Artificially Deformed Skulls Found During Excavations in the Crimea]. *Trudy kafedr normalnoi anatomii i gistologii s embriologiei* [Proceedings of the Departments of Normal Anatomy and Histology with Embryology]. Simferopol, 1957, pp. 46-73.

8. Buzhilova A.P. Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniiu deformirovannykh cherepov iz Priaralia (po antropologicheskim materialam mogilnika Kosasar-2) [Bioarchaeological Approaches to the Investigation of Deformed Skulls from the Aral Sea Region (Anthropological Materials from Cemetery Kosasar-2)]. *Iskusstvennaia deformatsiia golovy cheloveka v proshlom Evrazii. OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [Artificial Deformation of Human Head in Eurasian Past. OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], 2006, no. 5, pp. 164-177.

9. Buzhilova A.P., Sokolova M.A. Paleopatologicheskiy analis seriy s iskusstvenno deformirovannymi cherepami (po materialam sarmatskgo perioda) [Paleopathological Analysis of Series with Artificially Deformed Skulls (Based on Materials from the Sarmatian Period)]. *Iskusstvennaia deformatsiia golovy cheloveka v proshlom Evrazii. OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [Artificial Deformation of Human Head in Eurasian Past. OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], 2006, no. 5, pp. 188-197.

10. Ginzburg V.V. Etnicheskie sviazi drevnego naseleniia [Ethnic Ties of the Ancient Population]. *MIA* [Materials and Research on the Archeology of the USSR], 1959, no. 60, pp. 563-575.

11. Zhirov E.V. Ob iskusstvennoi deformatsii golovy [About Artificial Deformation of the Head]. *KSIIMK* [Brief Reports on Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, 1940, iss. 8, pp. 80-87.

12. Kitov E.P. Naselenie pozdnesarmatskoi kultury Yuzhnogo Urala (po dannym antropologii) [The Population of the Late Sarmatian Culture of the Southern Urals (According to Anthropology)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 3-2, pp. 611-616.

13. Makletsova N.P. Rentgenologicheskoe izuchenie iskusstvenno deformirovannykh cherepov drevnikh epokh iz Srednei Azii i Povolzhia [X-Ray Study of Artificially Deformed Skulls of Ancient Eras from Central Asia and the Volga Region]. *Problemy etnicheskoi antropologii i morfologii cheloveka* [Problems of Ethnic Anthropology and Human Morphology]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1974, pp. 165-172.

14. Pererva E.V. K voprosu o nekotorykh patologicheskikh osobennostiakh pozdnikh sarmatov s iskusstvennoi deformatsiei cherepa [To the Question of Some Pathological Features of the Late Sarmatians with Artificial Deformation of the Skull]. *Iskusstvennaia deformatsiia golovy cheloveka v proshlom Evrazii. OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], 2006, no. 5, pp. 177-187.

15. Pererva E.V. Rentgenologicheskoe issledovanie deformirovannykh cherepov epokhi srednei bronzy s territorii Nizhnego Povolzhia: (Paleopatologicheskii aspekt) [X-Ray Screening of the Artificially Deformed Skulls from the Middle Bronze Age of the Low Volga Region (Paleopathology Aspect)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2013, vol. 18, no. 2, pp. 7-19. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2013.2.1

16. Pererva E.V. Rentgenologicheskoe issledovanie deformirovannykh cherepov zolotoordynskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzhia (paleopatologicheskii aspekt) [X-Ray Study of Deformed Skulls of the Golden Horde Period from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2015, no. 2 (29), pp. 98-114.

17. Firshtein B.V. Sarmaty Nizhnego Povolzhia v antropologicheskom osveshchenii [Sarmatians of the Lower Volga Region in Anthropological Coverage]. Tot T.A., Firshtejn B.V. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov: avary i sarmaty* [Anthropological Data on the Question of the Great Migration of the Peoples of the Avars and Sarmatians]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 116-137.

18. Khudaverdian A.Iu. Iskusstvenno deformirovannye cherepa i zuby iz mogilnika Beniamin [Artificially Deformed Skulls and Teeth from the Beniamin Burial Ground]. *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Social Sciences], 1997, no. 2 (595), pp. 138-144.

19. Iablonskii L.T. Paleoantropologicheskie materialy iz pogrebenii pozdnesarmatskogo vremeni [Paleoanthropological Materials from Burials of the Late Sarmatian Period]. Malashev V.Yu., Iablonskii L.T. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priuralia v pozdnesarmatskoe vremia* [The Steppe Population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Time]. Moscow, 2008, pp. 73-81. (Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii; № 9 [Materials and Research on the Archeology of Russia; no. 9]).

20. Bereczki Zs., Varcsik A. Artificial Cranial Deformation in Hungary. *Iskusstvennaia deformatsiia golovy cheloveka v proshlom Evrazii. OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [Artificial Deformation of Human Head in Eurasian Past. OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], 2006, no. 5, pp. 96-114.

21. Bjork A., Bjork L. Artificial Deformation and Cranio-Facial Asymmetry in Ancient Peruvians. *Journal of Dental Research*, 1964, vol. 43 (3), pp. 353-362.

22. Enchev Ya., Nedelkov Y.G., Atanassova-Timeva N., Jordanov J. Paleoneurosurgical Aspects of Proto-Bulgarian Artificial Skull Deformations. *Neurosurg Focus*, 2010, vol. 29 (6), pp. 1-7.

23. Hilgeman S.L. Artificial Cranial Deformation and Porotic Hyperostosis at Angel Site, Wanderburgh County, Indiana. *Proceedings of the Indiana Academy of Science*, 1988, vol. 98, pp. 83-91.

24. Langdon St.P. *Porotic Hyperostosis and Artificial Cranial Deformation in Dallas Society. Master's Thesis.* University of Tennessee, 1989. 107 p.

25. Mendonça de Souza Sh.V.F., Reinhard K.J., Lessa A. Cranial Deformation as the Cause of Death for a Child from the Chillon River Valley, Peru. *Chungara, Revista de Antropología Chilena*, 2008, vol. 440 (1), pp. 41-53.

26. Okumura M. Differences in Types of Artificial Cranial Deformation Are Related to Differences in Frequencies of Cranial and Oral Health Markers in Pre-Columbian Skulls from Peru. *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. Ciências Humanas*, 2014, vol. 9 (1), pp. 15-26.

27. Ortner D.J., Putschar W.G.J. *Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains*. Washington, Smithsonian Institution Press, 1981. 479 p.

28. Pechenkina E.A., Delgado M. Dimensions of Health and Social Structure in the Early Intermediate Period Cemetery at Villa El Salvador, Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, 2006, vol. 131, pp. 218-235.

29. Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. *Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Jahrg*, *1927*, no. 2, Heft 1, pp. 3-78.

30. Schijman E. Artificial Cranial Deformation in Newborns in the Pre-Columbian Andes. *ChildsNervous System*, 2005, vol. 21, pp. 945-950.

31. *StatSoft Russia*. URL: http://statsoft.ru

32. By Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez Martin, eds. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 478 p.

33. Torres-Rouff Ch. Cranial Modification and the Shapes of Heads Across the Andes. *International Journal of Paleopathology*, 2020, vol. 29, pp. 94-101. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.06.007

Information About the Author

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, pererva fox@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8285-4461

Информация об авторе

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, pererva fox@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8285-4461

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.6

UDC 930.26(470+571):711.3
LBC 63.48(2)-3

Submitted: 10.09.2022
Accepted: 22.02.2023

A GEOMETRIC MORPHOMETRIC STUDY OF THE FACIAL SKELETON VARIATION IN THE JETYASAR ARCHAEOLOGICAL CULTURE POPULATION OF THE EASTERN ARAL REGION [1]

Maria B. Mednikova
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Evteev
Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Olga Yu. Chechyotkina
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kristina A. Petrova
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

German Manríquez
University of Chile, Santiago, Republic of Chile

Anna A. Tarasova
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The origin of the Jetyasar culture's population remains a subject of debate. It was generally accepted that the Xiongnu penetrated into the Aral Sea region and participated in the formation of the local population. Previous studies have shown a complex and admixed origin of the Jetyasar people. But the spread of the head deformation tradition in this population imposes serious limitations on the application of craniometric methods for studying Jetyasar samples. Those limitations can be potentially mitigated with the use of geometric morphometrics (GM). The purpose of this work was to assess the degree of variation in the facial skeleton of the Jetyasar people in comparison with populations of the Early Iron Age and the Hunno-Sarmatian period. *Material and methods.* Digital, three-dimensional models of the skulls were created. Ten landmarks were placed on each of the models and subjected to general Procrustes analysis (GPA) and principal component analysis (PCA). *Results.* The first PC of the analysis of the total male sample reflects variation in the height of the face, nasal bridge protrusion, and the relative width of the infraorbital region. The second component describes the height of the lateral part of the zygomatic process of the maxilla and the adjacent part of the zygomatic bone. The Kosasar 2 male sample is the most diverse morphologically. This burial ground, according to archeological data, belonged to a migrant population related to the Xiongnu. In the female total sample, high values of the first PC are associated with a tall face, a weak nasal bridge protrusion, and a long zygomatic-maxillary suture. The second PC describes the morphology of the zygomatic process of the upper jaw. The Jetyasar samples are morphologically distinct from the skulls from China, Mongolia, Western Siberia, and Southern Siberia. An exception are the crania from the burial grounds of Kosasar 2, 3, and Altyn-Asar 4t which are similar to the early Iron Age samples from China (inner Mongolia, Warring States period, 5th – 3rd centuries BC), Mongolia (Xiongnu period), and Tuva (Arzhan-2). *Discussion.* The Xiongnu migration could become a catalyst for the admixture and ethnogenetic processes in the region. *Conclusion.* Our study shows that the population of the Jetyasar culture was morphologically heterogeneous at all stages of the culture's development. The hypothesis about the migrant roots of a part of the population is confirmed by our data.

© Медникова М.Б., Евтеев А.А., Чечеткина О.Ю., Петрова К.А., Манрикес Г., Тарасова А.А., 2023

Key words: facial skeleton, Early Iron Age, Early Middle Ages, Great Migration, Jetyasar culture, geometric morphometrics.

Citation. Mednikova M.B., Evteev A.A., Chechyotkina O.Yu., Petrova K.A., Manríquez G., Tarasova A.A. A Geometric Morphometric Study of the Facial Skeleton Variation in the Jetyasar Archaeological Culture Population of the Eastern Aral Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 72-93. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.6

УДК 930.26(470+571):711.3
ББК 63.48(2)-3

Дата поступления статьи: 10.09.2022
Дата принятия статьи: 22.02.2023

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛИЦЕВОГО СКЕЛЕТА У НОСИТЕЛЕЙ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ ПО ДАННЫМ 3D ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ [1]

Мария Борисовна Медникова
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Андрей Алексеевич Евтеев
НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ольга Юрьевна Чечеткина
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Кристина Александровна Петрова
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Герман Манрикес
Университет Чили, г. Сантьяго, Республика Чили

Анна Анатольевна Тарасова
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Происхождение носителей джетыасарской культуры остается предметом дискуссий. Предполагалось проникновение в Приаралье хунну и их участие в сложении местного населения. Ранее была выявлена многокомпонентность его антропологического состава. Но распространение обычая деформации накладывало ограничения на возможности краниометрии. Поэтому представляется перспективным привлечь метод геометрической морфометрии. Цель данной работы – оценить степень дифференциации в строении лицевого скелета у джетыасарцев на фоне населения эпохи раннего железного века и гунно-сарматского времени. *Материал и методы.* Получены цифровые трехмерные модели черепов. Проведен анализ конфигураций 10 меток методом главных компонент. *Результаты.* В суммарной мужской выборке крайние варианты по первой компоненте отражают различия по высоте лица, степени выступания переносья и относительной ширине подглазничной области. По второй компоненте дифференцирующими являются высота латерального отдела скулового отростка верхней челюсти и прилегающая часть скуловой кости. Наиболее дисперсной группой представляются мужчины из могильника Косасар 2, по данным археологии, оставленного мигрантным населением, близким хунну. В женской суммарной выборке первая ГК также отражает противопоставление индивидов с высоким лицом, слабым выступанием переносья и длинным скулочелюстным швом и черепов с противоположным комплексом морфологических особенностей. Вторая ГК связана с изменчивостью скулового отростка верхней челюсти. Джетыасарские черепа обособляются от материалов из Китая, Монголии, Западной и Южной Сибири, за исключением некоторых краниумов

из могильников Косасар 2, 3, Алтын-Асар 4т, сходных с материалами раннего железного века из Китая (внутренняя Монголия, warring states period, V–III вв. до н. э.), Монголии (хуннусский период), Тувы (Аржан-2). *Обсуждение.* Миграция хунну могла стать катализатором этнических процессов в регионе. *Заключение.* Выявлена морфологическая неоднородность населения на всех этапах существования джетыасарской культуры. Привлечение сравнительных данных подтверждает гипотезу о мигрантных корнях части населения. *Вклад авторов.* М.Б. Медникова – концепция исследования, первичное обследование краниологических материалов, отбор объектов для сканирования, текст статьи. А.А. Евтеев – сравнительные материалы, текст статьи. О.Ю. Чечеткина принимала участие в обследовании материалов и расставляла ландмарки на цифровых моделях черепов; Г. Манрикес – сканирование черепов; К.А. Петрова – сканирование черепов, подготовка иллюстраций. А.А. Тарасова – статистическая обработка, обсуждение текста статьи.

Ключевые слова: лицевой скелет, ранний железный век, раннее средневековье, Великое переселение народов, джетыасарская культура, геометрическая морфометрия.

Цитирование. Медникова М. Б., Евтеев А. А., Чечеткина О. Ю., Петрова К. А., Манрикес Г., Тарасова А. А. Изменчивость лицевого скелета у носителей джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья по данным 3D геометрической морфометрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 72–93. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.6

Введение. Археологические памятники джетыасарской археологической культуры, открытой на территории современного Казахстана в 1946–1951 гг. в низовьях Сырдарьи С.П. Толстовым [20], благодаря охранным раскопкам 1980-х гг. под руководством Л.М. Левиной предоставили крайне многочисленный антропологический материал. Эта коллекция, насчитывающая останки из свыше 600 погребений, в 1991 и 1995 гг. была передана на хранение и для изучения в Институт археологии РАН.

Этническая принадлежность носителей джетыасарской культуры, равно как и вопросы ее хронологии, была и остается предметом острых дискуссий. Джетыасарцы, по Толстову [20], – тохары; по Левиной [7; 8] – жители страны Янцай, Аланья, позднее Судэ, возможно, юэчжи. Вместе с тем было определенное согласие между этими археологами, отмечавшими влияние хуннусской миграции: С.П. Толстов, основываясь на ранних раскопках, высказал предположение, что в III–IV вв. вместе с аугасиями Нижней Сырдарьи джетыасарцы подверглись влиянию гуннской культуры и языка, войдя в состав «белых гуннов» (эфталитов) [20]. Л.М. Левина на примере раскопанного ею некрополя Косасар 2 предположила непосредственное проникновение хунну на эту территорию и их участие в сложении местного населения еще в I в. до н. э. [8, с. 200–201]. Аральский регион был назван С.П.Толстовым и Л.М. Левиной отдельным «узлом этногенеза», это определение учитывало не только консервативные особенности местной материальной культуры с середины I тыс. до н. э. по VIII в. н. э., но и географическое положение в северной части Великого Шелкового пути, объединявшего мир степных кочевников и земледельцев среднеазиатских оазисов [4; 8]. Впрочем, в последние годы были опубликованы работы археологов, в которых обосновывалась более поздняя датировка закрытых погребальных комплексов [1; 9].

Вопросы изучения происхождения населения, заселившего приаральский регион, столь явно ставшего ареной межкультурного взаимодействия, находились в фокусе внимания с самого начала изучения джетыасарской коллекции. Первым исследователем этих черепов стала Т.П. Кияткина, разделившая краниологический материал в соответствии с имевшейся на тот момент археологической информацией на два очень обширных периода: IV в. до н. э. – IV в. н. э. и IV–VIII вв. [4, с. 224–242; 5, с. 282–289; 6, с. 240–281]. В ее работах был выявлен многокомпонентный антропологический состав джетыасарского населения, который включал южную европеоидную, другую европеоидную (долихокранную и средневысоколицую) и монголоидную составляющие.

По трем образцам из могильника Косасар 2 анализировали древнюю митохондриальную ДНК [28]. Полный набор вариантов контрольного региона мтДНК, определенный для этих индивидов, был обнаружен только среди современной монгольской популяции (монголоиды).

Г.В. Рыкушина [18; 19] в рамках одонтологического исследования сделала вывод

о метисном и многокомпонентном происхождении джетыасарского населения. В выборке из могильника Косасар 2 ею, например, также был определен центральноазиатский компонент.

Большой вклад в краниологическое изучение джетыасарской культуры был внесен Т.К. Ходжайовым. Вместе с Т.П. Кияткиной им была первоначально предпринята попытка дифференциации краниологических материалов из раскопок могильников Алтын-Асар 4 с учетом хронологии, предложенной Л.М. Левиной, и особенностей погребального обряда [22]. В этой работе был сделан вывод о близости по антропологическому составу мужского и женского населения на протяжении длительного времени со II в. до н. э. по VI в. н. э.

Облик населения был охарактеризован как европеоидный, мезобрахикранный, с небольшим по размеру черепом, среднеширокими, высокими, лептопрозопным, резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, средневыступающим носом и средневысокими орбитами. Отмечалось, что этот тип известен среди местного населения южных областей Средней Азии с глубокой древности. Монголоидный комплекс у алтын-асарцев, был представлен смешанными компонентами, среди которых выделялся центральноазиатский с присутствием западносибирского (уральского) [22, с. 56–85].

Позднее Т.К. Ходжайов отказался от попыток дифференциации антропологического материала с учетом данных археологии [23]. Рассмотрение суммарной серии привело к выводу о сходстве с выборками античного времени и раннего средневековья из Средней Азии и Казахстана, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Население джетыасарской культуры «имело морфологические, возможно, и генетические связи, с одной стороны, с оседлым и скотоводческим населением Средней Азии и Южного Казахстана, а с другой – с савромато-сарматским населением Устюрта и Западного Казахстана, поздними сарматами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья» [23, с. 216].

Здесь следует отметить, что подавляющая часть джетыасарского населения на протяжении столетий практиковала обычай искусственной деформации, причем 72,5 % от общей численности составляли ярко выраженные случаи кольцевой и лобно-затылочной деформации [2; 13; 25, с. 83].

Как отмечала Т.П. Кияткина [4], столь широкое распространение обычая деформации накладывало определенные ограничения на возможности краниометрического исследования. В последнее время появляются публикации, где на примере населения Южной Америки доказывается, что разные типы деформации могут влиять не только на морфологию мозгового отдела, но и на некоторые размерные характеристики лицевого скелета, а именно на уменьшение широтных и увеличение высотных размеров лица и на горизонтальную уплощенность [3].

В этой связи нам представляется перспективным привлечение для дифференциации краниологических материалов смешанной и метисной популяции джетыасарских деформантов метода, позволяющего сравнивать форму объектов, исключив различие в размерах [17]. Это геометрическая морфометрия [27; 30], в которой анализируется изменчивость формы объектов по двухмерным или трехмерным конфигурациям меток, получаемых на двухмерных изображениях или на трехмерных цифровых моделях. Если в традиционной краниометрии производятся измерения между анатомически заданными точками, то в основу геометрической морфометрии положен анализ совокупности декартовых координат меток (ландмарков), расставленных на поверхности объекта и описывающих его морфологическую структуру (или ее часть). Координатные данные с помощью ГМ могут успешно анализироваться количественными методами, включая все виды многомерного статистического анализа. Метод трехмерной ГМ ранее был нами применен для морфологической дифференциации населения эпохи бронзы [16].

Цель данной работы – с помощью геометрической морфометрии оценить степень морфологической дифференциации в строении лицевого скелета у представителей джетыасарской культуры на сравнительном фоне населения эпохи раннего железного века и гунно-сарматского времени с территории Центральной Азии, Китая и Монголии, Западной и Южной Сибири.

Материал и методы. На первом этапе исследования были получены цифровые трехмерные модели джетыасарских черепов из хранения Института археологии РАН (96 мужских и 92 женских). 99 черепов были отсканированы при помощи лазерного сканера NextEngine, остальные – оптическим 3D-сканером Artec Space Spider (оборудование ЦКП ИА РАН).

На цифровых моделях отсканированных черепов в программе Artec Studio 15 Professional выполнялась расстановка меток (или ландмарков). С учетом сохранности черепов джетыасарской краниологической коллекции для наиболее детальной характеристики формы лицевого скелета на стадии внутригруппового анализа нами были выбраны 10 строго фиксированных анатомических точек, совокупность которых характеризует строение лицевого скелета в носовой, скуловой и верхнечелюстной областях (рис. 1). Учитывая сильное воздействие искусственной деформации на лобную кость, ландмарки верхнего этажа лица были исключены из программы данного исследования. К сожалению, сохранность некоторых черепов и влияние выполненной ранее реставрации сократили на этой стадии число индивидов, для которых можно было фиксировать все точки, до 85 мужчин и 72 женщин.

На следующем этапе был проведен анализ полученных конфигураций меток методом главных компонент, отдельно для мужчин и женщин. Учитывалась принадлежность черепов выборкам из отдельных некрополей: Алтын-Асар 4а-т, Томпакасар, Косасар 2 и 3, а также достаточно дробная хронология погребений, предложенная автором раскопок Л.М. Левиной: II в. до н. э. – II в. н. э., II–IV вв., IV–VI вв. (информация из составленных ею паспортов погребений, сопровождающих остеологическую коллекцию) [7].

Заключительный этап исследования был связан с анализом джетыасарских материалов на широком сопоставительном фоне. Корпус сравнительных данных в нашей работе представлен базой трехмерных координат точек, составленной в процессе изучения населения Монголии и Китая, Западной и Южной Сибири [29].

Результаты. При рассмотрении суммарной выборки мужских черепов в пространстве двух главных компонент (описывают суммарно 45 % общей изменчивости) (рис. 2), основные различия между крайними вариантами по первой компоненте отражают различия по высоте лица (выше в области малых значений компоненты), степени выступания переносья (сильнее в области больших значений) и относительной ширине подглазничной области (шире в области больших значений).

По второй компоненте дифференцирующими в первую очередь являются высота латерального отдела скулового отростка верхней челюсти и прилегающая часть скуловой кости. Наибольшим морфологическим разнообразием характеризуются мужчины раннего этапа (по Л.М. Левиной, II в. до н. э. – II в. н. э.), среди которых выделяются наиболее контрастные варианты строения лицевого скелета. Мужчины более поздних этапов (II–IV вв. и IV–VI вв.) значительно консолидированы по строению лицевого скелета. Различия между вторым и третьим этапами достигаются в основном благодаря значениям вектора первой компоненты.

Отдельное рассмотрение дифференциации мужских черепов для первого этапа детализирует наши представления о степени морфологической однородности джетыасарцев, погребенных в разных некрополях (рис. 3). Наиболее дисперсной группой представляются мужчины из могильника Косасар 2, по данным археологии, оставленного мигрантным населением, с некоторыми элементами материальной культуры, присущими хунну [8, с. 200–201]. Здесь, например, присутствуют индивиды с высоким, выступающим носом, широким переносьем, отсутствием горизонтальной уплощенности (погребение 38), резко отличающиеся от некоторых мужчин соседнего могильника Косасар 3 с низким, слабо выступающим носом, узким переносьем и сильной горизонтальной уплощенностью (Косасар 3, курган 4). В этом анализе значимой для разграничения крайних вариантов выступает вторая главная компонента, описывающая 28 процентов изменчивости. По ней противопоставляются морфотипы с сильным выступанием переносья, относительно низким и широким лицом, невысокой скуловой костью (в области больших значений), например Косасар 3, курган 5, и с противоположной комбинацией признаков, например мужчина из погребе-

ния 467 могильника Алтын-Асар 4т или АА4а, курган 275. Материалы из могильников АА4л, б, Томпаксар в пространстве двух компонент близки по строению лицевого скелета. Обращают внимание некоторые черепа из могильника АА4в, по данным археологии, выделявшегося наличием инокультурных черт [8], демонстрирующие морфологическое своеобразие (погребение 135).

При рассмотрении краниологических материалов, относимых ко второму этапу (II–IV вв.) (рис. 4), следует вновь обратить внимание на обособление некоторых индивидов из могильника Косасар 2, при этом очень разнообразных (курганы 54, 70 и 66).

При дифференциации материалов третьего хронологического этапа (IV–VI вв.) (рис. 5) наибольшую индивидуальную изменчивость проявляют материалы из могильника АА4л (контрастные варианты встречены в погребениях № 333 и 319) и могильника АА4б (№ 76 и 81). Среди «крайних» вариантов по сочетанию низких значений ГК1 и ГК2 можно выделить погребенного в могильнике АА4о (№ 301), с выраженным комплексом монголоидных особенностей и сильным прогнатизмом.

При рассмотрении суммарной женской выборки первые две главные компоненты описывают порядка 50 % общей изменчивости (рис. 6). Первая ГК отражает уже встречавшееся ранее противопоставление индивидов с высоким лицом, слабым выступанием переносья и длинным скулочелюстным швом (область больших значений) и черепов с противоположным комплексом морфологических особенностей. Вторая ГК связана в первую очередь с изменчивостью скулового отростка верхней челюсти. Для каждого из хронологических этапов свойственно присутствие специфических отклоняющихся морфологических вариантов.

Для раннего этапа антиподами по первой компоненте выступают женщины из могильников АА4р (№ 409) и Косасар 2 (№ 71). По второй компоненте – АА4 а (№ 80) и Косасар 2 (№ 71) (рис. 7).

Для второго этапа по первой компоненте (свыше 40 % изменчивости) противопоставляются варианты с относительно низким и широким лицом, большей профилировкой переносья (малые значения; напр., АА4в № 149, АА4л № 356, Косасар 2 № 22, АА4о № 304, 289) и с высоким лицом и относительно узкими скулами (крайние варианты АА4м № 259, АА4л № 364). По второй компоненте (20 % описываемой изменчивости) наиболее отчетливыми антагонистами выступают женщины Косасара 2 (№ 22) и АА4в (№ 118), АА4о (№ 304 и 289). Морфологическая дифференциация по этому вектору достаточно слабая и связана в значительной мере с высотой скулового отростка верхней челюсти. Можно видеть противопоставление части индивидов, например Косасар 2, № 22; АА4м, № 259, с одной стороны, и АА4о, № 304 и АА4л, № 364 – с другой. Таким образом, наиболее монголоидные по своему облику индивиды сконцентрированы в области больших значений ГК1 и в какой-то степени малых значений ГК2 (рис. 8).

Для выборки IV–VI вв. (рис. 9) наиболее однородной группой в отношении морфологии лицевого скелета выступают женщины из могильника АА4р, хотя и здесь есть уклоняющиеся варианты (№ 433). Обращает внимание обособление по первой компоненте женских черепов из могильника АА4о (№ 362, 442, 290). Примечательно очень близкое положение черепов АА4л (№ 365, 247).

На следующем этапе анализа были привлечены сравнительные материалы раннего железного века и гунно-сарматского времени (мужчины), полученные методами геометрической морфометрии. Две компоненты описывают свыше 60 % изменчивости (рис. 10). По ней противопоставляются широколицые варианты с относительно низким, слабо выступающим носом и узколицые, с высоким носом и заметной профилировкой. По второй компоненте разграничиваются, прежде всего, широкоскулые и узкоскулые варианты, хотя и здесь значительную роль в дифференциации играет относительная высота средней части лица.

Генеральная совокупность сравниваемых черепов отчетливо делится на две подгруппы. Черепа из раскопок джетыасарских могильников обособляются от черепов с территории Китая, Монголии, Западной и Южной Сибири, демонстрируя при этом высокий размах изменчивости. «Ядро» джетыасарского населения составляют материалы из раскопок могильников АА4а, б, р, Томпаксар. К нему тяготеют материалы из раскопок АА4л, как отмечалось выше, характеризующиеся

повышенной индивидуальной изменчивостью. Некоторые частные результаты могут отражать близкое родство конкретных индивидов. Так, мужчина из погребения № 326 могильника АА4л, у которого ранее была идентифицирована редчайшая наследственная аномалия – радиоульнарный стеноз [14], сближается с мужчиной из погребения № 346 некрополя АА4р. В соседнем кургане № 345 была похоронена женщина с аналогичной уникальной патологией, что, в дополнение к данным ГМ, указывает на родственные связи погребенных в могильниках АА4л, р. Также сближаются некоторые мужчины из ранних джетыасарских могильников Косасар 2 и АА4в, где, по данным археологии, в разной степени наблюдаются инокультурные особенности [8].

Вместе с тем некоторые джетыасарские черепа (могильник Косасар 3, погребение № 5 и Косасар 2, № 66) вообще попадают в поле изменчивости центральноазиатских групп, объединяясь с материалами раннего железного века из Китая (территория внутренней Монголии, так называемый warring states period, V–III вв. до н. э.) и Монголии (хуннусский период, колл. номера АТ117 и АТ599 Национального Университета Монголии). С ними также сближается по строению лицевого скелета мужчина из погребения 20 тувинского могильника Аржан-2. К этой совокупности примыкают некоторые краниумы из раскопок некрополя АА4т (№ 479, 480).

Обсуждение. Антропологические материалы из могильника Аржан-2, датируемого второй половиной VII в. до н. э. исследованы Т.А. Чикишевой [24]. Она отмечала однородность этой выборки, что проявилось в принадлежности погребенных к единому краниологическому комплексу со средневысокой мезобрахикранной черепной коробкой, умеренным рельефом, широким лицом, с углами горизонтального профиля, более характерными для групп метисного европеоидно-монголоидного происхождения, с прямым вертикальным профилем лица, среднешироким носовым отверстием, небольшим выступанием носа. Серия Аржан-2 обнаружила наиболее тесную связь с синхронными материалами из Горного Алтая. Очевидно, что подобный тип дискретно проявляется в составе серий из могильников Косасар значительно позже – со II в. до н. э. до IV в. н. э.

Полученная картина служит весомым подтверждением тезису об автономном «узле этногенеза» в Восточном Приаралье, сформировавшемся в конце раннего железного века – раннем средневековье на северном участке Великого Шелкового пути. Основу этого населения составляли южные европеоиды, которые, как ранее было отмечено в краниологических исследованиях, численно доминировали в среднеазиатских оазисах с глубокой древности [4, 5; 21; 24]. Примечательно, что к этому же антропологическому типу, несмотря на налет монголоидности, принадлежала и группа из могильника АА4м, по данным археологии, выделявшаяся на фоне других джетыасарцев особенностями погребального обряда [8].

Анализ, проведенный при помощи метода геометрической морфометрии, позволяет проверить и другую гипотезу – о непосредственном участии в составе джетыасарского социума выходцев из глубин Центральной Азии, возможно, самих хунну. Большое сходство некоторых краниумов из серий Косасар 2 и 3, в меньшей степени, краниумов из серии АА4т, с материалами из внутренней и внешней Монголии, из Тувы показывает, что часть населения, ассоциируемого с джетыасарской археологической культурой, была вовлечена в активные миграции в I в. до н. э. или I в. н. э. и осталась жить в Восточном Приаралье.

Первый задокументированный китайскими письменными источниками поход хунну в Среднюю Азию относится к 36 г. до н. э., второй – к I в. н. э. Известно, что вторая волна хуннуской миграции стронула с места различные племена, и что сами хунну достигли севера Средней Азии, где-то в районах расселения племен Кангюйского объединения, поселившись в бассейне средней и нижней Сырдарьи, где оказывали влияние на соседей [10, с. 236].

Судя по тому, что геометрическая морфометрия лицевого скелета джетыасарцев показывает высокую вариабельность для раннего этапа (II в. до н. э. – II в. н. э.), именно движение хунну стало катализатором этнических процессов в регионе, сопровождаясь появлением здесь других групп, отличавшихся по происхождению от коренного населения.

Это предположение ранее нашло подтверждение в результатах исследования размеров и пропорций посткраниального скелета, выявивше-

го сходство скелетной конституции группы Косасар 2 [11; 26] и в меньшей степени группы АА4в с населением Монголии и Тувы гунно-сарматского времени, а именно с группами Улангом (Чандмань) и Аймырлыг [12]. Методом канонического анализа было показано, что материалы из Улангомского (Чандманьского) могильника в северо-западной Монголии (захоронения в срубах и каменных ящиках) чрезвычайно близки выборке гунно-сарматского времени из Тувы (могильник Аймырлыг XXXI, каменные ящики и грунтовые могилы). В этом анализе выборка Косасар 2 была ближе всего серии из каменных ящиков Улангомского могильника [12, с. 263]. В анализе, включавшем европейские выборки эпохи миграций, выборка Косасар 2 оказалась особенно сходна с серией погребенных в грунтовых могилах Аймырлыг XXXI [15].

Вместе с тем еще одна мигрантная, по данным археологии [8], группа из могильника АА4м конца IV в. по строению посткраниального скелета во многом сближается с джетыасарскими выборками из могильников АА4а, б, л, р, Томпакасар [15]. Примечательно, что по строению лицевого скелета погребенные в этом могильнике не слишком выделяются на фоне «типично джетыасарского» населения (выборки АА4б, л, д, р, г, Томпакасар), имеющего морфологические аналоги в составе более раннего или синхронного населения Средней Азии, в том числе по строению костей скелета.

Заключение. Впервые методом трехмерной геометрической морфометрии исследована форма лицевого скелета по цифровым моделям черепов носителей джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья.

Внутригрупповой анализ выявил морфологическую неоднородность населения, характерную для всех этапов существования этой культуры.

Привлечение сравнительных данных с территории Центральной Азии, Монголии, Китая, Сибири подтверждает гипотезу о мигрантных корнях части джетыасарского населения, представленного некоторыми краниологическими материалами из могильников Косасар 2, 3 и Алтын-Асар 4т. Выявлено сходство части джетыасарцев из этих некрополей с населением Монголии и Китая (регион Внутренняя Монголия), с населением Тувы раннего железного века и гунно-сарматского времени. Полученные результаты находят подтверждение в письменных источниках и в данных археологии о миграциях конца I тыс. до н. э. – первых веков н. э. с северных окраин Китая в Среднюю Азию. Создается впечатление, что мигрировавшее население исходно было антропологически неоднородным, включало европеоидные и монголоидные типы. Подобная картина сосуществования людей разного происхождения ранее была выявлена на территории Тувы (алдыбельская и саглынская археологические культуры), отсюда или с сопредельных территорий, по-видимому, была осуществлена исходная миграция в Восточное Приаралье.

БЛАГОДАРНОСТИ

Сканирование черепов световым оптическим 3D-сканером Artec Space Spider производилось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования Института археологии РАН, г. Москва (научное оборудование для археометрических исследований). Мы приносим благодарность Р. Шмидту за возможность использовать ранее опубликованные сравнительные материалы.

ACKNOWLEDGEMENTS

Scanning of skulls was carried out using the instrument base of the Center for Collective Use of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (scientific equipment for archaeometric studies, the light optical 3D scanner Artec Space Spider). We are grateful to R. Schmidt for the opportunity to use previously published comparative materials.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00630, https://rscf.ru/project/22-28-00630/ «Население Восточного Приаралья в эпоху миграций I тысячелетия по данным антропологического источника».

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00630, https://rscf.ru/project/22-28-00630/ "Population of the Eastern Aral region during the age of migrations of the 1st millennium according to an anthropological source."

ПРИЛОЖЕНИЕ

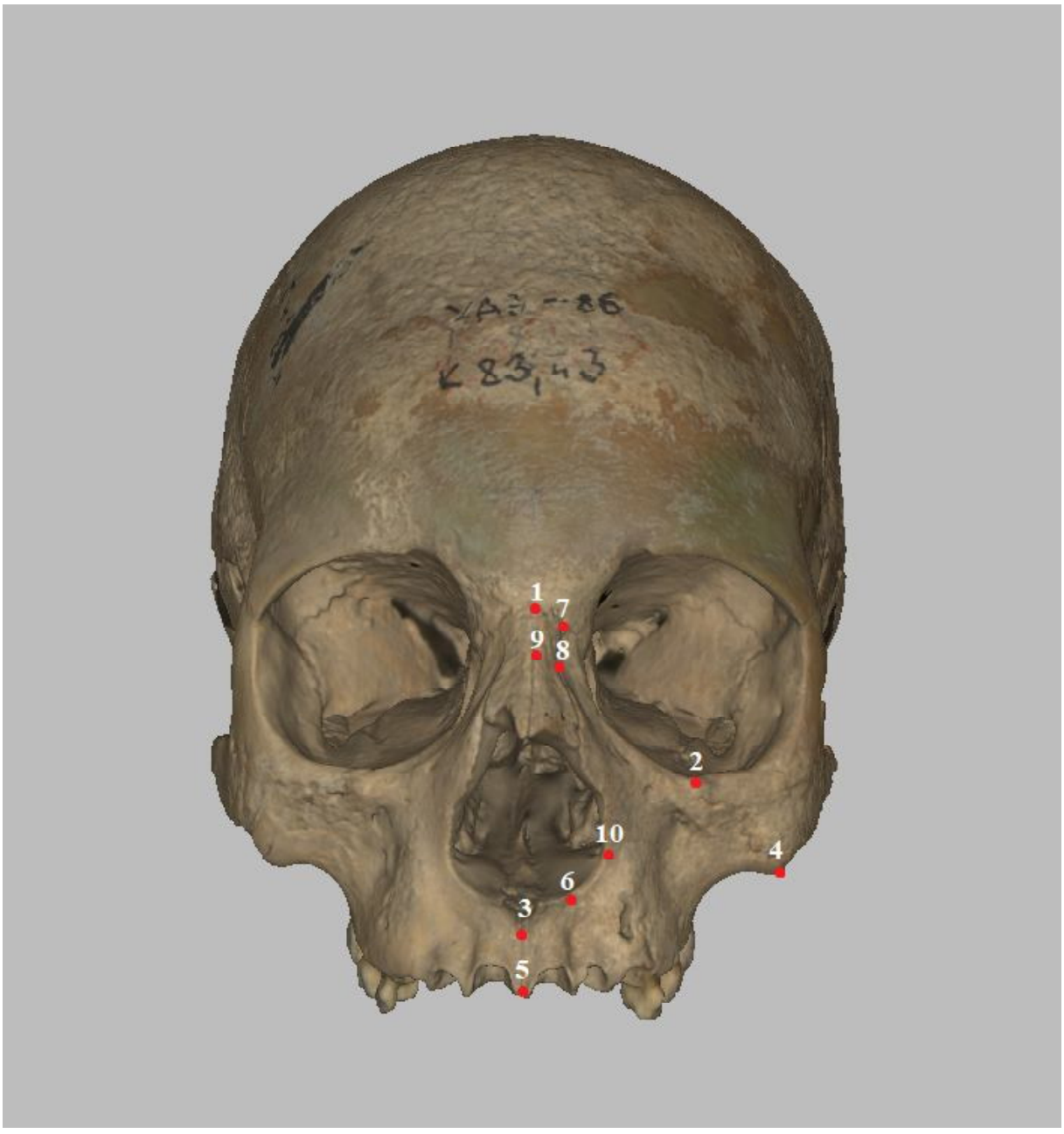

Рис. 1. Трехмерная цифровая модель черепа с нанесенными метками:

1 – Nasion; *2* – Zygoorbitale; *3* – Subspinale; *4* – Zygomaxillare; *5* – Prosthion; *6* – Nariale; *7* – Infranasion; *8* – симотический левый; *9* – симотический средний; *10* – Alare

Fig. 1. 3D digital skull model with labels:

1 – Nasion; *2* – Zygoorbital; *3* – Subspinal; *4* – Zygomaxillare; *5* – Prosthion; *6* – Nariale; *7* – Infranasion; *8* – Symotic Left; *9* – Symotic Mean; *10* – Alare

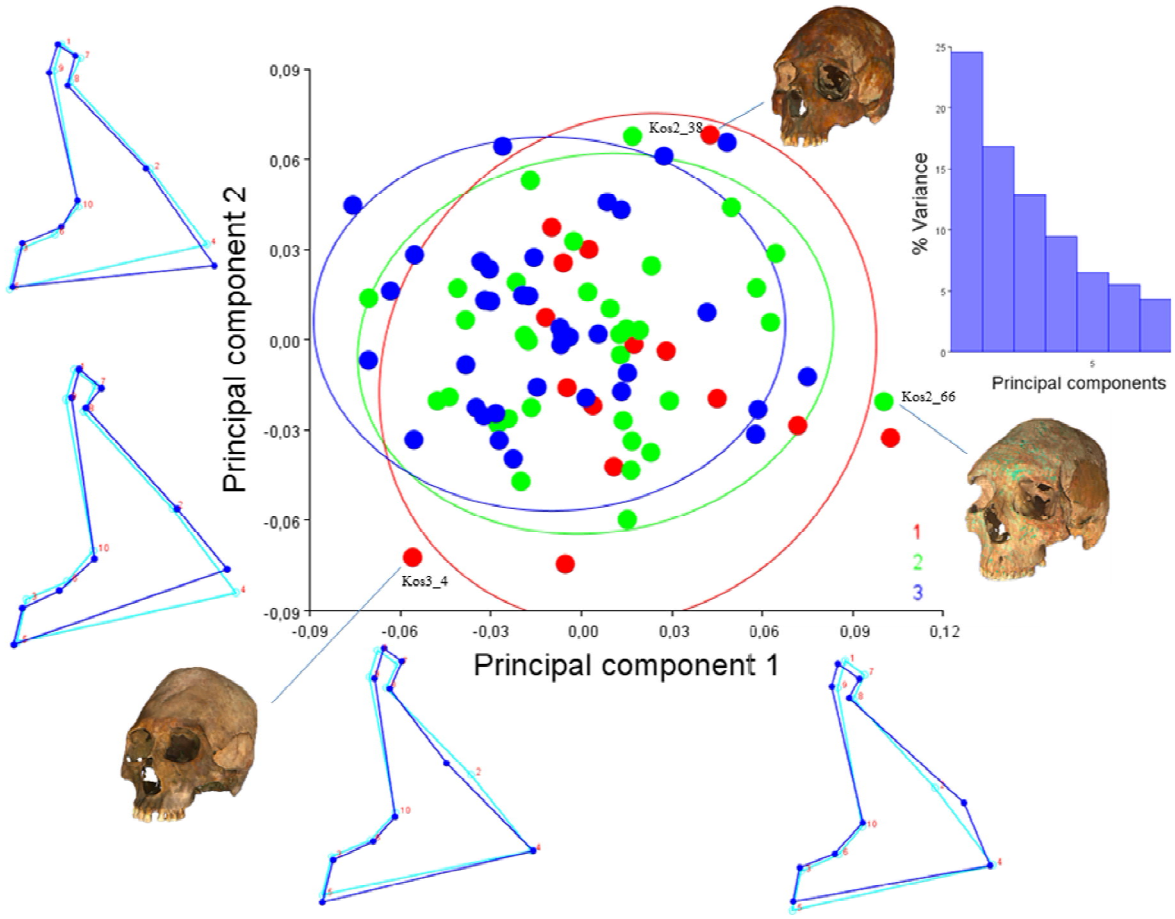

Рис. 2. Результаты анализа морфологической изменчивости лицевого скелета в суммарной выборке мужчин джетыасарской культуры:

1 – II в. до н. э. – II в. н. э.; *2* – II–IV вв.; *3* – IV–VI вв.

Fig. 2. The results of the analysis of the morphological variability of the facial skeleton in the total sample of men from the Dzhetyasar culture:

1 – 2nd century BC – 2nd century AD; *2* – 2nd – 4th centuries; *3* – 4th – 6th centuries

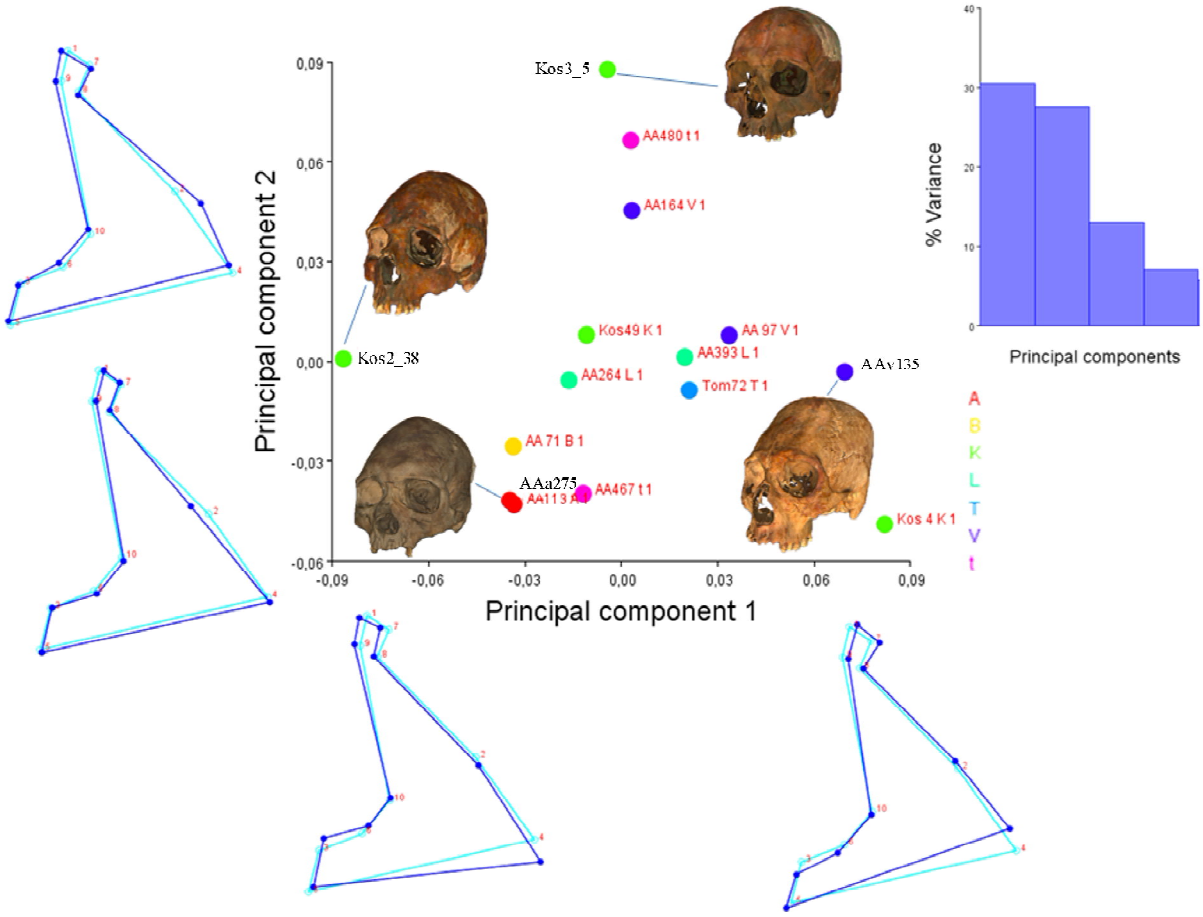

Рис. 3. Изменчивость лицевого скелета у джетыасарских мужчин во II в. до н. э. – II в. н. э.:
A – могильник АА4а; *B* – АА4б; *K* – АА4к; *L* – АА4л; *T* – Томпакасар; *V* – АА4в; *t* – АА4т

Fig. 3. Variability of the facial skeleton in the Jetyasar men in the 2nd century BC – 2nd century AD:
A – burial ground AA4a; *B* – AA4b; *K* – AA4k; *L* – AA4l; *T* – Tompacasar; *V* – AA4v; *t* – AA4t

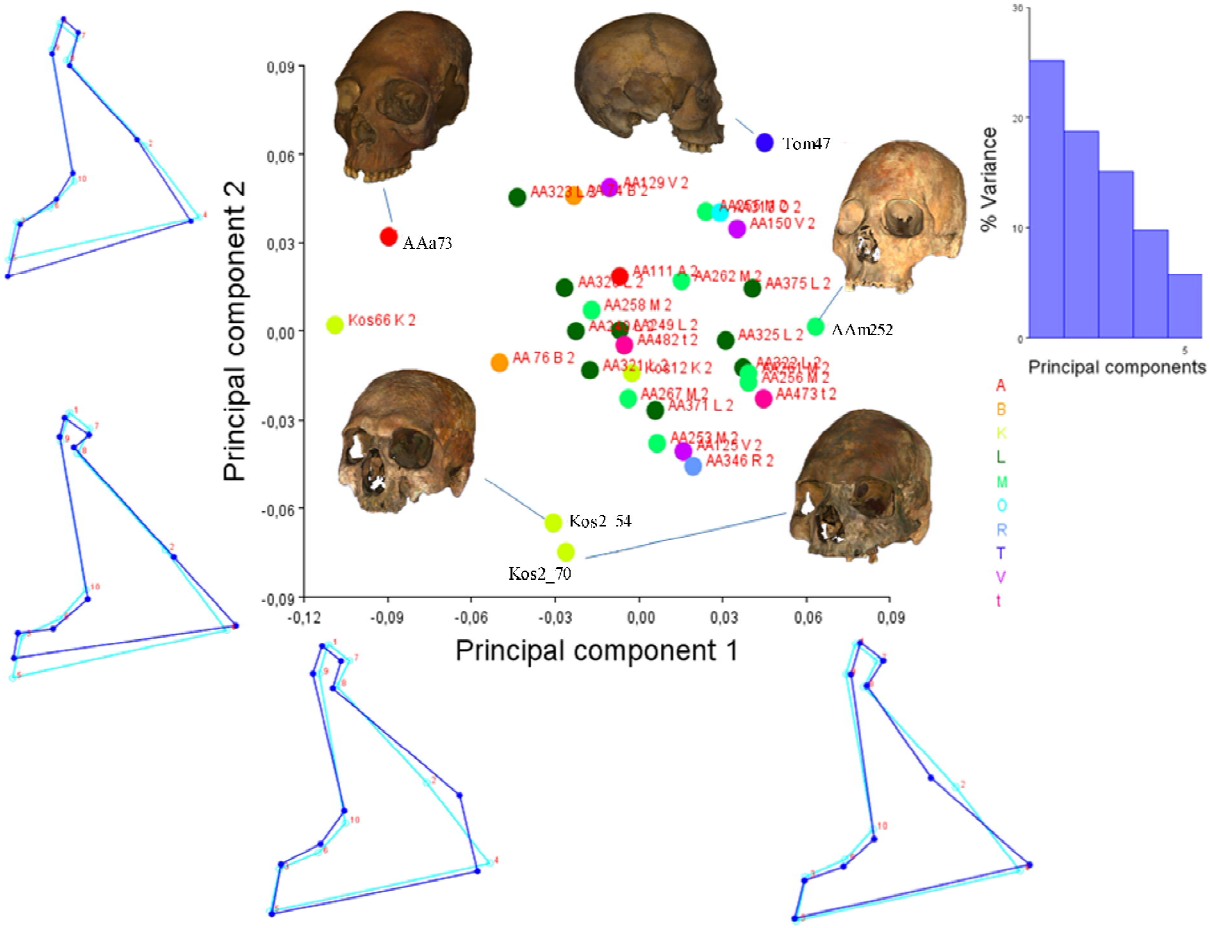

Рис. 4. Изменчивость лицевого скелета у джетыасарских мужчин во II–IV вв.:

A – могильник АА4а; *B* – АА4б; *K* – АА4к; *L* – АА4л; *M* – АА4м; *O* – АА4о; *R* – АА4р; *T* – Томпакасар; *V* – АА4в; *t* – АА4т

Fig. 4. Variability of the facial skeleton in the Jetyasar men in the 2nd – 4th centuries:

A – burial ground AA4a; *B* – AA4b; *K* – AA4k; *L* – AA4l; *M* – AA4m; *O* – AA4o; *R* – AA4r; *T* – Tompakasar; *V* – AA4v; *t* – AA4t

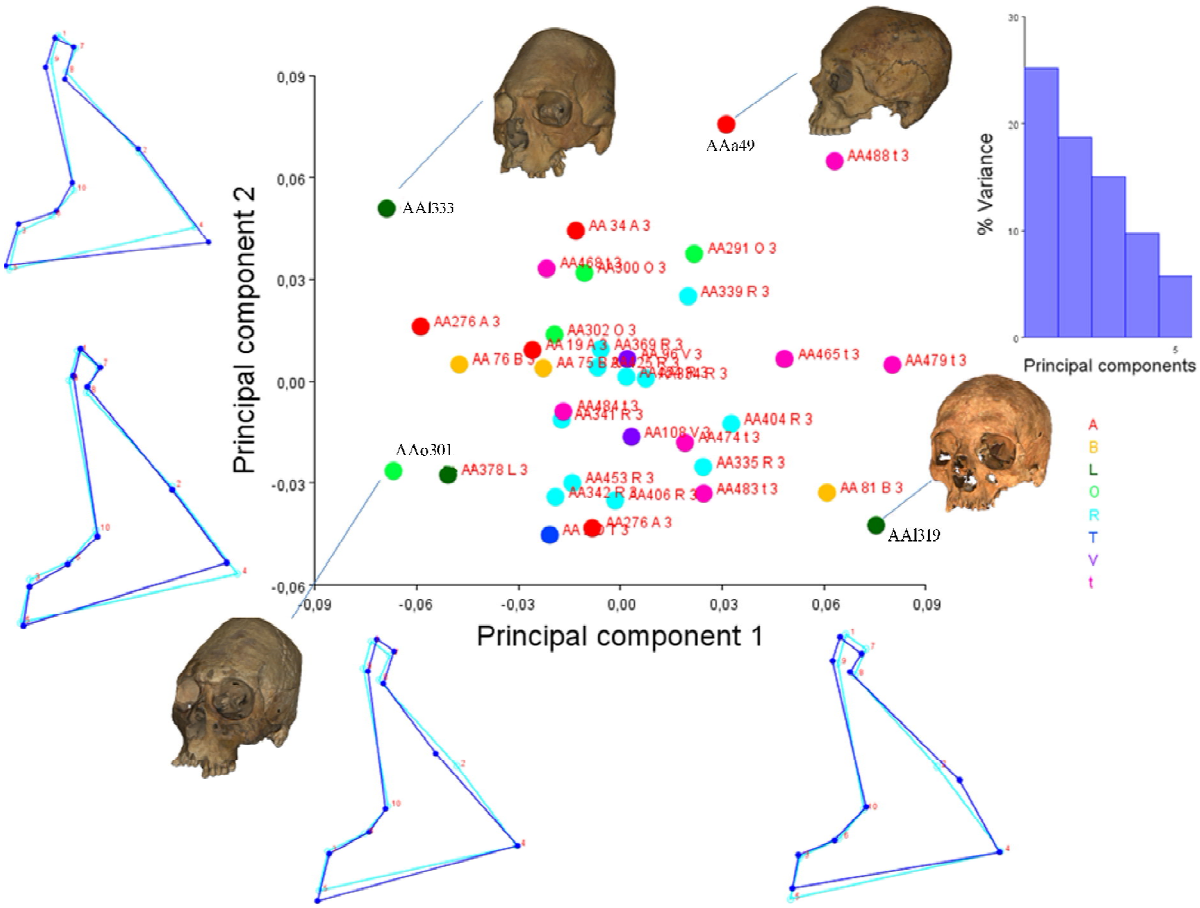

Рис. 5. Изменчивость лицевого скелета у джетыасарских мужчин в IV–VI вв.:
A – могильник АА4а; *B* – АА4б; *L* – АА4л; *O* – АА4о; *R* – АА4р; *T* – Томпакасар; *V* – АА4в; *t* – АА4т

Fig. 5. Variability of the facial skeleton in the Jetyasar men in the 4th – 6th centuries:
A – burial ground AA4a; *B* – AA4b; *L* – AA4l; *O* – AA4o; *R* – AA4r; *T* – Tompakasar; *V* – AA4v; *t* – AA4t

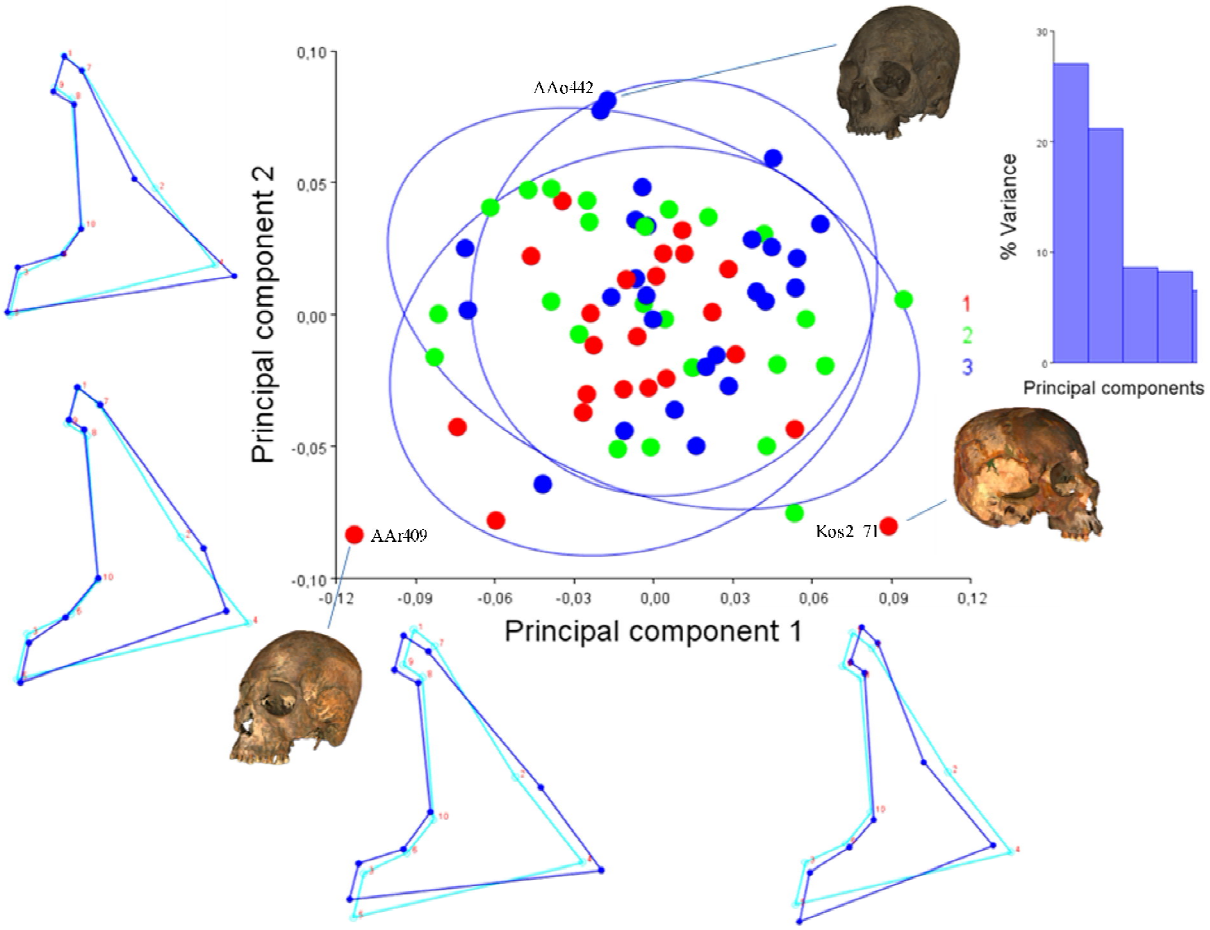

Рис. 6. Результаты анализа морфологической изменчивости лицевого скелета в суммарной выборке женщин джетыасарской культуры:

1 – II в. до н. э. – II в. н. э.; *2* – II–IV вв.; *3* – IV–VI вв.

Fig. 6. The results of the analysis of the morphological variability of the facial skeleton in the total sample of women from the Dzhetyasar culture:

1 – 2nd century BC – 2nd century AD; *2* – 2nd – 4th centuries; *3* – 4th – 6th centuries

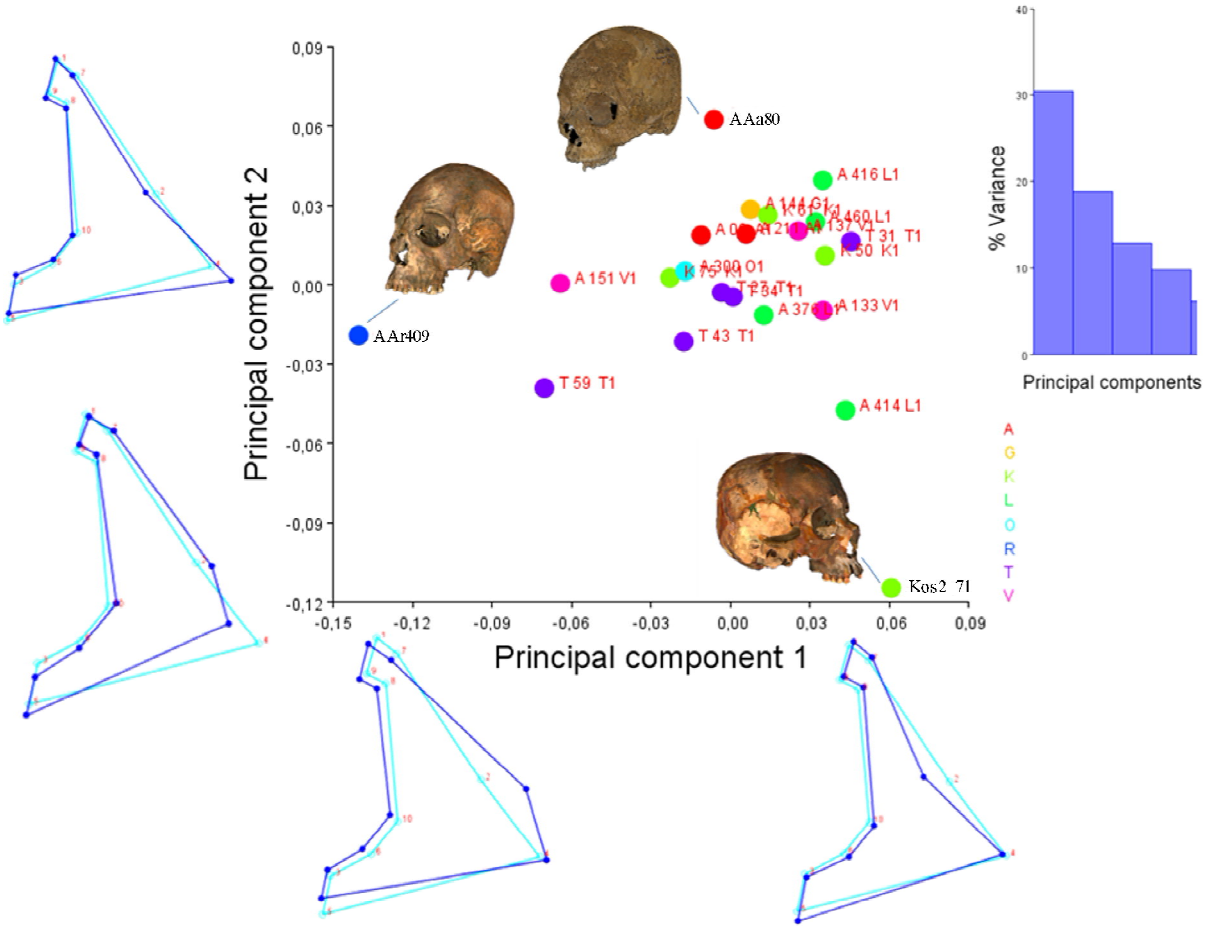

Рис. 7. Изменчивость лицевого скелета у джетыасарских женщин во II в. до н. э. – II в. н. э.:
A – могильник AA4a; *G* – AA4г; *K* – AA4к; *L* – AA4л; *O* – AA4o; *R* – AA4p; *T* – Томпакасар; *V* – AA4в

Fig. 7. Variability of the facial skeleton in Jetyasar women in the 2nd century BC – 2nd century AD:
A – burial ground AA4a; *G* – AA4g; *K* – AA4k; *L* – AA4l; *O* – AA4o; *R* – AA4r; *T* – Tompakasar; *V* – AA4v

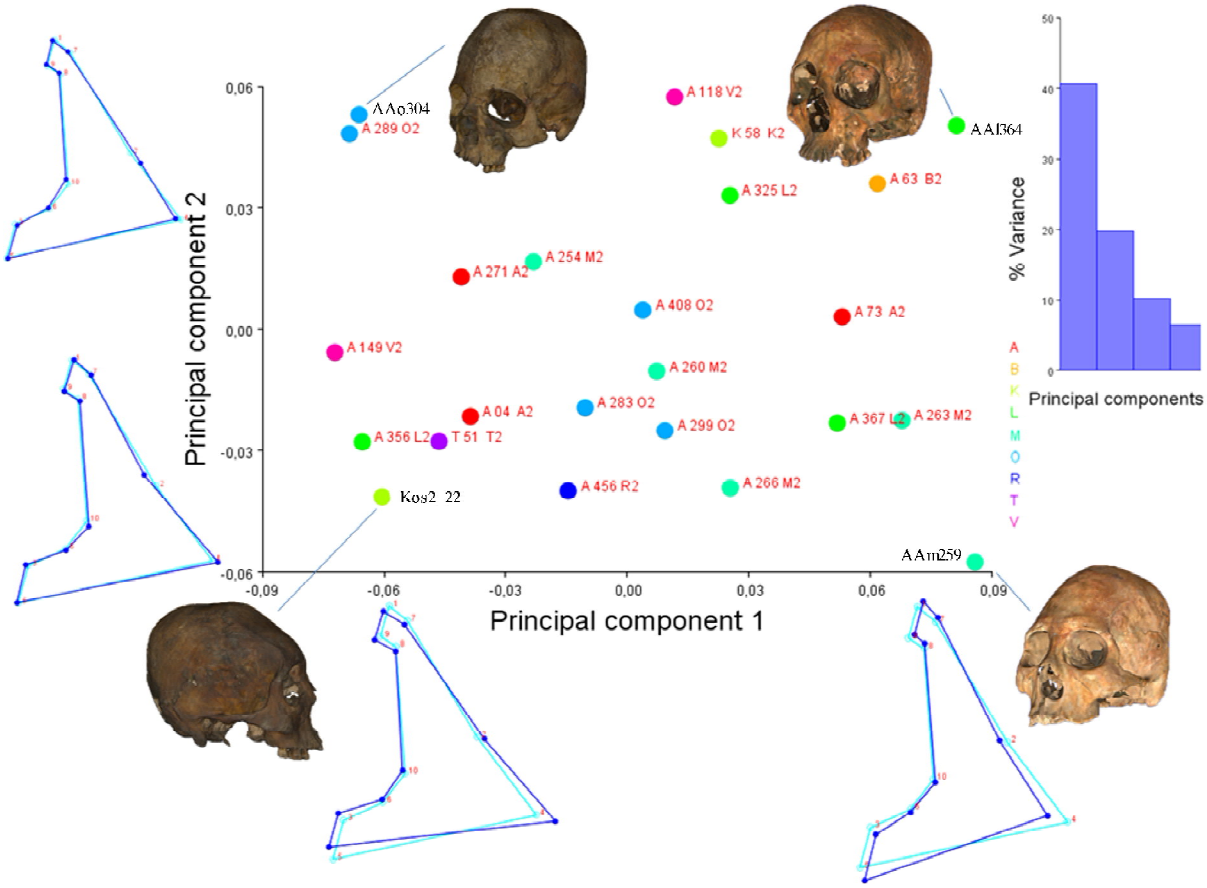

Рис. 8. Изменчивость лицевого скелета у джетыасарских женщин во II–IV вв.:

A – могильник АА4а; *B* – АА4б; *K* – АА4к; *L* – АА4л; *M* – АА4м; *O* – АА4о; *R* – АА4р; *T* – Томпакасар; *V* – АА4в

Fig. 8. Variability of the facial skeleton of the Dzhetyasar women in the 2nd – 4th centuries:

A – AA4a burial ground; *B* – AA4b; *K* – AA4k; *L* – AA4l; *M* – AA4m; *O* – AA4o; *R* – AA4r; *T* – Tompakasar; *V* – AA4c

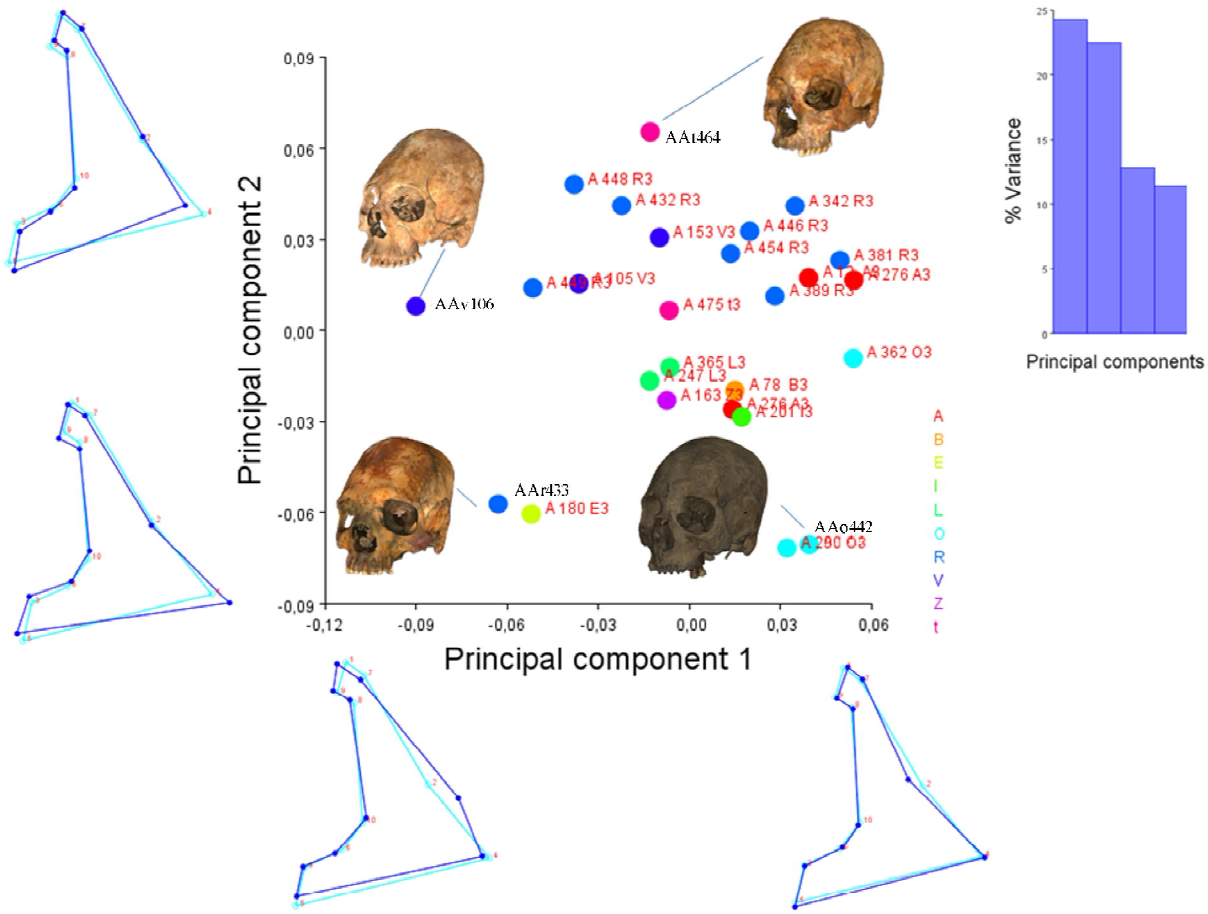

Рис. 9. Изменчивость лицевого скелета у джетыасарских женщин в IV–VI вв.

A – могильник АА4а; *B* – АА4б; *E* – АА4е; *I* – АА4и; *L* – АА4л; *O* – АА4о; *R* – АА4р; *V* – АА4в; *Z* – АА4з; *t* – АА4т

Fig. 9. Variability of the facial skeleton in Dzhetyasar women in the 4th – 6th centuries:

A – burial ground AA4a; *B* – AA4b; *E* – AA4e; *I* – AA4i; *L* – AA4l; *O* – AA4o; *R* – AA4r; *V* – AA4b; *Z* – AA4z; *t* – AA4t

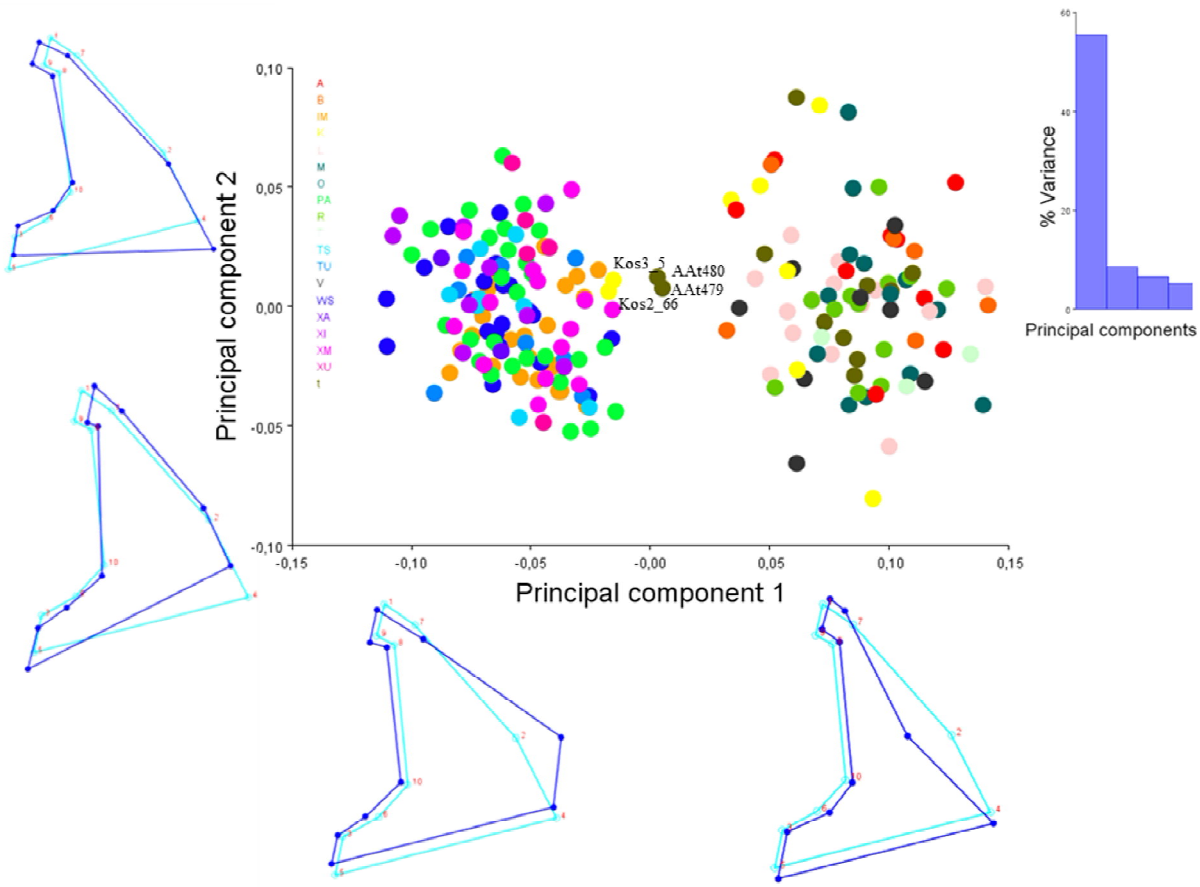

Рис. 10. Изменчивость лицевого скелета джетыасарского мужского населения
на фоне представителей культур раннего железного века и гунно-сарматского времени
с территории Китая, Монголии, Южной и Западной Сибири. Метод главных компонент:

A – могильник АА4а; *B* – могильник АА4б; *IM* – материалы из Внутренней Монголии, период “warring states”;
K – могильники Косасар 2 и 3; *L* – АА4л; *M* – АА4м; *O* – АА4о; *PA* – материалы пазырыкской культуры, Алтай;
R – АА4р; *T* – могильник Томпакасар; *TS* – материалы тагарской культуры, Южная Сибирь;
TU – материалы из Тувы, могильники Аржан 2, Догыээ-Баары 2; *WS* – Западная Сибирь, могильник Быстровка;
XA – хунну, Монголия, Аркангай; *XI* – Синьцзянь, материалы раннего железного века;
XU – хунну, Монголия; *t* – АА4т

Fig. 10. Variability of the facial skeleton of the Dzhetyasar male population
against the background of representatives of the cultures of the Early Iron Age and the Hun-Sarmatian time
from the territory of China, Mongolia, and South and Western Siberia. Principal Component Method:

A – burial ground AA4a; *B* – burial ground AA4b; *IM* – materials from Inner Mongolia, “warring states” period;
K – burial grounds Kosasar 2 and 3; *L* – AA4l; M – AA4m; *O* – AA4o; *PA* – materials of the Pazyryk culture, Altai;
R – AA4r; *T* – burial ground of Tompakasar; *TS* – materials of the Tagar culture, Southern Siberia;
TU – materials from Tuva, burial grounds of Arzhan 2, Dogyee-Baary 2; *WS* – Western Siberia, burial ground of Bystrovka;
XA – Xiongnu, Mongolia, Arkangai; *XI* – Xinjiang, early Iron Age materials; *XU* – Xiongnu, Mongolia; *t* – AA4t

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2009. 672 с.

2. Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

3. Кастро Степанова А. А., Гончарова Н.Н. Краниологическая характеристика населения Чили доколумбовой эпохи (на примере Некрополя Чунчури): Искусственная деформация и морфометрические особенности // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 1. С. 18–34.

4. Кияткина Т. П. Краниологический материал из склепов могильников Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 3. Джетыасарская культура. Ч. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 224–242.

5. Кияткина Т. П. Краниологические материалы из могильников Косасар 2 и Косасар 3 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 3. Джетыасарская культура. Ч. 2. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 206–247.

6. Кияткина Т. П. Краниологические исследования из могильников Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 240–281.

7. Левина Л. М., Птичников А. В. Динамика ирригации и древних русел Кувандарьи в урочище Джетыасара (Восточное Приаралье) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С. 142–160.

8. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 396 с.

9. Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Вып. III. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 37–56.

10. Мандельштам А. М. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО РАН, 1975. С. 229–238.

11. Медникова М. Б. Антропо-экологические исследования древнего населения Восточного Приаралья // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 513–518.

12. Медникова М. Б. Палеоэкология Центральной Азии по данным антропологии // Антропоэкология Центральной Азии. М.: Науч. мир, 2005. С. 256–289.

13. Медникова М. Б. Феномен искусственной деформации головы: евразийский контекст // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS : Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2006. С. 206–229.

14. Медникова М. Б. Редкая врожденная аномалия у населения эпохи Великого переселения народов (по материалам раскопок в Восточном Приаралье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 110–119. DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-9

15. Медникова М. Б., Тарасова А. А., Чечеткина О. Ю. Морфологические особенности раннесредневекового населения Восточного Приаралья (по материалам могильников Алтын-Асар) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 84–102. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.5

16. Медникова М. Б. Тарасова А. А., Чечеткина О. Ю., Евтеев А. А. Представители средневолжской абашевской культуры в контексте изменчивости лицевого скелета у населения эпохи ранней и средней бронзы по данным геометрической морфометрии // Краткие сообщения института археологии. 2021. № 265. С. 309–321. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.265.309-324

17. Павлинов И. Я., Микешина Н. Г. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. 2002. Т. 63 (6). С. 473–493.

18. Рыкушина Г. В. Материалы по одонтологии Джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 3. Джетыасарская культура. Ч. 2. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 195–205.

19. Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения джетыасарского времени (по материалам могильников Алтынасар 4) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 290–303.

20. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит., 1962. 324 с.

21. Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент: Фан, 1987. 207 с.

22. Ходжайов Т. К., Кияткина Т.П. Археолого-антропологическая характеристика населения джетыасарской культуры Восточного Приаралья // На путях биологической истории человечества. Т. II. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 56–85.

23. Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. Население джетыасарской культуры в евразийском пространстве // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 202–218.

24. Чикишева Т. А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевни-

ков Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 120–139.

25. Шведчикова Т. Ю. К вопросу о распространении обычая искусственной деформации головы у древнего населения Восточного Приаралья // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2009. № 1. С. 78–84.

26. Buzhilova A. P., Mednikova M. B. Kosasar, an Ancient Population from the Eastern Aral Region: Palaeodemography, Osteometry, Growth Arrest // Homo. 1999. Vol. 50 (1). P. 66–79.

27. Bookstein F. L. Morphometric Tools for Landmark Data: Geometry and Biology. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1991. 198 p.

28. Ovchinnikov I., Buzhilova A., Mednikova M., Goodwin W., Curry G. Ethnic Affinities of the Ancient Human Jety-Asar Population by Mitochondrial DNA analysis // Electrophoresis. 1999. Vol. 20 (8). P. 1729–1732.

29. Schmidt R. W., Evteev A. A. Iron Age nomads of Southern Siberia in Craniofacial Perspective // Anthropological Science. 2014. Vol. 122. P. 137–148.

30. Zelditch M. L., Swiderski D. L., Sheets H. D., Fink W. L. Geometric Morphometrics for Biologists: A Primer. N. Y.: Elsevier Academic Press, 2004. 444 p.

REFERENCES

1. Botalov S.G. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaia rekonstruktsiia)* [Huns and Turks (Historical and Archaeological Reconstruction)]. Cheliabinsk, TsIKR "Rifei", 2009. 672 p.

2. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniya)* [Ancient Population (Palaeopathological Aspects of Study)]. Moscow, IA RAN Publ., 1995. 189 p.

3. Castro Stepanova A.A., Goncharova N.N. Kraniologicheskaya kharakteristika naseleniya Chili dokolumbovoy epokhi (na primere Nekropolya Chunchuri): Iskusstvennaya deformatsiya i morfometricheskiye osobennosti [Craniological Characteristics of the Population of Chile in the Pre-Columbian Era (On the Example of the Chunchuri Necropolis): Artificial Deformation and Morphometric Features]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2019, no. 1, pp. 18-34.

4. Kiyatkina T.P. Kraniologicheskiy material iz sklepov mogilnikov Altynasar 4, Tompakasar, Kosasar [Craniological Material from Altyn-Asar 4, Tompakasar, Kosasar Tombs]. *Nizovya Syrdaryi v drevnosti. Vyp. 3. Dzhetyasarskaya kultura. Ch. 1* [Low Flow of the Syrdarya River in Antiquity. Iss. 3. Jetyasar Culture. Part 1]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1993, pp. 224-242.

5. Kiyatkina T.P. Kraniologicheskie materialy iz mogilnikov Kosasar 2 i Kosasar 3 [Craniological Materials from Kosasar 2 and Kosasar 3 Burials]. *Nizovya Syrdaryi v drevnosti. Vyp. 3. Dzhetyasarskaya kultura. Ch. 2* [Low Flow of the Syrdarya River in Antiquity. Iss. 3. Jetyasar Culture. Part 2]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1993, pp. 206-247.

6. Kiyatkina T.P. Kraniologicheskiye issledovaniya iz mogilnikov Altynasar 4 [Craniological Studies from the Burial Grounds of Altynasar 4]. *Nizovya Syrdaryi v drevnosti. Vyp. 5. Dzhetyasarskaya kultura. Ch. 5* [Low Flow of the Syrdarya River in Antiquity. Iss. 5. Jetyasar Culture. Part 5]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1995, pp. 240-281.

7. Levina L.M., Ptichnikov A.V. Dinamika irrigatsii i drevnikh rusel Kuvandaryi v urochishche Dzhetyasara (Vostochnoe Priaralye) [Dynamics of Irrigation and Ancient Water Flows of Kuvandarya River in Jetyasar Valley (Eastern Aral Region)]. *Aralskiy krizis (istoriko-geograficheskaya retrospektiva)* [Aral Crisis (Historical-Geographical Retospection)]. Moscow, In-t jetnologii i antropologii AN SSSR, 1991, pp. 142-160.

8. Levina L.M. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya. I tysyacheletie do n. e. – I tysyacheletie n. e.* [Ethnocultural History of the Eastern Aral Region. 1st Millennium BC – 1st Millennium AD]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1996. 396 p.

9. Malashev V.Yu., Moshkova M.G. Proiskhozhdenie pozdnesarmatskoi kultury (k postanovke problemy) [The Origin of the Late Sarmatian Culture (To the Problem Statement)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoi kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym). Vyp. III* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (According to Archaeological and Natural Science Data). Iss. 3]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 37-56.

10. Mandelstam A.M. K gunnskoy probleme [On the Hun Problem.] *Sootnosheniye drevnikh kultur Sibiri s kulturami sopredelnykh territoriy* [Correlation Between the Ancient Cultures of Siberia and the Cultures of Adjacent Territories]. Novosibirsk, In-t istorii, filologii i filosofii SO RAN, 1975, pp. 229-238.

11. Mednikova M.B. Antropo-ekologicheskie issledovaniya drevnego naseleniya Vostochnogo Priaralya [Anthropo-Ecological Studies of Ancient Population in Eastern Aral Region]. *Gorizonty antropologii* [Horizons of Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 513-518.

12. Mednikova M.B. Paleoekologia Zentralnoi Asii po dannym antropologii [Palaeoecology of Central Asia by data of Anthropology]. *Antropoekologia Zentralnoi Asii* [Anthropoecology of Central Asia]. Moscow, Scientific World, 2005, pp. 256-289.

13. Mednikova M.B. Fenomen iskusstvennoy deformatsii golovy: evraziyskiy kontekst [Phenomenon of Artificial Deformation of Head: Eurasian Context]. *Iskusstvennaya deformatsiya golovy cheloveka v*

proshlom Evrazii. OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii. Vyp. 5 [Artificial Deformation of Human Heads in the Past of Eurasia. OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology. Iss. 5]. Moscow, IA RAN, 2006, pp. 206-229.

14. Mednikova M.B. Redkaya vrozhdennaya anomaliya u naseleniya epokhi Velikogo pereseleniya narodov (po materialam raskopok v Vostochnom Priaralye) [A Rare Congenital Anomaly in the Population of the Era of the Great Migration of Peoples (Based on Excavations in the Eastern Aral Sea)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2020, vol. 3 (50), pp. 110-119. DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-9

15. Mednikova M.B., Tarasova A.A., Chechyotkina O.Yu. Morfologicheskie osobennosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnogo Priaralya (po materialam mogilnikov Altyn-Asar) [Morphological Patterns of the Early Mediaeval Population of the Eastern Aral Region (Based on the Materials of Altyn-Asar Burial Sites)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 84-102. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.5

16. Mednikova M.B., Tarasova A.A., Chechyotkina O.Yu., Evteev A.A. Predstaviteli srednevolzhskoy abashevskoy kul'tury v kontekste izmenchivosti litsevogo skeleta u naseleniya epokhi ranney i sredney bronzy po dannym geometricheskoy morfometrii [Representatives of the Middle Volga Abashevo Culture in the Context of the Variability of the Facial Skeleton in the Population of the Early and Middle Bronze Age According to Geometric Morphometry]. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Messages of the Institute of Archeology], 2021, no. 265, pp. 309-321. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.265.309-324

17. Pavlinov I.Ya., Mikeshina N.G. Printsipy i metody geometricheskoy morfometrii [Principles and Methods of Geometric Morphometry]. *Zhurnal obshchey biologii* [Journal of General Biology], 2002, vol. 63 (6), pp. 473-493.

18. Rykushina G.V. Materialy po odontologii Dzhetyasarskoy kultury. Gruntovye pogrebeniya mogilnikov Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar, Bedaikasar [Materials of Odontology of the Jetyasar Culture. Ground Graves of Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar, Bedaikasasar Burial Sites]. *Nizovya Syrdaryi v drevnosti. Vyp. 3. Dzhetyasarskaya kultura. Ch. 2* [Low Flow of the Syrdarya River in Antiquity. Iss. 3. Jetyasar Culture. Part 2]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1993, pp. 195-205.

19. Rykushina G.V. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya dzhetyasarskogo vremeni (po materialam mogilnikov Altynasar 4) [Odontological Characteristics of the Population of the Jetyasar Time (Based on Materials from the Burial Grounds of Altynasar 4)]. *Nizovya Syrdaryi v drevnosti. Vyp. 5. Dzhetyasarskaya kultura. Ch. 5*. [Low Flow of the Syrdarya River in Antiquity. Iss. 5. Jetyasar Culture. Part 5]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1995, pp. 290-303.

20. Tolstov S.P. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta* [Along to Ancient Flows of Ox and Yaksart Rivers]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1962. 324 p.

21. Khodzhayov T.K. *Etnicheskie protsessy v Sredney Azii v epokhu srednevekovya* [Ethnic Processes in Central Asia During the Middle Ages]. Tashkent, Fan Publ., 1987. 207 p.

22. Khodzhaiov T.K., Kiiatkina T.P. Arkheologo-antropologicheskaia kharakteristika naseleniia dzhetyasarskoi kultury Vostochnogo Priaralia. [Archaeological and Anthropological Characteristics of the Population of the Djetyasar Culture of the Eastern Aral Sea Region]. *Na putiakh biologicheskoi istorii chelovechestva. T. II* [On the Paths of the Biological History of Mankind. Vol. II]. Moscow, IEA RAN Publ., 2002, pp. 56-85.

23. Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. Naseleniye dzhetyasarskoy kul'tury v yevraziyskom prostranstve [Jetyasar Population in Eurasian Space]. *Vestnik Antropologii* [Herald of Anthropology], 2021, vol. 1 (53), pp. 202-218.

24. Chikisheva T.A. K voprosu o formirovanii antropologicheskogo sostava rannikh kochevnikov Tuvy [On the Question of the Formation of the Anthropological Composition of the Early Nomads of Tuva]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2008, no. 4 (36), pp. 120-139.

25. Shvedchikova T.Yu. K voprosu o rasprostranenii obychaya iskusstvennoy deformatsii golovy u drevnego naseleniya Vostochnogo Priaralya [Concerning Distribution of Artificial Deformation Among Ancient Population of Eastern Aral Region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2009, no. 1, pp. 78-84.

26. Buzhilova A.P., Mednikova M.B. Kosasar, an Ancient Population from the Eastern Aral Region: Palaeodemography, Osteometry, Growth Arrest. *Homo*, 1999, vol. 50 (1), pp. 66-79.

27. Bookstein F.L. *Morphometric Tools for Landmark Data: Geometry and Biology*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1991. 198 p.

28. Ovchinnikov I. Buzhilova A., Mednikova M., Goodwin W., Curry G. Ethnic Affinities of the Ancient Human Jety-Asar Population by Mitochondrial DNA Analysis. *Electrophoresis*, 1999, vol. 20 (8), pp.1729-1732.

29. Schmidt R.W., Evteev A.A. Iron Age nomads of Southern Siberia in Craniofacial Perspective. *Anthropological Science*, 2014, vol. 122, pp. 137-148.

30. Zelditch M.L., Swiderski D.L., Sheets H.D., Fink W.L. *Geometric Morphometrics for Biologists: A Primer.* New York, Elsevier Academic Press, 2004. 444 p.

Information About Authors

Maria B. Mednikova, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, medma_pa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1918-2161

Andrey A. Evteev, Doctor of Sciences (Biology), Leading Researcher, Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, evteandr@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6254-1203

Olga Yu. Chechyotkina, Postgraduate Student, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, chechyotkina91@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-4880-1080

Kristina A. Petrova, Postgraduate Student, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, kriss150294@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3151-4269

German Manríquez, Associate Professor, Dental Sciences Research Institute Centre for Quantitative Analysis in Dental Anthropology, Faculty of Dentistry, ICOD, CA2; Faculty of Social Sciences, Department of Anthropology, University of Chile, Olivos, 943, Indepepedencia, Santiago de Chili, Republic of Chile, germanmanriquezs@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3376-8804

Anna A. Tarasova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, taa-volga@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5469-2629

Информация об авторах

Мария Борисовна Медникова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, medma_pa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1918-2161

Андрей Алексеевич Евтеев, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, evteandr@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6254-1203

Ольга Юрьевна Чечеткина, аспирант, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, chechyotkina91@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-4880-1080

Кристина Александровна Петрова, аспирант, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, kriss150294@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3151-4269

Герман Манрикес, ассоциированный профессор, Институт стоматологических исследований, Центр количественного анализа в зубной антропологии, стоматологический факультет, факультет общественных наук, Университет Чили, Оливос, 943, Индепеденсия г. Сантьяго, Республика Чили, germanmanriquezs@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3376-8804

Анна Анатольевна Тарасова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, taa-volga@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5469-2629

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.7

UDC 902.672
LBC 63.444(235.54)

Submitted: 26.04.2021
Accepted: 16.06.2021

ARCHAEOBOTANICAL MATERIALS FROM THE GOLDEN HORDE SETTLEMENTS OF THE SARATOV VOLGA REGION [1]

Leonard F. Nedashkovsky
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Maria D. Kochanova
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Anna S. Aleshinskaya
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Elena A. Spiridonova
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Absract. *Introduction.* The article considers archaeobotanical data obtained as a result of the analysis of plant macro- and microremains from the settlements of the Golden Horde epoch in the central part of the Saratov Volga region. *Methods and materials.* The results of the analyses of flotation samples allow us to obtain data on the plant food of the settled population. The interpretation of spore-pollen analyses allows us to trace the process of growth of the territory of monuments, the nature of the lands surrounding them, and the natural conditions and occupations of the population. *Analysis.* Finds of ear fragments were noted – traces of the threshing of cereals by the population of the studied monuments. On the Bagaevka settlement, six samples from trench I of 2012 were studied by the palynological method, and according to the results of the analysis, three spore-pollen complexes were allocated. *Results.* The rural economy of the settled population of the Saratov Volga region in the Golden Horde time was quite well developed; millet, wheat, rye, barley, oats, peas, and lentils were mainly cultivated here. Palynological data propose the agriculture at the Bagaevka settlement in all stages of its existence. The available materials indicate that the population of these monuments engaged in farming and had the opportunity to cultivate the nearby fertile black soils. *Authors contribution.* L.F. Nedashkovsky summarized the available data on archaeobotanical macroremains. M.D. Kochanova carried out chemical processing of samples for palynological analysis, computer processing of data and plotting, and summarized the available data on microremains. A.S. Aleshinskaya conducted spore-pollen analyses on samples. E.A. Spiridonova interpreted the results of palynological analyses.

Key words: Golden Horde, archaeobotanical data, Saratov Volga region, settlements, the second half of the 13th – 14th century.

Citation. Nedashkovsky L.F., Kochanova M.D., Aleshinskaya A.S., Spiridonova E.A. Archaeobotanical Materials from the Golden Horde Settlements of the Saratov Volga Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 94-106. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.7

УДК 902.672
ББК 63.444(235.54)

Дата поступления статьи: 26.04.2021
Дата принятия статьи: 16.06.2021

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ЗОЛОТООРДЫНСКИХ СЕЛИЩ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ [1]

Леонард Федорович Недашковский
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

© Недашковский Л.Ф., Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., 2023

Мария Дмитриевна Кочанова
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Анна Сергеевна Алешинская
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Елена Александровна Спиридонова
Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются археоботанические данные, полученные в результате анализа растительных макро- и микроостатков с селищ эпохи Золотой Орды центральной части Саратовского Поволжья. *Методы и материалы.* Результаты анализов флотационных образцов позволяют получить данные о растительной пище оседлого населения. Интерпретация спорово-пыльцевых анализов позволяет проследить процесс роста территории памятников, характер окружавших их угодий, охарактеризовать природные условия и занятия населения. *Анализ.* Отмечены находки колосовых фрагментов – следов обмолота злаков населением исследованных памятников. По селищу Багаевское из раскопа I в 2012 г. палинологическим методом изучено 6 образцов, по результатам анализа выделено три спорово-пыльцевых комплекса. *Результаты.* Экономика села у оседлого населения Саратовского Поволжья в золотоордынское время была достаточно хорошо развитой, здесь в основном выращивались просо, пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, чечевица. Палинологические данные предполагают земледелие на Багаевском селище на всех этапах его функционирования. Имеющиеся материалы свидетельствуют о существовании земледелия у населения этих памятников, имевшего возможность обрабатывать близлежащие плодородные черноземные почвы. *Вклад авторов.* Л.Ф. Недашковский обобщил имеющиеся данные об археоботанических макроостатках. М.Д. Кочанова осуществляла химическую обработку образцов для палинологического анализа, компьютерную обработку данных и построение диаграмм, обобщила имеющиеся данные о микроостатках. А.С. Алешинская проводила спорово-пыльцевые анализы образцов. Е.А. Спиридонова интерпретировала результаты палинологических анализов.

Ключевые слова: Золотая Орда, археоботанические данные, Саратовское Поволжье, селища, вторая половина XIII – XIV век.

Цитирование. Недашковский Л. Ф., Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А. Археоботанические материалы с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 94–106. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.7

Введение. В статье рассматриваются археоботанические данные, полученные в результате анализа растительных макро- и микроостатков с селищ эпохи Золотой Орды центральной части Саратовского Поволжья, подтверждающие имеющиеся данные о земледелии в Улусе Джучи [21; 23; 24]. Эти селища, как и все золотоордынские памятники региона, по монетным находкам датируются второй половиной XIII – XIV в. [12, с. 153–154].

Судя по имеющимся данным, земледелие в золотоордынском Поволжье было достаточно развитым, археоботанические материалы представлены на различных поселениях этого региона.

В Булгаре в золотоордынское время были известны пшеница двузернянка (полба), мягкая пшеница, пшеница карликовая, пшеница однозернянка, просо, ячмень (голозерных и пленчатых форм), рожь, овес, горох, вика, чечевица, яблоки, огурцы, лен, конопля и инжир [2, с. 218; 4, с. 99–100; 6, с. 194; 7, с. 133, 135–141]. Недавние флотационные исследования показали количественное преобладание проса (42 %) над мягкой пшеницей (27 %) и пленчатыми пшеницами (двузернянка и однозернянка, суммарно 5 %), в образцах с Болгарского городища [6, с. 194], где представлены также овес (15 %), рожь (4 %), ячмень (4 %), горох, чечевица (суммарно 2 %), лен (менее 1 %) и конопля (менее 1 %). Значительная доля овса в материалах Булгара, по сравнению с Нижним Поволжьем, объясняется наличием потребности в создании больших запасов фуража на зимний период [4, с. 100].

При раскопках Селитренного городища обнаружены виноградные косточки и арбузные семечки [18, с. 231].

В Укеке еще при сборах Ф.В. Духовникова в 1893 г. были найдены зерна ржи (Национальный музей Республики Татарстан, № 5365-35, ОАШ-66, ст. № 12799, 202). Проведенный при раскопках Увекского городища в 2011 г. сбор 20 археоботанических образцов показал следующий спектр: просо – 48,8 %, мягкая пшеница – 40,7 %, рожь – 5,6 %, другие культуры – 4,9 % [5, с. 294, 298, рис. 2]. Эти данные свидетельствуют о большем потреблении пшеницы и меньшем потреблении ржи в золотоордынском Укеке, чем на окружавших его сельских памятниках. При исследованиях Увекского городища зафиксированы также рис, нут, малина, земляника, черемуха, слива, боярышник, инжир, виноград, персик, барбарис, кориандр, лесной орех, грецкий орех [3; 5, с. 298–299].

Целью данного исследования является рассмотрение преимущественно ранее не опубликованных археоботанических данных о золотоордынских селищах центральной части Саратовской области.

Методы. В течение последних десятилетий Л.Ф. Недашковским ведутся исследования селищ эпохи Золотой Орды в центре Саратовского Поволжья, материалы которых нашли отражение в ряде публикаций [14–17]. В ходе полевых исследований проводилась флотация культурного слоя и заполнения сооружений с целью обнаружения зерен и семян растений, при этом соблюдался стандарт объема почвенных образцов в 10 литров. Результаты анализов взятых образцов содержат данные о пище жителей селищ.

Применение методов палинологии дает возможность восстановить палеоландшафты и определить степень влияния человека на природную среду, зафиксировать особенности различных горизонтов культурного слоя по данным палинологического анализа, провести корреляцию одновозрастных культурных слоев, определить роль земледелия в хозяйственном укладе поселений.

Анализ. На поселениях Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I и Широкий Буерак (Саратовский р-н Саратовской обл.) в ходе раскопок Л.Ф. Недашковского в 2001–2002 гг. впервые в мире на памятниках Золотой Орды проводилась флотация слоя и заполнения сооружений. Из нераспаханного горизонта слоя и сооружений на Широком Буераке были взяты 39 образцов, на Колотовом Буераке – 17 образцов [5, с. 298], из напластований раскопа III на Хмелевке I – 6 образцов [20]. В 2006 г. на Константиновском селище из слоя и ямы 1 взяты 18 образцов. Анализ проводился в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН старшим научным сотрудником, кандидатом исторических наук Е.Ю. Лебедевой. На Широком Буераке обнаружено 209 определимых зерен культурных растений, на Колотовом Буераке – 20, на Хмелевке I – 17, в Константиновке – 1 зерно (табл. 1).

В Багаевке, Широком Буераке, Хмелевке I и Константиновке найдены фрагменты колосьев, оставшиеся от обмолота злаков; так как необмолоченное зерно не транспортировалось, была исключена версия о привозном характере зерна. На селище Широкий Буерак найден колосовой фрагмент ржи, на Хмелевском I селище – колосовой фрагмент многорядного ячменя, на Константиновском селище – сегмент колосового стержня мягкой пшеницы.

Самые многочисленные проанализированные флотационные образцы происходят из раскопок Л.Ф. Недашковского 2002–2003, 2006–2012 и 2014 гг. на Багаевском селище (187 образцов), они дали 996 определимых зерен и семян культурных растений (табл. 1). В отдельное зерновое скопление исследователями был выделен один флотационный образец с 1 319 археоботаническими макроостатками, включая 824 зерна культурных растений [5, с. 293, 295, 297, табл. 1–2]: 805 зерен проса (97,7 %), 9 зерен ржи (1,1 %), 8 зерен мягкой пшеницы (1 %) и 2 зерна чечевицы (0,2 %); мякина из скопления представлена образцами ржи (11) и мягкой пшеницы (1). Помимо упомянутых находок мякины, из других образцов с Багаевского селища происходят 122 находки колосовых фрагментов [5, с. 294–295, табл. 2]: отходы обмолота ржи (59 %), пшеницы (24,6 %), проса (4,1 %), многорядного ячменя (4,1 %) и неопределимых злаков (8,2 %). Встречены также обломки косточек сливовых (предположительно черемухи или терна), фрагменты скорлупок лесного ореха и семена земляники [5, с. 295, 297, табл. 2].

Довольно значительный процент ржи, для которой в Нижнем Поволжье природные условия были неблагоприятными, очевидно, объясняется присутствием древнерусского компонента в составе населения всех селищ, на которых проводились флотационные исследования, так как рожь была основным хлебным злаком в Древней Руси. Не исключено и влияние на культивацию ржи присутствия на четырех из пяти селищ мордовского населения. Находки древнерусской керамики на раскопах и в шурфе на Хмелевском I поселении составляют до 3,7 % от всей посуды, на Широком Буераке – 16,4 %, Колотовом Буераке – 6,9 %, на Константиновском – 5 %, в Багаевке – 13,7–26,4 %. Мордовской керамики на Хмелевском I селище – не более 0,4 %, на поселении Широкий Буерак – 6,6 %, Колотов Буерак – 0,3 %, на Багаевском – 0,8 %; на Константиновском селище ее не зафиксировано [9–11; 13, с. 245–246]. Неслучайной представляется наибольшая доля зерен ржи на селищах Багаевское и Широкий Буерак, где максимален также процент древнерусской и мордовской керамики.

Рассматривая материалы селищ (Хмелевское I, Широкий Буерак, Багаевское, Колотов Буерак и Константиновское) округи Укека, корректно говорить о едином археоботаническом комплексе второй половины XIII – XIV века. Не учитывая материалы зернового скопления с Багаевского селища, практически монокультурного (просо), получим следующую общую картину (табл. 1) для селищ Саратовской области (всего 1 243 определимых зерна и семени культурных растений). Отмеченное преобладание проса (665 зерен, 53,5 % всех культурных растений), более многочисленного, чем пшеница (251 зерно, 20,2 %), рожь (235 зерен, 18,9 %), ячмень (50 зерен, 4 %), овес (29 зерен, 2,4 %), горох (6 семян, 0,5 %), чечевица (3 семени, 0,2 %) и конопля (4 семени, 0,3 %) вместе взятые, не случайно.

О выращивании проса в Улусе Джучи сообщают средневековые авторы; купцы из Италии и Византии закупали в ордынских землях пшеницу, просо, ячмень (в порядке убывания объемов) [23, p. 292–293].

Орудия земледелия найдены на многих поволжских золотоордынских памятниках (в городах, селах и кочевнических курганах), о земледелии свидетельствуют находки в волжских низовьях дигирных сосудов для водоподъемных колес [8, с. 78]. На многих поселениях, в том числе на Багаевском селище [22, p. 239, fig. 12], были найдены жернова, служившие для размола зерна в муку.

Результаты палинологических анализов образцов из раскопок селищ Хмелевское I, Широкий Буерак, Колотов Буерак, а также из раскопок Багаевского селища 2002 г. уже были опубликованы ранее двумя из авторов статьи [1; 19].

Ниже мы рассмотрим неопубликованные ранее результаты палинологического анализа образцов по новому разрезу на Багаевском селище (раскоп I, 2012 г.) и сравним их с материалами золотоордынских селищ центральных районов Саратовской области, полученными ранее.

Из раскопа I 2012 г. исследовано 6 образцов. Все пробы содержали достаточное для статистической обработки количество спор и пыльцы. Помимо них во всех образцах имеются мелкие остатки древесины хвойных и лиственных пород и другие органические остатки, постоянно встречаются угольки и кристаллики золы. Согласно результатам анализа (табл. 2), выделено три спорово-пыльцевых комплекса и построена диаграмма (рис. 1).

I спорово-пыльцевой комплекс (разнотравье и злаки с участием полыни и маревых, ольха с участием широколиственных пород и березы) выделен по образцам 1–2 с глубин 0,35 и 0,3 м (материковый суглинок) и образцу 3 с глубины 0,25 м (нераспаханный горизонт культурного слоя). Доминируют травянистые растения, содержание их пыльцы составляет 54–68 %, но количество пыльцы древесных пород для этого района тоже весьма значительно – от 29 до 41 %, содержание спор не более 5 %.

В группе древесных пород преобладает пыльца ольхи (*Alnus*) – 45–58 %, во всех образцах комплекса встречена пыльца в скоплениях, что говорит о близкой транспортировке пыльцевых зерен. На втором месте пыльца широколиственных пород (19–29 %), липы (*Tilia*) и дуба (*Quercus*), довольно много пыльцы березы (*Betula*) – 14–17 %. В небольших количествах имеется пыльца

сосны (*Pinus*) – 3–6 %, ивы (*Salix*) – 2–5 % и лещины (*Corylus*) – около 2 %.

Среди травянистых растений преобладает пыльца разнотравья – 25–38 %, злаков (Poaceae) 28–37 %, маревых (Chenopodiaceae) 15–18 %. Много полыней (*Artemisia*) – 13–20 %. В небольших количествах имеется пыльца эфедры (*Ephedra*) – около 2 %. Разнотравье представлено преимущественно астровыми (Asteraceae), цикориевыми (Cichoriaceae) и гречишными (Polygonaceae). Также в небольших количествах и единично встречена пыльца семейств крестоцветных (Brassicaceae), зонтичных (Apiaceae), родов крапивы (*Urtica*), василистника (*Thalictrum*).

Спор мало, они представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*) (64–75 %) и папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (18–27 %). Отмечены единичные споры плауна (*Lycopodium clavatum*) и сфагновых мхов (*Sphagnum*).

На протяжении интервала времени, когда был сформирован описываемый комплекс, на изучаемой территории существовали условия, близкие к лесостепи. Вероятно, островные широколиственные леса с участием березы или перелески произрастали на местах с более высоким уровнем грунтовых вод, на фоне степей разного состава. Сухие участки заселяли маревые, полыни, хвойник (*Ephedra*). Более мезофильные группировки включали различное разнотравье и злаки. Необходимо отметить наличие культурных форм злаков, которые присутствуют во всех образцах комплекса. Также в спектре часто встречается пыльца сорных растений, таких как горец (*Polygonum*), различные представители из семейств крестоцветных (Brassicaceae), сложноцветных (Compositae), часто сопровождающие посевы. Помимо этого в образцах отмечена зола, а также сгоревшая и истлевшая органика. Это может свидетельствовать о зачатках земледелия в этот период. Данный комплекс можно сопоставить с комплексом I, выделенным при изучении разреза на этом селище в 2002 г. (табл. 3).

Существенной особенностью спектров можно считать высокое содержание пыльцы ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*). Это, скорее всего, является локальным признаком того, что в изучаемый промежуток времени в непосредственной близости от разреза был расположен водоем (речка, ручей).

II спорово-пыльцевой комплекс (разнотравье, злаки с участием маревых и полыней, ольха, береза и широколиственные породы) выделен по 4-му образцу с глубины 0,2 м (нераспаханный горизонт культурного слоя).

В составе так же, как во всем разрезе, больше всего пыльцы травянистых растений – 65 %, древесных пород – 32 %, спор – 3 %.

По составу травянистых и споровых растений выделяемый комплекс очень близок предшествующему, но по характеру древесных пород между ними есть существенные отличия. Доля пыльцы ольхи (*Alnus*) уменьшается до 37 %, а пыльцы березы (*Betula*), наоборот, двукратно возрастает до 29 %. Содержание пыльцы других древесных пород практически не изменяется.

Можно сказать, что в целом ландшафт изучаемой территории по сравнению с предыдущим интервалом не изменился, но существенно сократились площади, занимаемые ольшаниками, и возросла степень участия березы в составе островных лесов и перелесков. Это может говорить о том, что размеры водоема вблизи изучаемого разреза сократились и климат стал суше.

Комплекс можно сопоставить с комплексом II разреза 2002 г. (табл. 3).

III спорово-пыльцевой комплекс (маревые, злаки с участием разнотравья, сосна, береза) выделен по образцам 5–6 с глубин 0,15 и 0,1 м (нераспаханные горизонты культурного слоя). От предыдущего комплекса данный комплекс отделен перерывом, отразившимся в виде существенного отличия по составу спектров.

В составе III комплекса абсолютно доминируют травянистые растения (около 78–87 %), количество пыльцы древесных пород сокращается до 11–19 %, спор около 2 %. Среди древесных пород доминируют сосна (Pinus) (33–36 %) и береза (*Betula*) (27–33 %). Доля пыльцы ольхи (*Alnus*) сокращается до 12–13 %, широколиственных пород (липа, дуб) – до 12–16 %. Единично отмечена пыльца ели (*Picea*), отмечена пыльца ивы (*Salix*) (4–9 %) и лещины (*Corylus*). Среди травянистых растений больше становится пыльцы маревых (Chenopodiaceae) (29–31 %). По сравнению с

предыдущим этапом содержание пыльцы злаков (Poaceae) (26–27 %) и разнотравья (около 26 %) несколько сокращается, полыней (*Artemisia*) (17–18 %) – остается примерно таким же. Характер споровых растений мало меняется, они по-прежнему малочисленны и представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*) (75–86 %), плауном булавовидным (*Lycopodium clavatum*) и папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae).

В этот период облесенность территории уменьшилась. Островные леса практически сошли на нет. Вероятно, в это время увеличилась роль небольших перелесков, в их составе большую роль стала играть сосна. Преобладали степи с участием маревых, полыней и разнотравья, также существовали разнотравно-злаковые степи. Возможно, часть маревых и сложноцветных (Compositae) образовывала комплекс сорной растительности на пашнях. В целом можно говорить о существовании в это время степной растительности с большой ролью перелесков. Комплекс можно сопоставить с комплексом VI разреза 2002 г. и комплексом III разреза 2009 г. (табл. 3).

Результаты. Возможно заключить, что сельское хозяйство оседлого населения Саратовского Поволжья в золотоордынский период было хорошо развитым. По материалам изучения макроостатков из земледельческих культур преимущественно выращивались просо, пшеница, рожь, ячмень, овес, горох и чечевица. Возможно, в золотоордынском Поволжье выращивались также вика, огурцы, яблоки, слива, арбузы, лен и конопля.

Данные палинологии позволяют предполагать наличие земледелия у обитателей Багаевского селища на всех этапах его существования, даже когда территория поселения только застраивалась.

Таким образом, весь комплекс археоботанических материалов – макро- и микроостатки – с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья свидетельствует о существовании и существенной роли земледелия у населения этих памятников, имевшего возможность обрабатывать близлежащие плодородные черноземные почвы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность кандидату исторических наук Е.Ю. Лебедевой за возможность использования полученных ею материалов.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors express gratitude to the Candidate of Sciences (History), E.Yu. Lebedeva, for the possibility of using the materials she received.

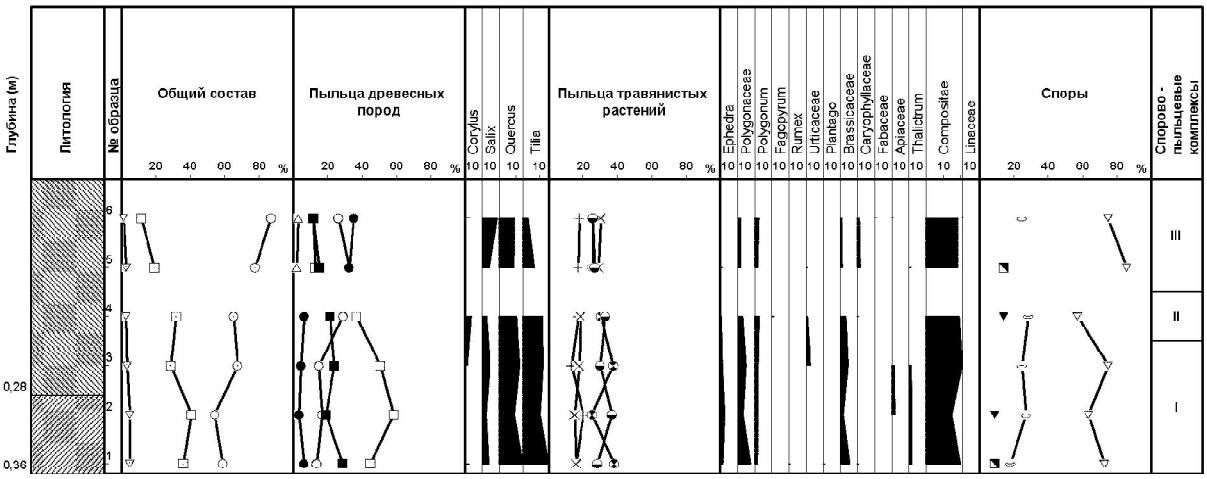
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00004.

[2] Данные предоставлены Е.Ю. Лебедевой, а также взяты из публикации по Багаевскому селищу [5, с. 293–295, табл. 2]; приводятся сведения о макроостатках без учета отдельного зернового скопления на Багаевском селище [5, с. 293, 295, 297, табл. 1–2].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на Багаевском селище. Раскоп I. 2012 г.

Условные обозначения

Общий состав: ⊡ – сумма пыльцы древесных пород; ⊙ – сумма пыльцы травянистых растений; ▽ – сумма спор высших споровых растений.

Древесные породы: △ – ель (*Picea*); ● – сосна (*Pinus*); ◯ – береза (*Betula*); □ – ольха (*Alnus*); ⊕ – ива (*Salix*); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород.

Травянистые растения: ◒ – злаки (Poaceae); ╳ – маревые (Chenopodiaceae); ┼ – полыни (*Artemisia*); ⊠ – сумма пыльцы разнотравья.

Споры: ▽ – зеленые мхи (*Bryales*); ▼ – сфагновые мхи (*Sphagnum*); ⌓ – папоротники семейства многоножковые (Polypodiaceae); ◪ – плауновые (Lycopodiaceae)

Fig. 1. Spore-pollen diagram for the section at the Bagaevskoe settlement. Trench I. 2012.

Symbols

General composition: ⊡ – the amount of tree pollen; ⊙ – the amount of pollen of herbaceous plants; ▽ – the amount of spores of higher spore plants.

Tree species: △ – spruce (*Picea*); ● – pine (*Pinus*); ◯ – birch (*Betula*); □ – alder (*Alnus*); ⊕ – willow (*Salix*); ■ – the amount of pollen from broad-leaved species.

Herbaceous plants: ◒ – grasses (Poaceae); ╳ – goosefoot family (Chenopodiaceae); ┼ – wormwood (*Artemisia*); ⊠ – the amount of pollen of herbs.

Spore: ▽ – green mosses (*Bryales*); ▼ – sphagnum mosses (*Sphagnum*); ⌓ – ferns of the centipede family (Polypodiaceae); ◪ – club mosses (Lycopodiaceae)

Таблица 1. **Зерна и семена культурных растений с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья [2]**

Table 1. **Grains and seeds of cultivated plants from the Golden Horde settlements of the Saratov Volga region**

	Хмелевское I, зерна / %	**Широкий Буерак, зерна / %**	**Багаевское, зерна / %**	**Колотов Буерак, зерна / %**	**Константиновское, зерна / %**	**Всего, зерна / %**
Просо	15 / 88,2	112 / 53,6	522 / 52,4	15 / 75	1 / 100	665 / 53,5
Пшеница	1 / 5,9	36 / 17,2	211 / 21,2	3 / 15	–	251 / 20,2
Рожь	1 / 5,9	33 / 15,8	200 / 20,1	1 / 5	–	235 / 18,9
Ячмень	–	28 / 13,4	22 / 2,2	–	–	50 / 4
Овес	–	–	29 / 2,9	–	–	29 / 2,4
Горох	–	–	5 / 0,5	1 / 5	–	6 / 0,5
Чечевица	–	–	3 / 0,3	–	–	3 / 0,2
Конопля	–	–	4 / 0,4	–	–	4 / 0,3
Итого	17 / 100	209 / 100	996 / 100	20 / 100	1 / 100	1243 / 100

Таблица 2. **Результаты спорово-пыльцевого анализа. Багаевское селище. Раскоп I. 2012 г.**

Table 2. **Results of spore-pollen analysis. Bagaevsky settlement. Trench I. 2012**

Систематический список	**6 0,1 м зерна / %**	**5 0,15 м зерна / %**	**4 0,2 м зерна / %**	**3 0,25 м зерна / %**	**2 0,3 м зерна / %**	**1 0,35 м зерна / %**
ОБЩИЙ СОСТАВ						
Деревья	34 / 11,5	45 / 18,9	80 / 32,3	67 / 28,9	89 / 40,6	80 / 36
Травы	257 / 87,1	186 / 78,2	161 / 64,9	157 / 67,7	119 / 54,3	131 / 59
Споры	4 / 1,4	7 / 2,9	7 / 2,8	8 / 3,4	11 / 5	11 / 5
Деревья						
Деревья основные	30 / 88,2	38 / 84,4	63 / 78,8	51 / 76,1	72 / 80,9	57 / 71,2
Picea	1 / 2,9	–	1 / 1,2	–	–	–
Pinus sylvestris	12 / 35,3	15 / 33,3	5 / 6,2	3 / 4,5	3 / 3,4	5 / 6,2
Alnus	4 / 11,8	6 / 13,3	29 / 36,2	34 / 50,7	52 / 58,4	36 / 45
Betula sec.Albae	9 / 26,5	15 / 33,3	23 / 28,8	10 / 14,9	15 / 16,9	11 / 13,8
Corylus	1 / 2,9	–	3 / 3,8	1 / 1,5	–	2 / 2,5
Salix	3 / 8,8	2 / 4,4	2 / 2,5	3 / 4,5	2 / 2,2	3 / 3,8
Деревья широколиственные	4 / 11,8	7 / 15,6	17 / 21,2	16 / 23,9	17 / 19,1	23 / 28,8
Quercus	3 / 8,8	4 / 8,9	8 / 10	8 / 11,9	8 / 9	11 / 13,8
Tilia	1 / 2,9	3 / 6,7	9 / 11,2	8 / 11,9	9 / 10,1	12 / 15
Травы						
Травы основные	190 / 73,9	138 / 74,2	112 / 69,6	98 / 62,4	89 / 74,8	81 / 61,8
Ephedra	–	2 / 1,1	1 / 0,6	2 / 1,3	3 / 2,5	2 / 1,5
Poaceae	66 / 25,7	50 / 26,9	53 / 32,9	47 / 29,9	44 / 37	37 / 28,2
Chenopodiaceae	78 / 30,4	54 / 29	30 / 18,6	28 / 17,8	18 / 15,1	21 / 16
Artemisia	46 / 17,9	32 / 17,2	28 / 17,4	21 / 13,4	24 / 20,2	21 / 16
Разнотравье	67 / 26,1	48 / 25,8	49 / 30,4	59 / 37,6	30 / 25,2	50 / 38,2
Fagopyrum	–	–	2 / 1,2	–	–	–
Polygonaceae	4 / 1,6	3 / 1,6	5 / 3,1	8 / 5,1	4 / 3,4	10 / 7,6
Polygonum	6 / 2,3	3 / 1,6	4 / 2,5	3 / 1,9	2 / 1,7	2 / 1,5
Rumex	–	–	–	–	–	1 / 0,8
Urticaceae	–	1 / 0,5	1 / 0,6	4 / 2,5	–	–
Plantago	–	–	–	–	–	1 / 0,8
Brassicaceae	2 / 0,8	2 / 1,1	5 / 3,1	7 / 4,5	2 / 1,7	7 / 5,3
Caryophyllaceae	3 / 1,2	3 / 1,6	1 / 0,6	–	–	1 / 0,8
Fabaceae	2 / 0,8	–	–	–	–	–
Apiaceae	2 / 0,8	–	–	2 / 1,3	2 / 1,7	–
Thalictrum	–	2 / 1,1	–	2 / 1,3	2 / 1,7	2 / 1,5
Linaceae	1 / 0,4	–	–	–	–	–
Compositae	47 / 18,3	34 / 18,3	31 / 19,3	33 / 21	18 / 15,1	26 / 19,8
Споры						
Bryales	3 / 75	6 / 85,7	4 / 57,1	6 / 75	7 / 63,6	8 / 72,7
Sphagnum	–	–	1 / 14,3	–	1 / 9,1	–
Lycopodium clavatum	–	1 / 14,3	–	–	–	1 / 9,1
Polypodiaceae	1 / 25	–	2 / 28,6	2 / 25	3 / 27,3	2 / 18,2

Таблица 3. **Корреляция разрезов на золотоордынских поселениях Саратовского района по палинологическим данным**

Table 3. **Correlation of sections in the settlements of the Golden Horde of the Saratov area according to palynological data**

Хронология	Палинологические зоны		Колотов Буерак	Хмелевка I	Багаевское селище			Широкий Буерак 2001	Широкий Буерак 2002
					2002	2009	2012		
	разнотравье, злаки; при участии березы	10						IV	
	маревые, злаки с участием разнотравья; сосна и широколиственные породы	9	V		VI	III	III		IV
60-е годы XIV в.	маревые, разнотравье с участием полыней и злаков; при участии сосны, березы и широколиственных пород	8	IV						III
	маревые, злаки, разнотравье; при участии ольхи, широколиственных пород, березы	7			V			III[a]	
50-е годы XIV в.	полыни, маревые, разнотравье; при высокой роли ольхи, березы	6			IV	II		III	
	полыни, маревые, злаки; при высокой роли ольхи, сосны	5			III				
рубеж XIII–XIV вв.	маревые, разнотравье с участием злаков; при высокой роли сосны	4	III	III					II
	злаки, маревые, с участием полыней и разнотравья; с большим участием березы	3	II		II		II	II	I
	разнотравье, злаки, полыни; при участии сосны, березы, ольхи	2	II[a]	II	I	I	I	I	
	маревые, различного состава разнотравье, с участием злаков и полыней; среди древесных пород преобладает сосна, единично широколиственные породы	1	I	I					

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешинская А. С., Спиридонова Е. А. Заключение по результатам спорово-пыльцевого анализа на золотоордынских поселениях Саратовской области // Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М. : Вост. лит., 2010. С. 297–325.

2. Краснов Ю. А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи // Город Болгар : Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 205–230.

3. Лебедева Е. Ю., Кубанкин Д. А. Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 236. С. 339–344.

4. Лебедева Е. Ю., Яворская Л. В., Антипина Е. Е. Природные факторы и системы жизнеобеспечения городов Золотой Орды // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 98–101.

5. Лебедева Е. Ю., Сергеев А. Ю. Археоботаническая коллекция из Багаевского селища золотоордынского времени // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Ин-т археологии РАН, 2017. Вып. 4. С. 291–331.

6. Лебедева Е. Ю. Продовольствие и фураж в средневековом городе: археоботанические материалы Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 193–197.

7. Лебедева Е. Ю. Необычные «зерновые» скопления Болгарского городища – что в основе? // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 129–150.

8. Недашковский Л. Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // Российская археология. 2006. № 4. С. 74–86.

9. Недашковский Л. Ф. Исследования Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Т. 153, кн. 3. С. 39–50.

10. Недашковский Л. Ф. Исследования селищ Константиновское, Колотов Буерак и Широкий Буерак // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. Казань: ЯЗ, 2012. С. 102–108.

11. Недашковский Л. Ф. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. Кн. 3, ч. 1. С. 7–19.

12. Недашковский Л. Ф. Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округи крупнейших городов) // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 151–162.

13. Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Находки с Хмелевского I селища // Проблемы Археологии Нижнего Поволжья. Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2016. С. 242–247.

14. Недашковский Л. Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // Stratum Plus. 2018. № 6. С. 243–254.

15. Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // Stratum Plus. 2019. № 5. С. 167–177.

16. Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Металлические изделия с Багаевского селища // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 185–198. DOI: http://dx.doi.org/10.24852/PA2020.4.34.185.198

17. Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Металлические украшения с Багаевского селища в Нижнем Поволжье // Российская археология. 2020. № 2. С. 177–189. DOI: http://dx.doi.org/10.31857/S086960630008260-5

18. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья : Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.

19. Aleshinskaya A. S., Spiridonova E. A. Report on the Results of Palynological Analysis of the Golden Horde Settlements of Saratov Area of the Saratov Region (The Right Bank of Volga) // Nedashkovsky L. F. Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery. BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 168–174.

20. Lebedeva E. Yu. On Agriculture in the Volga Steppes in Mongol Time // Nedashkovsky L. F. Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery. BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 175–177.

21. Nedashkovskii L. F. Economy of the Golden Horde Population // Anthropology & Archaeology of Eurasia. 2009. Vol. 48, no. 2. P. 35–50. DOI: http://dx.doi.org/10.2753/AAE1061-1959480203

22. Nedashkovsky L. F. Golden Horde Antiquities: The Development of Research Ideas // Acta Archaeologica. 2012. Vol. 83, no. 1. P. 225–255. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1600-0390.2012.00690.x

23. Nedashkovsky L. F. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue. Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day. P. 291–303.

24. Nedashkovsky L. F. Trade in the Golden Horde Volga Region // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8, no. 7. P. 199–206. DOI: https://doi.org/10.5539/jsd.v8n7p199

REFERENCES

1. Aleshinskaia A.S., Spiridonova E.A. Zakliuchenie po rezultatam sporovo-pyltsevogo

analiza na zolotoordynskikh poseleniiakh Saratovskoi oblasti [Conclusion on the Results of Spore-Pollen Analysis at the Golden Horde Settlements of the Saratov Region]. Nedashkovsky L.F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzhia i ikh okruga* [The Golden Horde Cities of the Low Volga Region and Their Periphery]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2010, pp. 297-325.

2. Krasnov Iu.A. Nekotorye voprosy istorii zemledeliia u zhitelei goroda Bolgara i ego okrugi [Some Issues of the History of Agriculture Among Inhabitants of the City Bolgar and Its Periphery]. *Gorod Bolgar: Ocherki istorii i kultury* [City Bolgar. Essays on History and Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 205-230.

3. Lebedeva E.Iu., Kubankin D.A. Unikalnye nakhodki redkikh rastenii v zolotoordynskom gorode Ukeke [Unique Finds of Rare Plants in the Golden Horde City Ukek]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Short Abstracts of the Institute of Archaeology], 2014, iss. 236, pp. 339-344.

4. Lebedeva E.Iu., Iavorskaia L.V., Antipina E.E. Prirodnye faktory i sistemy zhizneobespecheniia gorodov Zolotoi Ordy [Natural Factors and Life Support Systems of the Cities of the Golden Horde]. *Ekologiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of Ancient and Traditional Societies]. Tiumen, Tiumen. gos. un-t, 2016, iss. 5, part 2, pp. 98-101.

5. Lebedeva E.Iu., Sergeev A.Iu. Arkheobotanicheskaia kollektsiia iz Bagaevskogo selishcha zolotoordynskogo vremeni [Archaeobotanical Collection from the Bagaevka Settlement of the Golden Horde Time]. *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical Studies of the Laboratory of Natural Science Methods], iss. 4. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2017, pp. 291-331.

6. Lebedeva E.Iu. Prodovolstvie i furazh v srednevekovom gorode: arkheobotanicheskie materialy Bolgarskogo gorodishcha [Food and Fodder in the Medieval City: Archaeobotanical Materials of the Bolgar Hillfort]. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2018, no. 5, pp. 193-197.

7. Lebedeva E.Iu. Neobychnye «zernovye» skopleniia Bolgarskogo gorodishcha – chto v osnove? [Unusual "Grain" Accumulations in Bolgar Fortified Settlement – What Is in Basis?]. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2019, no. 4 (30), pp. 129-150.

8. Nedashkovsky L.F. Nizhnevolzhskii zolotoordynskii gorod i ego okruga [The Low Volga Golden Horde City and Its Regions]. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2006, no. 4, pp. 74-86.

9. Nedashkovsky L.F. Issledovaniia Hmelevskogo I selishcha [Researches of the Hmelevskoe I Settlement]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia «Gumanitarnye nauki»* [Academic Transactions of Kazan University. Humanities Series], 2011, vol. 153, book 3, pp. 39-50.

10. Nedashkovsky L.F. Issledovaniia selishch Konstantinovskoe, Kolotov Buerak i Shirokii Buerak [Researches of Settlements Konstantinovskoe, Kolotov Buerak and Shiroky Buerak]. *Aktualnye voprosy arkheologii Povolzhia. K 65-letiiu studencheskogo nauchnogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta* [Actual Questions of Archaeology of the Volga Region. To the 65th Anniversary of Students Research Archaeological Study Group of Kazan University]. Kazan, IaZ Publ., 2012, pp. 102-108.

11. Nedashkovsky L.F. Issledovaniia Bagaevskogo selishcha [Research of Bagaevka Settlement]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia «Gumanitarnye nauki»* [Academic Transactions of Kazan University. Humanities Series], 2013, vol. 155, book 3, part 1, pp. 7-19.

12. Nedashkovsky L.F. Intensivnost ekonomicheskogo razvitiia Nizhnego Povolzhia zolotoordynskoi epokhi (po materialam okrugi krupneishikh gorodov) [Intensity of the Economic Development of the Lower Volga Region During the Golden Horde Epoch (By the Materials of the Cities' Environs)]. *Stratum Plus*, 2016, no. 6, pp. 151-162.

13. Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. Nakhodki s Khmelevskogo I selishcha [Finds from Hmelevskoe I Settlement]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzhia* [Problems of Archaeology of the Lower Volga Region]. Elista, Izd-vo Kalmyts. un-ta, 2016, pp. 242-247.

14. Nedashkovsky L.F. Khimicheskii sostav izdelii iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poselenii severnykh raionov Nizhnego Povolzhia [Chemical Composition of Non-Ferrous Artifacts from the Golden Horde Settlements of the Northern Areas of the Lower Volga Region]. *Stratum Plus*, 2018, no. 6, pp. 243-254.

15. Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. Vooruzhenie i konskoe snariazhenie s Bagaevskogo selishcha [Arms and Horse Harness from Bagaevka Settlement]. *Stratum Plus*, 2019, no. 5, pp. 167-177.

16. Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. Metallicheskie izdeliia s Bagaevskogo selishcha [Metallic Wares from Bagaevka Settlement]. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2020, no. 4 (34), pp. 185-198. DOI: http://dx.doi.org/10.24852/PA2020.4.34.185.198

17. Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. Metallicheskie ukrasheniia s Bagaevskogo selishcha v Nizhnem Povolzhe [Metallic Wearing-Apparel

Components from the Bagaevka Settlement in the Low Volga Region]. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2020, no. 2, pp. 177-189. DOI: http://dx.doi.org/10.31857/S086960630008260-5

18. Fyodorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzhia: Keramika. Torgovlia. Byt* [The Golden Horde Cities of the Volga Region. Pottery. Trade. Way of Life]. Moscow, Izd-vo MGU, 2001. 256 p.

19. Aleshinskaya A.S., Spiridonova E.A. Report on the Results of Palynological Analysis of the Golden Horde Settlements of Saratov Area of the Saratov Region (The Right Bank of Volga). Nedashkovsky L.F. *Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery. BAR. International Series, 1222*. Oxford, Archaeopress, 2004, pp. 168-174.

20. Lebedeva E.Yu. On Agriculture in the Volga Steppes in Mongol Time. Nedashkovsky L.F. *Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery. BAR. International Series, 1222*. Oxford, Archaeopress, 2004, pp. 175-177.

21. Nedashkovskii L.F. Economy of the Golden Horde Population. *Anthropology & Archaeology of Eurasia*, 2009, vol. 48, no. 2, pp. 35-50. DOI: http://dx.doi.org/10.2753/AAE1061-1959480203

22. Nedashkovsky L.F. Golden Horde Antiquities: The Development of Research Ideas. *Acta Archaeologica*, 2012, vol. 83, no. 1, pp. 225-255. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1600-0390.2012.00690.x

23. Nedashkovsky L.F. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*, 2014. Special Issue. Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day, pp. 291-303.

24. Nedashkovsky L.F. Trade in the Golden Horde Volga Region. *Journal of Sustainable Development*, 2015, vol. 8, no. 7, pp. 199-206. DOI: https://doi.org/10.5539/jsd.v8n7p199

Information About the Authors

Leonard F. Nedashkovsky, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Archaeology and General History, Kazan (Volga region) Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru, http://orcid.org/0000-0002-7453-9960

Maria D. Kochanova, Researcher, Laboratory of Natural Science Methods in Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, mdkochanova62@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3802-8407

Anna S. Aleshinskaya, Candidate of Sciences (Geography), Head of the Laboratory of Natural Science Methods in Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, asalesh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3177-3482

Elena A. Spiridonova, Candidate of Sciences (Geography), Senior Researcher, Laboratory of Natural Science Methods in Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, easpiridonova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6472-046X, Scopus Author ID: 6603687326

Информация об авторах

Леонард Федорович Недашковский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7453-9960

Мария Дмитриевна Кочанова, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, mdkochanova62@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3802-8407

Анна Сергеевна Алешинская, кандидат географических наук, заведующий лабораторией естественнонаучных методов в археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, asalesh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3177-3482

Елена Александровна Спиридонова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, easpiridonova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6472-046X, Scopus Author ID: 6603687326

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.8

UDC 94(470.4)“1920/1930”:342.553
LBC 63.3(235.47)614-2

Submitted: 09.04.2023
Accepted: 05.07.2023

TRAINING AND RETRAINING OF PERSONNEL IN THE SYSTEM OF SOVIET AUTHORITIES IN THE LOWER VOLGA REGION AT THE FIRST STAGE OF SOCIALIST RECONSTRUCTION (1928–1932)

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The success of the large-scale transformations carried out in the country at the first stage of socialist reconstruction largely depended on the solution of the personnel issue in the process of systematic training of qualified personnel both for the economic sphere and for the Soviet authorities. *Methods and materials.* The study was based on traditional methods (historical-comparative, historical-systemic, genetic) and principles (objectivity, historicism, consistency) of historical research. Most of the documents involved in the research process were unpublished archival sources from the State Regional Archive of the Volgograd Region and the Center for Documentation of the Recent History of the Volgograd Region. *Analysis.* The research is aimed at identifying the problems of training and retraining personnel of Soviet authorities in the Lower Volga Region. *Results.* The first stage of socialist reconstruction, the administrative-territorial reform, and the creation of the Lower Volga Region brought the problem of personnel training into the category of key problems, the success of solving which was directly linked to the implementation of major changes in the political, economic, and social spheres during the first five-year plan. The problem of training and retraining personnel of the Soviet authorities in the region had to be solved against the background of the systemic “processing” personnel, the low level of education of applicants and working Soviet managers, the lack of a systematic accounting the personnel link until 1929 and, as a result, high rates of personnel rotation, especially at the level of the district and village, which determined the main directions of activity of the regional authorities in this matter – the need to intensify efforts to introduce accounting, accurately identify “bottlenecks” in the process of training and retraining of personnel, systematic planning of educational activities for the training and retraining of personnel.

Key words: Lower Volga Region, first five-year plan, Soviet authorities, training and retraining courses for the personnel of the Soviet apparatus, Central Executive Committee.

Citation. Furman E.L. Training and Retraining of Personnel in the System of Soviet Authorities in the Lower Volga Region at the First Stage of Socialist Reconstruction (1928–1932). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 107-121. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.8

© Фурман Е.Л., 2023

УДК 94(470.4)“1920/1930”:342.553
ББК 63.3(235.47)614-2

Дата поступления статьи: 09.04.2023
Дата принятия статьи: 05.07.2023

ПОДГОТОВКА И ПЕРЕПОДГОТОВКА КАДРОВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В НИЖНЕ-ВОЛЖСКОМ КРАЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (1928–1932 гг.)

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Успех осуществлявшихся в стране масштабных преобразований на первом этапе социалистической реконструкции во многом зависел от системной подготовки квалифицированных кадров как для хозяйственно-экономической сферы, так и для органов советской власти. *Методы и материалы*. Исследование состоялось с опорой на традиционные методы (историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический) и принципы (объективности, историзма, системности) исторического исследования. Большую часть документов составили неопубликованные архивные источники Государственного областного архива Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области. *Анализ.* Исследование нацелено на выявление проблем подготовки и переподготовки кадров советских органов власти в Нижне-Волжском крае. *Результаты.* Первый этап социалистической реконструкции, административно-территориальное реформирование и создание Нижне-Волжского края вывели проблему подготовки кадров в разряд ключевых проблем, успех разрешения которой напрямую увязывался с проведением важнейших изменений в политической, хозяйственно-экономической и социальной сферах в период первой пятилетки. Проблему подготовки и переподготовки кадров советских органов власти в крае приходилось решать на фоне проведения системного «орабочивания» кадров, низкого уровня образования соискателей и работающих советских управленцев, отсутствия систематического учета кадрового звена до 1929 г. и, как следствие, высоких темпов ротации кадрового состава, особенно на уровне района и села, что определило основные направления деятельности краевых властей в этом вопросе – необходимость интенсификации усилий по введению учета, точного определения «узких мест» в процессе подготовки и переподготовки кадров, системного планирования образовательных мероприятий по подготовке и переподготовке кадров, поиска будущих сотрудников через систему стажировок, практик и контрактации студентов профильных вузов.

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, первая пятилетка, советские органы власти, курсы по подготовке и переподготовке кадров советского аппарата, ВЦИК.

Цитирование. Фурман Е. Л. Подготовка и переподготовка кадров в системе советских органов власти в Нижне-Волжском крае на первом этапе социалистической реконструкции (1928–1932 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 107–121. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.8

Введение. На первом этапе социалистической реконструкции перед советскими органами власти на местах и в центре ставились масштабные управленческие задачи – модернизация народного хозяйства страны, создание социалистического сектора хозяйствования. Успех в деле строительства социализма во многом зависел от умело организованной кадровой политики – системных и плановых мероприятий в русле подготовки и переподготовки квалифицированных кадров органов государственной власти.

В научной литературе проблема подготовки кадров в системе партийно-государственных органов власти в советский период поднималась в работах Л.С. Леоновой [13], Б.Д. Лебина [12], но объективному исследованию была подвергнута только в постсоветских исследованиях – в рамках комплексного анализа командно-административной системы управления в работах Т.П. Коржихиной [10], В.П. Пашина [18], Е.Г. Гимпельсона [5]. В отдельных сюжетах тему подготовки кадров для органов советской власти на уровне региона Нижнего Поволжья поднимала в своей работе Е.В. Булюлина. Автор проанализировала и охарактеризовала процесс становления и функционирования государственных учреж-

дений на территории Нижнего Поволжья в первое десятилетие советской власти [1]. Между тем самостоятельного исследования, которое было бы посвящено проблеме подготовки и переподготовки кадров советских управленцев в Нижне-Волжском крае в ключевой для страны и региона период первой пятилетки, на сегодняшний момент так и не состоялось.

Методы и материалы. В процессе исследования автор обращалась к традиционным методам (историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический) и принципам (историзма, объективности, системности) исторического исследования, которые позволили раскрыть основные направления государственной политики и практики подготовки кадров для органов советской власти в Нижне-Волжском крае на первом этапе социалистической реконструкции.

Работа состоялась с опорой преимущественно на неопубликованные источники, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, в фондах Нижне-Волжского крайисполкома (Ф. Р-313), Сталинградского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-71), а также в Центре документации новейшей истории Волгоградской области в фонде Нижне-Волжского краевого комитета ВКП(б) (Ф. 76). Среди привлеченных документов – постановления краевых органов власти, делопроизводственная документация различных ведомств и организаций. В данной работе также использовались постановления высших партийных и государственных органов власти, опубликованные в специализированных сборниках постановлений.

Анализ. 21 мая 1928 г. в составе Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области и части Пугачевского уезда Самарской губернии была создана Нижне-Волжская область (с июня 1928 г. область преобразована в край, с включением в состав автономной республики немцев Поволжья). В состав утвержденной административно-территориальной структуры входили 8 округов (позже упразднены), 76 районов (без районов АССР немцев Поволжья, Калмыцкой автономной области) и четыре города, непосредственно подчиненные крайисполкомам: Сталинграда, Саратова, Астрахани и Вольска.

Масштабы и заданные высокие темпы формирования социалистического сектора хозяйствования на селе, модернизации промышленности, с одной стороны, процесс районирования (в условиях систематических чисток советского и партийного аппарата), с другой стороны, вывели проблему комплектования квалифицированными кадрами вновь сформированных аппаратов управления (краевого, городских, районных) на уровень первоочередной задачи. При этом проблема дефицита квалифицированных кадров в Нижне-Волжском крае наиболее остро проявилась на уровне районной и сельской администрации.

Так, после перевыборной кампании начала 1930 г. в советских органах власти Нижне-Волжского края численность руководящих работников районного масштаба была значительно сокращена – из 76 председателей райисполкомов (далее – РИК) 17 были сняты и переведены на другую работу, 11 заведующих отделами РИК отданы под суд, 54 – перемещены на другую, менее ответственную работу, 6 инструкторов отданы под суд, 75 – переведены на другую работу. На низовом уровне ситуация складывалась еще более плачевно – из общей численности председателей сельсоветов – 275 было снято, предано суду и другим взысканиям, 192 человека были переведены на другую работу [27]. В итоге дефицит квалифицированных специалистов по отдельным учреждениям органов власти выражался в десятках, в иных – сотнях сотрудников.

В результате чисток советского аппарата Нижне-Волжского края в 1930–1931 гг. выбыло 1 078 человек, часть из выбывших замещалась рабочими-выдвиженцами, но уровень их подготовки зачастую являлся крайне низким. Дефицит руководящих кадров в 1931 г. выражался в следующих цифрах: по Нижне-Волжскому крайисполкому – 34 сотрудника, крайплану – 19, краевому совету народного хозяйства – 150. На уровне районной администрации по 50 районам края вакантными оставались 744 должности, при этом заявки с мест с каждым днем увеличивались [27].

Крайне низким был и общий уровень образования представителей советских органов власти в крае, их квалификация. Системный

процесс внедрения в государственные органы власти «выдвиженцев» – от «станка и сохи», так называемое «орабочивание» снижало и без того крайне низкую прослойку квалифицированных специалистов. Так, по данным на 6 сентября 1930 г. по районам Нижне-Волжского края – только 6 % руководящего состава райисполкомов и горсоветов (председатели, члены президиума, инструкторы) имели высшее образование, 25 % – среднее, 69 % имели низший уровень образования (формально не имели образования, но являлись азбучно грамотными, либо имели образование в объеме начальной школы) [27]. Из 152 инструкторов в системе советских органов власти только 6 человек (4 %) имели высшее образование, 81 – среднее, 65 – низшее. Специальное образование (срок обучения до 1 года) было у 79 сотрудников, 27 – обучались профессии более года, 37 сотрудников занимали должность, не имея специального образования [31, л. 39].

Как отмечалось в материалах сталинградского окружного комитета ВКП(б) 10 января 1930 г.: «темпы подготовки новых кадров не идут ни в какое сравнение с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства» [9, л. 21]. В системе подготовки кадров в округе практически отсутствовала плановость, недостаточно тщательно осуществлялся подбор кадров, существовал разрыв связи между организациями и учебными центрами. При этом решение ноябрьского пленума окружного комитета ВКП(б) (далее – ОК ВКП(б)) в 1929 г. по отправке на постоянную работу в деревню 375 рабочих с производственных предприятий Сталинграда и 75 выдвиженцев «от станка» на ответственную работу в окружной аппарат не могло решить вопрос острого дефицита кадров и, скорее, проводилось в русле государственной кампании по пролетаризации советского государственного и хозяйственного аппарата. Та же самая картина наблюдалась и в других округах и районах края.

Введению плановости в процесс организации подготовки и переподготовки кадров должна была предшествовать работа по системному изучению и учету кадров на всех уровнях – от сельсоветов и до краевых органов власти. Однако из материалов доклада учетно-распределительного отдела Нижне-Волжского крайисполкома 1930 г. следовало, что работа по учету и изучению кадров, организации переподготовки специалистов велась бессистемно и при отсутствии плана – от случая к случаю, а по некоторым округам и совсем не велась (Пугачевский, Сталинградский, Аткарский), что в первую очередь объяснялось отсутствием специалистов по учету в окружных исполкомах, где эту работу выполняли информаторы. В результате определенной плановости в работе по учету и подготовке кадров удалось достичь с введением в штат орготдела крайисполкома (а также райисполкомов, горисполкомов) должности заведующего учетно-распределительным отделом в октябре 1929 года. В итоге к апрелю 1930 г. в секторе кадров крайисполкома работало два инструктора – один курировал процесс подготовки и переподготовки кадров, второй (рабочий-выдвиженец) занимался изучением, учетом и распределением кадров [6, л. 46 об.].

Между тем успех реализации, даже на элементарном уровне, образовательных мероприятий во многом зависел от общего уровня подготовки кандидатов, который, несмотря на проводившиеся в стране мероприятия по ликвидации неграмотности, оставался достаточно низким. Так, общая численность грамотных в крае составляла в 1928 г. – 59,2 %, в 1929 г. – 64,7 %, 1930 г. – 78,5 %, 1931 г. – 97,3 %. При этом предсказуемо выше был уровень грамотности у городского населения – 61,9 %, по сравнению с сельским – 38,6 % (по данным на 1928 г.), что в целом соответствовало общероссийским показателям (67,5 и 38,8 % соответственно) [29; 14, л. 97].

Проблему ликвидации неграмотности отчасти удалось погасить в период так называемого культштурма. Между тем большая часть заявленных грамотных являлись азбучно грамотными, что вполне объяснимо, если посмотреть данные по самим культармейцам (организаторам, ликвидаторам, методистам). Из общей численности культармейцев края (131 023 чел.) 5,4 % являлись самообразованными, 5,9 % окончившими школы ликбеза, 67 % выпускниками школ I ступени, 16,4 % выпускниками школ II ступени,

выпускники вузов и втузов составляли всего 4 % [29, л. 133].

Низкий уровень грамотности в национальных районах края (наименьший среди казахского, калмыцкого народов) обусловливал и интенсивное развертывание мероприятий по просвещению и образованию национальных меньшинств, а также повышение расходов на образование в национальных районах Нижне-Волжского края. Так, например, в 1929/30 г. удельный вес расходов на народное образование в Нижне-Волжском крае составил 29,4 %, в АССР НП – 33,8 %, Калмыцкой автономной области – 44,3 % [15, л. 55]. При этом грамотность среди женской части населения национальных групп была еще более низкой, что делало озвученную на государственном уровне задачу вовлечения женщин в активную общественную жизнь, в управленческий аппарат среди нацменьшинств практически неразрешимой.

Проблема подготовки кадров решалась сразу несколькими путями – контрактацией студентов вузов вне Нижне-Волжского края, в вузах Нижне-Волжского края (в том числе за счет ускоренных выпусков в учебных заведениях), а также путем подготовки и переподготовки на краткосрочных курсах – районного и краевого уровня, курсах, организованных при ВЦИК.

В 1928/29 г. по краю были организованы и проведены курсы по подготовке и переподготовке кадров советского аппарата: переподготовке инструкторов райисполкомов (50 чел., организованы Нижне-Волжским крайисполкомом, срок обучения 1–1,5 месяца); переподготовке женщин председателей сельсоветов (40 чел., срок обучения 1 месяц); подготовке инструкторов окрисполкомов и крайисполкома (организатор – ВЦИК, срок обучения 9 месяцев); подготовке женщин – председателей сельсоветов (22 чел., срок обучения 1 месяц); подготовке работников сельсоветов и перевыборы (40–55 чел., место проведения Сталинград, Саратов, Астрахань, Камышин, срок обучения от 1 недели до 1 месяца). При этом расходы по округам в 1928/29 г. на курсовую работу оценивались, как весьма скромные – от 1 800 до 4 000 руб. в окружных бюджетах.

Учебный план курсов советского актива при Сталинградском горсовете в 1928 г. включал в себя следующие разделы: основы советской конституции (4 ч), пятилетка (4 ч), задачи горсоветов в реконструктивный период и построение массовой работы (4 ч), методика обследования и проверка исполнения (4 ч), основные принципы рационализации аппарата (4 ч) [34, л. 49]. Курсы проводились в формате бесед, один раз в пятидневку.

В 1929/30 г. в системе подготовки кадров советского аппарата отмечаются некоторые изменения в вопросе финансирования курсовой работы. Решением председателя Нижне-Волжского крайисполкома 3 июля 1929 г. окрисполкомам предлагалось включить в смету на подготовку и переподготовку кадров следующие суммы: Астраханскому – 66 тыс. руб., Балашовскому – 79,5 тыс. руб., Вольскому – 65 тыс. руб., Камышинскому – 49,6 тыс руб., Пугачевскому – 49 тыс. руб., Калмоблисполкому – 28 тыс. руб., Сталинградскому – 100 тыс. руб., Хоперскому – 83 тыс. руб., Саратовскому – 84 тыс. руб. [17]. Для лучшей организации курсовой работы в округах в 1930 г. планировалось делегировать в каждый округ студентов выпускного курса правового отделения факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета.

В русле кампании оптимизации управления государственными учреждениями (введение непрерывной рабочей недели, сокращение штатов аппарата, оптимизация оплаты труда и др.) Нижне-Волжский крайисполком организовывал с 4 декабря 1929 г. краевые курсы по рационализации управления в Саратове. Командированные обеспечивались стипендией, им гарантировалось сохранение не менее 75 % заработной платы. Единовременный взнос за каждого курсанта составлял 160 рублей. Средства перечислялись на текущий счет Саратовского государственного университета, преподаватели которого осуществляли подготовку курсантов [19, л. 63].

В условиях общего низкого уровня образования сотрудников соваппарата наряду с так называемыми профильными дисциплинами (политэкономией, коммунальным делом, административным законодательством и др.) в учебный план приходилось включать еще и общеобразовательные предметы, что еще больше увеличивало расходы на подготовку

и переподготовку специалистов. Так, учебный план на 1930 г. окружных курсов по советскому строительству, инициированных Нижне-Волжским крайисполкомом, наряду с основами политэкономии и экономической политики в связи с пятилетним планом, основами ленинизма, конституцией РСФСР и СССР, массовой работой советов, делопроизводством и счетоводством, агрограмотой, теорией и практикой колхозного и совхозного строительства, теорией и практикой кооперации, коммунального дела и здравоохранения на селе, включал в себя также освоение математики и русского языка [20, л. 117].

Между тем, если подготовка кадров на окружном, районном и краевом уровне медленно, но продвигалась, то выход в процессе подготовки на более высокий уровень – центра, становился для многих претендентов – сотрудников райисполкомов (далее – РИК), горсоветов, краевого исполкома (далее – КИК) практически непреодолимым препятствием.

В конце 1929 г. президиум ВЦИК принял решение выделить для отправки в Институт красной профессуры на отделение права и государства 80 мест для претендентов из среды работников советских учреждений, в связи с чем центральным исполкомам автономных республик, краевым и областным исполкомам было предписано, согласно прилагаемой разверстки, выделить работников для прохождения обучения. Советские работники для прохождения обучения должны были соответствовать следующим требованиям: обладать не менее чем восьмилетним партстажем, минимум пятилетним опытом руководящей работы в советских учреждениях, соответствовать требованиям пролетарско-крестьянского происхождения. Из общей массы отобранных для обучения претендентов должно было быть не менее 20 % женщин и представителей национальных меньшинств [35, л. 45]. Неудивительно, что, несмотря на разверстку Нижне-Волжского крайисполкома об отправке на обучение 4 человек (включая 1 сотрудника из Калмыцкой автономной области), из разных районов Нижне-Волжского края стали приходить телеграммы, в которых сообщалось, что претендентов для прохождения обучения в Институте красной профессуры, соответствующих заявленным требованиям, нет [32, л. 17]. Примечательно, что требования к поступающим на отделение советского строительства в МГУ были несколько ниже: кандидаты должны были обладать не менее чем трехлетним стажем практического опыта советской, партийной, комсомольской работы в руководящих должностях учреждений не ниже окружного и районного уровня, в возрасте – не моложе 21 года и не старше 37 лет [2, л. 68].

К командируемым на годовые центральные курсы советского строительства при ВЦИК на 1930–1931 учебный год слушатели должны были иметь за плечами пятилетний партстаж, три года ответственной советской или партийной работы, а также подготовку в объеме совпартшколы второй ступени. Исключения допускались только по отношению к работникам-выдвиженцам (особенно женщинам и представителям нацменьшинств), служащим в центральных органах автономных республик, краевых, областных или наиболее крупных окружных исполкомах и крупных горсоветах [7, л. 75].

Между тем в систему подготовки и переподготовки кадров советского строительства постепенно внедрялась плановость – составлялись планы на один год, перспективные пятилетние планы. В 1931 г. из запланированных 11 100 курсантов прошли подготовку и переподготовку на краткосрочных межрайонных и краевых курсах более 5 тыс. чел. (руководящие работники крайисполкома, инструкторы советского строительства, председатели райисполкомов, председатели и секретари сельсоветов) [27, л. 49, 49 об., 50]. В 1932 г. планировалось подготовить и переподготовить по Нижне-Волжскому краю 3 955 чел. и по отделам крайисполкома и краевым ведомствам 5 230 чел. [4, л. 9].

При этом в 1932 г. в системе советских органов власти планировалось подготовить и переподготовить представителей национальных кадров не менее 25 % от всего контингента на краевых и межрайонных курсах (450 чел.), из общего количества соцсовместителей и городского советского актива – 15 %, или 300 чел., по краевым ведомствам из 5 230 курсантов – 800 представителей национальных меньшинств. 20 % всего контин-

гента, подлежащего подготовке и переподготовке, для районной и городской ответственной работы по линии советских органов власти, должны были составить женщины.

Для подготовки и переподготовки кадров советского аппарата в Саратовском институте совстроительства, на краевых и межрайонных курсах, из краевого и государственного бюджета планировалось выделить на 1932 г. 391 250 рублей. Максимальная продолжительность обучения на краткосрочных курсах составляла 4 месяца (подготовка секретарей, инструкторов и информаторов райисполкомов и горсоветов), минимальная – 1–1,5 месяца (переподготовка кадров советского строительства) [21, л. 2]. Также планировалась подготовка соцсовместителей – рабочих, выполнявших, наряду со своими прямыми производственными обязанностями, еще и отдельные функции в органах советской власти. В 1932 г. планировалось подготовить 150 соцсовместителей в Саратове, 120 – в Сталинграде, 100 – в Астрахани, 50 – в Вольске и 150 чел. в остальных городах Нижне-Волжского края в течение 3 месяцев на общую сумму 14 250 руб., что в совокупности с подготовкой 1 500 чел. городского советского актива (руководителей депутатских групп, депутатов-производственников) составляло 51 250 руб. [21, л. 2 об.]. Таким образом, только по орготделу Нижне-Волжского крайисполкома в 1932 г. планировалось подготовить и переподготовить более 9 тыс. специалистов.

Также в 1932 г. планировалось подготовить 60 представителей национальных кадров для поступления в вузы края – из них 30 чел. для поступления на рабфак и 30 для поступления в институт советского строительства в Саратове, где организовывались и трехмесячные курсы подготовки [21, л. 2–2 об.].

Другим источником пополнения квалифицированными кадрами советских органов власти был прием на работу выпускников вузов или средне-профессиональных учебных заведений, соответствующих направлений подготовки. При этом попытка партуправленцев ускорить процесс обучения в некоторых учреждениях среднепрофессионального образования наталкивалась на сопротивление Главного управления профессионального образования (далее – главпрофобра), обосновано считающего, что сроки подготовки не могут быть сокращены ввиду «малой интеллигентности учащихся» [9, л. 21].

Решить проблему дефицита специалистов отчасти могла программа прикрепления-распределения студентов и стажеров по предприятиям. С этой целью постановлениями центральных и местных органов власти по краевым учреждениям устанавливалось количество стажеров и практикантов, прикрепленных к отдельным учреждениям и состоящих на местном бюджете. В 1926 г. при наркомате труда РСФСР была образована специальная комиссия по распределению практикантов и стажеров, которая действовала как междуведомственный совещательный орган из представителей наркоматов труда, просвещения, внутренних дел, финансов, земледелия, здравоохранения и др.

На законодательном уровне процент мест для стажировки по каждой отрасли прописывался отдельно народным комиссариатом труда. В 1927 г. изменялся порядок и размер оплаты труда стажеров и практикантов – размер выплат отныне регулировался народными комиссариатами труда по соглашению с соответствующими народными комиссариатами финансов и советами профсоюзов, что впоследствии привело к увеличению выплат [22; 23]. В результате в условиях дефицита специалистов, при одновременном дефиците бюджета в советских органах власти, между отдельными предприятиями и организациями разворачивалась настоящая конкурентная борьба и переманивание стажеров – те организации, которые могли предложить большую оплату стажерам и практикантам (преимущественно хозяйственные, кооперативные), оказывались в выигрыше.

Для Нижне-Волжского края количество стажеров по учреждениям края устанавливалось в размере 1 % от общего количества работников управленческого аппарата (исключая практикантов, которых принимали в количестве 2 % к общему контингенту работников), в учреждениях сельского хозяйства – в объеме 2,5 % от общего количества занятых. При этом ставка стажера оплачивалась 45 руб., практиканта – 35 руб. в месяц, на четыре месяца работы [11, л. 1, 5].

На 1928/29 г. было запланировано принять по учреждениям края стажеров и прак-

тикантов, включая учреждения юстиции, народного образования, здравоохранения, сельского хозяйства, советские органы власти – 189 чел. с общим объемом выплат в размере 51 660 руб. [28, л. 7].

Определенный выход в рамках разрешения проблемы дефицита квалифицированных кадров и одновременно материального стимулирования обучающихся виделся в практике контрактации студентов профильных вузов. Так, в циркулярном письме председателя ВЦИК РСФСР М.И. Калинина от 27 ноября 1929 г. всем республиканским, краевым, окружным, областным исполкомам предлагалось с целью улучшения материального положения студенчества, а также в целях усиления плановости в процессе подготовки специалистов в области советского права и советского строительства на примере факультета советского права московского государственного университета (где осуществлялась подготовка заворготделами, инструкторов, юрисконсультов, информаторов для советских органов власти) поддержать практику контрактации студентов МГУ. За время учебы студент, подписавший договор о контрактации, получал денежное содержание от исполкома, с которым был подписан контрактационный договор, и по окончании обучения он обязывался работать в учреждении, определенном исполкомом, в течение периода, указанного в данном договоре [36, л. 135].

Контрактация студенчества в основном практиковалась до этого хозяйственными организациями, имевшими больше финансовых возможностей «забронировать» студента уже в процессе учебы на первом-втором курсе, оказывая ему материальную поддержку, а зачастую просто «выкупая» всех выпускников для своих учреждений. Для советских органов власти, с неизменно дефицитным бюджетом, контрактация даже одного студента становилась серьезной нагрузкой. Так, краевое статуправление по причине недостатка средств от контрактации студентов вынуждено было отказаться. На заседании президиума Нижне-Волжского краевого исполкома 3 декабря 1929 г. было принято решение ассигновать Нижне-Волжскому крайплану 1 500 руб. на контрактацию лишь одного студента-плановика в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина. С целью планирования расходов на подготовку и переподготовку кадров для советских учреждений всем организациям края было предложено составить план контрактации студентов по своим учреждениям в пределах своих смет [3, л. 137].

Краевой финотдел, испытывая острый дефицит кадров, и, вместе с тем, не имея финансовой возможности выделять на контрактацию студенчества значительные средства, выдвинул предложение установить предельный лимит размера стипендий законтрактованным студентам для всех учреждений края (крайфинотдел выплачивал законтрактованным студентам третьего и четвертого курсов 60 руб., в то время как крайпотребсоюз и крайторготдел, могли позволить себе «перекупить» студентов, выплачивая им содержание в размере до 100–150 руб. в месяц), независимо от их финансовых возможностей, что позволило бы изменить сложившуюся нездоровую конкуренцию между учреждениями при проведении контрактации [30].

Пополнение кадров среднего звена крайисполкома и руководящего состава окрисполкомов (позже райисполкомов) до 1931–1932 гг. проводилось за счет правового отделения факультета хозяйства и права (цикл советского строительства) Саратовского государственного университета. Однако количество и состав студенчества этого отделения (2-й и 3-й курсы) далеко не удовлетворял потребности в соответствующих работниках – так как контингент студентов цикла советского строительства правового отделения составлял всего 29 студентов, при этом, как показывала практика, далеко не все студенты выпускных курсов и уже закончившие вуз справлялись с руководящей работой окружного масштаба, и даже на уровне сотрудников среднего звена в краевом исполкоме испытывали серьезные затруднения [6, л. 45].

Объем теоретической базы, которую осваивал будущий специалист советских органов власти, можно отчасти проследить на основе учебного плана (приема 1929 г.) правового отделения факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. На первом курсе студенты осваивали: политэкономию, диалек-

тический материализм, экономическую географию, статистику, историю развития государственных форм и политических идей в связи с развитием классовой борьбы, общее учение о праве с основами советской конституции, военные дисциплины, иностранные языки. На втором курсе продолжали изучать политэкономию, основы ленинизма, государственное и административное право в СССР и зарубежных странах, хозяйственное право, уголовное право, иностранные языки и военные дисциплины. На двух последующих курсах, кроме переходящих дисциплин (политэкономия, цикл дисциплин по советскому строительству), также предусматривалось прохождение новых дисциплин, среди которых – теория советского хозяйства в связи с экономической политикой, земельное право, трудовое право, спецкурс местного управления, кооперативное строительство, международное право, основы регулирования народного хозяйства, финансово-налоговое законодательство, техника и научная организация управления, спецсеминар по экономической политике [33]. Упор, как видим, в процессе подготовки вполне оправданно делался на изучение дисциплин права, а также цикла дисциплин по советскому строительству.

В русле проводившейся на государственном уровне политики внедрения единой системы подготовки и переподготовки работников по советскому строительству 20 апреля 1931 г. было принято постановление ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» [24], в соответствии с которым из Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского университетов были выделены факультеты советского строительства (для подготовки руководящего и инструкторского состава районных исполкомов, горсоветов и советов крупных фабрично-заводских поселков под контролем ВЦИК) и права (для подготовки судебно-прокурорских работников для краевых, областных и районных органов), с целью преобразования их в самостоятельные институты. В результате институты советского строительства, переданные в ведение ВЦИК, находились на местах под непосредственным руководством краевых, областных, республиканских исполкомов.

При президиуме ВЦИК организовывался отдел кадров, который должен был осуществлять руководство подготовкой, переподготовкой и последующим учетом и распределением работников советов и исполкомов. К началу 1931/1932 учебного года при институтах должны были быть организованы рабочие факультеты, а сами институты в отношении финансирования и материального обеспечения приравнивались к коммунистическим университетам с 1932 года. Срок обучения в вузах определялся в три года (позднее – четыре года). В результате к 1933–1934 г. в систему советских органов власти должны были прийти первые 400 выпускников из вновь образованных в 1931 г. вузов Нижне-Волжского края – института советского строительства, планового института и института советского права в Саратове. Также, в дополнение к вышеперечисленным учебным заведениям, подготовку для советских органов власти осуществляли Высшие центральные курсы при ВЦИК с годичным сроком обучения (набор 1931 г. – 300 чел.), а также юридические курсы на 100 чел. при Нижне-Волжском краевом суде [27, л. 51 об.].

Проблему подготовки кадров без отрыва от производства могла отчасти решить система заочного образования. Между тем, как следовало из постановления СНК РСФСР «О системе заочного обучения» от 3 марта 1931 г., несмотря на усиленное внимание партийно-государственных органов к этому вопросу, пока отсутствовали единый план развития системы заочного обучения и единая система методического руководства заочным обучением со стороны народного комиссариата просвещения (далее – наркомпрос), слабый интерес со стороны наркоматов и хозяйственных организаций. В соответствии с этим, исходя из необходимости в кратчайший срок максимально использовать систему заочного обучения в деле подготовки и переподготовки кадров, система реорганизовывалась по отраслевому принципу [25].

Программно-методическое руководство всей системой заочного обучения на территории РСФСР возлагалось на наркомпрос РСФСР, которому предлагалось в месячный срок организовать специальный сектор по заочному обучению. Учебная работа учрежде-

ний заочного обучения организовывалась на основе сочетания заочного способа обучения с различными формами и методами обучения, применяемыми всей системой подготовки и переподготовки кадров народного хозяйства (курсы, конференции, консультации, рабочие сессии и т. д.). Курсанты, окончившие заочные учебные заведения и выдержавшие испытания в квалификационных комиссиях при соответствующих учебных заведениях, приравнивались к лицам, окончившим соответствующие стационарные учебные заведения. Учебные курсы там, где это было целесообразно и возможно, должны были быть организованы на национальных языках.

Система заочного обучения также должна была внедряться в процесс подготовки советских служащих. В продолжение идеи созданного в 1928 г. первого Рабоче-крестьянского радиоуниверситета, в 1931 г. решением ВЦИК и СНК РСФСР был организован факультет советского строительства при Рабоче-крестьянском университете по радио. Инструкция об организации подготовки и переподготовки кадров советского строительства на местах по факультету советского строительства института заочного образования по радио предусматривала учебную работу в трех форматах: слушание радиолекций, проработку учебного материала, руководство работой слушателя со стороны института и местных органов советской власти [8]. Таким образом, организация радиолекций рассматривалась в русле ленинской идеи газеты без бумаги и без расстояний.

Между тем попытка организовать на краевом уровне заочное обучение в формате радиообучения была предпринята еще в 1930 году. Но из запланированных 8 тысяч курсантов прошли обучение менее ста человек. Ставка на радиообучение с самостоятельной проработкой учебного материала не оправдала себя. В результате в 1931 г. радиолекции уже стали рассматриваться как вспомогательное средство в процессе обучения на открывших свою работу заочных курсах советского строительства ВЦИК [27, л. 50, 51]. Подготовка осуществлялась на двух отделениях. Первом – по подготовке и переподготовке работников и актива горсоветов и сельсоветов (принимались слушатели, достигшие 16 лет и умеющие читать и писать) со сроком обучения 1 год, и втором отделении, для подготовки и переподготовки работников РИКов (принимались ответственные работники РИКов, достигшие 18 лет и имеющие подготовку в объеме средней школы) со сроком обучения 2 года. Прием слушателей осуществлялся с 1 августа по 15 октября, занятия начинались 1 ноября [26].

Основной упор в процессе подготовки курсантов делали на повышение «общественно-политической и практической квалификации советских служащих» [16]. В связи с чем из 530 ч, отведенных учебным планом на освоение всей программы, таким циклам как «сельские советы», «городские советы» отводилось 140 ч, или 26 % учебного времени, на обществоведение – 86 ч (16 %) [16]. Курсантам для самостоятельного изучения предлагался список ключевых работ по теории и истории партии, советскому строительству, проблемам коллективизации, индустриализации, культурной революции, по материалам изучения которой следовало выполнить ряд контрольных работ, которые отправлялись экспертам-консультантам на проверку. Успешно сдавшие контрольные испытания (сдача контрольных работ, участие в итоговой конференции), получали удостоверение об окончании. При этом окончившие отделение по подготовке и переподготовке работников сельских и городских советов приравнивались к окончившим совпартшколы, окончившие отделение по подготовке и переподготовке работников РИКов – к окончившим институты советского строительства.

Результаты. Эффективная организация процесса подготовки и переподготовки кадров в период первой пятилетки рассматривалась на уровне государства в качестве одной из ключевых задач, от успешного решения которой зависело ускоренное продвижение важнейших мероприятий в политической, хозяйственно-экономической и социальной сферах. Создание Нижне-Волжского края в 1928 г., как самостоятельной административно-экономической единицы, необходимость насыщения новых округов, районов кадровым резервом, высокий уровень ротации кадров по причине системных «чисток» конца 1920-х гг., регулярных вертикальных и горизонтальных «перебро-

сок» обусловили введение плановых начал по учету, подготовке и переподготовке кадров, точного определения «узких мест» в процессе проведения мероприятий в этой сфере (взаимодействию с образовательными учреждениями на предмет осуществления практик, стажировок, контрактации студентов профильных вузов, учету потенциальных потребностей в определении объема и состава кадрового резерва, составлению оптимальных учебных программ курсов).

Интересным опытом в рамках проблемы подготовки и переподготовки кадров стали заочные курсы советского строительства ВЦИК с применением цикла радиолекций. Наиболее интенсивный уровень ротации кадров все же продолжал наблюдаться среди районной и сельской советской администрации, что мешало введению системного учета и планированию кадрового резерва. На 1 февраля 1933 г. из 74 РИКов руководство не сменилось только в 5. Высокая ротация, среди прочих причин, также являлась косвенным свидетельством сохраняющегося низкого уровня подготовки руководящих кадров в крае. Попрежнему невысоким уровень подготовки оставался у советских служащих национальных районов, что затрудняло проводившуюся государством политику коренизации, особенно в части продвижения на руководящие должности в национальных районах представителей местных национальностей.

Перевод краевого центра из Саратова в Сталинград в 1932 г. предсказуемо внесет свои коррективы, в отчасти уже отлаженный механизм, и вновь поставит на повестку дня проблему формирования кадров, но уже, в большей мере, в масштабах краевой администрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булюлина Е. В. Местные государственные учреждения Советской России, 1917–1929 гг. : (На материалах Нижнего Поволжья). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 390 с.

2. ВЦИК РСФСР всем краевым, областным исполкомам и ЦИКам АССР циркулярное письмо. 25.07.1930 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 68.

3. Выписка из протокола № 68 заседания президиума Нижне-Волжского краевого исполкома от 03.12.1929 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 137.

4. Выписка из протокола № 57 заседания президиума Нижне-Волжского крайисполкома от 21.02.1932 г.: о плане подготовки и переподготовки советских кадров в 1932 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

5. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 224 с.

6. Доклад о работе учраспредотдела Нижне-Волжского крайисполкома (апрель 1930 г.): подготовка и переподготовка кадров // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1543. Л. 45–47.

7. Инструкция по приему слушателей на центральные курсы советского строительства при ВЦИК на 1930–1931 учебный год. 09.07.1930 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 74–75.

8. Инструкция об организации подготовки и переподготовки кадров советского строительства на местах по факультету советского строительства института заочного образования по радио. 1931 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1592. Л. 9–11.

9. Информсводка Сталинградского ОК ВКП(б) «О кадрах» от 10.01.1930 г. // ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 25а. Л. 21–23.

10. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

11. Крайфинотделу, крайтруду, крайсовпрофу «Об установлении количества стажеров и практикантов в учреждениях Нижневолжского края, состоящих на местном бюджете». 21.09.1928 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1522. Л. 1–5.

12. Лебин Б. Д., Перфильев М. Н. Кадры аппарата управления в СССР : Социологические проблемы подбора и расстановки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 250 с.

13. Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1972. 181 с.

14. Материалы к докладу о ликвидации неграмотности в Нижне-Волжском крае (1928 г.) // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1522. Л. 97.

15. Материалы к отчету Нижне-Волжского краевого комитета ВКП(б) за период от I-й до II-й краевой конференции. Июнь 1930 г. // ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 9. Л. 55.

16. Методическое пособие заочных курсов советского строительства при ВЦИК № 4 // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1592. Л. 2–5.

17. О подготовке и переподготовке низовых работников советского аппарата по Нижне-Волжскому краю в 1928/29 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 129–130.

18. Пашин В. П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР : (Становление, развитие, упро-

чение, в 20-х – 1930 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01. М., 1993. 438 с.

19. Письмо Нижне-Волжского крайисполкома всем окрисполкомам края № 5/1208 от 09.12.1929 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1673. Л. 63.

20. Письмо всем окрисполкомам. Нижне-Волжский краевой комитет. 21.12.1929 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 117.

21. План подготовки и переподготовки советских кадров Нижне-Волжского края в 1932 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 4. Д. 25. Л. 2–2 об.

22. Постановление СНК СССР «Об изменении ст. 8 постановления СНК СССР 14.06.1926 г. о порядке предоставления мест практики учащимся университетов, институтов и техникумов и мест прохождения стажа лицам, прошедшим полный курс указанных учебных заведений». 19.11.1929 г. // СЗ СССР. 1927. № 65. Ст. 667.

23. Постановление народного комиссариата труда РСФСР от 18.02.1929 г. «Об увеличении оплаты труда для стажеров и практикантов» // Известия НКТ СССР. 1929. № 11.

24. Постановление ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» от 20.04.1931 г. // СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.

25. Постановление СНК РСФСР «О системе заочного обучения» от 3 марта 1931 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин [и др.]. М.: Педагогика, 1974. С. 385–386.

26. Продолжительность обучения и общие условия приема и обучения на заочных курсах советского строительства ВЦИК (1931 г.) // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1592. Л. 98–108.

27. Протокол заседания президиума Нижне-Волжского крайисполкома 06.09.1931 г. // ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1568. Л. 47–52.

28. Сведения о проектируемых расходах на стажеров и практикантов по местному бюджету Нижневолжского края (без Калмобласти) на 1928/29 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1522. Л. 7.

29. Сводка итогов культштурма в Нижне-Волжском крае. Май 1931 г. // ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1232. Л. 125–139.

30. Список законтрактованных студентов в 1928–1929 гг. по предприятиям Нижне-Волжского края, вузам и втузам РСФСР // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 144–145.

31. Статсведения о инструкторских кадрах Нижне-Волжского края (из общего состава 152 оплачиваемых работников). 1930 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 39.

32. Телеграмма: Москва, ВЦИК – Саратов, Нижне-Волжский крайисполком (май 1930 г.) // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 17.

33. Учебный план правового отделения факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (1929) // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1522. Л. 116–117.

34. Учебный план курсов советского актива при Сталинградском горсовете (1928 г.) // ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 426. Л. 49.

35. Центральным исполнительным комитетам автономных республик, краевым и окружным, областным исполкомам: циркулярное письмо ВЦИК. 20.12.1929 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 45.

36. Циркулярное письмо ЦИК автономных республик, областным и краевым исполкомам председатель ВЦИК М.И. Калинин. 27.11.1929 г. // ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1544. Л. 135.

REFERENCES

1. Buljulina E.V. *Mestnye gosudarstvennye uchrezhdenija Sovetskoj Rossii, 1917–1929 gg.: (Na materialah Nizhnego Povolzhja)* [Local State Institutions of Soviet Russia, 1917 – 1929 (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2011. 390 p.

2. VCIK RSFSR vsem kraevym, oblastnym ispolkomam i CIKam ASSR cirkuljarnoe pismo. 25.07.1930 g. [The All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR to All Regional, Regional Executive Committees and the Central Executive Committees of the ASSR, a Circular Letter. July 25, 1930]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 68.

3. Vypiska iz protokola № 68 zasedanija prezidiuma Nizhne-Volzhskogo kraevogo ispolkoma ot 03.12.1929 g. [Extract from the Protocol No. 68 of the Meeting of the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee. December 3, 1929]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 137.

4. Vypiska iz protokola № 57 zasedanija prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma ot 21.02.1932 g.: o plane podgotovki i perepodgotovki sovetskikh kadrov v 1932 g. [Extract from the Protocol No. 57 of the Meeting of the Presidium of the Nizhne-Volzhsky Regional Executive Committee of February 21, 1932: On the Plan of Training and Retraining Soviet Personell in 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 4, d. 25, l. 9.

5. Gimpelson E.G. *Stanovlenie i evoljucija sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravlenija, 1917–1930* [Formation and Evolution of the Soviet State Administration Apparatus, 1917–1930]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2003. 224 p.

6. Doklad o rabote uchraspredotdela Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma (aprel 1930 g.): podgotovka i perepodgotovka kadrov [Report on the Work of the

Administrative Department of the Lower Volga Regional Executive Committee (April 1930): Training and Retraining of Personnel]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1543, l. 45-47.

7. Instrukcija po priemu slushatelej na centralnye kursy sovetskogo stroitelstva pri VCIK na 1930–1931 uchebnyj god. 09.07.1930 g. [Instructions for the Admission of Students to the Central Courses of Soviet Construction at the All-Russian Central Executive Committee for the 1930–1931 Academic Year. July 9, 1930]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 74 -75.

8. Instrukcija ob organizacii podgotovki i perepodgotovki kadrov sovetskogo stroitelstva na mestah po fakultetu sovetskogo stroitelstva instituta zaochnogo obrazovanija po radio. 1931 g. [Instructions on the Organization of Training and Retraining of Personnel of Soviet Construction in the Field at the Faculty of Soviet Construction of the Institute of Correspondence Education on the Radio. 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1592, l. 9-11.

9. Informsvodka Stalingradskogo OK VKP(b) «O kadrah» ot 10.01.1930 g. [Information Summary of the Stalingrad District Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On Personnel" of January 10, 1930]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 3, d. 25a, l. 21-23.

10. Korzhikhina T.P., Figatner Yu.Yu. Sovetskaja nomenklatura: stanovlenie, mehanizmy dejstvija [Soviet Nomenklatura: Formation of Mechanisms of Action]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1993, no. 7, pp. 25-38.

11. Krajfinotdelu, krajtrudu, krajsovprofu «Ob ustanovlenii kolichestva stazherov i praktikantov v uchrezhdenijah Nizhnevolzhskogo kraja, sostojashhih na mestnom bjudzhete». 21.09.1928 g. [To the Regional Financial Department, the Regional Department of Labor, the Regional Trade Union Council "On Establishing the Number of Trainees in the Institutions of the Lower Volga Territory, Which Are on the Local Budget". September 21, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1522, l. 1-5.

12. Lebin B.D., Perfilev M.N. *Kadry apparata upravlenija v SSSR: Sociologicheskie problemy podbora i rasstanovki* [Personnel of the Management Apparatus in the USSR. Sociological Problems of Selection and Placement]. Leningrad, Nauka Publ. Leningr. otd-nie, 1970. 250 p.

13. Leonova L.S. *Iz istorii podgotovki partijnyh kadrov v sovetsko-partijnyh shkolah i kommunisticheskih universitetah (1921–1925 gg.)* [From the History of Training Party Cadres in Soviet-Party Schools and Communist Universities (1921–1925)]. Moscow, Izd-vo MGU, 1972. 181 p.

14. Materialy k dokladu o likvidacii negramotnosti v Nizhne-Volzhskom krae (1928 g.) [Materials for the Report on the Eradication of Illiteracy in the Lower Volga Region (1928)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1522, l. 97.

15. Materialy k otchetu Nizhne-Volzhskogo kraevogo komiteta VKP(b) za period ot I-j do II-j kraevoj konferencii. Ijun 1930 g. [Materials for the Report of the Lower Volga Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks for the Period from the 1st to the 2nd Regional Conference. June 1930]. *CDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 2, d. 9, l. 55.

16. Metodicheskoe posobie zaochnyh kursov sovetskogo stroitelstva pri VCIK № 4 [Methodological Manual of Correspondence Courses of Soviet Construction at the All-Russian Central Executive Committee No. 4]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1592, l. 2-5.

17. O podgotovke i perepodgotovke nizovyh rabotnikov sovetskogo apparata po Nizhne-Volzhskomu kraju v 1928/29 g. [On the Training and Retraining of Grassroots Workers of the Soviet Apparatus in the Lower Volga Region in 1928/29]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313. inv. 1, d. 1544, l. 129-130.

18. Pashin V.P. *Partijno-hozjajstvennaja nomenklatura v SSSR: (Stanovlenie, razvitie, uprochenie, v 20-h – 1930 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.01* [Party and Economic Nomenclature in the USSR: (Formation, Development, Consolidation, in the 20s – 1930s). Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 1993. 438 p.

19. Pismo Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma vsem okrispolkomam kraja № 5/1208 ot 09.12.1929 g. [Letter of the Lower Volga Regional Executive Committee to All Regional Executive Committees of the Region No. 5/1208. December 9, 1929]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313. inv. 1, d. 1673, l. 63.

20. Pismo vsem okrispolkomam. Nizhne-Volzhskij kraevoj komitet. 21.12.1929 g. [Letter to All District Executive Committees of the Regional Executive Committee of the Lower Volga Region. December 21, 1929]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 117.

21. Plan podgotovki i perepodgotovki sovetskih kadrov Nizhne-Volzhskogo kraja v 1932 g. [Plan for the Training and Retraining of Soviet Personnel in The Lower Volga Region in 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 4, d. 25, l. 2-2 r.

22. Postanovlenie SNK SSSR «Ob izmenenii st. 8 postanovlenija SNK SSSR 14.06.1926 g. o porjadke predostavlenija mest praktiki uchashhimsja universitetov, institutov i tehnikumov i mest prohozhdenija stazha licam, proshedshim polnyj kurs ukazannyh uchebnyh zavedenij». 19.11.1929 g. [Decree

of the Council of People's Commissars of the USSR "On Amending Art. 8 of the Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of June 14, 1926 on the Procedure for Providing Practice Places to Students of Universities, Institutes and Technical Schools and Places of Internship for Persons Who Have Completed the Full Course of These Educational Institutions. November 19, 1929]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1927, no. 65, art. 667.

23. Postanovlenie narodnogo komissariata truda RSFSR ot 18.02.1929 g. «Ob uvelichenii oplaty truda dlja stazherov i praktikantov» [Decree of the People's Commissariat of Labor of the RSFSR of February 18, 1929 "On Increasing Wages for Interns and Trainees"]. *Izvestiya NKT SSSR* [News of the People's Commissariat of Labor of the USSR], 1929, no. 11.

24. Postanovlenie VCIK RSFSR «O meroprijatijah po podgotovke i perepodgotovke kadrov rabotnikov sovetskogo stroitelstva» ot 20.04.1931 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR "On Measures for the Training and Retraining of Workers in Soviet Construction". April 20, 1931]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1931, no. 29, art. 261.

25. Postanovlenie SNK RSFSR «O sisteme zaochnogo obuchenija» ot 3 marta 1931 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the System of Correspondence Education". March 3, 1931]. Abakumov A.A., Kuzin N.T., et al., eds. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatelnaja shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973* [Public Education in the USSR. Comprehensive School. Collection of Documents. 1917–1973]. Moscow, Pedagogika Publ., 1974, pp. 385-386.

26. Prodolzhitelnost obuchenija i obshhie uslovija priema i obuchenija na zaochnyh kursah sovetskogo stroitelstva VCIK (1931 g.) [Duration of Study and General Conditions for Admission and Study at the Correspondence Courses of the Soviet Construction of the All-Russian Central Executive Committee (1931)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1592, l. 98-108.

27. Protokol zasedanija prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma 06.09.1931 g. [Protocol of the Meeting of the Presidium of the of the Lower Volga Regional Executive Committee. September 6, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1568, l. 47-52.

28. Svedenija o proektiruemyh rashodah na stazherov i praktikantov po mestnomu bjudzhetu Nizhnevolzhskogo kraja (bez Kalmoblasti) na 1928/29 g. [Information on the Projected Costs for Interns and Trainees According to the Local Budget of the Lower Volga Territory (Excluding the Kalmooblast) for 1928/29]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1522, l. 7.

29. Svodka itogov kultshturma v Nizhne-Volzhskom krae. Maj 1931 g. [Summary of the Results of the Cultural Assault in the Lower Volga Territory. May 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1232, l. 125-139.

30. Spisok zakontraktovannyh studentov v 1928–1929 g. po predprijatijam Nizhne-Volzhskogo kraja, vuzam i vtuzam RSFSR [List of Contracted Students in 1928–1929 by Enterprises of the Lower Volga Territory, Universities and Technical Colleges of the RSFSR]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 144-145.

31. Statsvedenija o instruktorskih kadrah Nizhne-Volzhskogo kraja (iz obshchego sostava 152 oplachivaemykh rabotnikov). 1930 g. [Statistical Information About the Instructor Staff of the of the Lower Volga Territory (From Total Staff of 152 Paid Employees). 1930]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 39.

32. Telegramma: Moskva, VCIK – Saratov, Nizhne-Volzhskij krajispolkom (maj 1930 g.) [Telegram: Moscow, All-Russian Central Executive Committee – Saratov, Nizhne-Volzhsky Regional Executive Committee (May 1930)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 17.

33. Uchebnyj plan pravovogo otdelenija fakulteta hozjajstva i prava Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo (1929) [The Curriculum of the Legal Department of the Faculty of Economics and Law of the Saratov State University. N.G. Chernyshevsky (1929)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1522, l. 116-117.

34. Uchebnyj plan kursov sovetskogo aktiva pri Stalingradskom gorsovete (1928 g.) [The Curriculum of the Courses of the Soviet Activists at the Stalingrad City Council (1928)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 426, l. 49.

35. Centralnym ispolnitelnym komitetam avtonomnyh respublik, kraevym i okruzhnym, oblastnym ispolkomam: cirkuljarnoe pismo VCIK. 20.12.1929 g. [To the Central Executive Committees of the Autonomous Republics, Territorial and District, Regional Executive Committees: Circular Letter of the All-Russian Central Executive Committee. December 20, 1929]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 45.

36. Cirkuljarnoe pismo CIK avtonomnyh respublik, oblastnym i kraevym ispolkomam predsedatel VCIK M.I. Kalinin. 27.11.1929 g. [Circular Letter of the Central Executive Committee of the Autonomous Republics, Regional and Regional Executive Committees – Chairman of the All-Russian Central Executive Committee M.I. Kalinin. November 27, 1929]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1544, l. 135.

Information About the Author

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7346-295X

Информация об авторе

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7346-295X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.9

UDC 94:330.341.424(470.45)
LBC 63.3(2Рос-4Вог)614-2

Submitted: 18.03.2023
Accepted: 04.06.2023

INDUSTRIALIZATION OF STALINGRAD AND THE SOLUTION OF THE HOUSING PROBLEM OF THE URBAN POPULATION

Taisiya V. Yudina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Meeting the housing needs of the Soviet population during industrialization lagged behind the pace of the construction of industrial enterprises in the country. The Stalingrad population was no exception. The increasing need for housing was due to the intensive growth of the urban population due to the massive influx of peasants to industrial construction sites. The shortage of housing was observed at all Stalingrad enterprises. For its resolution, housing construction began to be carried out in Stalingrad through the efforts of industrial enterprises with the involvement of construction organizations. *Methods and materials.* The study, based on historical-comparative and historical-descriptive methods, used published documentary materials and sources from the State Archive of the Volgograd region. The information presented is based on these materials. It covers the role of central and local authorities in resolving the housing crisis of the Stalingrad population and the difficulties of Stalingraders with housing issues. *Analysis*. The article deals with the provisions for housing workers in various large industrial enterprises in Stalingrad; the protocols and letters of the authorities on resolving the housing crisis, identifying the reasons for non-fulfillment of housing construction plans, are analyzed; and it is mentioned about the use of "extra" living space for workers in institutions, red corners, clubs, prayer houses, and churches. According to the decision of local authorities, 10% of the living space in private households was provided to newly arriving workers at enterprises to provide housing. But there was still not enough housing; besides, the living conditions also testified to the severity of the problem. The availability of living space for the urban population, primarily workers, was low; living conditions were unfavorable. *Results*. Nevertheless, despite the fact that among all the largest industrial cities of the USSR, Stalingrad was distinguished by the lowest provision of living space for urban residents, since the mid-1930s, the average norm of living space per Stalingrad resident has increased, which indicates a weakening of the severity of the housing crisis and an improvement in the lives of Stalingraders.

Key words: industrialization, industrial enterprises, housing construction, Stalingraders, housing, authorities.

Citation. Yudina T.V. Industrialization of Stalingrad and the Solution of the Housing Problem of the Urban Population. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 122-129. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.9

УДК 94:330.341.424(470.45)
ББК 63.3(2Рос-4Вог)614-2

Дата поступления статьи: 18.03.2023
Дата принятия статьи: 04.06.2023

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТАЛИНГРАДА И РАЗРЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Таисия Васильевна Юдина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Юдина Т.В., 2023

Аннотация. Удовлетворение потребностей советского населения в жилье в ходе индустриализации отставало от темпов возведения промышленных предприятий в стране. Сталинградское население не являлось исключением. Возрастающая потребность в жилье была обусловлена интенсивным ростом городского населения из-за массового притока крестьян на промышленные стройки. Дефицит жилья наблюдался на всех сталинградских предприятиях. Для его разрешения в Сталинграде стало осуществляться жилищное строи-

тельство усилиями промышленных предприятий с привлечением строительных организаций. В статье рассматриваются вопросы обеспеченности жильем рабочих ряда крупных промышленных предприятий Сталинграда; анализируются протоколы, письма органов власти по разрешению жилищного кризиса, выявлению причин по невыполнению планов жилищного строительства; упоминается про использование для рабочих «лишней» жилой площади в учреждениях, красных уголках, клубах, молитвенных домах, церквях. По решению местных органов власти для обеспечения жильем вновь прибывающим работникам на предприятия предоставляли 10 % жилой площади в частных домовладениях. Но жилья по-прежнему не хватало, к тому же условия проживания также свидетельствовали об остроте проблемы. Обеспеченность размерами жилой площадью городского населения, прежде всего рабочих, была низкой; условия проживания неблагоприятны. Тем не менее, несмотря на то что среди всех крупнейших индустриальных городов СССР Сталинград отличался самой низкой обеспеченностью жилой площадью городских жителей, с середины 1930-х гг. средняя норма жилой площади на одного сталинградского жителя увеличилась, что свидетельствовало об ослаблении остроты жилищного кризиса и улучшении жизни сталинградцев.

Ключевые слова: индустриализация, промышленные предприятия, жилищное строительство, сталинградцы, жилье, органы власти.

Цитирование. Юдина Т. В. Индустриализация Сталинграда и разрешение жилищной проблемы городского населения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 122–129. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.9

Введение. Жилье – необходимая жизненная потребность. Одновременно это и важный фактор развития производства, о чем упоминал еще в 1920-е гг. В. Ильинский [6, с. 49]. Жилье выступает одновременно и как социальный, и как экономический стимул. В 1920–1930-е гг. распределение жилья и обеспечение населения дешевой жилой площадью явились основой государственной жилищной политики. Для достижения этой цели предполагалось рационально использовать уже имеющееся жилье и приступить к строительству нового. Интенсивное жилищное строительство стало осуществляться в период индустриализации во многих городах страны, в том числе и Сталинграде. Цель статьи – выяснить роль жилищного строительства, как важного фактора индустриального развития Сталинграда и превращение его в ведущий промышленный центр страны. Это позволит разобраться в вопросах обеспеченности жильем городских жителей и рабочих крупных предприятий Сталинграда, причинах невыполнения программ жилищного строительства, усилиях органов власти и предприятий по разрешению жилищного кризиса, увеличению численности городского населения, улучшению их жизни.

Методы и материалы. В этой статье использование системного подхода, анализа и синтеза позволило определить значительную роль жилищной политики при реализации курса советской власти на индустриализацию народного хозяйства, лучше понять специфику быстрого роста и развития Сталинграда, его населения.

При изучении архивных источников, выявленных в Государственном архиве Волгоградской области, а также опубликованных документальных материалов, использовались историко-сравнительный и историко-описательный методы. Информационная база, основанная на указанных материалах, представлена сведениями о роли центральных и местных органов власти по разрешению жилищного кризиса сталинградского населения, трудностях сталинградцев в жилищных вопросах.

Анализ. Курс СССР на индустриализацию и модернизацию советского народного хозяйства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. способствовал сооружению новых или реконструкции имевшихся промышленных предприятий. Масштабное промышленное строительство и реконструкция в указанные годы развернулись в Сталинграде.

Развивалось тяжелое и общее машиностроение, металлургия, электроэнергетика и лесопильная отрасль, появлялись новые отрасли – судостроение, химическая и др. Пуск Сталинградского тракторного завода состоялся 17 июня 1930 г., Сталинградской ГРЭС – 8 ноября 1930 г., сталинградских химкомбината – в июне 1931 г., метизного и судостроительного заводов – в октябре 1931 г., кислородного завода – в 1934 г. и др.

Индустриализация советского народного хозяйства потребовала огромное количе-

ство работников, и важным фактором развития производства являлось жилье, предоставляемое рабочим и специалистам. Распределяло и перераспределяло жилье государство на основе постановлений и других законодательных актов, деятельности местных органов власти, государственных учреждений и предприятий. Однако, несмотря на государственное распределение, жилищный вопрос для работников промышленных предприятий Сталинграда оставался очень острым. В заводских общежитиях вновь прибываемым работникам мест не хватало. Недостаточная обеспеченность жильем сталинградцев, дефицит жилья, низкие темпы жилищного строительства – характерные приметы остроты жилищной проблемы того времени.

23 августа 1931 г. в Постановлении Совета Труда и Обороны СССР «О жилищном, коммунальном и культурно-бытовом строительстве города Сталинграда» отмечался быстрый промышленный рост Сталинграда и связанный с ним рост рабочего населения, с одной стороны, а с другой – низкий уровень городского хозяйства. Для дальнейшего успешного выполнения планов индустриализации к концу 1931 г. Всесоюзному объединению «Союзстандартжилстрой» поручалось обеспечить Сталинград стандартно-сборными жилыми домами с жилой площадью в 25 тыс. м^2 и Нижне-Волжскому крайисполкому – организовать дополнительное производство таких домов на 30 тыс. м^2 на местных лесообрабатывающих предприятиях [11, с. 54–55]. На 1932 г. для обеспечения прироста населения (необходимой рабочей силы на промышленные предприятия) и повышения норм обеспеченности жильем рабочих и членов их семей в г. Сталинграде Советом Труда и Обороны СССР планировалось увеличить жилую площадь на 400–450 тыс. м^2 [11, с. 59], в первую очередь путем создания новых построек.

С целью обеспечения жильем, прежде всего семей рабочих, еще в начале 1920-х гг. в Царицынской (с 1925 г. – Сталинградской) губернии были созданы комиссии по улучшению быта рабочих. Вопрос о развитии заводского, кооперативного и индивидуального строительства при кредитовании его со стороны государства прорабатывался на ведущих заводах города – «Красный Октябрь» и «Баррикады».

Жилищное строительство стало проводиться предприятиями при привлечении строительных организаций, в рабочих районах Сталинграда. Хотя оно отставало в условиях интенсивного притока сельского населения на промышленные предприятия от потребностей (в 1928/29 г. жилая площадь была увеличена лишь на 26 тыс. м^2), вклад предприятий в разрешении жилищной проблемы сталинградцев являлся значительным.

Наиболее успешно решение жилищных вопросов через ввод новых жилых объектов осуществлялось в металлургической отрасли промышленности. На «Баррикадах», где 40 % рабочих семей проживали на заводской площади, а остальные 60 % вынуждены были снимать жилье, как правило, угол в частном секторе, жилищные условия считались лучшими, чем на остальных предприятиях города [13, с. 142].

В 1924 г. на одного городского жителя Царицына, имевшего жилье, приходилось 6,3 м^2, на члена рабочей семьи «Красный Октябрь» – 6,4 м^2 жилой площади при норме 9,2 м^2 [14, с. 50]. В 1931 г. в промышленных районах Сталинграда произошло дальнейшее снижение размеров жилплощади, она стала составлять 3–2,5 м^2, то есть рабочие стали жить в более стесненных условиях [11, с. 61], что свидетельствовало о росте промышленного производства в городе, значительно опережавшем прирост жилищного строительства.

Для обеспечения жильем рабочих местные органы власти использовали различные внутренние ресурсы. Так, к концу 1931 г. организованные бригады из инспекторского состава Сталинградской городской рабоче-крестьянской инспекции с привлечением представителей общественности проверяли «лишнюю» жилую площадь в учреждениях, красных уголках, клубах, молитвенных домах, церквях; выявляли возможности использования под жилье складских помещений, амбаров и предоставления частными домовладельцами 10 % жилой площади для нуждающихся рабочих [11, с. 60].

К 1932 г. рабочие и специалисты «Баррикад» проживали на 26,3 тыс. м^2 жилой площади квартирного типа и 1 445 м^2 казармен-

ного типа. Для обеспечения квартирами рабочих и членов их семей, не имеющих жилья, планировалось к 1 июля 1932 г. ввести в эксплуатацию еще 18 250 м^2 жилья [2, л. 37 об.–38]. Предполагалось строительство жилья и после указанной даты, однако, как указывали члены комиссии, состоявшие из сотрудников Сталинградского губернского отдела труда и завода «Баррикады»: «твердого плана этого строительства нет» [2, л. 38]. К тому же заведующий Сталинградским губернским отделом труда Рысенков полагал, что коммунальный отдел завода «Баррикады» не вел учета по проживающим рабочим на частных квартирах, а учитывал только тех рабочих, не имевших жилья, которые подали заявления [8, л. 182], следовательно, точного учета нуждающихся в жилье не имелось.

Выявленные из письма Нижне-Волжского краевого отдела труда в спецуправление Народного комиссариата труда СССР и РСФСР сведения свидетельствуют, что в начале 1932 г. из 4 276 рабочих «Баррикад» только 1 709 было предоставлено заводское жилье, или 40 % от общей численности. Отметим, что, несмотря на количественное увеличение численности рабочей силы на «Баррикадах», соотношение имевших ведомственное жилье по отношению к общему числу заводских рабочих по сравнению с 1920-ми гг. не изменилось. В среднем на «Баррикадах» в 1932 г. на одного человека приходилось 3,8 м^2 жилья, в то время по Нижне-Волжскому краю этот показатель составлял 3,6 м^2. Для предоставления жилья нуждающимся рабочим в 1932 г. предполагалось заводом построить 76 343 м^2 жилой площади [9, л. 184–185].

На Сталинградском тракторном заводе (далее – СТЗ), где численность рабочих увеличивалась постоянно, жилищное строительство осуществлялось также недостаточными темпами. В июне 1933 г. на закрытом заседании строительной комиссии при президиуме Нижне-Волжского краевого исполкома было принято решение: «...поручить городской строительной комиссии в 3-дневный срок рассмотреть целесообразность строительства новых бараков в количестве 20 штук, учитывая наличие незаполненных бараков на других соседних стройках Сталинграда и возможности их использования» [10, л. 53].

На Сталинградском химкомбинате жильем в первую очередь обеспечивали специалистов, однако их проживание осложнялось тем, что стены, двери и оконные рамы жилых домов были недостаточно утеплены, поэтому в квартирах осенью и зимой постоянно было «необыкновенно холодно», а капитальный ремонт планировалось проводить только весной, с наступлением теплого времени [1, л. 18]. В марте 1932 г. по результатам проведенного обследования на химкомбинате районным инспектором труда Ерманского района Сталинграда Грудининым выяснилось, что из 931 рабочего, трудившегося на химкомбинате, жилье было предоставлено 773 человекам, соответственно специалистам из 64 – 42. Также не были обеспечены жильем 27 семей рабочих и 15 семей специалистов [3, л. 178]. При этом на одного человека, имевшего ведомственное жилье, приходилось 5 м^2 жилой площади, что свидетельствует о том, что рабочие и специалисты химкомбината хотя и проживали в стесненных условиях, но в более лучших, чем рабочие «Баррикад» и СТЗ. Производственным планом на 1932 г. предполагалось обеспечить жильем до 75 % всех рабочих химкомбината, в том числе и «подготавливаемых для производства, намечаемых к пуску в 1932 г.» [3, л. 178–178 об.].

В неблагоприятных условиях проживали и рабочие завода «Баррикады». Проведенное обследование инспектором труда Сдобновым их жилищных условий в феврале 1932 г. свидетельствовало: 35 % всех комнат Дома Коммуны, ведомственного жилья «Баррикад», оказались холодными. «Трубы прогревались плохо... Это обстоятельство не зависит от доставки топлива для отопления, а вследствии неудачного оборудования». Сдобнов указывал, что некоторые рабочие, возвращаясь с работы, бегут в кубовую отогреваться и спят в одежде. Семейные же рабочие жильем довольны, несмотря на «недостаток обстановки» в некоторых квартирах [4, л. 32].

На СТЗ к концу 1932 г. строительство жилищного комплекса продолжалось. Из секретного удостоверения от 9 декабря 1932 г. узнаем о командировке С.В. Кравцова – инспектора по строительству спецсектора Нижне-Волжского краевого отдела труда для обследования Сталинградского тракторного

строительства «по вопросу обеспечения приема 4 000 строительных рабочих в части подготовки жилищ, создания продовольственной базы и т. д.» [12, л. 107].

Таким образом, нехватка жилья, также как и в середине 1920-х гг., в начале 1930-х гг. оставалась острой проблемой для сталинградцев. Ввод новых и отремонтированных жилых строений не успевал за ростом численности городского населения [7, с. 7]. К тому же отставали и темпы строительства. Так, в 1930 г. было введено в эксплуатацию 121,4 тыс. м^2 жилой площади, а в 1931 г. – 86,5 тыс. м^2 жилой площади [11, с. 71]. Строительство жилья в основном велось в районах ведущих промышленных предприятий Сталинграда: Сталинградский тракторный завод, «Баррикады» и др.

Вопросы городского хозяйства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. постоянно находились в центре внимания органов власти Сталинграда. В работе III городской Сталинградской конференции ВКП(б) Нижне-Волжского края от 17–21 января 1932 г. отмечалось, что значительно, на 59,5 %, недовыполнена в 1931 г. программа вложений в жилищное строительство, соответственно введения в эксплуатацию новой жилой площади. Особенно неудовлетворительными оказались итоги по строительству стандартно-сборных домов, обеспечивавшие выполнение общего плана жилищного строительства в промышленном центре страны – Сталинграде. Также существенно был недовыполнен план рабочей жилищно-строительной кооперации. Участники конференции обратили внимание и на повышение стоимости жилищного строительства, по их мнению, обусловленное его неудовлетворительной организацией, повышением цен на строительные материалы и транспорт. Имелись претензии у членов городской Сталинградской конференции ВКП(б) и к качеству строительных работ на отдельных участках [11, с. 73].

В итоге, несмотря на усилия властей на преимущественное улучшение жилищных условий рабочих промышленных предприятий Сталинграда, обеспеченность их жилой площадью оставалась все еще очень низкой. Дальнейшие перспективы развертывания промышленного производства в Сталинграде, следовательно, стремительного роста городского населения, настоятельно диктовали необходимость форсированного жилищного строительства строительными организациями города. На 1932 г. городской Сталинградской конференцией ВКП(б) Нижне-Волжского края был утвержден лимит на 31 млн руб. с введением в эксплуатацию не менее 300 тыс. м^2 жилой площади [11, с. 74].

Вопросы разрешения жилищной проблемы городского населения Сталинграда, жилищного строительства обсуждались в 1932–1933 гг. на заседаниях Совета труда и обороны СССР, Совета народных комиссаров РСФСР. Согласно Постановлениям, директора́ заводов «Красный Октябрь» и «Электролес» несли персональную ответственность за своевременную сдачу в эксплуатацию жилой площади и полное выполнение программы жилищного строительства, установленного на 1933 г., дире́ктора «Красного Октября» по данному вопросу планировали в сентябре 1933 г. заслушать на заседании Комиссии исполнения при СНК РСФСР. Сталинградский городской Совет по решению высших органов власти также активно принимал участие в выполнении директив по решению жилищного вопроса, например, по снижению стоимости строительства, улучшению его качества, снабжению местными строительными материалами, механизации работ, улучшению продовольственного снабжения строительных рабочих и т. д. [11, с. 85].

В начале января 1934 г. на страницах газеты «Поволжская правда» указывалось, что за 1931–1933 гг. в Сталинграде было построено и заселено 303 тыс. м^2 жилой площади, в связи с чем жилой фонд города был обновлен на $^1/_3$; а с 1928 по 1933 г. – на 42 %. Однако жилья по-прежнему не хватало. Из-за масштабной индустриализации Сталинграда и необходимости новых кадров для промышленных предприятий, городское население с 1930 по 1934 г. увеличилось на 90 %, в то время как жилой фонд – только на 40 %, и с мая 1934 г. Сталинградский городской коммунальный отдел проводит учет всех частновладельческих домов с жилой площадью свыше 90 м^2, изымает 10 % жилплощади для заселения нуждающихся, прежде всего рабочих [11, с. 87, 89–90]. Далее, активно развернувшееся с

1933 г. жилищное строительство для рабочих крупных предприятий «Баррикад», Сталинградского тракторного завода и «Красного Октября» позволило снизить остроту жилищной проблемы в городе. В 1935 г. средняя норма жилой площади на одного сталинградского жителя составляла 3,4 м^2, в отдельных районах Сталинграда – 2,7 м^2. Следует заметить, что каждому проживающему в то время полагалось не только определенное количество жилой площади, но и определенный объем воздуха. Поэтому возводили жилье с высокими потолками, чтобы уложиться в санитарные нормы и таким образом компенсировать маленькую площадь небольших помещений, заселенных несколькими проживающими.

К середине 1930-х гг., несмотря на предпринимаемые усилия по разрешению жилищного кризиса, среди всех крупнейших индустриальных городов СССР Сталинград отличался самой низкой обеспеченностью жилой площадью городских жителей. Мощный промышленный центр СССР, которым стал Сталинград в результате программы индустриализации периода первых пятилеток, насчитывал в 1939 г. более 445 тыс. чел., где рабочие и служащие составляли 206 тыс. чел., или 46 % [5, с. 225]. Однако к концу 1939 г., несмотря на увеличение общего жилого фонда Сталинграда, который составил 1 848 тыс. м^2, ослабление остроты жилищного кризиса и улучшение жизни сталинградцев (в 1937 г. средняя норма жилой площади в Сталинграде составляла 3,85 м^2 [11, с. 31]), обеспеченность жильем рабочих по-прежнему оставалась злободневной проблемой.

Разрешение жилищного кризиса обусловливалось целым рядом факторов: недостаточное выделение средств на строительство жилья, нехватка квалифицированных строителей, низкий уровень зарплаты в строительной отрасли, сезонность в работе и др.

Результаты. В результате проведенной индустриализации определяющими отраслями промышленности Сталинграда стали тяжелое и общее машиностроение, металлургия, электроэнергетика и лесопильная отрасль. Перечисленные, а также появившиеся новые отрасли, такие как судостроение, химическая и другие свидетельствовали о превращении Сталинграда в крупнейший индустриальный центр страны. Обеспечение промышленных предприятий рабочей силой способствовало росту городского населения и требовало массового жилищного строительства. Жилищное строительство в Сталинграде осуществлялось специализированными и крупными промышленными предприятиями при привлечении строительных организаций. Нуждающихся в жилье рабочих и членов их семей при отсутствии предоставления заводского жилья по решению местных органов власти вселяли в учреждения, красные уголки, клубы, молитвенные дома, церкви, частные домовладения. Однако жилищный вопрос оставался острым и, несмотря на определенные положительные изменения, так и не получил своего окончательного разрешения к началу Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт «Обследование бытовых условий ИТР Химкомбината» от 21.12.1931 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 10. Л. 18–18об.

2. Акт о проверке состояния вопросов обеспечения завода «Баррикады» рабсилой в мирное и военное время // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 13. Л. 37–38.

3. Акт от 27 марта 1932 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 11. Л. 178–178об.

4. Акт от 9 февраля 1932 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

5. Волгоград в начале XXI века / редкол.: И. О. Тюменцев [и др.]. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 452 с.

6. Ильинский В. Квартирное довольствие персонала цензовой промышленности СССР в 1923–1927 гг. // Статистическое обозрение. 1928. № 8. С. 48–57.

7. Луночкин А. В., Фурман Е. Л. Сталинград накануне индустриализации: социально-культурное развитие и благоустройство // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 6–20. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1

8. Письмо заведующего Сталинградским губернским отделом труда Рысенкова в Нижне-Волжский краевой отдел труда от 9 апреля 1932 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 11. Л. 182.

9. Письмо Нижне-Волжского краевого отдела труда в спецуправление Народного комиссариата труда СССР и РСФСР «Обеспеченность жилой

площадью рабочих, служащих и ИТР заводов военной промышленности Нижне-Волжского края» от 15 апреля 1932 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 11. Л. 184–185.

10. Протокол № 4а закрытого заседания строительной комиссии при президиуме Нижне-Волжского краевого исполкома от 21 июня 1933 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 14. Л. 53–53об.

11. Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь / под общ. ред. Т. В. Юдиной. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 328 с.

12. Удостоверение // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.

13. Юдина Т. В. Социально-экономическое положение рабочих Нижнего Поволжья в период нэпа. 1921–1928 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1997. 231 с.

14. Юдина Т. В. Рабочие Нижнего Поволжья в период нэпа. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 60 с.

REFERENCES

1. Akt «Obsledovanie bytovyh uslovij ITR Himkombinata» ot 21.12.1931 g. [Act "Inspection of the Living Conditions of the Chemical Plant's Engineers" of 21.12.1931]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 10, l. 18-18r.

2. Akt o proverke sostoyaniya voprosov obespecheniya zavoda «Barrikady» rabsiloj v mirnoe i voennoe vremya [Act on Checking the Status of Issues of Providing the Barricade Plant with Manpower in Peacetime and Wartime]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 13, l. 37-38.

3. Akt ot 27 marta 1932 g. [Act of March 27, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 11, l. 178-178r.

4. Akt ot 9 fevralya 1932 g. [Act of February 9, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 10, l. 32.

5. Tyumencev I.O. et al., eds. *Volgograd v nachale XXI veka* [Volgograd at the Beginning of the 21st Century]. Volgograd, Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2011. 452 p.

6. Il'inskij V. Kvartirnoe dovolstvie personala cenzovoj promyshlennosti SSSR v 1923–1927 gg. [The Housing Allowance of the Personnel of the Censorship Industry of the USSR in 1923–1927]. *Statisticheskoe obozrenie*, 1928, no. 8, pp. 48-57.

7. Lunochkin A.V., Furman E.L. Stalingrad nakanune industrializatsii: sotsialno-kulturnoe razvitie i blagoustroystvo [Stalingrad on the Eve of Industrialization: Social and Cultural Development and Improvement]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 6-20. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1

8. Pismo zaveduiushchego Stalingradskim gubernskim otdelom truda Rysenkova v Nizhne-Volzhskij kraevoj otdel truda ot 9 aprelya 1932 g. [A Letter from the Head of the Stalingrad Provincial Labor Department Rysenkov to the Lower Volga Regional Labor Department Dated April 9, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 11, l. 182.

9. Pismo Nizhne-Volzhskogo kraevogo otdela truda v specupravlenie Narodnogo komissariata truda SSSR i RSFSR «Obespechennost zhiloj ploshchadyu rabochih, sluzhashchih i ITR zavodov voennoj promyshlennosti Nizhne-Volzhskogo kraya» ot 15 aprelya 1932 g. [A Letter of the Lower Volga Regional Labor Department to the Special Directorate of the People's Commissariat of Labor of the USSR and the RSFSR "Provision of Living Space for Workers, Employees and Engineers of the Military Industry Factories of the Lower Volga Region" Dated April 15, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 11, l. 184-185.

10. Protokol № 4a zakrytogo zasedaniya stroitelnoj komissii pri prezidiume Nizhne-Volzhskogo kraevogo ispolkoma ot 21 iyunya 1933 g. [Protocol No. 4a of the Closed Meeting of the Construction Commission Under the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated June 21, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 14, l. 53-53r.

11. Yudina T.V., ed. *Stalingradcy na perelome epoh (seredina 1920-h – konec 1930-h gg.): socialno-ekonomicheskoe polozhenie i kulturnaya zhizn* [Stalingraders at the Turning Point of Epochs (Mid-1920s – Late 1930s): Socio-Economic Situation and Cultural Life]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2021. 328 p.

12. Udostoverenie [Identity Card]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 11, l. 107.

13. Yudina T.V. *Socialno-ekonomicheskoe polozhenie rabochikh Nizhnego Povolzhya v period nepa. 1921–1928 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Socio-Economic Situation of the Workers of the Lower Volga Region During the NEP Period. 1921–1928. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 1997. 231 p.

14. Yudina T.V. *Rabochie Nizhnego Povolzhya v period nepa* [Workers of the Lower Volga Region During the NEP Period]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000. 60 p.

Information About the Author

Taisiya V. Yudina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, taisia.yudina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0526-6484

Информация об авторе

Таисия Васильевна Юдина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, taisia.yudina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0526-6484

www.volsu.ru

АЗИАТСКО-АФРИКАНСКИЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

CC BY

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.10

UDC 94(517)
LBC 63.3(5)4

Submitted: 20.07.2021
Accepted: 20.02.2022

DEFEATED BEFORE THE COURT OF VICTORS: TRIALS OF REBELS DURING THE CRISIS PERIOD OF THE MONGOL EMPIRE (2nd HALF OF THE 13th C.)

Roman Yu. Pochekaev

HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of the paper is a study of the evolution of legal relations on the territory of the Mongol Empire in the second half of the 13th century. The subjects of analysis are trials over the members of the ruling imperial family who were defeated during their rebellions and intestine wars. *Methods and materials.* The sources of the study are medieval oriental sources, including Persian chronicles (by Rashid ad-Din, Mu'in ad-Din Natanzi, Mirza Ulugbek), Chinese dynastic history ("Yuan Shih"), etc. The methods used in the paper are critical analysis of textual sources, historical legal study, formal legal approach, and comparative historical analysis. *Analysis.* Four judicial processes are analyzed: the trial of Arigh Buqa, defeated by his brother Kubilai in 1264; the trial of Chinggisids over Boraq, head of Chaghatai Ulus, in 1269; the trial of Khubilai over prince Nayan in 1287; and the trial of Ilkhan Gazan over usurper Baydu in 1295. Information from the sources gives a reason to state that trials of defeated nobles reflected the process of decline of the imperial state system and misuse of principles established by Chinggis Khan and his proximate successors. *Results.* The analyzed information contains valuable additions to our idea of the judicial process in the Mongol Empire, specifically in cases of mutineers compared to other types of cases judged in the Empire and Chinggisid states. It also highlights the evolution of this process during the crisis of imperial power and its differences with the Chinggisid imperial law's declared observance in the Empire and its uluses.

Key words: Mongol Empire, Golden Horde, Chaghatai Ulus, Yuan Empire, Ilkhanate, rebellions and intestine wars, judicial process, Mongol imperial law.

Citation. Pochekaev R.Yu. Defeated Before the Court of Victors: Trials of Rebels During the Crisis Period of the Mongol Empire (2nd Half of the 13th C.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 130-143. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.10

© Почекаев Р.Ю., 2023

УДК 94(517)
ББК 63.3(5)4

Дата поступления статьи: 20.07.2021
Дата принятия статьи: 20.02.2022

ПОБЕЖДЕННЫЕ ПЕРЕД СУДОМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: ПРОЦЕССЫ НАД МЯТЕЖНИКАМИ В ПЕРИОД КРИЗИСА МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ (2-я половина XIII в.)

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование влияния кризиса имперской системы управления в Монгольской империи 2-й половины XIII в. на правовое регулирование отношений между империей и ее улусами и между представителями правящего рода. В это время Чингизиды, продолжая декларировать соблюдение имперских правовых ценностей, на практике применяли новые правовые нормы и принципы. Ярким примером отличия правоприменительной практики от декларируемых норм стали судебные разбирательства в отношении представителей правящего рода, потерпевших поражение во время мятежей и междоусобиц и представших перед судом победителей. Для анализа выбраны четыре судебных процесса: суд монгольского хана Хубилая над своим младшим братом Арик-Бугой в 1264 г.; дело Борака, правителя Чагатайского улуса, рассмотренное на Таласском курултае 1269 г.; решения в отношении князя Наяна, поднявшего мятеж против Хубилая в 1287 г., и узурпатора Байду, свергнутого ильханом Газаном в 1295 году. Источниками послужили сведения средневековых хронистов Ращид ад-Дина, Муин ад-Дина Натанзи, Мирзы Улугбека, китайской династийной истории «Юань ши» и др. Результаты анализа позволяют проследить эволюцию процессуальных отношений в Монгольской империи с учетом изменения взаимодействия отдельных улусов Чингизидов и масштабов той или иной междоусобицы, влияние региональных традиций на процесс принятия судебных решений. Фактически исследование представляет собой «процессуальную историю» периода кризиса системы власти и управления в Монгольской империи 2-й половины XIII века.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, Чагатайский улус, империя Юань, государство Хулагуидов, восстания и междоусобные войны, судебный процесс, монгольское имперское право.

Цитирование. Почекаев Р. Ю. Побежденные перед судом победителей: процессы над мятежниками в период кризиса Монгольской империи (2-я половина XIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 130–143. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.10

Введение. К середине XIII в. Монгольская империя достигла своего максимального территориального расширения. Невозможность управления обширными регионами с помощью прежних имперских централизованных властных институтов, с одной стороны, и выход на политическую сцену многочисленных амбициозных внуков и правнуков Чингисхана, недовольных тем положением, которое им отводили старшие родичи, с другой, – все это стало причиной восстаний и междоусобиц, не прекращавшихся всю 2-ю половину XIII века. Их территориальные масштабы и число вовлеченных участников были так значительны, что ряд исследователей видит в этих событиях распад Монгольской империи [24; 25]. История политического кризиса в Монгольской империи получила широкое освещение в исследовательской литературе, ученые неоднократно обращались к причинам, ходу и последствиям раскола имперского политического пространства (см. подробнее: [7]), поэтому автор в рамках настоящего исследования не намерен предлагать свою трактовку этих событий и анализировать соответствующую литературу, а обращается к изучению одного конкретного вопроса – процессуальных особенностей судов над участниками мятежей и междоусобиц, для чего обратился преимущественно к тем исследованиям, которые содержат освещение данных разбирательств.

Имеет смысл отметить, что, несмотря на стремление к внутренней автономии и самостоятельной внешней политике, Чингизиды,

управлявшие улусами, отнюдь не стремились расколоть Монгольскую империю и как минимум вплоть до падения империи Юань в 1360-х гг. сохраняли имперскую государственность. Это нашло отражение в поддержании контактов между улусами и пр. и использовании имперских властных и правовых институтов, таких как монополия Чингизидов на ханскую власть, соблюдение Ясы Чингисхана, издание ярлыков и т. п. [4, с. 138–139; 16, с. 35–36, 53–57].

Однако зачастую действие этих институтов носило декларативный характер, и практика правоотношений существенно отличалась от «писаного» имперского права. Отличие правоприменительной практики от формального законодательства нашло отражение в судебной деятельности Чингизидов рассматриваемого периода. Данное исследование – попытка выяснить, в какой степени кризис власти и вызванные им мятежи и междоусобицы повлияли на изменение правовой ситуации в империи и ее улусах.

Соответственно, были выбраны четыре судебных процесса над мятежниками на пространстве Монгольской империи, освещение которых в источниках обеспечивает необходимые сведения для проведения историко-правового анализа. Это – суд Хубилая над его братом Арик-Бугой в 1264 г., разбирательство деяний Борака правителями трех улусов на Таласском курултае 1269 г., суд Хубилая над своим родичем Наяном в 1287 г. и, наконец, принятие персидским ильханом Газаном решения о судьбе своего свергнутого родича Байду [1].

Методы и материалы. Наиболее яркими примерами эволюции правоприменительной практики в период кризиса монгольской имперской государственности являются судебные процессы в отношении членов правящего рода, которые подняли мятеж или развязали междоусобную войну, но потерпели поражение. Сразу отметим, что источники, содержащие необходимую информацию, во-первых, немногочисленны, во-вторых, субъективны. Прежде всего, это – «Сборник летописей» персидского государственного деятеля и ученого Рашид ад-Дина, книга венецианского путешественника Марко Поло, сочинение среднеазиатского автора Джамала ал-Карши и китайская династийная история «Юань ши», составители которых работали при дворе монархов-победителей и, соответственно, интерпретировали события междоусобиц и их последствий в интересах своих патронов. Дополнительная информация содержится в «Истории Шейха Увейса» персидского историка Абу Бакра Ахари, «Истории четырех улусов» известного тимуридского правителя и ученого Мирзы Улугбека, среднеазиатском генеалогическом сочинении «Муизз ал-ансаб», которые появились позже описываемых событий и, соответственно, содержат авторские интерпретации – опять же, адаптированные к официальной идеологии соответствующих государств. Однако использование методов историко-правового, формально-юридического и сравнительно-исторического исследования позволяет извлечь из этих источников интересующие нас сведения и попытаться на конкретных примерах проследить эволюцию правовых реалий на пространстве Монгольской империи в эпоху политического кризиса 2-й половины XIII века.

Хотелось бы отметить, что исследование посвящено именно процессуальным аспектам, то есть анализу следствия и судебного разбирательства, поэтому не ставилась задача оценить, в какой мере обвинения, выдвинутые против мятежников, оказавшихся под судом, соответствовали или не соответствовали положениями Великой Ясы Чингис-хана как основного имперского законодательства. В связи с этим не было использовано значительное число работ, посвященных проблемам формы и содержания этого источника права Монгольской империи, тем более что в свое время автор статьи уже посвятил данной теме специальное исследование [33].

Анализ. Первым из рассматриваемых примеров является дело Арик-Буги, внука Чингисхана, который в 1260 г. провозгласил себя ханом Монгольской империи в ущерб своему старшему брату Хубилаю. Лишь в августе 1264 г., после серии поражений и ухода большинства приверженцев, Арик-Буга явился к Хубилаю с повинной [2, с. 100–101; 20, с. 165]. Рашид ад-Дин приводит весьма любопытный диалог между Арик-Бугой и его братом-победителем Хубилаем, который «спросил: “Дорогой братец, кто был прав в

этом споре и распре – мы или вы?" – Тот ответил: "Тогда – мы, а теперь – вы"» [20 с. 166]. По мнению одних исследователей, этот ответ свидетельствовал о нежелании Арик-Буги признавать себя побежденным [14, с. 129], другие считают, что им двигала «злоба» против брата, и подозревают, что ответ был приписан ему Рашид ад-Дином, придворным историографом иранских Хулагуидов – сторонников Хубилая [22, с. 106]. По мнению автора, на самом деле этот ответ отразил проблему отсутствия четкого порядка престолонаследия в Монгольской империи. В самом деле, многолетнее противостояние Арик-Буги и Хубилая (фактически – первая гражданская война в империи) имело причиной равные права братьев на трон и поддержку каждого из них многочисленными сородичами. Лишь победа Хубилая сделала его более законным претендентом на престол [2], что и признал Арик-Буга своим ответом, предоставив брату-победителю решать свою судьбу в соответствии с законами Монгольской империи (см. подробнее: [17, с. 26–30]). В результате Хубилай предал его суду, который был проведен с соблюдением всех требований имперского законодательства.

Еще в начале XIII в. Чингисхан сформулировал базовый принцип привлечения к ответственности членов своего семейства, по сути обозначив их особый процессуальный статус: «…пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» [19, с. 264]. Таким образом, Арик-Буга имел полное право на разбирательство его дела семейным советом Чингизидов.

Судебное разбирательство по делу Арик-Буги получило весьма подробное освещение в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, что неудивительно: его информатором был Пулад-чингсанг (Пулад-ака) – сановник Хубилая, сыгравший одну из ключевых ролей в этом судебном процессе [30, p. 349]. Поэтому персидский историк приводит немало деталей, важных не только для анализа этого конкретного судебного дела, но и для понимания и реконструкции формы и содержания судебного процесса Монгольской империи в целом. Например, он упоминает, что Арик-Буга, отдавая себя на суд брата, совершил ритуальное действие: стал на пороге юрты Хубилая, накинув себе на плечо ее полог [20, с. 165].

Факт, что Рашид ад-Дин опирался на свидетельство очевидца, подтверждается приведением множества высказываний участников процесса, порой настолько эмоциональных, что вряд ли они были выдуманы. Например, когда царевич Ачиги обвинил Асутая, сына хана Мунке, в убийстве своего брата Абишки, тот ответил весьма примечательной фразой, служащей подтверждением позиции Арик-Буги: «Я убил [его] по приказу государя, [которым] тогда [был] Арик-Бука… Ныне государь всей земли – Кубилай-каан, если он прикажет, я и тебя убью!» [20, с. 166]. Чтобы не допустить сведения счетов между своими сторонниками и приверженцами его брата, которые могли привести к новому этапу междоусобицы, Хубилай прямо-таки был вынужден провести судебный процесс. Вскоре начались первые следственные мероприятия с целью выяснения, кто именно способствовал разжиганию вражды между братьями и, соответственно, началу междоусобной борьбы.

Согласно Рашид ад-Дину, в своеобразную «следственную комиссию» вошли потомки Чагатая, сына Чингисхана, а также Джучи-Хасара и Тэмугэ-Отчигина, братьев Чингисхана, а именно царевичи Ширеки, Тогай, Бай-Тимур, нойоны Хантун, Дурбай, а также вышеупомянутый Пулад-ака. Характерно, что среди «следователей» не было ни потомков Тулуя – ближайших родственников самого Хубилая, ни потомков хана Угедея: большинство этих Чингизидов поддержало в войне Арик-Бугу.

Следствие свелось к допросу царевичей и эмиров из числа приверженцев побежденного брата Хубилая, причем поначалу Арик-Буга попытался проявить благородство по отношению к своим сторонникам и заявил, что именно он «был источником того преступления, [которое] получило распространение». Но его слова не приняли во внимание: Хубилай не захотел быть первым монгольским ханом, осудившим на смерть родного брата. Поэтому Арик-Бугу стали настоятельно допрашивать о том, кто именно из эмиров склонял его к провозглашению себя ханом, и ему пришлось назвать таковых [3].

Большинство названных им эмиров подтвердили слова Арик-Буги, и лишь один из них, Чин-Тимур, сам обвинил бывшего хана, в качестве доказательства также сославшись на свидетельство Булгая – фактически первого министра ханов Мунке и Арик-Буги. Столкнувшись с противоречием в показаниях, «следователи» провели очную ставку Чин-Тимура и Арик-Буги, и, как отмечает Рашид ад-Дин, последнему «пришлось туго» и пришлось пойти ва-банк, сказав Чин-Тимуру: «Раз так, то ты оставайся в живых, а я умру». Не желавший казни брата Хубилай был вынужден признать Чин-Тимура невиновным, как и Булгая, который «слышал слова Угедей-каана и Менгу-каана» и к тому же, как надеялся Хубилай, «будет свидетелем по их делам в этих событиях перед Хулагу-ханом и другими царевичами».

Однако вышеупомянутый царевич Асутай, сын Мунке, заявил, что готов обвинить Булгая в том, что именно он подтолкнул Арик-Бугу к борьбе с Хубилаем за трон. Очная ставка между ними была проведена, и Булгаю пришлось признать свою вину, после чего были вынесены смертные приговоры ему и еще девяти эмирам – приверженцам Арик-Буги – как «злоумышленным советникам», вызвавшим междоусобицу [2, с. 101; 18, с. 189–190; 20, с. 167].

Примечательно, что Хубилай в самом начале разбирательства напомнил, что в эпоху правления Мунке сурово наказывали даже «только за незначительное сопротивление», а затем задал риторический вопрос обвиняемым: «а что же будет с вами, возбудившими все эти распри, посеявшими среди всех такое волнение и смуту и погубившими столько царевичей, эмиров и войска?» [20, с. 166]. Тем самым он дал понять участникам процесса, что не может быть никаких альтернатив смертной казни для эмиров, которые будут признаны виновными в результате следствия. Естественно, «следственная комиссия» старалась собрать максимально веские доказательства их виновности для вынесения им смертного приговора на основании Ясы Чингисхана [2, с. 103; 9, с. 74].

Когда настала очередь формальных руководителей восстания, то есть Арик-Буги и его сторонников из числа Чингизидов, Хубилай созвал семейный совет с участием правителей улусов Монгольской империи – Берке, правителя Золотой Орды, персидского ильхана Хулагу и чагатайского правителя Алгуя. Им были разосланы приглашения, в которых уже содержался намек на намерение Хубилая простить побежденных родичей: «Послали гонцов к Хулагу, Берке и Алгу [с такими словами]: “Так как по причине дальности пути и множества дел и событий вам не удалось присутствовать и поскольку в случае дальнейшего промедления возможно ослабление [власти] и непоправимый ущерб в делах окраин государства, то мы казнили их эмиров и допросили их обоих [Арик-Бугу и Асутая. – *Р. П.*]. Советуемся с вами: мы, родственники, все решили простить Ариг-Буку и даровать ему свободу: что вы скажете об этом?”» [20, с. 167].

Для Хубилая не было секретом, что Берке и Хулагу уже находятся в состоянии вражды, поэтому вероятность их прибытия на суд была невелика: вряд ли они оба решились бы покинуть свои владения в условиях надвигающейся войны. Алгуй же, став правителем Чагатайского улуса по воле Арик-Буги, впоследствии перешел на сторону Хубилая и теперь дожидался официального подтверждения своего статуса. В результате от всех трех правителей последовали вежливые ответы, по сути поддерживающие решение Хубилая [20, с. 167–168] (см. также: [3, с. 575–576]).

Так, Арик-Буга и Асутай, фактически развязавшие междоусобную войну, были освобождены от наказания, а другие Чингизиды – в частности, Хуку, Чапат и Кутук, потомки Угедея, а также ряд других, – были высланы в Туркестан [2, с. 101]. Все участники мятежа оставались под надзором хана Хубилая и его доверенных лиц, но сохранили привилегии, полагавшиеся потомкам Чингисхана. Судьба самого Арик-Буги в разных источниках описывается по-разному. Согласно Рашид ад-Дину, он около года находился под строгим надзором, но затем Хубилай вернул ему свое расположение и позволил бывать при дворе, участвовать в пирах и церемониях [20, с. 165] (см. также: [6, с. 326; 10, с. 58–59]). В сочинении «Родословие тюрков» XV в. неустановленного автора сообщается, что Арик-Буга был заточен в неком «квадратном зда-

нии, огороженном терновником и акацией и охранявшемся стражей» [34, p. 215].

В 1266 г. Арик-Буга скончался [20, с. 168]. Однако лишь один Джамал Карши, среднеазиатский современник событий, находившийся на службе у Хайду, соперника Хубилая, решился в своем сочинении обвинить последнего в том, что тот «поторопился навредить (Ариг-Бука) и запачкал свою руку кровью брата» [8, с. 123]. Никто из других средневековых авторов или последующих исследователей не счел возможным обвинять Хубилая в убийстве брата.

Анализ судебного процесса по делу Арик-Буги позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, несмотря на свое торжество победителя, Хубилай не счел возможным расправиться с побежденными, чтобы не предстать в глазах подданных несправедливым правителем. Во-вторых, во время следствия широко использовались такие методы получения доказательств, как допрос и очная ставка. В-третьих, для решения судьбы Арик-Буги и других царевичей Хубилай провозгласил созыв семейного совета, тем самым продемонстрировав приверженность установлениям Чингисхана, хотя имел основания полагать, что совет собрать практически невозможно. Именно это обстоятельство обусловило смягчение наказания главных руководителей восстания во главе с Арик-Бугой. Все это позволяет говорить о существенных привилегиях Чингизидов не только в политической жизни Монгольской империи, но также в уголовных и процессуальных отношениях: принадлежность к «Золотому роду» обусловливала особый порядок следствия и суда над ними и вынесения более мягкого решения, чем в отношении других лиц, совершивших такие же преступления.

Итак, Хубилаю не удалось созвать общий семейный совет Чингизидов, однако таковой был созван в рамках следующего процесса – суда над Бораком, правителем Чагатайского улуса, в 1269 году.

Борак был правнуком Чагатая, возглавившим Чагатайский улус в 1266 г. по указу Хубилая. Однако, укрепив свои позиции, он постарался вернуть те владения Чагатаидов, которые были отторгнуты в 1250–1260-е гг., и вступил в конфликт не только с Хубилаем, но также с Хайду, правителем Улуса Угедея, и Менгу-Тимуром, властителем Улуса Джучи (Золотой Орды), начав, по сути, войну со всеми улусами Монгольской империи. Поначалу он преуспел в противостоянии с Хубилаем, занятым войной с китайской империей Южная Сун, но в борьбе с объединенными силами Джучидов и Угедеидов потерпел поражение, а его владения были оккупированы их войсками [20, с. 98–99; 21, с. 69–70] (см. также: [3, с. 581–582]).

Однако победители не пожелали окончательно расправиться с Бораком, которого надеялись использовать в борьбе с Хубилаем, поэтому предложили закончить дело миром. В 1269 г. в долине реки Талас был созван курултай с участием представителей семейств Джучи, Чагатая и Угедея, одним из вопросов которого и стало решение судьбы Борака [3, с. 582; 11, с. 22; 26, с. 153; 30, p. 351]. Правда, в итоге суд над агрессивным чагатайским правителем превратился в разбирательство взаимных претензий участников. Первым выступил Хайду, посетовав на вражду участников курултая, которые «по отцам все родные друг другу». Фактически эта речь и стала «обвинительным заключением» против Борака, который, однако, вовсе не был настроен признавать себя виновным. В ответ «подсудимый» весьма удачно повернул в свою пользу довод, высказанный Хайду: «Да, положение таково, однако ведь и я тоже плод того древа. Для меня тоже должны быть назначены юрт и средства для жизни». После чего Борак тут же обвинил Хубилая и персидского ильхана Абагу в захвате разных стран, а присутствующих – в том, что они «сообща восстали» на него, резюмировав: «Сколько я ни задумываюсь, я не считаю себя свершившим преступление» [21, с. 71].

Несомненно, чагатайский правитель строил свою защиту с учетом того, что на совете не присутствовал род Тулуя, к которому принадлежали хан Хубилай и его племянник Абага. Показательное игнорирование интересов целой ветви Чингизидов на курултае было идеологически обосновано в послании, отправленном его участниками Хубилаю и зафиксированном в «Юань ши»: «Совет вассальных князей северо-запада направил посланца ко двору [Хубилая] со словами: “Старинные

обычаи нашей династии – не ханьские законы. Сегодня, [когда ты] остался на ханьской территории, построил столицу и возводишь города, выучился читать и писать [по-китайски. – *Р. П.*] и используешь ханьские законы, что будет со старинными [обычаями]?"» (цит. по: [28, p. 27–28]).

Что же касается упреков в адрес присутствовавших на курултае Чингизидов, то и они были приняты во внимание. Выслушав доводы Борака, его сородичи заявили: «Право на твоей стороне», после чего выделили ему $^2/_3$ Мавераннахра, то есть западной части Чагатайского улуса, ранее целиком принадлежавшего предкам Борака. Оставшаяся треть была поделена между золотоордынским властителем Менгу-Тимуром и Хайду, потомком Угедея, в качестве своеобразной контрибуции по итогам поражения Борака. В качестве компенсации Бораку было позволено напасть на Хорасан, принадлежавший ильхану Абаге [21, с. 71] (см. также: [28, p. 25–26; 30, p. 352]).

Рашид ад-Дин и другие авторы в большей степени сосредоточиваются именно на результатах разбирательства, однако в их сообщениях есть интересные детали процессуального характера. Так, в отличие от обвинительного процесса по делу Арик-Буги, в данном случае имел место процесс состязательный – с заслушиванием участников, их показаний и опровержений. Этот вид процесса, несомненно, был самым ранним в степной традиции – неслучайно фраза, которой отреагировали участники курултая на доводы Борака («Право на твоей стороне»), является своего рода стандартной формулой, которая фигурирует не только в исторических судебных процессах, но и в сказочных сюжетах, связанных с судом (см., например: [15; 19, с. 95–96]). Также интересна ритуальная составляющая процедуры принятия решения участниками курултая, по итогам которого «по обряду и обычаю они скушали золота» – вероятно, съев тертый золотой порошок, либо выпив напиток с кусочками золота, положенными на дно чаш (см.: [27, с. 83]). Неслучайно В.В. Бартольд отметил: «Решения, принятые на курултае, и самый характер переговоров показывают, что все участники были проникнуты духом Ясы и степными традициями» [3, с. 583].

При анализе данного разбирательства обращает на себя внимание куда более широкое представительство потомков разных ветвей Чингисхана при решении судьбы одного из представителей рода: в отличие от процесса по делу Арик-Буги, на который не явились улусные правители домов Джучи, Чагатая и Угедея, на данном курултае отсутствовала только ветвь Тулуя. Казалось бы, решение, да еще принятое с соблюдением всех необходимых требований и ритуалов, должно было выглядеть легитимным в глазах участников суда.

Однако на деле ситуация складывалась совершенно иначе. Во-первых, в противовес Хубилаю на этом курултае был выдвинут новый хан Монгольской империи – Хайду, внук Угедея. Во-вторых, правители отдельных улусов на этом курултае приняли решение, что отныне будут фактически независимы в своих владениях, лишь номинально признавая верховенство монгольского хана [28, p. 28]. Де-факто империя превратилась в конфедерацию, и в новых политических условиях многие прежние властные и правовые механизмы утратили эффективность.

Поэтому не приходится удивляться, что никто из участников курултая не был настроен выполнять его решения. Так, Борак стал чинить препятствия сборщикам налогов, направленных Хайду в те регионы Мавераннахра, которые отошли к нему. В свою очередь, внук Угедея приказал своим отрядам, которые отправил Бораку для похода на Хорасан, не вступать в сражение с войсками ильхана, а отступить. И когда последний потерпел поражение в Хорасане, Хайду во главе 20-тысячного отряда окружил его лагерь – чтобы либо покончить с ним, либо заставить принять новые условия для сохранения жизни и власти [20, с. 99, 100; 28, p. 27]. Однако во время этих событий Борака разбил паралич, и он вскоре скончался: по одной версии – естественной смертью, по другой – будучи отравлен по приказу Хайду [21, с. 84; 23, с. 25].

Итак, и этот судебный процесс, связанный с итогами очередной междоусобицы на территории Монгольской империи, отражает попытки Чингизидов соблюдать требования, установленные Чингисханом. Столь активное участие представителей разных ветвей Чин-

гизидов в решении судьбы сородича объясняется общеимперским масштабом конфликта, а также личной заинтересованностью правителей улусов в судьбе Борака, поскольку часть его владений отходила к каждому из них. Вместе с тем кризис имперской системы нашел отражение в том, что двум улусным правителям – хану Хубилаю и ильхану Абаге – целенаправленно не было отправлено приглашение на курултай. Да и само решение, как видим, носило декларативный характер, поскольку принявшие его Чингизиды не собирались его выполнять и в условиях распада империи уже не имели механизмов обеспечить его выполнение другими.

Следующий интересующий нас процесс имел место в 1287 г. и был проведен по итогам куда меньшей по масштабам междоусобицы. Речь идет о восстании князя Наяна – потомка Тэмугэ-отчигина, младшего брата Чингисхана, имевшего обширные владения в Восточной Монголии и Маньчжурии. Предки Наяна традиционно поддерживали Хубилая, однако централизаторская политика хана вызвала недовольство Наяна и его приверженцев (в основном также потомков братьев Чингисхана), и весной 1287 г. они подняли мятеж против Хубилая, намереваясь, по одним сведениям, создать самостоятельное государство в своих владениях, по другим – признать над собой власть Хайду [12, с. 245; 20, с. 193] (см. также: [5, с. 169]).

Однако Наян оказался плохим организатором и полководцем: Хубилаю стало заранее известно о его планах, он сумел не допустить перехода на сторону мятежника потенциальных приверженцев в Монголии и не позволил ему соединиться с Хайду. Более того, хан сумел застать мятежника врасплох и, лично став во главе войск, окружил его лагерь. В результате ожесточенного сражения Наян был разгромлен и бежал. По пути значительная часть его войск разбежалась, а сам он был либо настигнут и пленен полководцами Хубилая, либо выдан им собственными сторонниками [2, с. 495–499; 12, с. 247].

В отличие от процессов по делам Арик-Буги и Борака, основные сведения о данном деле содержатся не в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, а в «Юань ши» и особенно в «Книге Марко Поло». Согласно венецианцу, мятежный князь был немедленно доставлен в ставку Хубилая, который тут же приговорил его к смертной казни. Приведение приговора в исполнение также описал Марко Поло: «Убили его вот как: завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского роду, на виду у солнца и неба» [12, с. 247; 32, p. 199] (см. также: [22, с. 345; 27, с. 207]). Принцип умерщвления представителя «Золотого рода» почетным способом – без пролития крови – в данном случае, как видим, был соблюден. Зато о соблюдении других требований к суду, на котором решалась судьба представителя правящей династии, источники не сообщают: не было ни разбирательства с допросом участников (включая подсудимого), ни присутствия на суде других членов правящего семейства.

Целый ряд причин мог обусловить такое, казалось бы, вопиющее нарушение принципов имперского судопроизводства. Во-первых, восстание Наяна по сравнению с предыдущими междоусобицами носило локальный характер, поскольку происходило во владениях самого Хубилая и, вероятно, рассматривалось им как «внутреннее дело», не требующее участия в процессе других улусных владетелей (тем более уже около двух десятилетий отказывавшихся подчиняться хану). Во-вторых, по мере отпадения из-под его власти других улусов, Хубилай все больше приобретал черты китайского императора провозглашенной им же в 1271 г. династии Юань и, соответственно, определяя судьбу Наяна, опирался не столько на монгольские имперские, сколько на китайские уголовно-правовые и процессуальные принципы (тем самым подтверждая обоснованность обвинений, адресованных ему участниками Таласского курултая). Согласно средневековому китайскому праву, за мятеж против императора следовала смертная казнь самих мятежников и членов их семей [13, с. 117–118]. Что же касается столь быстрого приведения приговора в исполнение, то оно могло объясняться «военным положением»: сторонники Наяна не сложили оружие после его поражения и даже смерти, а последние из них были разгромлены лишь зимой 1289–1290 гг. [5, с. 170].

Однако самой важной причиной столь быстрого решения судьбы мятежного князя, как представляется, являлось стремление Хубилая возложить всю вину на Наяна и, покончив с ним, простить его приверженцев, которых он надеялся вернуть на свою сторону. То есть хан преследовал цель, прямо противоположную той, которую ставил в процессе по делу Арик-Буги, и не пожелал выслушивать показания пленного князя с обвинениями в адрес своих соратников. Согласно «Юань ши», другие потомки братьев Чингисхана, захваченные вместе с Наяном, были отправлены в войска на границах владений Хубилая, «чтобы участвовали в сражениях и своей старательной службой отплатили за доброту [смягчения наказания]». Население восставших провинций не только не было подвергнуто репрессиям, но и напротив – освобождено от ряда налогов и повинностей в пользу государства [2, с. 500–501] [4].

Как видим, существенное изменение политической ситуации в Монгольской империи и отчасти имперской идеологии привело к отказу Хубилая от соблюдения целого ряда принципов процессуального права, установленных его предшественниками в период единства империи.

Ярким подтверждением новой тенденции в развитии судебного процесса на имперском пространстве стало последнее из анализируемых дел – решение о судьбе Байду, потомка Хулагу, занявшего и потерявшего престол ильханов в ходе очередной междоусобной войны.

В персидской придворной историографии Байду характеризуется как узурпатор, что неудивительно: ведь историю его правления и гибели впервые записал Рашид ад-Дин – сановник и придворный историограф Газана, победителя Байду [21, с. 131–137]. Христианские современники, напротив, считали Байду не только законным, но и весьма справедливым монархом, поскольку он «верил в Христа», сверг ильхана-мусульманина и много сделал для христиан Персии, их церквей и пр. [29, p. 189–190].

Как бы то ни было, фактом является то, что Байду, которого прочили в ильханы еще в 1291 г., после смерти ильхана Аргуна, некоторое время не признавал воцарения Гейхату, брата последнего, за что был арестован им, но вскоре прощен. Однако в марте 1295 г. Байду снова восстал против Гейхату, который был разгромлен в сражении, а затем задушен во время бегства. В октябре того же года похожая судьба постигла и самого Байду, против которого выступил Газан, сын Аргуна.

Стремясь всячески обелить своего патрона Газана, Рашид ад-Дин подчеркивал, что тот, будучи правителем Хорасана, старался всячески устраниться от междоусобиц и поэтому сначала не реагировал на призывы Гейхату помочь ему в подавлении мятежа Байду, а затем был готов признать воцарение последнего. Только стремление Байду схватить и умертвить Газана заставило царевича выступить против него [21, с. 157–161].

Однако, как представляется, Газан вовсе не был так пассивен и тем более лишен властных амбиций, ведь он был старшим сыном ильхана Аргуна и к тому же наместником Хорсана, что автоматически делало его вероятным преемником отца после его смерти. Соответственно, избрание своего дяди Гейхату он расценил как нарушение собственных прав, и в этих обстоятельствах война между Гейхату и Байду была ему выгодна. Кроме того, вскоре к нему стали перебегать многие эмиры Байду, всячески подталкивавшие его к борьбе с узурпатором [1, с. 96–97]. Его намерение выступить против ильхана нашло закрепление в акте принятия им ислама и, следовательно, возможность опереться не только на местное население, но и на многочисленных сторонников покойного ильхана Гейхату, который также принял ислам во время своего правления [29, p. 190]. Это событие состоялось в июне 1295 г., а уже осенью Газан во главе многочисленных войск выступил против Байду [31, p. 159, 162, 167].

Последний, видя, что его эмиры со своими войсками переходят на сторону Газана, не решился вступить в сражение с соперником и бежал. О последующих событиях Рашид ад-Дин повествует следующим образом: «От Новруза и Кутлугшаха [военачальников, посланных Газаном в погоню за Байду. – *Р. П.*] приехал эмир Баянджар [с вестью]: “Схватив Байду, его доставили из пределов Нахчувана в Тебриз, а он говорит, что у меня де есть к государю одно-два слова. Каков

будет указ?" Государь по своей прозорливости понял, что у него дельных слов нет, а что он ищет [только] предлога. [Поэтому] вышел указ, чтобы его не доставляли к его высочеству, а там же и прикончили бы его дело. Байду вывезли из Тебриза и, прибыв в Баг-и Нейкеш, там и прикончили его дело в среду 23 числа месяца зи-л-ка'дэ 694 года [4 X 1295]» [21, с. 165].

Этот казус имеет много сходств с делом князя Наяна. Точно так же междоусобица в Иране носила локальный характер, и ильхан-победитель даже не подумал, чтобы организовать хотя бы подобие семейного совета для суда над свергнутым родичем: решение о казни было принято им единолично и быстро. Более того, в отличие от Хубилая, потребовавшего доставить Наяна к себе в ставку и лично вынесшего ему приговор, Газан принял решение «заочно». Главной причиной могло стать, как и в деле Наяна, нежелание правителя выслушивать обвинения свергнутого монарха против его бывших приверженцев, перешедших на сторону Газана. Кроме того, нарушение принципов имперского правосудия в данном случае могло быть обосновано тем, что Газан, принявший ислам, мог отказать в полноценном разбирательстве «неверному» Байду, который пришел к власти, свергнув Гейхату – еще одного ильхана-мусульманина.

Результаты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что при декларативном сохранении имперских политико-правовых традиций в улусах Чингизидов реальные правоотношения претерпевали значительные изменения по мере усугубления кризиса центральной власти и роста числа междоусобных войн на имперском пространстве. Хубилай в деле Арик-Буги еще предпринимал попытки следовать требованиям, разработанным на начальном этапе существования империи – соблюдение процедуры разбирательства и вовлечение в решение судьбы своего брата основных членов рода Чингизидов. Но уже дело чагатайского правителя Борака на Таласском курултае демонстрировало значительные нарушения этой традиции – исключение из разбирательства целого ряда потомков Чингисхана и пр.

Два последних рассмотренных судебных дела, по сути, носили уже не общеимперский, а «региональный» характер, что не могло не сказаться на их процедуре. Так, вынося приговор князю Наяну, Хубилай воспользовался «военным положением», чтобы не проводить подробного расследования обстоятельств его мятежа и не привлекать к ответственности своих потенциальных сторонников, и, более того, принял решение о судьбе родича в большей степени уже как китайский император в отношении мятежника, нежели как монгольский хан в отношении своего достаточно близкого родственника.

Аналогичным образом не пожелал соблюсти требования «имперского» судебного процесса и персидский ильхан Газан, когда единолично принял решение о казни своего свергнутого предшественника Байду: «внутренний» характер войны (в пределах одного лишь государства ильханов) обусловил неучастие в процессе других потомков Чингисхана, а принятие Газаном ислама стало причиной принятия решения о немедленной казни его родственника, который в его глазах отныне являлся не только свергнутым узурпатором, но еще и «неверным».

Кризис монгольской имперской государственности 2-й половины XIII в. на пространстве Монгольской империи привел к фактическому приобретению самостоятельности правителями улусов, которые, несмотря на свою декларируемую приверженность к имперским политико-правовым принципам и нормам, конечно же не могли не учитывать реально складывающейся ситуации и влияния традиций регионов, которыми им довелось управлять. Это нашло весьма яркое отражение в проанализированных судебных процессах, каждый последующий из которых демонстрирует все больший отход улусных правителей от системы имперских правовых и процессуальных ценностей на практике и учет ими тех факторов политического и правового развития, которые не оказывали влияния на Монгольскую империю в 1-й половине XIII в., когда были сформулированы основные принципы и нормы «чингизидского» права, оказавшиеся не слишком актуальными в новых условиях, что и обусловило лишь декларативное следование им на практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хронологически ко 2-й половине XIII в. относятся еще два судебных процесса, хорошо известные по историческим источникам. Это суд хана Мунке над своими родичами из семейств Чагатая и Угедэя в 1251 г. и процесс по делу трех военачальников, представителей рода Джучи, осуществленный ильханом Хулагу в 1262 году. Однако они не вполне вписываются в концепцию данного исследования: Мунке судил не потерпевших поражение мятежников, а всего лишь участников неудачного заговора против него; таким образом, суд не стал итогом поражения в междоусобице, равно как и сам не вызвал раскола империи. То же касается и дела 1262 г.: военачальники-Джучиды не поднимали восстания против Хулагу, а всего лишь оказались у него на службе в тот период, когда начался конфликт между ильханом и Берке, правителем их собственного улуса (Золотой Орды). Кроме того, широкое освещение каждого из этих процессов в средневековых источниках дает основание рассмотреть их в рамках специальных исследований.

[2] В указе Хубилая от 7 сентября 1264 г. наряду с приговором Арик-Буге и его сторонникам провозглашается перемена девиза правления самого Хубилая «Чжун-тун» на «Чжи-юань» [2, с. 103]: таким образом, именно с поражением и осуждением Арик-Буги его брат связывал укрепление своих прав на престол.

[3] По мнению Л.Н. Гумилева, «не честолюбие Арик-Буги было причиной войны (иначе и ему бы не сносить головы), а ожесточение, родившееся в борьбе партий, на которые раскололось монгольское войско» [5, с. 167] (ср.: [6, с. 326]).

[4] Рашид ад-Дин утверждает, что вместе с Наяном казнили его соратников – потомков Есунке-Ака, племянника Чингисхана [20, с. 193], но, полагаем, в данном вопросе следует отдать предпочтение «Юань ши».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс / пер. М. Д. Кязимова, В. З. Пириева. Баку: Элм, 1984. 150 с.
2. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: [б. и.], 2019. 744 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Вост. лит., 1962. 760 с.
4. Бержер С. Монгольская империя: государство кочевников // Империи Средневековья: от Каролингов до Чингизидов / под ред. С. Гугенхейма; пер. А. Изосимова. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 111–141.
5. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Клышников, Комаров и Ко., 1992. 320 с.
6. Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 323–334.
7. Джексон П. Распад Монгольской империи / пер. Р. Хауталы и М. Шамсимухаметовой // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 50–83.
8. История Казахстана в персидских источниках. Т. I: Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / отв. ред. А. Муминов ; введ., пер. с арабо-перс., коммент., текст, факсимиле Ш. Х. Вохидова, Б.Б. Аминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 416 с.
9. История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / отв. ред. А. К. Муминов ; пер. с перс., примеч., подгот. факсимиле Ш. Х. Вохидова; указ. У. А. Утепбергеновой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
10. Кадырбаев А. Ш. Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. 2009. Т. XXXIX, ч. I. С. 56–75.
11. Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.
12. Книга Марко Поло / пер. с фр. И. П. Минаева // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
13. Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М.: Наука, 1986. 264 с.
14. Мэн Д. Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / пер. В. Федорова. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. 411 с.
15. Носов Д. А. Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.
16. Почекаев Р. Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб.: Наука, 2021. 206 с.
17. Почекаев Р. Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 366 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1 / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
19. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панк-

ратова, О. И Смирновой, ред. А. А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.

20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.

21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса, ред.: А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

22. Россаби М. Золотой век империи монголов / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2009. 479 с.

23. Тулибаева Ж. Правители Чагатайского улуса (Извлечения из «Тарих-и арба улус» Мирзы Улугбека) // Известия Национального центра археографии и источниковедения. 2011. № 2-3. С. 21–28.

24. Хафизов Г. Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 94 с.

25. Чхао Ч.-Ч. Распад Монгольской империи. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 108 с.

26. Энхчимэг Ц. Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 152–155.

27. Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

28. Biran M. Qaidu and the rise- of the independent Mongol State in Central Asia. Richmond : Curzon, 1997. 197 p.

29. Hayton. La flor des estoires des parties d'orient // Recueil des historiens des croisades. Documents latins et francais relatifs a l'Armenie. T. II. Paris : Imprimerie nationale, 1906. P. 113–253.

30. May T. Race to the throne: Thoughts on Ariq-Boke's and Khubilai's Claims to the Mongol Throne // Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscelanea in honorem professoris Emeriti Victor Spinei oblata / Ed. G. Bilavschi, D. Aparaschivei. Bocuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 343–358.

31. Melville Ch. Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan // Pembrok Papers. 1990. Vol. 1. P. 159–177.

32. Moule A. C., Pelliot P. Marco Polo: The Description of the World. Vol. I. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1938. 596 p.

33. Pochekaev R. Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th – 14th Centuries: Legal Code or an Ideal "Law and Order" // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 724–733.

34. Shajrat ul atrak, or Genealogical tree of Turcs and Tatars / transl. and abridged by Col. Miles. London: W.H. Allen and Co., 1838. 383 p.

REFERENCES

1. Kyazimov M.D., Piriev V.Z., eds. *Abu Bakr al-Kutbi al-Akhari. Tarikh-i sheykh Uveys* [History of Shaykh Uways]. Baku, Elm Publ., 1984. 150 p.

2. Khrapachevskiy R.P., ed. *«Annaly Khubilaya», glavniy istochnik po istorii pravleniya pervogo imperatora dinastii Yuan (tszyuani 4–17 «Yuan shi»)* ["Annals of Khubilay" the Basic Source on History of Rule of the First Emperor of Yuan Dynasty (Chapters 4–17 of "Yuan Shih")]. Moscow, s.n., 2019. 744 p.

3. Bartold V.V. *Sochineniya. T. I. Turkestan v epokhu mongolskogo nashestviya* [Collected Works. Vol. 1. Turkestan During the Epoch of the Mongol Invasion]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1962. 760 p.

4. Berger S. Mongolskaya imperiya: gosudarstvo kochevnikov [Mongol Empire: State of Nomads]. Gouguenheim S., ed. *Imperii Srednevekovya: Ot Karolingov do Chingizidov* [The Medieval Empires: From Carolingians to Chinggisids]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2021, pp. 111-141.

5. Gumilev L.N. *V poiskakh vymyshlennogo tsarstva* [In Search of Invented Kingdom]. Moscow, Klyshnikov, Komarov i Ko., 1992. 320 p.

6. Dalay Ch. Borba za velikokhanskiy prestol pri Khubilae i ego preemnikakh [Fight for the Throne of Great Khan During the Reign of Khubilay and His Successors]. Tikhvinskiy S.L., ed. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 323-334.

7. Jackson P. Raspad Mongolskoy imperii [The Dissolution of the Mongol Empire]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], 2017, no. 10, pp. 50-83.

8. Muminov A., ed. Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. I: Dzhamal al-Karshi. Al-Mulkhakat bi-s-surakh [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. 1: Jamal al-Karshi. Additions to the Dictionary "As-Surakh"]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 416 p.

9. Muminov A.K., ed. Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. III: Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushchee genealogii) [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. 3: Glorifying the Genealogies]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. 672 p.

10. Kadyrbaev A.Sh. Khubilay-khan – zavoevatel ili obyedinitel Kitaya? [Khubilay Khan – Conqueror or Unifier of China?]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2009, vol. 39, pt. 1, pp. 56-75.

11. Karaev O.K. *Chagatayskiy ulus. Gosudarstvo Khaydu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda* [Chaghatai Ulus. State of Qaidu. Formation of the Kyrgyz People]. Bishkek, Kyrgyzstan Publ., 1995. 160 p.

12. Minaev I.P., ed. Kniga Marko Polo [The Book of Marco Polo]. Gornung M.B., ed. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to Oriental Countries]. Moscow, Mysl Publ., 1997, pp. 190-380.

13. Kychanov E.I. *Osnovy srednevekovogo kitayskogo prava* [Fundamentals of Chinese Medieval Law]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 264 p.

14. Man J. *Khubilay: Ot Ksanadu do sverkhderzhavy* [Kublai Khan: From Xanadu to Superpower]. Moscow, AST Publ.; Vladimir, VKT, 2008. 411 p.

15. Nosov D.A. Rukopis mongolskoy skazki «O starike Borontae» iz sobraniya IVR RAN [Manuscript of Mongolian Folktale "A Tale of the Old Man Borontai" from IOM of RAS]. *Pismennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of East], 2015, no. 1 (22), pp. 5-11.

16. Pochekaev R.Yu. *Zolotaya Orda. Istoriya v imperskom kontekste* [Golden Horde: History Within the Imperial Context]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2021. 206 p.

17. Pochekaev R.Yu. *Legitimatsiya vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstavakh Evrazii. Tyurko-mongolskiy mir XIII – nachala XX v.* [Legitimacy of Power, Usurpers, and Impostors in the States of Eurasia. Turkic-Mongol World, 13th – Beginning of the 20th C.]. Moscow, ID Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 366 p.

18. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. I, kn. 1* [Collection of Chronicles. Vol. 1, Book 1]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 221 p.

19. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. I, kn. 2* [Collection of Chronicles. Vol. 1, Book 2]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 316 p.

20. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. II* [Collection of Chronicles. Vol. 2]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960. 253 p.

21. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. III* [Collection of Chronicles. Vol. 3]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1946. 340 p.

22. Rossabi M. *Zolotoy vek imperii mongolov* [Khubilai Khan: His Life and Times]. Saint Petersburg, Eurasia Publ., 2009. 479 p.

23. Tulibaeva Zh. Praviteli Chagatayskogo ulusa (Izvlecheniya iz «Tarikh-i arba ulus» Mirzy Ulugbeka) [Rulers of Chaghatai Ulus (Extracts from the "History of Four Uluses" by Mirza Ulugbek]. *Izvestiya Natsionalnogo tsentra arkheografii i istochnikovedeniya* [Bulletin of the National Center of Archaeography and Source Studies], 2011, no. 2-3, pp. 21-28.

24. Khafizov G.G. *Raspad Mongolskoy imperii i obrazovanie Ulusa Dzhuchi* [Disintegration of the Mongol Empire and Formation of Jochi Ulus]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo, 2000. 94 p.

25. Zhao Z.-Ch. Raspad Mongolskoy imperii [Disintegration of the Mongol Empire]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardjani AN RT, 2008. 108 p.

26. Enkhchimeg Ts. Vzaimootnosheniya Chagatayskogo ulusa i Zolotoy Ordy [Relations of the Chaghataui Ulus and the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], 2017, no. 10, pp. 152-155.

27. Yurchenko A.G. *Elita Mongolskoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: Time of Celebrations, Time of Executions]. Saint Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 432 p.

28. Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, Curzon, 1997. 197 p.

29. Hayton. La flor des estoires des parties d'orient. *Recueil des historiens des croisades. Documents latins et francais relatifs a l'Armenie. T. II.* Paris, Imprimerie nationale, 1906, pp. 113-253.

30. May T. Race to the Throne: Thoughts on Ariq-Boke's and Khubilai's Claims to the Mongol Throne. Bilavschi G., Aparaschivei D., eds. *Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscelanea in honorem professoris Emeriti Victor Spinei oblate.* Bocuresti, Editura Academiei Romane, 2018, pp. 343-358.

31. Melville Ch. Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan. *Pembrok Papers*, 1990, vol. 1, pp. 159-177.

32. Moule A.C., Pelliot P. *Marco Polo: The Description of the World. Vol. I*. London, George Routledge & Sons, Ltd., 1938. 596 p.

33. Pochekaev R.Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th – 14th Centuries: Legal Code or an Ideal "Law and Order". *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2016, vol. 4, no. 4, pp. 724-733.

34. Miles Col., ed. *Shajrat ul atrak, or Genealogical Tree of Turcs and Tatars*. London, W.H. Allen and Co., 1838. 383 p.

Information About the Author

Roman Yu. Pochekaev, Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, Kantemirovskaya St, 3A, 194100 Saint Petersburg, Russian Federation, rpochekaev@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-4192-3528

Информация об авторе

Роман Юлианович Почекаев, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Кантемировская, 3А, 194100 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, rpochekaev@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-4192-3528

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.11

UDC 314(092)
LBC 62.3(4Каз)-210.6

Submitted: 13.12.2021
Accepted: 25.02.2022

THE SIGNIFICANCE OF THE ORENBURG – TASHKENT RAILWAY FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TURKESTAN REGION

Yrysbek K. Omarbayev
Science Service Scientific Research Center, Astana, Republic of Kazakhstan

Gulzhamal T. Zhorayeva
Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Republic of Kazakhstan

Ardak A. Nurmukhambetov
T.K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the significance of the Orenburg – Tashkent railway in the socio-economic life of the Turkestan region. This railway line is considered as a mechanism that opened the way for the entry of the region into capitalist relations. The purpose of the work is to define the impact of socio-economic changes resulting from the construction of the railway on the development of the region. *Methods and materials.* The research is based on the principles of objectivism and historicism, which reject dogmas and concepts and do not align with any political ideology. As a result of working with republican and regional archival funds, the authors introduced new statistical data concerning the construction and operation of the railway into scientific circulation. *Analysis.* Among other regions of the empire, Turkestan is distinguished by its geographical and socio-economic character. There is a reason to believe that before the construction of the railway, there were no cities in this region where large production facilities were concentrated. The vast majority of residents led a semi-nomadic lifestyle. It was difficult for the peasants to get their goods transported to other consumer environments. It can be argued that this development trend has changed dramatically with the construction of this railway. Due to the activity of the railway, the export-import potential of the region has increased. Turkestan has received ample opportunities to export salt, cotton, santonin, wool, and various types of dried fruits. *Results.* As a result of the research work, a peculiar approach to the factors that contributed to the construction of the Orenburg – Tashkent railway was revealed. As one of them, it is concluded that the factor of the construction of the highway was carried out not because of competition between the British and Russian Empires (as noted in many studies), but with the aim of involving an isolated part of the empire in integration processes. In general, the railway line had a significant impact on the transition of the region from old feudal relations to a partial agrarian-industrial form. *Authors' contribution.* Y.K. Omarbayev is the author and organizer of the idea of implementing this scientific work. He outlined the purpose and objectives of the article. G.T. Zhoraeva, was engaged in the collection, classification, and analysis of archival documents that make up the main source base of the article. In addition, under her leadership, a comparative analysis of scientific papers devoted to the construction and commissioning of the Orenburg – Tashkent railway was carried out. The author classified the available scientific publications by historical periods and sought to determine their historical and ideological directions. A.A. Nurmukhambetov worked with historical facts and photo documents within the framework of the topic and conducted a comparative analysis of differences between the statistical data reflected in other publications on the history of the construction of the Orenburg – Tashkent railway.

Key words: Orenburg – Tashkent railway, Turkestan region, Syrdarya region, Central Asia, socio-economic factor, railway lines.

Citation. Omarbayev Y.K., Zhorayeva G.T., Nurmukhambetov A.A. The Significance of the Orenburg – Tashkent Railway for the Socio-Economic Development of the Turkestan Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 144-155. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.11

© Омарбаев Ы.К., Жораева Г.Т., Нурмухамбетов А.А., 2023

УДК 314(092)
ББК 62.3(4Каз)-210.6

Дата поступления статьи: 13.12.2021
Дата принятия статьи: 25.02.2022

ЗНАЧЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ОРЕНБУРГ – ТАШКЕНТ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Ырысбек Курбанбекович Омарбаев

Научно-исследовательский центр «Science Service», г. Астана, Республика Казахстан

Гулжамал Толегеновна Жораева

Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави, г. Туркестан, Республика Казахстан

Ардак Амангельдиевич Нурмухамбетов

Казахская национальная академия искусств им. Т.К. Жургенова, г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу значения железной дороги Оренбург – Ташкент в развитии социально-экономической жизни Туркестанского края. Данная железнодорожная линия рассматривается как механизм, открывший путь к вступлению края в капиталистические отношения. Цель работы направлена на определение влияния социально-экономических изменений, сложившихся в результате строительства железной дороги, на развитие региона. *Методы и материалы.* Методологическую основу исследования составляют принципы объективизма и историзма, не принадлежащие ни к какому политическому кругу и отказывающиеся от различных догм и концепций. В результате работы с республиканскими и региональными архивными фондами авторы ввели в научный оборот новые статистические данные, касающиеся строительства и эксплуатации железной дороги. *Анализ.* Среди других регионов империи Туркестан отличается своим географическим и социально-экономическим характером. Есть основания полагать, что до строительства железной дороги в этом регионе не было городов, где были сосредоточены крупные производственные объекты. Подавляющее большинство жителей вели полукочевой образ жизни. Крестьянам было трудно добиться перевозки своих товаров в другие потребительские среды. Можно утверждать, что данная тенденция развития резко изменилась со строительством железной дороги. В связи с функционированием железной дороги увеличился экспортно-импортный потенциал региона. Туркестан получил широкие возможности по экспорту соли, хлопка, сантонина, шерсти и разных видов сухофруктов. *Результаты*. В ходе исследовательской работы был выявлен своеобразный подход к факторам, способствовавшим строительству железной дороги Оренбург – Ташкент. Делается вывод о том, что фактор строительства магистрали осуществлялся не из-за конкуренции между Британской и Российской империями (как отмечалось во многих исследованиях), а с целью вовлечения в интеграционные процессы изолированной части империи. В целом железнодорожная линия оказала существенное влияние на переход края от старых феодальных отношений к частичной аграрно-индустриальной форме. *Вклад авторов.* Ы.К. Омарбаев является автором и организатором идеи реализации данной научной работы, он также обозначил цели и задачи написания статьи. Г.Т. Жораева занималась сбором, классификацией и анализом архивных документов, составляющих основную источниковую базу статьи. Кроме того, под ее руководством был проведен сравнительный анализ научных трудов, посвященных строительству и вводу в эксплуатацию железной дороги Оренбург – Ташкент. Автор классифицировал имеющиеся научные публикации по историческим периодам и стремился определить их историко-идеологические направления. А.А. Нурмухамбетов работал с историческими фактами и фотодокументами в рамках темы, провел сравнительный анализ различий между статистическими данными, отраженными в других публикациях, посвященных истории строительства железной дороги Оренбург – Ташкент.

Ключевые слова: железная дорога Оренбург – Ташкент, Туркестанский край, Сырдарьинская область, Центральная Азия, социально-экономический фактор, железнодорожные линии.

Цитирование. Омарбаев Ы. К., Жораева Г. Т., Нурмухамбетов А. А. Значение железной дороги Оренбург – Ташкент для социально-экономического развития Туркестанского края // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 144–155. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.11

Введение. Вопрос о соединении Туркестанского края железнодорожным путем с центральной частью России был поставлен сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году. В 1874 г. была создана специальная железнодорожная комиссия под руководством первого генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана. Главной целью комиссии было изучение маршрута короткого пути, соединяющего Оренбург и Ташкент [8, с. 26]. До начала строительства в 1900 г. было предложено несколько линий дорог, которые связывали Центральную Россию с Туркестаном. В качестве проекта обсуждалось и Западно-Сибирское направление, в котором предусмотрено присоединение к Туркестану через Тюмень и Акмолинск [5, с. 14]. Но в итоге железнодорожное сообщение между Оренбургом и Ташкентом было поддержано императором.

На наш взгляд, намечено несколько задач строительства железной дороги Оренбург – Ташкент. В качестве первой из них можно выдвинуть обеспечение обороноспособности Туркестанского военного округа. Вторая – повышение уровня отстающего в социально-экономическом развитии Туркестанского края. С нашей точки зрения, несмотря на преобладание выводов о первом факторе, роль второго фактора является высокой.

В 1900 г., когда началось строительство железной дороги Оренбург – Ташкент, в состав Туркестанского генерал-губернаторства входили 5 областей: Семиреченская, Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская, Закаспийская. Железнодорожная линия проходила в основном по территории Сырдарьинской области. Ход ее строительства на этом участке и его результаты сыграли большую роль в социально-экономическом плане. Завершение строительства привело к формированию новых населенных пунктов в Сырдарьинской области и диверсификации труда [4, с. 15; 13, с. 79]. Эффективность его хозяйственно-экономических и социальных следов можно увидеть и сегодня.

Обсуждение. Роль железной дороги Оренбург – Ташкент, ставшей одним из первых символов прихода элементов индустриального общества в Центральную Азию, относится к числу слабоизученных тем в историографии. Многие исследователи признают, что строительство данной железной дороги являлось не только политико-идеологическим приоритетом, но и движущей силой социально-экономического развития края [9, с. 63; 31, с. 1655]. Одним из первых проанализировал проект маршрута строительства железной дороги Оренбург – Ташкент К.С. Безносиков [5], назвав его более коротким и дешевым.

Одним из исследователей, сформировавших после завершения строительных работ концептуальное мнение о результатах и перспективах, является М.Л. Юдин [30]. Он дал оценку первым доходам железнодорожной линии, поступившим в государственную казну, и дал прогноз на ее будущие показатели роста. В целом следует отметить, что М.Л. Юдин является первым исследователем, обосновавшим научное понимание роли железной дороги Оренбург – Ташкент в социально-экономическом развитии Оренбургского и Туркестанского краев.

П.П. Мигулин утверждал, что все железнодорожные линии в Российской империи строились за счет государственной казны. Автор обосновывает закономерность того, что вкладываемый в железнодорожную отрасль капитал должен служить интересам государства [17].

В обосновании суждений относительно разработки проекта расширения в восточном направлении железной дороги Оренбург – Ташкент и ее перспектив в развитии края следует отметить труд С.Н. Велецкого [8]. В своей работе он указывает, что расширение железнодорожной линии в восточном направлении позволит улучшить социально-экономический потенциал нескольких населенных пунктов и малых городов Туркестана.

Методы и материалы. Исходя из темы исследования и характера материалов, источников, их можно разделить на несколько групп:

– основную часть материалов, относящихся к теме, представляют материалы Центрального государственного архива Казахстана (г. Алматы, Казахстан) и Центрального государственного архива Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан). Типы документов в основном характеризуются письмами и приказами

канцелярии генерал-губернатора Туркестана, а также другими документами;

– материалы и документы Туркестанского городского государственного архива (г. Туркестан, Казахстан), в которых в основном сохранились сведения о строительстве железнодорожных станций и разъездов. Особенно ценными являются данные о деятельности водонапорных башен, предназначенных для заправки поездов. Также большой интерес представляют архивные источники о строительных работах железнодорожных мостов, возведенных в тот период.

При написании статьи был использован метод классификации по анализу сведений, содержащихся в приказах и распоряжениях Туркестанского генерал-губернаторства и канцелярии Сырдарьинской области о строительстве в крае новых предприятий и производств. Кроме того, при изучении социально-экономических процессов в обществе, возникших в результате строительства и функционирования железной дороги Оренбург – Ташкент, авторы руководствовались современными междисциплинарными методами исторической науки, такими как метод диахронического анализа, полипарадигмальный и др.

Анализ. В ходе анализа историографии, посвященной истории строительства данной железной дороги, исследовательские работы можно разделить на 3 периода по хронологическому направлению: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) современность. Для историографии дореволюционного периода важное значение имели пути поиска методов управления и принципов развития железнодорожного хозяйства Российской империи. Направления исследований дореволюционных авторов основаны на концепции государственности. То есть железнодорожный транспорт должен функционировать в соответствии с политико-идеологическими интересами государства. Однако в контексте данного вопроса среди авторов преобладают противоречивые взгляды. В них прослеживаются взаимные разногласия по сравнению методов ведения железнодорожного хозяйства в Российской империи с другими странами. Например, А. Борзенко [7], анализируя возникновение железных дорог в России и принципы государственной железнодорожной политики, показывает ее аналогичные стороны с политикой французского правительства.

Труды И.С. Блиоха [6] и А. Радцига [18] посвящены анализу влияния путей сообщения на экономику и хозяйство в соответствующих регионах. Они доказали, что ускорение перевозок в регионе, сближение производств и рынков сбыта стимулировали развитие земледелия, скотоводства, ремесел, промышленности. Авторы отметили стратегическое значение железных дорог в сохранении обороноспособности Российской империи.

В тщательном анализе экономических аспектов железнодорожной сети Оренбург – Ташкент имя Т.А. Хворостанского занимает особое место [24]. Данный исследователь отметил, что на рост экспорта пшеницы, хлеба, мучных изделий, транспортированных через Оренбург в 1910–1911 гг., повлияло строительство Ташкентской железной дороги. Кроме того, внес ряд предложений по повышению эффективности использования данной железнодорожной сети.

Таким образом, историография дореволюционного периода отличается научно-практическим характером. В этих трудах подробно проанализированы оптимальные проекты строительства железных дорог, изучены природно-экономические ресурсы, вклад железнодорожных линий в социально-хозяйственное развитие отдельных регионов и государства в целом. При этом необходимо учитывать, что вышеперечисленные авторы являлись не только исследователями происходящих событий, но и их непосредственными участниками.

Очевидно, что на направление исследовательских работ советского периода оказало влияние идеологическая цензура партии. В них прослеживается стремление сопоставить успехи советской железнодорожной деятельности с работой железнодорожной системы в имперский период.

Но стоит отметить и положительные стороны советской историографии. Она отличается особым вниманием к изучению истории и деятельности отдельных железных дорог, в том числе железной дороги Оренбург – Ташкент. Изданные в советский период научные труды в виде монографий, учебников, сборников материалов приобретают большое

значение. Одним из них является труд Н.Д. Кондратьева, изданный в 1920-е гг. [15]. В данной работе автором проведен системный анализ экономической значимости транспортного сообщения в отдельных регионах. Но элементы описания недостатков власти прошлого исторического периода относились к обязательной позиции, в том числе злоупотребление властью, эксплуатация труда рабочих, профессиональная некомпетентность и др.

Одним из тех, кто серьезно занимался исследованием хозяйственно-экономического влияния железной дороги Оренбург – Ташкент, является А.В. Аксенов [1; 2]. В соответствии с научной конъюнктурой исследователь, отмечая, что строительство железной дороги вызвало развитие капиталистических отношений, пришел к выводу, что это привело также к эксплуатации населения и богатства Туркестанского края [1, с. 4].

Однако в своей кандидатской диссертации он оценил магистраль Оренбург – Ташкент как самостоятельное предприятие. По мнению автора, строительство железной дороги способствовало разрушению старых производственных отношений и поставило точку в многовековой феодальной и территориальной изоляции Центральной Азии [1].

В работе П.Н. Чернова подробно изложены критерии вклада данной железной дороги в экономическое развитие региона [27]. Следует отметить, что труд автора был посвящен 50-летию строительства железной дороги Ташкент – Оренбург.

В работах, опубликованных в 1960–1980-х гг., преобладает политический аспект. Проведены комплексные исследования влияния железнодорожного транспорта на политические события, происходившие в государстве. В частности, были рассмотрены вопросы эвакуации красных рабочих из зоны контрреволюционных сил, активности железнодорожников в процессе революции и др.

Во главе исследователей, занимавших критическую позицию в этот период, стоят имена С.Г. Струмилина [20], Т.М. Китаниной [14]. В своих работах они стремились объяснить тот факт, что железнодорожная политика имперского периода постоянно находилась в экономическом кризисе. По их мнению, строительство железных дорог сопровождалось элементами взяточничества, расточительности и т. д. [20, с. 35; 14, с. 59].

Отдельный интерес представляют работы М.Х. Асылбекова [3], исследовавшего влияние Первой русской революции 1905–1907 гг. на сознание железнодорожников в Западно-Сибирском, Туркестанском краях.

Анализируя историографию советского периода в контексте проблемы, мы убедились в том, что на нее было оказано сильное давление в политическом и идеологическом плане. Особенно много исследований в свете участия и вклада железнодорожников в революцию, создания партийных организаций на транспортных путях и модернизации дорог. Однако объем исследований относительно роли Оренбурга – Ташкента и других магистралей в социально-экономическом развитии отдельного региона – невелик.

Несмотря на то что на третьем этапе историографии не было такой идеологической цензуры, как в советское время, чрезмерная критика принципов прошлой историографии, политика колонизации, национальная эксплуатация и другие факторы привели к искажению объективности.

Можно убедиться в том, что функционирование железной дороги Оренбург – Ташкент и ее различное влияние на обслуживаемую территорию не стало комплексной темой современной историографии. Исследователями из России, Казахстана и Узбекистана были изданы работы, в которых данная тема рассматривалась косвенно.

В подавляющем большинстве работ преобладает подход к рассмотрению магистрали как политического инструмента. Особенно важно признать, что это характерно для центральноазиатских авторов.

Казахстанский исследователь Н.К. Исингарин [13] в своей монографии рассмотрел политико-экономические аспекты строительства магистрали Оренбург – Ташкент. По мнению автора, эксплуатация железной дороги позволила увеличить хозяйственно-производственный потенциал Туркестана.

Кроме того, в исследовании Г.Б. Избасаровой дана объективная оценка трудам отдельных чиновников царской администрации, внесших вклад в строительство железной дороги Оренбург – Ташкент [31]. Данная ис-

следовательская работа проводилась на основе анализа информации на страницах газет, административных постановлений и решений, касающихся строительства железной магистрали.

Исследования узбекских авторов Х. Зиеева [12] и А.З. Тогаевой [21] направлены на частичный анализ роли железной дороги в социально-экономическом развитии города Ташкента и Самаркандской области. Однако в указанных работах наблюдаются моменты преимущественного внимания к критическому анализу и отклонения от объективной оценки.

В работах российских авторов всесторонне рассмотрены политико-экономические факторы функционирования железных дорог в период империи, в том числе роль железной дороги Оренбург – Ташкент. Основной объект исследований В. Шперлинга [29] обоснован тем, что строительство железных дорог в империи связано с освоением ее пространства. Он также дал весомую оценку интенсивным коммуникациям между местной элитой (купцы, помещики, дворяне и т. д.) и системой власти в контексте строительства железных дорог.

Ф.Б. Шенк [28] придавал большое значение влиянию строительства железных дорог на англо-русское межимперское соперничество.

И.В. Волков [10], уделив внимание факторам железнодорожных связей в развитии российского Туркестана, проанализировал различия между имперским и советским периодами. Однако отметим, что в вышеуказанных работах значение железной дороги Оренбург – Ташкент в социально-экономическом развитии Сырдарьинской области не стало предметом специального исследования.

Результаты. В 1867 г. был завершен процесс вхождения Центральной Азии в состав Российской имерии, произошло образование Туркестанского генерал-губернаторства [32, p. 185]. Перед царской администрацией стояла задача не только провести в крае реформы общественного образования и культуры, но и сформировать механизмы социально-экономического развития. Повышение социально-экономического потенциала Туркестана потребовало регулирования обеспечения внешних связей. Ведь Туркестанский край уже много веков переживал цивилизационную изоляцию. В обществе существовали средневековые производственные подходы и социальные слои. На рынке труда сохранялись элементы рабовладельческой формы. Сельское хозяйство и ремесло носили примитивный характер. Пути формирования рабочего класса были закрыты [10, с. 93].

Вышеуказанные элементы отставания в развитии вызвали спрос на кардинальные изменения. Представители царской администрации ясно понимали, что первый шаг будет осуществлен путем восстановления связей с европейской частью России. В первую очередь поставлена задача увеличения экспортно-импортных возможностей региона [17, с. 61]. Туркестанский край считался благоприятным для развития производства хлопка, ковров, животноводческой продукции, но нуждался в импорте металла, леса, муки, промышленных изделий [18, с. 44]. Несомненно, проблема удовлетворения вышеназванных потребностей подтолкнула к регулированию сферы коммуникации. С 1870-х гг. на правительственных заседаниях рассматривался вопрос о строительстве транспортного сообщения, связывающего Россию и Центральную Азию [23, с. 28–29].

Первой железнодорожной линией, связавшей Россию и Туркестан, стала Закаспийская военная железная дорога, получившая впоследствии название среднеазиатской. Среднеазиатская железная дорога протяженностью 2 368 км, полностью введенная в эксплуатацию в 1899 г., вызвала ряд трудностей для транспортного сообщения Центральной Азии и России [3, с. 56–57]. Первая из них заключалась в том, что слишком большая протяженность пути и трудности доставки грузов паромом из Красноводска в Баку были экономически не выгодны.

Царское правительство начало планировать создание экономически выгодного и короткого транспортного сообщения. Его реализация стала возможной в 1906 году. Под личным контролем императора Николая II царская администрация с 1900 г. взялась за проект строительства нового железнодорожного сообщения между Туркестаном и Россией [19, с. 23]. 10 мая 1901 г. началось строительство

железной дороги со стороны Оренбурга, 9 ноября – со стороны Ташкента. В сентябре 1906 г. железная дорога была официально введена в эксплуатацию [3, с. 57]. Протяженность железнодорожной магистрали, соединяющей Оренбург и Ташкент, составила 1 668 км. Вдоль железнодорожной линии были построены новые города и промышленные центры [19, с. 75].

Со строительством железной дороги улучшилось социально-экономическое положение населенных пунктов и малых городов (Актюбинск, Шалкар, Аральск, Перовск, Туркестан, Черняев) [8, с. 19]. Основные строительные работы железной дороги велись на территории Сырдарьинской области Туркестанского края, где было сооружено несколько железнодорожных разъездов и вокзалов. По архивным данным, в 1901–1906 гг. было построено 66 разъездов и 34 станции [25, л. 56]. Необходимо отметить, что они являются действующими и по сей день. Строительство вокзалов, станций и разъездов сопровождалось решением социально-хозяйственных вопросов на той территории. Вместе со строительством новых объектов появились водонапорные башни для заправки поездов (рисунок). Эти сооружения помогли решить проблему питьевой воды местного населения. Самое главное, что ход строительства железной дороги и его результаты сформировали новые профессии в местном обществе Сырдарьинской области и вызвали диверсификацию труда. Наряду с привлечением на строительство железной дороги специалистов и рабочих из России, была сформирована группа рабочих из местных жителей. По данным канцелярии Сырдарьинской области за 1904 г., в строительстве железной дороги было задействовано около 6 000 человек из числа местного населения [27, с. 170]. Заработная плата им выплачивалась в виде товаров, таких как, например, сахар, чай, масло, мука и другие необходимые бытовые продукты. В 1905 г. в Казалинске было введено в эксплуатацию первое локомотивное депо на магистрали [25, л. 62].

В 1906 г. в Перовске была запущена работа депо веерного типа. В него были приняты на работу 24 человека из числа местных жителей [21, с. 43]. В 1906 г., после окончания основных строительных работ, появились дополнительные разъезды, станции. В 1907 г. была запущена станция Сауран, в 1908 г. – новый разъезд в селе Чернак близ города Туркестан [22, л. 33]. Появление новых железнодорожных пунктов усилило процесс урбанизации населения региона. Очевидно, что запуск железнодорожного сообщения привел к позитивному изменению социально-экономического положения Сырдарьинской области. На ее территории увеличены объемы инженерных строительных работ: вокзалов, мостов, водонапорных башен.

Водонапорная башня, построенная в 1903 г. на ст. Туркестан
Water tower built in 1903 at the station Turkestan

В 1906–1912 гг. на участке дороги между Перовском и Черняевым было введено в эксплуатацию дополнительно 18 мостов [27, с. 169] с целью защиты железной дороги от стихийных бедствий и обеспечения безопасности жизнедеятельности людей.

Оптимальное дорожное сообщение открыло возможность транспортировки промышленно-хозяйственных изделий из промышленных зон Российской империи в Туркестан. Это явление послужило толчком к открытию новых предприятий и хозяйственных объектов. В 1906–1917 гг. на территории Сырдарьинской области, в городах Аральск, Черняев, Перовск, было введено около 14 новых предприятий, на которых трудилось более 1 700 рабочих [8, с. 17]. В окрестностях городов, построенных вдоль железной дороги, процесс урбанизации населения шел медленно и стабильно. Если в Перовске в 1898 г. проживало около 3 250 человек, то в 1911 г. число жителей достигло 11 тысяч [26, л. 59]. Запуск кирпичного завода в Перовске в 1907 г. стимулировал рост строительной отрасли. Продукцией Перовского кирпичного завода были способны обеспечить потребности не только Сырдарьинской области, но и других областей. В 1908 г. с кирпичного завода было доставлено 12 вагонов кирпича в города Ташкент, Уральск [25, л. 87]. Железная дорога ускорила развитие соляной промышленности в регионе, особенно на озерах близ Илецка и Казалы, в Перовском и Шымкентском уездах Сырдарьинской области. В связи с этим на Илецких промыслах в 1901–1904 гг. в среднем в год производилось 1,6 млн пудов соли, а в 1905–1907 гг. – 2,3 млн пудов. Всего по железной дороге перевезено: в 1905 г. – 1 708,352, в 1906 г. – 2 680,480, в 1907 г. – 2 208,029 пудов соли. Крупнейшими пунктами отправки соли стали станции Оренбург, Илецк, Чумыши, Жана-Курган и др. [16, с. 28]. В 1910–1913 гг. объем перевезенной по железной дороге соли составил от 3,2 млн до 3,6 млн пудов [16, с. 29].

По магистрали Оренбург – Ташкент в большом количестве стали перевозиться сухофрукты и вина. В 1906 г. было перевезено 88,6 тыс., в 1907 г. – более 90 тыс., в 1906 г. – около 47,2, в 1907 г. – около 47 тыс. пудов фруктов и сухофруктов [13, с. 119].

Железнодорожная деятельность способствовала не только улучшению грузоперевозок, сокращению времени в пути, но и ускорению оборота капитала, повышению эффективности работы производства. Большая часть продукции, произведенной в регионе, поставлялась в виде готовых товаров, а местный рынок стал частью общероссийского рынка [2, с. 23]. На основе данных В.П. Верховского, по железной дороге в 1906–1907 гг. было перевезено от 3,8 млн до 5,0 млн пудов зерна, бакалейные и гастрономические товары, сахар, железо и чугун, машины и инструменты для обработки земли, нефть и керосин, каменный уголь, древесные строительные материалы и другие товары [9, с. 42].

По состоянию на 1913 г. парк подвижного состава железной дороги состоял из 531 паровоза, 7 953 товарных и 495 пассажирских вагонов. В Ташкенте были построены депо, железнодорожные мастерские, открылось 25 училищ [28, с. 361].

Еще одним эффективным фактором деятельности железной дороги Оренбург – Ташкент стало ускорение внутреннего товарно-пассажирского потока не только Сырдарьинской области, но и Туркестанского края в целом. То есть упрощен механизм формирования связи расстояний между югом и севером области. Например, в 1910 г. пассажиропоток между Перовском (северный пункт) и Ташкентом вырос в 2,5 раза по сравнению с 1906 годом. Если в 1906 г. показатель пассажирских перевозок между двумя городами составлял 7,5 тыс. человек, то в 1910 г. он достиг 19 тыс. [24, с. 8; 26, л. 18].

Оренбургский край сыграл большую роль в торгово-экономических отношениях между Туркестаном и Россией. Строительство железной дороги способствовало дальнейшему развитию торгово-экономических связей между Туркестанским и Оренбургским генерал-губернаторствами. Этот фактор положительно отразился и на состоянии Сырдарьинской области. К концу XIX в. товарооборот между Туркестаном и Оренбургом составил 3 млн руб., а в 1910 г. он вырос до 12,6 млн [9, с. 41]. В 1909 г. на строительство водяной мельницы в селе Сайрам и моста через реку Сайрам из Оренбурга были привезены технические материалы и приглашены специалисты в этой области. Пост-

роенная с их помощью водяная мельница способствовала повышению зернового потенциала региона [28, л. 49].

До строительства железной дороги Туркестанский край и Оренбург соединяли два караванных пути (южный и северный). Согласно исследованиям, караваны из Ташкента в Оренбург шли 90–100 дней. Новое транспортное сообщение позволило сократить этот срок в несколько раз: по железной дороге груз из Ташкента в Оренбург поступал за 14–15 дней [11, с. 187].

Функционирование железной дороги увеличило объем регионального товарооборота между центральными районами России и Центральной Азией, что открыло путь к процессу вхождения Туркестана в капиталистические отношения. Железнодорожная линия Оренбург – Ташкент кардинально изменила характер социально-экономического развития изолированного края империи.

С увеличением торгово-экономического потенциала края возросло количество торговых предприятий. В 1908 г. их число составляло около 47 тыс., а товарооборот равнялся 125 млн 885 тыс. руб. [3, с. 59]. Большая часть торговых предприятий принадлежала Сырдарьинской и Ферганской областям. Многие из них занимались хлопководством. Увеличение предприятий, занимающихся производством хлопка в Туркестане, в 1910 г. вызвало рост объема перевозки грузов в Россию на 16,5 млн пудов, а в 1911 г. он составил 24 млн пудов [10, с. 98].

Заключение. Железная дорога Оренбург – Ташкент стала одним из факторов формирования новых социально-экономических преобразований в Туркестанском крае. В результате завершения строительства железной дороги значительно увеличилось разделение торгово-трудовых отношений.

Строительство железной дороги облегчило услуги межрегиональных перевозок товаров. Это способствовало созданию нового этапа в процессах межрегиональной торгово-экономической интеграции.

В целом можно утвердить, что функционирование данной магистрали, сыгравшей важную роль в отношениях России и Центральной Азии, в полной мере достигло поставленных целей в социально-экономической и хозяйственной сферах. Результаты строительства железной дороги Оренбург – Ташкент и сегодня демонстрируют свои достижения на высоком уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов А. В. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 20 с.
2. Аксенов А. В. Строительство Оренбургско-Ташкентской ж.-д. 1901–1905 гг. // Ученые записки ОГПИ. 1958. № 13. С. 22–26.
3. Асылбеков М. Х. Некоторые вопросы истории строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги // Известия АН КазССР. 1962. № 2 (19). С. 55–62.
4. Ахмеджанова З. К. Железнодорожное строительство в Средней Азии и в Казахстане (конец XIX – начало XX в.). Ташкент: Наука, 1984.
5. Безносиков К. С. Описание направлений для предполагаемых железных дорог из г. Оренбурга и г. Челябы в Ташкент // Оренбургский листок. 1876. № 2. С. 8–34.
6. Блиох И. С. Влияние железнодорожного транспорта на экономическое состояние России. СПб.: Тип. М.С. Вольфа, 1878. 153 с.
7. Борзенко А. Материалы по железнодорожным вопросам. Железные дороги в Англии, Франции и России. Ярославль: Тип. губ. правления, 1881. 284 с.
8. Велецкий С. Н. Железная дорога в Семиречье. Верный: Пастер, 1910. 38 с.
9. Верховский Н. П. Туркестан в районе Ташкентской железной дороги и грузы этой дороги. СПб.: [б. и.], 1910. 83 с.
10. Волков И. В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития русского Туркестана // Пространство и Время. 2013. № 3. С. 92–98.
11. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 608 с.
12. Зиеев Х. Узбекистон мустамлака ва зулм исканжасида (XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошлари). Ташкент: Шарк, 2006. 352 с.
13. Исингарин Н. К. Железные дороги Казахстана: становление и развитие. Алматы: Рауан, 2004. 768 с.
14. Китанина Т. М. Хлебная-торговля России в 1875–1914 гг. М.: Наука, 1975. 287 с.
15. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.
16. Материалы по Киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Перовский уезд. Ташкент: Изд-во О. Н. Поповой, 1915. 394 с.

17. Мигулин П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы. 1893–1902. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1903. 360 с.

18. Радциг А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. СПб.: Деп. ж.-д. М-ва путей сообщения,1896. 276 с.

19. Россия. Полное географическое описание нашего отечества // Киргизский край. Т. XVIII. СПб.: А.Ф. Девриен, 1903. 501 с.

20. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.

21. Тогаева А. Из истории железной дороги // Moziydan sado (Эхо истории). 2009. № 2. С. 39–46.

22. Туркестанский городской государственный архив. Ф. 2. Кн. 1. Оп. 1. Д. 5. 138 л.

23. Фурсов В. Н., Тестов В. Н. Возведение и функционирование транскаспийской магистрали в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). С. 26–33.

24. Хворостанский Т. А. Оренбургский хлебный рынок. Оренбург: Изд. переселенческой организации Тургайско-Уральского района, 1916. 28 с.

25. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 25. Оп. 1. Кн. 2. Д. 12. 97 л.

26. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Д. 38. 114 л.

27. Чернов П. Н. К истории строительства железной дороги Ташкент – Оренбург // Известия Узбекистанского филиала географического общества СССР. 1956. Т. 2. С. 162–171.

28. Шенк Ф. Б. Imperial inter-rail : Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: Эксмо, 2010. С. 354–380.

29. Шперлинг В. Строить железную дорогу, создавая имперское пространство: «местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // Ab imperio. 2006. № 2. С. 101–134.

30. Юдин М. Л. Среднеазиатская железная дорога и преимущества направления ее от г. Оренбурга на г. Ташкент // Журнал Оренбургской Городской Думы. 1895. № 160. С. 1–17.

31. Izbasarova G. B. Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the Turn of the XIX–XX Centuries (On the Example of the Turgai Region) // Bylye Gody. 2019. Vol. 54, iss. 4. P. 1647– 1655.

32. Khazretali T. M., Girtilioglu M., Omarbayev Y. K., Adilbayeva A. S. The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye // Bylye Gody. 2018. Vol. 47, iss. 1. P. 183–192.

REFERENCES

1. Aksenov A.V. *Orenburgsko-Tashkentskaya zheleznaya doroga i ee rol v razvitii kapitalizma v Sredney Azii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Orenburg-Tashkent Railway and Its Role in the Development of Capitalism in Central Asia. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1955. 20 p.

2. Aksenov A.V. Stroitelstvo Orenburgsko-Tashkentskoi zh.-d. 1901–1905 gg. [Construction of the Orenburg-Tashkent Railway 1901–1905]. *Uchyonye zapiski OGPI*, 1958, no. 13, pp. 22-26.

3. Asylbekov M.H. Nekotorye voprosy istorii stroitelstva Orenburgsko-Tashkentskoj zheleznoi dorogi [Some Questions About the History of the Construction of the Orenburg-Tashkent Railway]. *Izvestiya AN KazSSR,* 1962, no. 2 (19), pp. 55-62.

4. Ahmedzhanova Z.K. *Zheleznodorozhnoe stroitelstvo v Srednej Azii i v Kazahstane (konec XIX – nachalo XX v.)* [Railway Construction in Central Asia and Kazakhstan (Late 19th – Early 20th Century)]. Tashkent, Nauka Publ., 1984.

5. Beznosikov K.S. Opisanie napravlenij dlya predpolagaemyh zheleznyh dorog iz g. Orenburga i g. Chelyaby v Tashkent [Description of the Directions for the Proposed Railways from Orenburg and Chelyaby to Tashkent]. *Orenburgskii listok*, 1876, no. 2, pp. 8-34.

6. Blioh I.S. *Vliyanie zheleznodorozhnogo transporta na ekonomicheskoe sostoyanie Rossii* [The Impact of Rail Transport on the Economic State of Russia]. Saint Petersburg, Tip. M.S. Volfa, 1878. 153 p.

7. Borzenko A. *Materialy po zheleznodorozhnym voprosam. Zheleznye dorogi v Anglii, Francii i Rossii* [Materials on Railway Issues. Railways in England, France and Russia]. Yaroslavl, Tip. gub. pravleniya, 1881. 284 p.

8. Veleckii C.N. *Zheleznaya doroga v Semirechye* [Railway in Semirechye]. Verny, Paster Publ., 1910. 38 p.

9. Verhovskii N.P. *Turkestan v raione Tashkentskoi zheleznoi dorogi i gruzy etoi dorogi* [Turkestan in the Area of the Tashkent Railway and the Cargo of this Road]. Saint Petersburg, s.n., 1910. 83 p.

10. Volkov I.V. Zheleznodorozhnye kommunikacii kak faktor razvitiya russkogo Turkestana [Railway Communications as a Factor in the Development of Russian Turkestan]. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 2013, no. 3, pp. 92-98.

11. Glushchenko E.A. *Rossiya v Srednei Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniy*a [Russia in Central Asia. Conquests and Transformations]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010. 608 p.

12. Ziyoev X. *Uzbekiston mustamlaka va zulm iskanzhasida (XIX asr ikkinchi yarmi – XX asr boshlari)* [Uzbekistan in the Era of Colonization and

Oppression (The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Tashkent, Shark Publ., 2006. 352 p.

13. Isingarin N.K. *Zheleznye dorogi Kazahstana: stanovlenie i razvitie* [Railways of Kazakhstan: Formation and Development]. Almaty, Rauan Publ., 2004. 768 p.

14. Kitanina T.M. *Hlebnaya-torgovlya Rossii v 1875–1914 gg.* [Grain Trade in Russia in 1875–1914]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 287 p.

15. Kondratyev N.D. *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremya vojny i revolyucii* [The Bread Market and Its Regulation During the War and Revolution]. Moscow, Nauka, 1991. 487 p.

16. *Materialy po Kirgizskomu zemlepolzovaniyu. Syr-Daryinskaya oblast, Perovskiy uyezd* [Materials on Kirghiz Land Use. Syr-Darya Region, Perovsky Uyezd]. Tashkent, Izd-vo O. N. Popovoj, 1915. 394 p.

17. Migulin P.P. *Nasha novejshaya zheleznodorozhnaya politika i zheleznodorozhnye zajmy. 1893–1902* [Our Latest Railway Policy and Railway Loans. 1893–1902]. Harkov, Tip. «Pechatnoe delo», 1903. 360 p.

18. Radcig A. *Vliyanie zheleznyh dorog na selskoe hozyajstvo, promyshlennost i torgovlyu* [The Impact of Railways on Agriculture, Industry and Trade]. Saint Petersburg, Dep. zh. d. M-va putey soobshcheniya, 1896. 276 p.

19. Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva [Russia. Full Geographical Description of Our Father-Land]. *Kirgizkiy kray. T. XYIII* [Kyrgyz Region. Vol. 18]. Saint Petersburg, A.F. Devrien, 1903. 501 p.

20. Strumilin S.G. Ocherki ekonomicheskoj istorii Rossii i SSSR [Essays on the Economic History of Russia and the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 514 p.

21. Togaeva A. Iz istorii zheleznoi dorogi [From the History of the Railway]. *Moziydan sado (Ekho istorii)* [Echo of History], 2009, no. 2, pp. 39-46.

22. Turkestanskii gorodskoj gosudarstvenni arhiv [Turkestan City State Archives], f. 2, book. 1, inv. 1, d. 5. 138l.

23. Fursov V.N., Testov V.N. Vozvedenie i funkcionirovanie transkaspijskoj magistrali v 80-h – nachale 90-h gg. XIX v. [Construction and Operation of the Trans-Caspian Highway in the 80s – Early 90s of the 19th Century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2013, no. 15 (158), pp. 26-33.

24. Hvorostanskii T.A. *Orenburgskii hlebni rynok* [Orenburg Bread Market]. Orenburg, Izd. pereselencheskoj organizacii Turgajsko-Uralskogo raiona, 1916. 28 p.

25. *Centralnyj gosudarstvenni arhiv Respubliki Kazahstan* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 25, inv. 1, book 2, d. 12. 97l.

26. *Centralnyj gosudarstvenni arhiv Respubliki Uzbekistan* [Central State Archive of Republic Uzbekistan], f. 52, inv. 1, book 2, d. 38. 114l.

27. Chernov P.N. K istorii stroitelstva zheleznoj dorogi Tashkent-Orenburg [On the History of the Construction of the Tashkent-Orenburg Railway]. *Izvestiya Uzbekistanskogo filiala geograficheskogo obshchestva SSSR* [Proceedings of the Uzbekistan Branch of the USSR Geographical Society], 1956, vol. 2, pp. 162-171.

28. Shenk F.B. Imperial inter-rail: Vliyanie mezhnacionalnogo i mezhimperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitelstva v tsarskoy Rossii [Imperial Inter-Rail. Influence of Interethnic and Inter-Empire Perception and Rivalry on the Policy of Railway Construction in Tsarist Russia]. *Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire]. Moscow, Eksmo Publ., 2010, pp. 354-380.

29. Shperling V. Stroit zheleznuyu dorogu, sozdavaya imperskoe prostranstvo: «mestnost», «krai», «Rossiya», «imperiya» kak politicheskie argumenty v poreformennoi Rossii [To Build a Railway, Creating an Imperial Space: "Locality", "Land", "Russia", "Empire" as Political Arguments in Post-Reform Russia]. *Ab imperio*, 2006, no. 2, pp. 101-134.

30. Yudin M.L. Sredne-Aziatskaya zheleznaya doroga i preimushchestva napravleniya eyo ot goroda Orenburga na gorod Tashkent [The Central Asian Railway and the Advantages of the Direction from the City of Orenburg to the City of Tashkent]. *Zhurnal Orenburgskoj Gorodskoj Dumy*, 1895, no. 160, pp. 1-17.

31. Izbasarova G.B. Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX Centuries (On the Example of the Turgai Region). *Bylye Gody*, 2019, vol. 54 (4), pp. 1647-1655.

32. Khazretali T.M., Girtilioglu M., Omarbayev Y.K., Adilbayeva A.S. The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye. *Bylye Gody*, 2018, vol. 47, iss. 1, pp. 183-192.

Information About the Authors

Yrysbek K. Omarbayev, PhD, Deputy Director, Science Service Scientific Research Center, Tayburyl St, 23/3, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, rusbek_1492@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7862-6113

Gulzhamal T. Zhorayeva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Prosp. Bekzat Sattarkhanov, 29g, 161200 Turkestan, Republic of Kazakhstan, info@ayu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-1151-2664

Ardak A. Nurmukhambetov, PhD, Associate Professor, Department of History of Kazakhstan and Social Sciences, T.K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Panfilova St, 127, 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan, nur.ardak_83@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-2960-8196

Информация об авторах

Ырысбек Курбанбекович Омарбаев, PhD, заместитель директора, Научно-исследовательский центр «Science Service», ул. Тайбурыл, 23/3, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, rusbek_1492@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7862-6113

Гулжамал Толегеновна Жораева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави, просп. Бекзат Саттарханов, 29г, 161200 г. Туркестан, Республика Казахстан, info@ayu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-1151-2664

Ардак Амангельдиевич Нурмухамбетов, PhD, доцент кафедры истории Казахстана и социальных наук, Казахская национальная академия искусств им. Т.К. Жургенова, ул. Панфилова, 127, 050000 г. Алматы, Республика Казахстан, nur.ardak_83@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-2960-8196

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.12

UDC 94(540)
LBC 63.3(5Инд)

Submitted: 30.04.2021
Accepted: 01.07.2021

INDIAN NATIONAL CONGRESS IN THE YEARS OF THE LANSDOWNE'S GOVERNMENT (1888–1894): PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Dmitrii S. Nikitin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to the study of the main activities of the Indian National Congress (INC) during the reign of Viceroy Lansdowne. During this period, the main objects of the Congress were official recognition by the colonial administration and the expansion of propaganda work in Britain. But Congress also had several internal problems, such as an undeveloped organizational structure and controversies over unresolved social problems in India. *Methods and materials.* Based on reports on the annual sessions of the INC and the Indian and British press, the article examines the main problems of the development of the INC in 1888–1894, the reasons for the increased activity of the Congress in England and the process of the emergence of the Congress' branches in London and the Indian Parliamentary Committee, and the peculiarities of the relationship between Congress and the colonial administration. *Analysis*. The Viceroy's views on Congress and their differences from the previous course of the Indian government are analyzed. The specifics of the activities of the INC in Great Britain are revealed. Particular attention is paid to the parliamentary work of the Congress. The reasons for the intensification of internal contradictions in the INC in the early 1890s are investigated. *Results*. It is concluded that Viceroy Lansdowne's refusal to abandon the repressive policy towards the Congress contributed to the progressive development of the Congress, which manifested itself in the revitalization of its activities in Great Britain. However, the development was accompanied by the strengthening of internal organizational contradictions and the beginning of the formation of a Congress' radical wing.

Key words: Indian National Congress, Lansdowne, Age of Consent Act, British Committee, Allan Octavian Hume.

Citation. Nikitin D.S. Indian National Congress in the Years of the Lansdowne's Government (1888–1894): Problems of Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 156-164. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.12

УДК 94(540)
ББК 63.3(5Инд)

Дата поступления статьи: 30.04.2021
Дата принятия статьи: 01.07.2021

ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС В ГОДЫ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА ЛОРДА ЛЭНСДАУНА (1888–1894): ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Дмитрий Сергеевич Никитин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

© Никитин Д.С., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению основных направлений деятельности Индийского национального конгресса (ИНК, Конгресс) в годы правления вице-короля Лэнсдауна. Ключевыми задачами этого периода для ИНК были борьба за официальное признание колониальными властями и расширение пропагандистской работы в метрополии. Главными проблемами ИНК в период генерал-губернаторства Лэнсдауна стали внутренние противоречия, связанные с нерешенностью социальных вопросов в Индии и отсутствием

четкой организационной структуры в Конгрессе. *Методы и материалы*. В статье на материале отчетов о ежегодных сессиях ИНК, индийской и английской прессы рассматриваются основные проблемы развития ИНК в 1888–1894 гг., причины усиления активности Конгресса в метрополии и процесс возникновения британских отделений ИНК и Индийского парламентского комитета, особенности взаимоотношений Конгресса с колониальной администрацией. *Анализ*. Анализируется позиция вице-короля Индии в отношении ИНК и ее отличия от предшествующего курса правительства Британской Индии. Выявляется специфика деятельности ИНК в Великобритании. Особенное внимание уделяется становлению парламентского направления в работе Конгресса. Исследуются причины усиления внутренних противоречий в ИНК в начале 1890-х годов. *Результаты*. Сделан вывод о том, что отказ вице-короля Лэнсдауна от репрессивной политики в отношении ИНК способствовал поступательному развитию Конгресса, которое проявилось в активизации его деятельности в Великобритании, создании Британского комитета Конгресса и Индийского парламентского комитета. Однако развитие сопровождалось усилением внутренних противоречий организационного характера и началом формирования радикального крыла в ИНК.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс, Лэнсдаун, закон о возрасте согласия, Британский комитет, Аллан Октавиан Юм.

Цитирование. Никитин Д. С. Индийский национальный конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Лэнсдауна (1888–1894): проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 156–164. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.12

Введение. Индийский национальный конгресс (далее – ИНК, Конгресс) прошел в своем развитии долгий путь от организации, объединявшей относительно немногочисленных представителей интеллигенции, лояльных британскому правлению, до общенациональной политической силы, возглавившей национально-освободительную борьбу индийского народа. Превращение Конгресса в массовую организацию в значительной степени изменило применявшиеся им методы политической борьбы и привело к трансформации принципов организации, заложенных его основателями. Однако этот процесс стал результатом долгой эволюции, в ходе которой ИНК сумел завоевать доверие и поддержку значительной части населения, укрепить свои позиции в стране, стать примером для других стран и территорий, находившихся в колониальной зависимости от европейских держав. В связи с этим исследование начального периода деятельности Конгресса (до 1919 г.) является важным для понимания особенностей развития национально-освободительного движения в Индии в целом. Период конца 1880-х – начала 1890-х гг., пришедшийся на годы правления вице-короля и генерал-губернатора Индии Лэнсдауна, в свою очередь, занимает особое место в истории ИНК, поскольку ознаменовался не только заметными достижениями, такими как принятие закона об индийских советах 1892 г. и создание Британского комитета ИНК и Индийского парламентского комитета (далее – ИПК) в палате общин, но и усилением внутренних противоречий развития.

Методы и материалы. В статье на основе критики исторических источников (отчетов о ежегодных сессиях ИНК, индийской и английской прессы) рассматриваются основные проблемы развития ИНК в 1888–1894 годах. С помощью историко-генетического метода исследуются причины усиления активности Конгресса в метрополии и процесс возникновения британских отделений ИНК и Индийского парламентского комитета. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить общие и специфические черты во взаимоотношениях Конгресса с колониальной администрацией. Описательно-повествовательный метод используется при реконструкции хода событий, повлиявших на те или иные особенности развития ИНК в исследуемый период.

При изучении деятельности общественно-политических организаций особое значение имеет анализ документов, отражающих их программу и позицию по различным вопросам. Для ИНК такими документами стали публикуемые после каждого собрания отчеты. Помимо краткого описания заседаний, они содержат перечень резолюций, принятых на сессии, и подробную стенограмму всех собраний Конгресса. Отчеты отражают ход дискуссий, однако, ввиду особенностей отбора тем для обсуждений на сессиях, не содержат наиболее

острых вопросов, по которым руководство ИНК не достигло единства мнений. Ряд подобных вопросов находит отражение в выступлениях деятелей ИНК, а также в газетных публикациях, которые также являются важными источниками по исследуемой теме.

Анализ. ***Конгресс и власть.*** Ключевой идеей, которой руководствовались основатели ИНК, было представление о британском правлении как благе для Индии. Конгресс создавался не в качестве силы, противостоящей колониальной администрации, но, напротив, как организация, призванная донести до властей чаяния и пожелания индийского народа. Генеральный секретарь ИНК, «отец Конгресса» Аллан Октавиан Юм, бывший свидетелем народного восстания 1857–1859 гг., считал, что создатели ИНК «начали проповедовать доктрину, которая должна была развернуть прежде подавленные национальные чувства недовольства и ненависти, обернув их в безопасную форму открытой конституционной агитации» [2, с. 92]. Таким образом, Конгресс стремился не к свержению британского правления, а к всесторонней его поддержке, одной из граней которой было информирование властей об «истинном» положении дел в Индии. Конгресс должен был учить людей «осознавать многие выгоды, которыми они обязаны британскому правлению» [2, с. 92].

Эффективное решение подобной задачи во многом зависело от благосклонности колониальной администрации. 1880-е гг. в Индии были временем правления либеральных вице-королей, что способствовало оживлению общественно-политической жизни страны. Активным сторонником развития индийского самоуправления был правивший в 1880–1884 гг. вице-король Рипон, считавший возникновение прослойки индийцев, получивших европейское образование, новой политической реальностью [6, p. 71]. Проводимая Рипоном политика вызывала недовольство англо-индийского чиновничества в колониях и государственного секретаря по делам Индии в Лондоне. Тем не менее сменивший его на посту граф Дафферин в начале своего правления содействовал созданию Национального конгресса [1, с. 27]. Однако Дафферин не последовал реформистским курсом своего предшественника, что привело к постепенному охлаждению отношений между вице-королем и Конгрессом, а серия критических памфлетов, написанных Юмом в 1886 г. [2, с. 17–162], ознаменовала начало полного их разрыва. В ноябре 1888 г., незадолго до отъезда из Индии, Дафферин обвинил ИНК в распространении публикаций, разжигающих «ненависть народа к государственным служащим Короны», и подчеркнул, что ни одно правительство не может игнорировать угрозу, исходящую от подобных действий [8, p. 243–244]. В связи с этим к началу правления Лэнсдауна перед Конгрессом вновь стоял вопрос о признании властью.

В отличие от своего предшественника Лэнсдаун не взял курс на подавление национального движения. Он полагал, что движение в дальнейшем будет только расширяться, поэтому считал необходимым принимать меры, которые способствовали бы превращению Конгресса в «совершенно безобидную организацию», занимавшуюся «академическим обсуждением» проблем индийского общества [19, p. 84]. Новый вице-король, таким образом, видел решение в поддержке наиболее умеренных кругов ИНК и ограничении деятельности радикально настроенных элементов. Характерно, что Лэнсдаун отказался оказывать давление на правителей индийских княжеств, предоставлявших финансовую помощь ИНК, чтобы в стране не сложилось впечатление, что вице-король прибегает к репрессиям против индийской интеллигенции [19, p. 85].

Вместе с тем власти провинций продолжали активно препятствовать деятельности ИНК. В январе 1890 г. правительство Бенгалии потребовало от чиновников воздержаться от участия в политических движениях. Присланные председателем приемного комитета ИНК приглашения на сессию Конгресса на имя вице-губернатора Бенгалии были отосланы обратно. Газета «Индиа» (орган Британского комитета ИНК (далее – БК ИНК)) со слов анонимного «друга из Индии» писала, что подобный приказ «может оказать деморализующий эффект на некоторых, но в целом приведет к росту интереса людей к политическим движениям [14]. Однако Лэнсдаун разъяснил, что циркуляр касался широких народных движений, таких как индусское движение против убийства коров, а не заседаний ИНК [19, p. 85–86]. В июле 1890 г. орган БК ИНК опуб-

ликовал циркуляры, содержавшие инструкции для правителей индийских княжеств Центральной Индии, согласно которым «любого, подозреваемого в том, что он является агентом Конгресса», следовало выдворить из княжества в течение двадцати четырех часов [12]. Хотя подлинность этих документов вызывала сомнение как у индийской, так и у английской общественности, «Индиа» приводила свидетельства того, что министры княжеств получали схожие инструкции в устной форме [13].

Разъясняя позицию правительства Индии, Лэнсдаун заявил, что Конгресс является «совершенно законным движением», таким образом впервые признав ИНК на официальном уровне [19, p. 85]. В ответ на этот жест А.О. Юм писал комитетам ИНК в провинциях, что вице-король предпринял «большой, решительный и необычный шаг», тем самым выступив против бюрократической оппозиции, и долг Конгресса – показать, что он высоко ценит смелость, с которой Лэнсдаун выступил в защиту «свободы слова и действия в политических вопросах» [3]. Англо-индийская и британская пресса, однако, назвала действия ИНК «вопиющей попыткой вовлечь вице-короля в политические интриги путем превращения простого заявления об официальном нейтралитете в формальное признание Конгресса» [30].

Формальное признание Конгресса не означало расширения сотрудничества с властью. В 1893 г. правительство Индии не приняло резолюцию палаты общин о необходимости одновременного проведения испытаний на соискание должностей в Индийской гражданской службе в Индии и Англии, которое было одним из основных требований ИНК того времени. Во время индусско-мусульманских столкновений в Бомбее в 1893 г. правительство не стало применять репрессивные меры против сторонников движения в защиту коров, бывших активными участниками беспорядков. Государственный секретарь по делам Индии лорд Кимберли считал, что сложившаяся ситуация делает невозможным единение двух общин, за которое выступал Конгресс [19, p. 89]. Таким образом, в целом период правления Лэнсдауна не стал для ИНК периодом противостояния с властью, но и не привел к установлению прочных связей с ней.

Деятельность Конгресса в Великобритании. «Британское направление» работы ИНК в конце 1880-х – начале 1890-х гг. оставалось одним из основных. В 1889 г. вместо действовавшего прежде Индийского политического агентства (далее – ИПА) был учрежден Британский комитет ИНК, который возглавил бывший чиновник индийской колониальной администрации У. Уэддерберн. Работа комитета, по мнению А.О. Юма, должна была развиваться по трем направлениям – агитация в прессе, проведение собраний и митингов, установление связей с либеральными политическими клубами и парламентом [29, p. 256]. В отличие от ИПА, БК ИНК занимался только теми вопросами, которые были одобрены руководством Конгресса, и впоследствии был формально включен в Устав ИНК как одно из структурных подразделений организации [21, p. XXIX].

Агитация в прессе осуществлялась главным образом посредством собственного органа БК ИНК – газеты «Индиа». Несмотря на финансовые трудности, выпуск газеты расценивался руководством ИНК как важный элемент общей работы, заметно влияющий на ее эффективность [23, p. 37]. Кроме того, комитет занимался публикацией и распространением отчетов о сессиях ИНК.

БК ИНК также отвечал за деятельность конгрессистских делегаций в Великобританию. Первая официальная делегация Конгресса отправилась в Лондон в 1890 г., чтобы «представлять свои взгляды в Англии и настаивать на рассмотрении британской общественностью политических реформ, за которые выступает Конгресс» [22, p. LXXIII]. В состав делегации вошли признанные лидеры ИНК – А.О. Юм, Дж. Юл, Ф. Мехта, С. Банерджи, В.Ч. Бонерджи и др. Для индийцев, широко известных и популярных на родине, визит в метрополию стал серьезным вызовом. Однако митинги, где выступали члены делегации, находили отклик у британской публики. Их организатор О. Хани отмечал, что «на всех митингах звучало требование, чтобы г-н Банерджи посетил их вновь» [29, p. 83], «Индиа» писала, что такие встречи собирали внушительную аудиторию, которая «с большим энтузиазмом поддерживала резолюции» [11]. С делегацией Конгресса встретился также и

лидер британских либералов, бывший премьер-министр У. Гладстон. В целом благодаря усилиям БК ИНК работа делегации была довольно успешной: общественность проявляла большой интерес к индийским проблемам, митинги проходили не только в Англии, но и в Шотландии и Уэльсе и получили благосклонные отзывы прессы. Для Конгресса такой результат был особенно важен: делегация продемонстрировала, что ИНК лоялен британскому правлению, а обвинения в «анархизме», которые выдвигали англо-индийские критики [7, p. 274], беспочвенны. Кроме того, Конгресс получил возможность пропагандировать свою схему реформы законодательных советов, обсуждаемую в это время в парламенте [9, p. 325; 10, p. 1890–1891]. Схема предполагала значительное расширение центрального и провинциальных законодательных советов и увеличение числа выборных членов [22, p. LXVIII–LXIX]. Позицию Конгресса в палате общин отстаивал либерал Чарльз Брэдло, тесно сотрудничавший с ИПА и БК ИНК. Брэдло стал своего рода «членом парламента от Индии» [17, p. 17], однако обязательства перед избирателями не позволяли ему посвятить индийскому вопросу все свое время.

В 1889 г. Брэдло присутствовал на декабрьской сессии ИНК, где выразил надежду на то, что вскоре ряды парламентариев-сторонников индийских реформ пополнит председатель БК ИНК У. Уэддерберн [5, p. 153]. Основатели ИНК считали парламентское направление работы важнейшим в деятельности Конгресса, однако первые попытки провести индийских представителей в палату общин не увенчались успехом: в 1885–1886 гг. Л. Гхош, У. Дигби, Д. Наороджи уступили на выборах своим оппонентам от Консервативной партии. Парламентские выборы 1892 г. предоставили Конгрессу очередную возможность – кандидатами от Либеральной партии выступили Наороджи и Уэддерберн, но одержать победу в своем избирательном округе смог только Наороджи. Однако годом позже в результате специальных выборов Уэддерберн также стал членом палаты общин, что положило начало Индийскому парламентскому комитету. Как сообщала «Индиа», 27 июля 1893 г. «сэр У. Уэддерберн и г-н Кейн пригласили некоторых ведущих независимых членов на обед… чтобы обсудить индийские дела» [15]. На этом собрании Уэддерберн выступил с речью о необходимости возрождения неформального комитета по индийским вопросам в парламенте, впервые созданного в 1883 г. Дж. Брайтом, поскольку за десять лет «Индия добилась огромного прогресса в организации независимого общественного мнения», тогда как в Англии «обычно представлена только официальная сторона индийского вопроса» [15]. Как и комитет Брайта, новый ИПК не связывал своих членов строгими обязательствами: Уэддерберн предполагал, что лишь немногие из них смогут инициировать законопроекты, остальным же предлагалось «присутствовать на индийских дебатах и поддерживать те предложения о реформе, которые кажутся им желательными» [15]. Создание комитета в парламенте стало большим достижением ИНК и позволило расширить индийскую агитацию в метрополии, однако его деятельность в последующие годы не принесла существенных результатов.

Внутренние противоречия в ИНК. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. требования, выдвигаемые Конгрессом, не претерпели существенных изменений, поэтому ключевым противоречием в его программе оставалось соотношение политических и социальных преобразований. Конгресс возник как политическая организация; идеалом ИНК было расширение представительства индийцев в управлении страной – как в центре, так и в провинциях, и резолюции по данному вопросу принимались регулярно [20, p. 3; 22, p. XLVIII; 25, p. 1; 18, p. 1; 23, p. 1]. Ежегодно принимаемая «всеобщая» резолюция, которая содержала основные требования ИНК, включала в себя предложения о разделе судебных и исполнительных функций, реформе полиции, снижении и пересмотре налогов, сокращении военных расходов [22, p. LXIX–LXX; 26, p. XLV–XLVI; 25, p. 3–4]. Социальные же вопросы на сессиях Конгресса не рассматривались. На второй сессии ИНК в декабре 1886 г. Д. Наороджи заявил, что конгрессисты осознают необходимость политических реформ, однако Конгресс собрался как «политический орган, чтобы представлять нашим правителям наши политические устремления, а не обсуждать социальные реформы, и если вы обвиняете нас в

игнорировании этого, вы также должны обвинять палату общин в том, что она не обсуждает сложные проблемы математики или метафизики» [24, p. 54]. Наороджи, как и другие лидеры ИНК, считал обсуждение социальных проблем на сессиях невозможным по причине различий в обычаях и традициях общин, населяющих Индию. Однако сторонники социальных реформ собирались после сессий ИНК, и в 1887 г. подобные собрания положили начало Национальной социальной конференции.

На рубеже десятилетий основным социальным вопросом, занимавшим индийскую общественность, была проблема детских браков. Хотя детские браки были традицией индусской общины, самым последовательным критиком этого обычая стал парсский социальный реформатор Бехрамджи Малабари – участник первой сессии ИНК 1885 года. В августе 1884 г. Малабари представил администрации Рипона «Заметки о детских браках и принудительном вдовстве» [16, p. 332], где отстаивал права женщин и выступал за повышение возраста вступления в брак. Деятельность Малабари способствовала принятию в 1891 г. закона о возрасте согласия, согласно которому минимальный возраст для вступления в брак повышался с десяти до двенадцати лет. Вместе с тем общественное мнение, особенно в Бенгалии и Махараштре, было против этого закона, поскольку он означал вмешательство иностранного правительства в местные обычаи [18, p. 191]. Конгресс также не избежал дискуссий по этому вопросу: хотя часть членов ИНК активно поддержала позицию правительства, некоторые (в частности, Бал Гангадхар Тилак) резко отвергли ее. Противники закона считали, что Социальная конференция не должна проводиться в одном с Конгрессом помещении, чтобы не создавать впечатления, будто ИНК поддерживает социальные преобразования. Калькуттская «Бангабаси» писала, что «правительство оказывает давление на членов Конгресса через мистера Юма, чтобы они поддержали законопроект» [27]. Газета утверждала, что правительство вынуждает Юма заставлять членов ИНК высказываться в пользу реформы, «если он хочет, чтобы его Конгресс был успешным», поэтому «некоторые неиндусские джентльмены, такие как бабу Сурендранат Банерджи и г-н Манмохан Гхош», поддержали законопроект [27]. Юм в свою очередь заявил, что те, кто возражает против закона о возрасте согласия, «недостойны привилегий, которых требует Конгресс», большинство членов ИНК высказалось в пользу реформы на Социальной конференции [28]. «Дайник-о-Самачар Чандрика», ежедневное издание из Калькутты, в ответ на письмо Юма для прессы в защиту реформы заявило, что «большинство Конгресса хочет того, чего не хочет народ, и Конгресс нельзя считать организацией, представляющей интересы людей» [28]. В 1890–1891 гг. конгрессистское движение впервые столкнулось с угрозой раскола, однако на сессии в Нагпуре (1891 г.), благодаря усилиям Юма и М.Г. Ранаде, вопрос об одобрении или осуждении закона не поднимался [18, p. 193]. Однако споры вокруг закона о возрасте согласия показали, что по многим вопросам в ИНК нет единства, а часть членов ИНК стремится к более радикальным действиям, нежели те, которых придерживались основатели Конгресса.

Другой серьезный конфликт начала 1890-х гг. спровоцировал генеральный секретарь ИНК А.О. Юм. В феврале 1892 г. он в частном конфиденциальном письме призвал членов Конгресса оказать усиленную финансовую поддержку Британскому комитету вместо того, чтобы тратить средства на «мемориалы или любые другие мелкие предприятия» [2, с. 320]. В этом послании Юм предупреждал об опасности крестьянского восстания, которое можно было предотвратить только с помощью требуемых Конгрессом реформ. Постоянный комитет ИНК в Аллахабаде, где должна была пройти следующая сессия, рекомендовал Юму не публиковать письмо из опасения, что власти расценят его как подстрекательство к мятежу [18, p. 198]. Вступительная статья к отчету о сессии 1891 г., куда Юм намеревался поместить текст письма, не была включена в индийское издание отчета – в содержании указывалось, что она будет опубликована в английском издании [25, p. III]. Однако в конце марта письмо было опубликовано в англо-индийской газете «Морнинг Пост» (Аллахабад) и вызвало бурную реакцию как в Индии, так и в Англии. Член па-

латы общин от Консервативной партии Дж. Маклин, в частности, заявил, что «при любом менее мягком правлении» Юма «повесили бы или расстреляли как предателя» [18, p. 198–199]. Один из лидеров парсского общественного мнения, историк Досабхай Фрамджи Карака, в письме «Бомбей Газетт» называл послание Юма «клеветой на правительство Британской Индии и ужасным искажением истинного положения вещей» [4]. В апреле БК ИНК собрался на экстренное заседание, где осудил письмо Юма. Генеральный секретарь также был вынужден отказаться от идеи публикации предисловия к отчету о сессии 1891 г. [18, p. 199].

Хотя этот конфликт носил кратковременный характер, он стал свидетельством того, что Юм, прежде единолично определявший курс ИНК, больше не может держать в своих руках все управление Конгрессом. Весной 1894 г. он навсегда уехал из Индии. Конгресс продолжал ежегодно избирать его генеральным секретарем вплоть до 1906 г., и в Лондоне Юм часто выступал в поддержку требований ИНК, однако его отъезд означал начало нового этапа в истории организации.

Результаты. Годы генерал-губернаторства Лэнсдауна стали для ИНК временем медленного, поступательного развития. Преодолев антиконгрессистскую кампанию 1888 г., Конгресс показал свою жизнеспособность и добился определенных успехов – главным образом на «британском» направлении, где был создан постоянно действующий БК ИНК и ИПК. Развитию ИНК способствовала относительно мягкая позиция вице-короля, не последовавшего репрессивным курсом своего предшественника, но воспринявшего ИНК как проявление новой политической реальности в жизни Британской Индии. Однако формальное признание Конгресса Лэнсдауном не привело к существенным изменениям во взаимоотношениях индийской интеллигенции и колониальной администрации, поскольку целью политики Лэнсдауна было превращение Конгресса в «безопасную» организацию, которая занималась бы обсуждением второстепенных вопросов.

Вместе с тем в конце 1880-х – начале 1890-х гг. стали отчетливо проявляться противоречия, заложившие основу тех трудностей, с которыми Конгресс столкнулся в последующие годы. Главными из них на этом этапе стали вопросы социальной реформы, продемонстрировавшие потенциальную силу радикальных элементов ИНК, и отсутствие четкой управленческой модели, впоследствии ставшее причиной организационных кризисов в Конгрессе, усиливавших противостояние умеренного и радикального течений внутри организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лисицына Н. Н. О мифологизации исторических личностей: Лорд Дафферин – «чиновник-романтик»? // Восточный архив. 2016. № 1. С. 23–28.
2. Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск: Сибпринт, 2019. 375 с.
3. Bombay Gazette. Bombay. 1891. 6 Febr.
4. Bombay Gazette. Bombay. 1892. 5 Apr.
5. Bradlaugh Ch. Speeches. L.: Freethought Publishing Company, 1890. 212 p.
6. Briton M. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885–1888 // Journal of British Studies. 1967. Vol. 7, iss. 1. P. 68–96.
7. Crawford A. T. Reminiscences of an Indian Police Official. Westminster: Roxburghe Press, 1897. XVIII, 285 p.
8. Dufferin and Ava, Marquis of. Speeches Delivered in India, 1884–8. L.: John Murray, 1890. 298 p.
9. Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 346 // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/3/346
10. Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 347 // Hansard 1803–2005. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/3/347
11. India. London. 1890. 25 Apr.
12. India. London. 1890. 25 July.
13. India. London. 1890. 5 Dec.
14. India. London. 1890. 6 May.
15. India. London. 1893. 1 Aug.
16. Majumdar B., Mazumdar B. P. Congress and Congressmen in the Pre-Gandhian Era (1885–1917). Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1967. 529 p.
17. Matikkala M. William Digby and the Indian Question // Journal of Liberal History. 2008. № 58. P. 12–21.
18. Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1. 1885–1918. New Delhi: Vikas Publishing, 1995. 465 p.
19. Mishra J. P. Lansdowne and the Indian National Congress // Quarterly Review of Historical Studies. 1968. Vol. 8 (2). P. 84–90.
20. Report of the Eighth Indian National Congress. [S. l.: s. n.]. 176 p.

21. Report of the Fifteenth Indian National Congress. Lucknow: Methodist Publishing House, 1900. 173 p.

22. Report of the Fifth Indian National Congress. [S. l.: s. n.]. 236 p.

23. Report of the Ninth Indian National Congress. Calcutta: Bharati Press, 1894. 227 p.

24. Report of the Second Indian National Congress. Calcutta: [s. n.], 1887. 176 p.

25. Report of the Seventh Indian National Congress. [S. l.: s. n.]. 118 p.

26. Report of the Sixth Indian National Congress. L.: British Committee of the Indian National Congress, 1891. 136 p.

27. Report on Native Papers for the Week Ending the 21st February 1891 // South Asia Open Archives. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/saoa.crl.26164940.pdf

28. Report on Native Papers for the Week Ending the 7st February 1891 // South Asia Open Archives. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/saoa.crl.26164934.pdf

29. Shankar P. R. The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921. New Delhi: Promilla & Co., 2011. 348 p.

30. Times. London. 1891. 6 Febr.

REFERENCES

1. Lisitsyna N.N. O mifologizatsii istoricheskih lichnostei: Lord Dafferin – «chinovnik-romantik»? [On the Mythologization of Historical Figures: Lord Dufferin – "A Romantic Official"?]. *Vostochnyi arhiv*, 2016, no. 1, pp. 23-28.

2. Hume A.O. *Izbrannye proizvedeniia ob indiiskom natsionalnom dvizhenii (1886–1894)* [Selected Writings on Indian National Movement (1886–1894)]. Novosibirsk, Sibprint, 2019. 375 p.

3. *Bombay Gazette*. Bombay, 1891, 6 Febr.

4. *Bombay Gazette*. Bombay, 1892, 5 Apr.

5. Bradlaugh Ch. *Speeches*. London, Freethought Publishing Company, 1890. 212 p.

6. Briton M. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885–1888. *Journal of British Studies*, 1967, vol. 7, iss. 1, pp. 68-96.

7. Crawford A.T. *Reminiscences of an Indian Police Official*. Westminster, Roxburghe Press, 1897. XVIII, 285 p.

8. Dufferin and Ava, Marquis of. *Speeches Delivered in India, 1884–8*. London, John Murray, 1890. 298 p.

9. Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 346. *Hansard 1803–2005*. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/3/346

10. Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 347. *Hansard 1803–2005*. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/3/347

11. *India*. London, 1890, 25 Apr.

12. *India*. London, 1890, 25 July.

13. *India*. London, 1890, 5 Dec.

14. *India*. London, 1890, 6 May.

15. *India*. London, 1893, 1 Aug.

16. Majumdar B., Mazumdar B.P. *Congress and Congressmen in the Pre-Gandhian Era (1885–1917)*. Calcutta, Firma K.L. Mukhopadhyay, 1967. 529 p.

17. Matikkala M. William Digby and the Indian Question. *Journal of Liberal History*, 2008, no. 58, pp. 12-21.

18. Mehrotra S.R. *A History of the Indian National Congress. Vol. 1. 1885–1918*. New Delhi, Vikas Publishing, 1995. 465 p.

19. Mishra J.P. Lansdowne and the Indian National Congress. *Quarterly Review of Historical Studies*, 1968, vol. 8 (2), pp. 84-90.

20. *Report of the Eighth Indian National Congress*. S.l., s.n. 176 p.

21. *Report of the Fifteenth Indian National Congress*. Lucknow, Methodist Publishing House, 1900. 173 p.

22. *Report of the Fifth Indian National Congress*. S.l., s.n. 236 p.

23. *Report of the Ninth Indian National Congress*. Calcutta, Bharati Press, 1894. 227 p.

24. *Report of the Second Indian National Congress*. Calcutta, s.n., 1887. 176 p.

25. *Report of the Seventh Indian National Congress*. S.l., s.n. 118 p.

26. *Report of the Sixth Indian National Congress*. London, British Committee of the Indian National Congress, 1891. 136 p.

27. Report on Native Papers for the Week Ending the 21st February 1891. *South Asia Open Archives*. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/saoa.crl.26164940.pdf

28. Report on Native Papers for the Week Ending the 7th February 1891. *South Asia Open Archives*. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/saoa.crl.26164934.pdf

29. Shankar P.R. *The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921*. New Delhi, Promilla & Co., 2011. 348 p.

30. *Times*. London, 1891, 6 Febr.

Information About the Author

Dmitrii S. Nikitin, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Oriental Studies, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 34, 634050 Tomsk, Russian Federation, nikitds33@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8621-8072

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Никитин, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, nikitds33@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8621-8072

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.13

UDC 93/94
LBC 64.4(4/8)

Submitted: 30.08.2021
Accepted: 13.05.2022

USSR IN CIVIL WARS IN THE COUNTRIES OF THE THIRD WORLD IN THE SECOND HALF OF THE 1970s (ON THE EXAMPLE OF ANGOLA AND AFGHANISTAN)

Taisiya V. Rabush

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation

Rustam A. Solovyev

I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* One of the features of the Cold War was the movement of the rivalry of the superpowers into local armed conflicts and civil wars that took place on the territory of other states, mainly the Third World. The article examines the process of the involvement of the Soviet Union in the second half of the 1970s in the civil wars in Angola and Afghanistan. The policy of the USSR in armed conflicts outside the zone of its military-political influence has often been the subject of scientific research, but it has rarely been subjected to comparative analysis, and the authors make such an attempt, which is the novelty of the study. *Methods and materials.* The main method of the study is the method of comparative analysis (the actions of the USSR in 1975–1979 during the conflict in Angola and Soviet actions in the same period in Afghanistan are compared); the authors rely on documents, memoirs, and previous scientific works. *Analysis.* The first part of the article examines the process of the USSR's involvement in the civil war in Angola, which began there soon after gaining independence, from the diplomatic recognition of the People's Republic of Angola to the dispatch of Soviet military specialists. The second part of the article is devoted to the development of events in Afghanistan after the April 1978 revolution and Soviet involvement in them. *Results.* The authors conclude that the line adopted by the Soviet Union in relation to the military confrontation in Angola (financial, military, and other assistance, the dispatch of weapons, and military specialists) was ultimately more successful than the line implemented in relation to the civil war in Afghanistan in the form of direct military intervention by the Soviet army and its participation in the conflict outside the country. *Authors contribution.* T.V. Rabush described and analyzed the development of diplomatic relations between the USSR and Angola and with Afghanistan. R.A. Solovyev examined the military aspects of Soviet-Angolan and Soviet-Afghan cooperation (supply of weapons, sending military advisers, etc.). The research concept, conclusions, and literary editing of the text were carried out jointly.

Key words: Cold war, USSR foreign policy, Third World, revolutions, civil wars, local armed conflicts, Angola, Afghanistan.

Citation. Rabush T.V., Solovyev R.A. USSR in Civil Wars in the Countries of the Third World in the Second Half of the 1970s (On the Example of Angola and Afghanistan). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 165-177. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.13

УДК 93/94
ББК 64.4(4/8)

Дата поступления статьи: 30.08.2021
Дата принятия статьи: 13.05.2022

СССР В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ В СТРАНАХ ТРЕТЬЕГО МИРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг. (НА ПРИМЕРЕ АНГОЛЫ И АФГАНИСТАНА)

Таисия Владимировна Рабуш

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Рабуш Т.В., Соловьев Р.А., 2023

Рустам Арсланович Соловьев
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Одной из особенностей холодной войны стало перемещение соперничества сверхдержав в локальные вооруженные конфликты и гражданские войны, которые происходили на территории других государств, преимущественно третьего мира. В статье рассматривается процесс вовлечения Советского Союза во второй половине 1970-х гг. в гражданские войны в Анголе и Афганистане. Политика СССР в вооруженных конфликтах за пределами зоны его военно-политического влияния часто выступает предметом научного исследования, но при этом она редко подвергалась сравнительному анализу, а в настоящей статье авторы предпринимают такую попытку, в чем и состоит новизна исследования. *Методы и материалы.* Основным методом в ходе проведения исследования стал метод сравнительного анализа (сравниваются действия СССР в 1975–1979 гг. в ходе конфликта в Анголе и советские действия в аналогичный период в Афганистане); авторы опираются на документы, мемуары и предшествующие научные работы. *Анализ.* В первой части работы рассматривается процесс вовлечения СССР в гражданскую войну в Анголе, начавшуюся там вскоре после обретения страной независимости – от дипломатического признания Народной Республики Ангола и до направления советских военных специалистов. Вторая часть статьи посвящена развитию событий в Афганистане после Апрельской революции 1978 г. и советскому вовлечению в них. *Результаты.* Авторы делают вывод, что линия, избранная Советским Союзом в отношении военного противостояния в Анголе (финансовая, военная и иная помощь, отправка вооружения и военных специалистов), была в итоге более успешной, чем линия, реализованная в отношении гражданской войны в Афганистане в форме прямого военного вмешательства Советской армии и ее участия в конфликте за пределами страны. *Вклад авторов.* Т.В. Рабуш описала и проанализировала развитие дипломатических отношений СССР с Анголой и с Афганистаном. Р.А. Соловьев рассмотрел военную сторону советско-ангольского и советско-афганского сотрудничества (поставка вооружений, направление военных советников и др.). Разработка концепции исследования, выводы, литературная правка текста осуществлялись совместно.

Ключевые слова: холодная война, внешняя политика СССР, третий мир, революции, гражданские войны, локальные вооруженные конфликты, Ангола, Афганистан.

Цитирование. Рабуш Т. В., Соловьев Р. А. СССР в гражданских войнах в странах третьего мира во второй половине 1970-х гг. (на примере Анголы и Афганистана) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 165–177. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.13

Введение. 1970-е гг. стали для СССР периодом значительного расширения его внешнеполитического влияния – на протяжении этого десятилетия Советским Союзом был заключен ряд межгосударственных договоров о дружбе и сотрудничестве со странами, не входящими в социалистический блок. Кроме того, в эти же годы на территории ряда стран Азии и Африки произошли революции, организаторы которых объявили их социалистическими, а после своего прихода к власти заявили о дальнейшем строительстве социализма. В ряде случаев в стране после победы революции не только начиналось построение социализма, но и одновременно разгоралась ожесточенная гражданская война.

Следуя парадигмам противостояния эпохи холодной войны, СССР обычно в краткие сроки заявлял о поддержке строительства социализма в стране, которая выразила такое намерение, что на практике проявлялось в оказании ей разнообразной помощи – от финансовой до военно-технической. Если же в стране, объявившей о построении социализма, начиналась гражданская война, то Советский Союз мог оказаться в разной степени вовлеченным в этот вооруженный конфликт. Последнее имело место не всегда, но в статье будут описаны именно такие случаи.

В настоящей статье авторы рассмотрят политику СССР во второй половине 1970-х гг. в отношении Анголы и Афганистана, обращая особое внимание на военное и дипломатическое вовлечение СССР во внутренние события в каждой из этих стран, а также на его последствия. В этих двух государствах в 1970-е гг. произошли радикальные изменения политического устройства (революция в Афганистане и обретение независимости в Анголе), и был осуществлен приход к власти правительств социалистической ориентации, которые заявили о начале строительства со-

циализма, а вскоре там же начались гражданские войны.

Основная цель работы – изучить мотивы, степень, характер и формы первоначального вовлечения СССР в гражданское противостояние на территориях этих государств, выделив общее и особенное. Авторы намеренно выбрали для рассмотрения именно эти два государства, чтобы наглядно показать различие между двумя разными вариантами вовлечения внешней силы (в данном случае СССР) в события, характеризующиеся острым гражданским противостоянием, за пределами его территории и традиционной советской геополитической сферы влияния.

Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в 1970-е гг. в некоторых странах третьего мира произошел ряд социалистических революций и государственных переворотов (вопрос о том, является ли Апрельская революция 1978 г. в Афганистане, эфиопская революция 1974 г. и др.события именно революциями, а не просто государственными переворотами, остается дискуссионным [17], но не будем заострять внимание на этом, придерживаясь принятой в отечественной историографии традиции и называя эти события революциями), после чего эти страны объявили о построении социализма, и Советский Союз во второй половине 1970-х гг. начал сближение со многими из них, рассчитывая на их вхождение в зону советского геополитического влияния. Кроме того, во второй половине 1970-х гг. сформировались основы политики СССР в рассматриваемых в этой статье странах, которые были реализованы в 1980-е гг. в форме военного вмешательства в гражданские войны на их территориях.

Актуальность избранной темы состоит, во-первых, в том, что и сейчас нередко имеет место военное и политическое вмешательство «третьих» стран в гражданские войны на территориях других государств, и поэтому полезно изучать и анализировать механизмы и мотивы такого вовлечения в прошлом; и, во-вторых, изучение советского вовлечения в гражданские вооруженные противостояния в других государствах поможет лучше понимать движущие силы внешней политики СССР периода холодной войны в целом.

Методы и материалы. Основным методом при написании настоящей работы стал метод сравнительного анализа, поскольку авторы выявляют общее и особенное в политических подходах руководства СССР в случаях с двумя вышеназванными странами и начавшимися на их территориях гражданскими войнами. Существует определенное количество отечественных и зарубежных исследований (статей, монографий), посвященных вовлечению СССР в вооруженное противостояние на территории Анголы [1; 19; 26; 34; 35]. Что же касается роли Советского Союза во внутренних афганских событиях, то эту тему тоже описывает определенное количество литературы [18; 24; 25; 27]. Тем не менее нами не были обнаружены комплексные исследования, посвященные изучению и сравнительному анализу советской политики в гражданских войнах на территориях этих стран – за исключением относительно недавней работы, посвященной сравнительному анализу действий стран-соперниц в афганском, ангольском и ливанском вооруженных конфликтах [33]. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел и положить начало научной дискуссии по данному вопросу.

Основой для написания статьи послужили сборники внешнеполитических документов Советского Союза за 1975–1979 гг.; рассекреченный и опубликованный госдепартаментом США сборник американских документов из серии, посвященной внешнеполитическим региональным направлениям; воспоминания воинов-интернационалистов – ветеранов Анголы; монографии и статьи российских и зарубежных исследователей, посвященные политике СССР в избранных для изучения странах.

Анализ. Антиколониальная борьба в Анголе активизировалась с конца 1950-х гг. и с 1961 г. перешла в форму национально-освободительной войны. К середине 1960-х гг. в Анголе сложились три повстанческие организации, ведущие партизанскую борьбу против португальских войск: Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА). Несмотря на общность цели – антиколониальная

борьба, единства между этими организациями не было. Разобщенности способствовала и их различная социальная и этническая база; не редкостью были вооруженные столкновения между группами повстанцев [30, с. 101–102]. Кроме того, МПЛА – в отличие от двух других группировок – идеологически тяготел к СССР.

Все упомянутые движения подпитывались оружием стран-доноров. На стороне ФНЛА выступали ЮАР, США, КНР, КНДР и Румыния. Кроме того, «Фронт» поддерживали Заир (сейчас Демократическая Республика Конго) и Франция. США, ЮАР и Китай осуществляли также финансовую поддержку УНИТА. В подготовке унитовских бойцов, по некоторым данным, принимал участие и Израиль [22, с. 178–179]. Южноафриканская республика была особенно активной в борьбе против МПЛА.

МПЛА, учитывая его марксистскую ориентацию, еще с 1958 г. поддерживали СССР и Куба. В числе тех, кто помогал МПЛА, также были Вьетнам, ГДР, Венгрия, Чехословакия, КНДР, Ливия, Судан, Польша, Югославия – государства «социалистической ориентации». По оценкам американского исследователя К. Леджама, стоимость поставленных из СССР в Анголу в 1958–1974 гг. вооружений и техники составила около 55 млн долл. [22, с. 180, 192]. Кроме того, сотни повстанцев из МПЛА прошли обучение по различным военным специальностям в учебных центрах на территории Советского Союза, Болгарии и Чехословакии [30, с. 102].

С начала 1960-х гг. вооруженная борьба с колонизаторами развернулась не только в Анголе, но также в других африканских владениях Португалии – Мозамбике и Португальской Гвинее (нынешняя Гвинея-Бисау). Затянувшееся вооруженное противостояние с повстанцами стало одной из причин экономического кризиса в метрополии. 25 апреля 1974 г. в Португалии произошел бескровный военный переворот, известный как «революция гвоздик». Одним из первых шагов новых властей в Лиссабоне стал фактический отказ от своих африканских колоний. 15 января 1975 г. правительство Португалии заключило договор с руководителями ангольского национально-освободительного движения о предоставлении Анголе независимости и создании переходного правительства.

Но с обретением независимости в Анголе не прекратились боевые действия: началось открытое вооруженное противостояние и борьба за власть между национально-освободительными движениями. Уже в феврале 1975 г. во многих провинциях страны начались ожесточенные бои между отрядами МПЛА, с одной стороны, и ФНЛА и УНИТА – с другой. Вскоре в гражданскую войну в Анголе стали открыто вмешиваться соседние страны – Заир и Южно-Африканская Республика. На стороне МПЛА действовали подразделения кубинской армии, причем партия официально обратилась к политическому руководству Кубы с просьбой оказать прямую военную поддержку [28; 32]. Однако авторы не будут подробно рассматривать анголо-кубинские отношения, поскольку статья все же не о них.

В сентябре 1975 г. на столицу и крупнейший город Анголы – Луанду, находившийся под контролем МПЛА, с севера начали наступление формирования ФНЛА при поддержке частей заирской армии. Одновременно с юга к столице двигались подразделения армии ЮАР совместно с отрядами УНИТА. Тем не менее МПЛА с помощью кубинских военных сил удалось защитить свою власть, и 11 ноября 1975 г. лидер МПЛА Агостиньо Нето провозгласил создание Народной Республики Ангола (далее – НРА). Уже на следующий день, 12 ноября 1975 г., СССР осуществил ее дипломатическое признание, вслед за чем последовал обмен дипломатическими представительствами на уровне посольств [2, с. 142–143].

Далее началось развитие двухсторонних отношений. Так, в ходе визита в СССР премьер-министра Анголы и члена Политбюро МПЛА Лопу ду Насименту, состоявшегося в последних числах мая 1976 г. [3, с. 45–50], 26 мая Ангола и СССР подписали Декларацию об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничестве [3, с. 40–41]. Тогда также страны подписали соглашение о культурном и научном сотрудничестве, торговое соглашение, соглашение о торговом судоходстве и некоторые другие двухсторонние документы, была «достигнута договоренность о некоторых мерах, направленных на оказа-

ние Народной Республике Анголе содействия в укреплении ее обороноспособности» [3, с. 48]. Ангольская сторона «выразила глубокую благодарность за морально-политическую и материальную поддержку, оказанную советским народом борьбе ангольского народа... за национальное освобождение и... против интервенции расистских и империалистических сил и их пособников» [3, с. 46–47]. В ходе обмена мнениями по ключевым вопросам, касающимся международного положения и, в частности, ситуации на африканском континенте, обе стороны согласились с тем, что борьба народов Зимбабве, Намибии и ЮАР (очевидно, против расизма) является законной, и выразили свою солидарность с Народной Республикой Мозамбик [3, с. 48].

Весной 1976 г. Советский Союз также открыл в Анголе корреспондентский пункт советского телевидения и радио [21, л. 1] и перенес корреспондентский пункт газеты «Известия» из Народной Республики Конго в Анголу, поясняя это тем, что «перевод корреспондентского пункта газеты “Известий” в Луанду создаст более благоприятные условия для получения информации о развитии событий в Народной Республике Ангола и в соседних с ней странах» [20, л. 3]. Предполагалось, что после своего перевода данный корпункт будет также обслуживать из Луанды Конго, Замбию, Габон, Камерун, Заир, Экваториальную Гвинею, Мозамбик и Центральноафриканскую Республику. Эти решения ЦК КПСС несомненно способствовали расширению советской пропаганды и советского влияния в Анголе.

В октябре того же года визит в СССР совершила делегация Анголы во главе с президентом страны А. Нето [3, с. 129–134]. В ходе проведенных переговоров стороны высоко оценили оказываемую Кубой поддержку, осудили вмешательство «сил империализма» в дела Анголы и подтвердили совпадение своих позиций по важнейшим международным проблемам. Кроме того, ранее СССР оказал Анголе поддержку по вопросу ее принятия в члены ООН, с чем имелись некоторые сложности [3, с. 49]. Самым существенным итогом этой встречи на высшем уровне стало подписание 8 октября 1976 г. между Анголой и СССР Договора о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет [3, с. 135–138]. Отметим, что такие двухсторонние договоры послужили правовой основой межгосударственных отношений СССР и ряда стран третьего мира. В 1970-е гг. они были заключены с некоторыми другими странами (например, с Вьетнамом 3 ноября 1978 г. [5, с. 190–192], с Народной Республикой Мозамбик 31 марта 1977 г. [4, с. 39–42], с Эфиопией 20 ноября 1978 г. [5, с. 195–198], с Народно-Демократической Республикой Йемен 25 октября 1979 г. [6, с. 168–171]), что свидетельствует о росте геополитического влияния СССР в третьем мире в означенный период времени.

Вместе с тем советско-ангольское политическое сближение не ограничивалось сферой дипломатических и партийных контактов. Уже с середины 1970-х гг. Советский Союз начал оказание военной помощи правительству МПЛА [7; 29]. Поставки оружия сыграли положительную роль в организации борьбы молодой ангольской армии против антиправительственных группировок, поддерживаемых со стороны ЮАР, что было отмечено в телеграмме Председателя Президиума Верховного Совета СССР Президенту Народной Республики Ангола о признании ее независимости от 12 ноября 1975 г.: «Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, неизменно был на стороне борющегося народа Анголы, оказывал его патриотическим силам всестороннюю помощь и поддержку» [2, с. 142]. Само провозглашение независимости Анголы стало возможно, как подчеркивают некоторые исследователи [13; 14], в результате победы вооруженных сил МПЛА в битве при Кифангондо (23 октября – 10 ноября 1975 г.), которая была одержана в том числе благодаря советским поставкам реактивных систем залпового огня БМ-21 «Град».

16 ноября 1975 г. по просьбе правительства Анголы в Луанду прибыла первая группа советских военных специалистов во главе с полковником В. Трофименко, насчитывавшая около 40 человек. С марта 1976 г. старшим группы, а затем Главным военным советником ангольской армии был назначен генерал-лейтенант И.Ф. Пономаренко. К концу того же года группа советских военнослужащих составила 90 человек, в том числе 1 советник, 74 специалиста и 15 переводчиков.

Вскоре советские военные специалисты совместно с кубинцами организовали в Луанде несколько учебных центров для подготовки местных военных кадров. Одновременно из СССР, Югославии и ГДР в Анголу направлялись военная техника, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Самолеты военно-транспортной авиации Ан-22 совершили до 40 рейсов в Конго-Браззавиль, где на аэродромах военное имущество выгружалось под руководством советских специалистов [30, с. 103].

В это же время в Анголу прибыли боевые корабли ВМФ СССР, в том числе несколько десантных кораблей с подразделениями морской пехоты. Морских пехотинцев привлекали для охраны советского посольства в Луанде и территории портов. Кроме того, корабли выполняли боевые задачи по охране советских торговых и рыболовецких судов, подвергавшихся опасности диверсий со стороны групп, противостоящих МПЛА. Одновременно в Анголу прибывали кубинские добровольцы [15; 16; 31, с. 2–7, 15–17; 32]. В 1976 г. численность кубинского экспедиционного корпуса превысила 15 тыс. человек.

В отличие от кубинских военнослужащих советские непосредственного участия в боевых действиях не принимали. Имели место лишь отдельные эпизоды, когда советские советники были вынуждены браться за оружие. Как пишет о своем пребывании в Анголе А.А. Токарев, «наши специалисты быстро развернули на бывшей португальской военно-воздушной базе Луанды несколько учебных точек и немедленно приступили к обучению бойцов ангольской армии. Наши специалисты часто выезжали на фронт, который проходил всего в нескольких десятках километров. Обычно в сопровождении кубинцев. Впереди, как правило, шли кубинский уазик, БТР или танк: эти ребята считали не вправе рисковать жизнью хоть одного “совиетико” и где могли прикрывали нас» [22, с. 103].

К апрелю 1976 г. СССР поставил в Анголу несколько партий вертолетов, 10 истребителей МиГ-17 и 12 истребителей МиГ-21, 70 танков Т-34, 200 танков Т-54 и 50 плавающих танков ПТ-76, 300 бронетранспортеров (БТР) и боевых машин пехоты (БМП). Ангольской стороне были переданы также установки залпового огня БМ-21, артиллерийские орудия и 120-мм минометы, противотанковые ракеты, ракетные установки, автоматы, пулеметы и гранатометы. В 1976 г. группа советских военнослужащих в Анголе насчитывала уже 344 человека: 96 советников, 5 сотрудников аппарата Главного военного советника, 159 специалистов, 26 переводчиков и 58 человек из спецподразделений.

К концу марта 1976 г. вооруженные силы НРА при поддержке кубинских военных и помощи советских военных советников вытеснили с территории Анголы войска ЮАР и Заира, овладев крупными населенными пунктами. При этом следует отметить, что совместно с военными ЮАР и Заира по-прежнему действовали вооруженные отряды УНИТА и ФНЛА, которые получали военную помощь от США. Ее сумма только с января по ноябрь 1975 г. составила около 332 млн долл. [30, с. 102]. Соединенные Штаты оказывали помощь УНИТА и в дальнейшем, стремясь к признанию ее ведущей политической силой страны [31, с. 42–47]. На территории страны развернулось трехуровневое противостояние: на национальном уровне – МПЛА – УНИТА и ФЛНА, на континентальном Ангола – ЮАР и на глобальном США – СССР (и их союзники). Оно сохранялось вплоть до конца 1980-х гг., когда изменилась международная обстановка и при активной роли советской дипломатии было осуществлено политическое урегулирование ангольского военного конфликта.

В 1978–1979 гг. СССР продолжил развитие двухсторонних отношений с Анголой. 19 апреля 1978 г. состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и А. Нето, на которой Советский Союз подтвердил неизменность своей позиции по вопросу оказания помощи – «Советский Союз будет и впредь оказывать героическому народу Анголы всемерную поддержку» [5, с. 44]. 21 декабря 1979 г. Ангола и СССР сделали официальное Заявление о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества [6, с. 191–195]. В нем в том числе говорилось, что «советская сторона решительно осудила агрессивные действия расистского режима Претории против суверенитета и территориальной целостности Народной Республики Ангола... с советской стороны было заявлено о твердой

поддержке... Народной Республики Ангола в ее борьбе за укрепление революционных завоеваний и сохранение суверенитета и территориальной целостности и подчеркнуто законное право ангольского государства использовать все средства для защиты своей территории от агрессии южноафриканского расистского режима» [6, с. 192].

В целом вплоть до начала 1990-х гг. и последующего политического урегулирования формат участия СССР в гражданской войне в Анголе, как и в локальных конфликтах на территории Мозамбика и Эфиопии (которые мы вынуждены обойти стороной ввиду ограниченного формата статьи), оставался неизменным – широкая финансовая и военно-техническая помощь при минимальном присутствии советников и отказе от участия советских военнослужащих в боевых действиях.

Совсем иным образом развивались события во второй стране, выделенной в теме статьи. Впрочем, и в Афганистане Советский Союз первоначально скорее придерживался «ангольского» варианта – развитие двухсторонних отношений, направление военных советников, усиленная военно-техническая помощь, но в итоге отступил от этой линии, решившись на прямое военное вмешательство.

27 апреля 1978 г. в Афганистане был свергнут режим президента М. Дауда, поддерживавший традиционно дружественные отношения с СССР, и к власти пришла НДПА (Народно-Демократическая партия Афганистана), объявившая о своей социалистической ориентации. СССР – как и в случае с Анголой – стал одной из первых стран мира, осуществивших дипломатическое признание нового афганского правительства [11, с. 332–333]. Первая официальная встреча политического руководства Демократической Республики Афганистан (далее – ДРА) и представителей СССР состоялась менее чем через месяц после Апрельской революции, 18 мая 1978 г., когда заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Афганистана Х. Амин совершил остановку в Москве на пути в Гавану, куда он направлялся для участия в заседании Координационного бюро неприсоединившихся стран. В ходе этого визита Х. Амин «информировал о целях и задачах Апрельской революции» советское руководство [5, с. 74–75]. Государства обязались поддерживать традиционные добрососедские отношения. В то же время первая встреча политического руководства СССР и Анголы на высшем уровне состоялась спустя месяцы [3, с. 45–50] после провозглашения независимости этой африканской страной. По нашему мнению, это можно объяснить тем, что хотя Советский Союз и был заинтересован в расширении своего геополитического влияния на разных континентах, Афганистан представлял для него куда более живой интерес, чем Ангола, как минимум потому, что СССР и Афганистан являлись географическими соседями с протяженной сухопутной границей.

Взаимоотношения афганского политического режима под руководством Н.М. Тараки и Советского Союза развивались еще стремительней, чем ранее у СССР и независимой Анголы, и 5 декабря 1978 г. в ходе визита Председателя Революционого Совета и премьер-министра ДРА Н.М. Тараки в СССР был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве Советского Союза с Афганистаном [5, с. 223–226]. Советская и афганская стороны также обсудили разные аспекты двухсторонних отношений и международное положение [5, с. 226–231]. Напомним, что Ангола и СССР подписали аналогичный Договор спустя 11 месяцев после установления дипломатических отношений; а Советский Союз и Афганистан сделали это же через 7 с небольшим месяцев.

Установление нового политического режима в Афганистане, так же как и ранее в Анголе, стало своего рода причиной для начала там гражданской войны и постепенного вовлечения в нее СССР. Одним из ключевых внутриафганских событий первой половины 1979 г. стал Герaтский мятеж местных подразделений афганской армии 15–20 марта 1979 г., который в течение нескольких дней обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. В итоге обсуждений было принято решение не вводить советские войска в Афганистан (возможность чего всесторонне рассматривалась), а увеличить количество оказываемой военной помощи [10, с. 80–85].

Далее СССР все больше наращивал военную помощь афганскому руководству [9] и число своих военных советников в этой стра-

не. Политбюро ЦК КПСС создало специальную комиссию для изучения ситуации в Афганистане и выработки рекомендаций. 12 апреля 1979 г. комиссия подготовила план действий из десяти пунктов: речь шла в том числе об укреплении афганской армии, поставках вооружений и подготовке афганских военных специалистов в военно-учебных заведениях СССР [8]. Советские военные советники присутствовали в Афганистане и при предыдущем главе государства М. Дауде, но после Апрельской революции 1978 г. начался стремительный рост их количества, который, например, посольство США в Афганистане летом 1979 г. оценивало в 2 тыс. человек [23, с. 119–120], а в сентябре того же года – уже в 4 тыс. [23, с. 151]. В декабре 1979 г., по некоторым данным, количество советских военных специалистов в Афганистане превышало 5 300 человек [18, с. 230]. Как мы рассматривали выше, в Анголе СССР никогда не держал такой крупный аппарат военных советников и не осуществлял радикальное наращивание их количества, – но вместе с тем нельзя забывать, что в случае Анголы основную роль играли не советские, а кубинские военные специалисты. Что же касается Афганистана, то афганское правительство не располагало даже теоретической возможностью пригласить военных специалистов из других социалистических стран.

В конце 1979 г. в случае с Афганистаном Советский Союз решился на то, чего не произошло в случае с Анголой: на прямое военное вмешательство. Относительно причин и целей ввода войск в Афганистан, а также мотивов политического руководства СССР выдвигаются различные версии [18, с. 223–229]. Этому акту предшествовал ряд событий: вооруженные выступления исламской оппозиции, мятежи в афганской армии (из самых известных – Герат в марте 1979 г. и Бала-Хисар в августе того же года), внутрипартийная борьба и особенно события сентября 1979 г., когда лидер государства и НДПА Н.М. Тараки был арестован и затем убит по приказу отстранившего его от власти Х. Амина, что вызвало серьезное беспокойство у советского руководства. Х. Амин развернул террор не только против исламистов, но и против членов НДПА (по некоторым данным, было расстреляно около 600 членов фракции НДПА «Хальк»), бывших сторонников Н.М. Тараки и даже против офицеров афганской армии. Советское руководство, вероятно, опасалось, что обострение ситуации в Афганистане приведет к падению режима НДПА и приходу к власти враждебных СССР сил: по линии КГБ поступала информация о давних связях Х. Амина с ЦРУ и о его контактах с американскими официальными представителями и лидерами мусульманской оппозиции [18, с. 331–333; 24, с. 419–420].

В итоге советское руководство приняло решение не только на ввод 80-тысячной группировки войск на территорию сопредельного государства, но и о физическом устранении главы Афганистана и его замены более лояльным Бабраком Кармалем, который был тайно перевезен из Чехословакии и размещен в городке советских специалистов на авиабазе Баграм в 50 километрах от столицы республики. 25 декабря 1979 г. советские части начали организованный переход афганской границы, а 27 декабря силами спецподразделений была захвачена резиденция Х. Амина в Кабуле, а сам он убит. В январе 1980 г. 40-я общевойсковая армия Туркестанского военного округа (ТуркВО) под командованием генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова заняла ключевые районы страны, совместно с афганской армией взяла под охрану административные центры, аэродромы, основные автомагистрали. Но ввод советских войск в Афганистан не привел к спаду вооруженного сопротивления, на что рассчитывало руководство СССР. Более того, антисоветские настроения среди афганского населения только усилились.

Не оправдались и расчеты советского командования на то, что удастся расположить войска в гарнизонах и лишь их присутствием обеспечить стабильность режима. В первые месяцы 1980 г. руководство СССР уклонялось от удовлетворения просьб Б. Кармаля об оказании помощи в борьбе с вооруженными формированиями оппозиции. Но с марта 1980 г. части ОКСВ (Ограниченного контингента советских войск) приступили к проведению операции против сил оппозиции в провинции Кунар и тем самым втянулись в гражданскую войну, начав участвовать в боевых действиях на стороне правительства ДРА.

Уже в феврале 1980 г. на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС рассматривался вопрос о выводе советских войск из Афганистана – предполагалось, что, свергнув Х. Амина и закрепив правительство Б. Кармаля, основную задачу они выполнили. Но против вывода войск выступили такие ключевые лица советского руководства, как министр обороны СССР Д.Ф. Устинов, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов. По их мнению, скорый вывод войск означал бы уступку политике Соединенных Штатов, нанес бы ущерб международному престижу Советского Союза и смог бы «вызвать дальнейшую дестабилизацию обстановки в Афганистане» [18, с. 358].

Актом ввода ОКСВ в эту страну СССР «перешел границы» допустимого межблокового противостояния в третьем мире, установленные в 1945 г. на Ялтинской и Потсдамской конференциях, что для Советского Союза вылилось в его почти десятилетнее участие в войне в Афганистане. В прочих развивающихся странах, объявивших о строительстве социализма – в том числе и в Анголе – такого не произошло: Советскому Союзу удалось остаться в фазе оказания военной помощи и отправки небольшого количества военных советников, не вовлекая в вооруженный конфликт на чужой территории собственную армию.

Результаты. Руководствуясь, во-первых, желанием вовлечь в орбиту своего геополитического и идеологического влияния возможно большее количество государств; во-вторых, мотивами глобального противостояния с США и с системой капитализма в целом СССР стремился к оказанию поддержки (обычно военной и материальной) тем странам, которые, как правило, после произошедшего там революционного переворота или получения независимости заявляли о своем желании строить социализм. Но если в таких государствах начиналась гражданская война, Советский Союз мог оказаться косвенно в нее вовлеченным. Вторая половина 1970-х гг. характеризовалась рядом революционных событий, произошедших в некоторых странах третьего мира (Ангола, Эфиопия, Никарагуа, Мозамбик, Афганистан и др.), что давало Советскому Союзу возможность попытаться привлечь эти страны под свой патронат.

Проведя сравнительный анализ советской помощи Анголе и Афганистану, оказываемой во второй половине 1970-х гг. и вовлечения СССР в гражданские войны на территории этих стран, мы считаем возможным прийти к выводу, что в случае с Анголой Советский Союз действовал более успешно, ограничиваясь военной и финансовой помощью и отправкой игравших вспомогательную роль военных советников и ему удалось избежать прямого военного вмешательства во внутренний вооруженный конфликт в этой стране. Впрочем, определенную и немалую роль в этом также сыграла оказанная Анголе военная помощь Кубы, которая как бы «заместила» армию СССР в этом конфликте. В случае Афганистана СССР не сумел ограничиться лишь военной и консультативной помощью, направив на территорию этой страны регулярные подразделения своих вооруженных сил, что в перспективе привело к разнообразным отрицательным последствиям. «Ангольская» модель в локальных вооруженных конфликтах и гражданских войнах на территории «третьих» стран в долгосрочной перспективе оказалась более выгодной, чем «афганская».

Но тем не менее хотя СССР и Куба в случае Анголы добились решительного перелома в региональном противостоянии с ЮАР, но в разрешении внутреннего кризиса оказались также беспомощны, как и в Афганистане. Гражданская война в этой стране – так же, как и в Афганистане – не закончилась с выводом советских и кубинских военных контингентов, а лишь вышла на новый виток и достигла даже большего ожесточения в 1990-е годы.

Однако в целом вмешательство во внутренние дела и Анголы, и Афганистана носило негативный характер для Советского Союза. Довольно точно, по нашему мнению, это описал известный американский дипломат Г. Киссинджер: «После экспансионистского рывка Советский Союз очутился в тенетах противоречий и наконец рухнул… Соединенные Штаты вошли во Вьетнам с целью поставить преграду тому, что они сочли руководимым из единого центра коммунистическим заговором, и потерпели поражение. Из этого пора-

жения Америки Москва сделала вывод, которого так опасались сторонники «теории домино»: что историческое соотношение сил сместилось в ее пользу. В результате она попыталась осуществить экспансию в Йемен, Анголу, Эфиопию и, наконец, в Афганистан. Но по ходу дела она обнаружила, что геополитические реальности точно так же влияют на коммунистические общества, как и на капиталистические. На деле же, будучи менее эластичным, советское общество испытало перенапряжение, породившее не катарсис, как в Америке, но распад» [12, с. 636]. Представляется очевидным, что для Советского Союза наилучшей тактикой в локальных вооруженных конфликтах, подобных афганскому и ангольскому, было бы оказание разнообразной помощи дружественному политическому режиму и активное использование «мягкой силы», совмещенные с отказом от прямого военного вовлечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородаев В. А. Первая ангольская война (1975–1976 гг.) как пример интернационализации внутреннего конфликта в условиях «холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 4. С. 142–170.

2. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1975 год : сб. док. / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Междунар. отношения, 1976. 208 с.

3. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1976 год : сб. док. / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Междунар. отношения, 1977. 224 с.

4. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1977 год : сб. док. / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Междунар. отношения, 1978. 232 с.

5. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1978 год : сб. док. / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Междунар. отношения, 1979. 264 с.

6. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1979 год : сб. док. / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Междунар. отношения, 1980. 264 с.

7. Воспоминания непосредственных участников и очевидцев гражданской войны в Анголе. Устная история забытых войн. М.: Memories, 2009. 328 с.

8. Выписка из протокола № 149 заседания Политбюро ЦК КПСС «О нашей дальнейшей линии в связи с положением в Афганистане» от 12.04.1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.04.12.PDF

9. Выписка из протокола № 152 Политбюро ЦК КПСС «Об оказании дополнительной военной помощи Демократической Республике Афганистан» от 24.05.1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.05.24.PDF

10. Громов Б. В. Ограниченный контингент. М.: Прогресс: Культура, 1994. 351 с.

11. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. 368 с.

12. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 838 с.

13. Коломнин С. А. Победа при Кифангондо была добыта советским оружием // Военно-исторический журнал. 2009. № 12. С. 36–42.

14. Коломнин С. А. Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы истории Черной Африки. М.: Этника, 2014. 124 с.

15. Корольков А. В. Интернационализм во внешней политике Кубы в период «холодной войны» (1959–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Корольков Александр Владимирович. М.: МГУ, 2010. 27 с.

16. Корольков А. В. Кубинские военные и гуманитарные миссии за рубежом // Латинская Америка. 2009. № 1. С. 36–45.

17. Лошкарев И. События в Эфиопии в 1974–1975 гг.: революция или что-то другое? // Азия и Африка сегодня. 2018. № 4. С. 63–67.

18. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: НОРД, 2004. 800 с.

19. Нажесткин О. И. Сверхдержавы и события в Анголе. 1960–1970-е гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 30–41.

20. О переводе корреспондентского пункта газеты «Известия» из Народной Республики Конго в Народную Республику Ангола от 05.05.1976 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 27. Д. 11. 7 л.

21. Об открытии корреспондентского пункта Советского телевидения и радио в Народной Республике Ангола от 16.04.1976 г. // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 26. Д. 4. 1 л.

22. Окороков А. В. Советский Союз и войны в Африке. М.: Вече, 2018. 320 с.

23. Секретная переписка внешнеполитических ведомств США по Афганистану / под ред. Ю. В. Ганковского. М.: Наука, 1986. 176 с. (Спецбюллетень Института востоковедения АН СССР; № 5 (244)).

24. Снегирев В. Н., Самунин В. И. Вирус «А». Как мы заболели вторжением в Афганистан: политическое расследование. М.: Российская газета, 2011. 560 с.

25. Топорков В. М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса. Чебоксары: Интерактив плюс, 2014. 319 с.

26. Хазанов А. М. История Анголы в Новое и Новейшее время. М.: Институт востоковедения, 1999. 390 с.

27. Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М.: ИРИ РАН, 2016. 544 с.

28. Шубин В. Г. Горячая «холодная» война: юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Языки славянских культур, 2013. 368 с.

29. Шарый В. И. «Тысячи патриотов... бьют колонизаторов советским оружием». Формы сотрудничества СССР с Анголой и Гвинеей-Бисау в 1960–1980-х гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 9. С. 32–36.

30. Яременко В. А., Почтарев А. Н., Усиков А. В. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2000. 576 с.

31. Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Southern Africa. Vol. XVI. Washington: United States Government Publishing Office, 2016. 1145 p.

32. Gleijeses P. Conflicting Missions Havana, Washington and Africa, 1959–1976. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2002. 552 p.

33. Mitton J. Rivalry Intervention in Civil Conflicts: Afghanistan (India–Pakistan), Angola (USSR–USA), and Lebanon (Israel–Syria) // Canadian Foreign Policy Journal. 2017. Vol. 3. P. 277–291.

34. Moorcraft P. Total Onslaught. War and Revolution in Southern Africa Since 1945. Yorkshire-Philadelphia: Pen and Sword Military, 2018. 478 p.

35. Porter B. The USSR in Third World Conflicts: Soviet Arms and Diplomacy in Local War, 1945–1980. N.-Y.: Cambridge University Press, 1984. 248 p.

REFERENCES

1. Borodaev V.A. Pervaya angolskaya voyna (1975–1976 gg.) kak primer internatsionalizatsii vnutrennego konflikta v usloviyakh «kholodnoy voyny» [The First Angolan War (1975–1976) as an Example of the Internationalization of Internal Conflict in the Cold War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 2016, no. 4, pp. 142-170.

2. Kirillin I.A., Potapova N.F., eds. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1975 god: sb. dok.* [Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1975. Collection of Documents]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1976. 208 p.

3. Kirillin I.A., Potapova N.F., eds. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1976 god: sb. dok.* [Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1976. Collection of Documents]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1977. 224 p.

4. Kirillin I.A., Potapova N.F., eds. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1977 god: sb. dok.* [Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1977. Collection of Documents]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1978. 232 p.

5. Kirillin I.A., Potapova N.F., eds. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1978 god: sb. dok.* [Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1978. Collection of Documents]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1979. 264 p.

6. Kirillin I.A., Potapova N.F., eds. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1979 god: sb. dok.* [Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1979. Collection of Documents]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1980. 264 p.

7. *Vospominaniya neposredstvennykh uchastnikov i ochevidtsev grazhdanskoy voyny v Angole. Ustnaya istoriya zabytykh voyn* [Memories of Direct Participants and Eyewitnesses of the Civil War in Angola. Oral History of Forgotten Wars]. Moscow, Memories Publ., 2009. 328 p.

8. Vypiska iz protokola № 149 zasedaniya Politbyuro TSK KPSS «O nashey dalneyshey linii v svyazi s polozheniyem v Afganistane» ot 12.04.1979 g. [Extract from the Protokol No. 149 of the Meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU "On Our Further Line in Connection with the Situation in Afghanistan" Dated April 12, 1979]. *Sayt arkhiva Natsionalnoy Bezopasnosti SShA. Afganistan 1979–1989* [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. URL https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.04.12.PDF

9. Vypiska iz protokola № 152 Politbyuro TSK KPSS «Ob okazanii dopolnitelnoy voyennoy pomoshchi Demokraticheskoy Respublike Afganistan» ot 24.05.1979 g. [Extract from the Protokol No. 152 of the Politburo of the Central Committee of the CPSU "On the Provision of Additional Military Assistance to the Democratic Republic of Afghanistan" Dated May 24, 1979]. *Sayt arkhiva Natsionalnoy Bezopasnosti SSHA. Afganistan 1979–1989* [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.05.24.PDF

10. Gromov B.V. *Ogranichennyy kontingent* [Limited Contingent]. Moscow, Progress: Culture Publ., 1994. 351 p.

11. Gankovskiy Yu.V., ed. *Istoriya Afganistana s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Afghanistan from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Mysl Publ., 1982. 368 p.

12. Kissinger G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 838 p.

13. Kolomnin S.A. Pobeda pri Kifangondo byla dobyta sovetskim oruzhiyem [Victory at Kifangondo Was Obtained by Soviet Weapons]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2009. no. 12, pp. 36-42.

14. Kolomnin S.A. *Russkiy sled pod Kifangondo. Neizvestnyye stranitsy istorii Chernoy Afriki* [Russian Trace Under Kifangondo. Unknown Pages of the History of Black Africa]. Moscow, Ethnika Publ., 2014. 124 p.

15. Korolkov A.V. *Internatsionalizm vo vneshney politike Kuby v period «kholodnoy voyny» (1959–1991 gg.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Internationalism in Cuba's Foreign Policy During the Cold War (1959–1991). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, MGU, 2010. 27 p.

16. Korolkov A.V. Kubinskiye voyennyye i gumanitarnyye missii za rubezhom [Cuban Military and Humanitarian Missions Abroad]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2009, no. 1, pp. 36-45.

17. Loshkarev I. Sobytiya v Efiopii v 1974–1975 gg.: revolyutsiya ili chto-to drugoye? [Events in Ethiopia in 1974–1975: Revolution or Something Else?]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2018, no. 4, pp. 63-67.

18. Lyakhovsky A.A. *Tragediya i doblest Afgana* [Tragedy and Valor of Afgan]. Yaroslavl, NORD Publ., 2004. 800 p.

19. Nazestkin O.I. Sverkhderzhavy i sobytiya v Angole. 1960–1970-ye gg. [Superpowers and Events in Angola. 1960–1970s]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Modern History], 2005, no. 4, pp. 30-41.

20. O perevode korrespondentskogo punkta gazety «Izvestiya» iz Narodnoy Respubliki Kongo v Narodnuyu Respubliku Angola ot 05.05.1976 g. [On the Transfer of the Correspondent Office of the Izvestia Newspaper from the People's Republic of the Congo to the People's Republic of Angola on May 16, 1976]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 89, inv. 27, d. 11. 7 l.

21. Ob otkrytii korrespondentskogo punkta Sovetskogo televideniya i radio v Narodnoy Respublike Angola ot 16.04.1976 g. [On the Opening of the Correspondent Office of the Soviet Television and Radio in the People's Republic of Angola on April 16, 1976]. *RGANI* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 89, inv. 26, d. 4. 1 l.

22. Okorokov A.V. *Sovetskiy Soyuz i voyny v Afrike* [Soviet Union and Wars in Africa]. Moscow, Veche Publ., 2018. 320 p.

23. Gankovskiy Yu.V., ed. *Sekretnaya perepiska vneshnepoliticheskikh vedomstv SShA po Afganistanu* [The Secret Correspondence of the Foreign Policy Agencies of the United States on Afghanistan]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 176 p. (Spetsbyulleten Instituta vostokovedeniya AN SSSR, no. 5 (244)).

24. Snegirev V.N., Samunin V.I. *Virus «A». Kak my zaboleli vtorzheniyem v Afganistan: politicheskoye rassledovaniye* [Virus "A." How We Got Sick with the Invasion of Afghanistan: A Political Investigation]. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2011. 560 p.

25. Toporkov V.M. *Afganistan: sovetskiy faktor v istokakh krizisa* [Afghanistan: The Soviet Factor in The Origins of the Crisis]. Cheboksary, Interactive Plus Publ., 2014. 319 p.

26. Khazanov A.M. *Istoriya Angoly v Novoye i Noveysheye vremya* [History of Angola in New and Modern Times]. Moscow, Institut vostokovedeniya, 1999. 390 p.

27. Khristoforov V.S. *Afganistan: voyenno-politicheskoye prisutstviye SSSR 1979–1989 gg.* [Afghanistan: The Military-Political Presence of the USSR 1979–1989]. Moscow, IRI RAN, 2016. 544 p.

28. Shubin V.G. *Goryachaya «kholodnaya» voyna: yug Afriki (1960–1990 gg.)* [Hot Cold War: Southern Africa (1960–1990)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2013. 368 p.

29. Sharyy V.I. «Tysyachi patriotov… byut kolonizatorov sovetskim oruzhiyem». Formy sotrudnichestva SSSR s Angoloy i Gvineyey-Bisau v 1960–1980-kh gg. ["Thousands of Patriots... Beat the Colonialists with Soviet Weapons." Forms of Cooperation Between the USSR with Angola and Guinea-Bissau in the 1960s–1980s]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2008, no. 9, pp. 32-36.

30. Yaremenko V.A., Pochtarev A.N., Usikov A.V. *Rossiya (SSSR) v lokalnykh voynakh i vooruzhennykh konfliktakh vtoroy poloviny XX veka* [Russia (USSR) in Local Wars and Armed Conflicts in the Second Half of the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2000. 576 p.

31. *Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Southern Africa. Vol. XVI*. Washington, United States Government Publishing Office, 2016. 1145 p.

32. Gleijeses P. *Conflicting Missions Havana, Washington and Africa, 1959–1976.* Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 2002. 552 p.

33. Mitton J. Rivalry Intervention in Civil Conflicts: Afghanistan (India–Pakistan), Angola (USSR–USA), and Lebanon (Israel–Syria). *Canadian Foreign Policy Journal*, 2017, vol. 3, pp. 277-291.

34. Moorcraft P. *Total Onslaught. War and Revolution in Southern Africa Since 1945.* Yorkshire-Philadelphia, Pen and Sword Military, 2018. 478 p.

35. Porter B. *The USSR in Third World Conflicts: Soviet Arms and Diplomacy in Local War, 1945–1980.* New-York, Cambridge University Press, 1984. 248 p.

Information About the Authors

Taisiya V. Rabush, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Bolshaya Morskaya St, 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, taisarabush@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8790-3402

Rustam A. Solovyev, Candidate of Sciences (History), Lecturer, Department of National History, I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bezhitskaya St, 14, 241036 Bryansk, Russian Federation, solorus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3494-1047

Информация об авторах

Таисия Владимировна Рабуш, доктор исторических наук, доцент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, taisarabush@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8790-3402

Рустам Арсланович Соловьев, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 г. Брянск, Российская Федерация, solorus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3494-1047

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14

UDC 39(575.1)=161.1
LBC 63.521(=411)

Submitted: 21.12.2022
Accepted: 15.02.2023

RUSSIANS IN REPUBLIC OF UZBEKISTAN: DEMOGRAPHY, IDENTITY, AND SOCIAL DYNAMICS

Yulia N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the issues of demographic development, identity, and social dynamics among Russians on the basis of the field materials collected in the Republic of Uzbekistan in the period from 2011 to 2019. *Methods and materials.* Based on historical and anthropological approaches, the article proves that the term "Russians" in the context of Uzbekistan should be considered without ethnicization; Russian people in the Republic can't be analyzed as a homogeneous ethnic group. It was revealed that the alternative denominations for this group are such terms as "Russian speaking" and "Europeans," including the descendants of migrants to Central Asia during the time of the Russian Empire and the Soviet period. *Analysis.* It was proved that the demographic activities of Russian speaking ethnic groups (Russian Ukrainians, Tartars, and Koreans) in the Republic of Uzbekistan in the period from 1991 to 2021 are gradually decreasing. It was revealed that the dominant features of the social dynamics of Russian people in the period of sovereignty were: the loss of special legal and "symbolic" status; the realization of minority status; and dependence on state policy in the national sphere. *Results.* Russian people in Uzbekistan preserve "European" social-cultural identity and emphasize the borders with the national identity of the indigenous population of the region. During the period under research, the complex and diverse identity of the Russian population, including local and regional identity, has become stronger. The narrowing of the socio-economic profile of Russians in the cities of the Republic of Uzbekistan becomes a conspicuous phenomenon.

Key words: Uzbekistan, Russians, Russian speaking, minority, political and legal status, "Europeans", identity, socio-economic profile.

Citation. Tsyryapkina Yu.N. Russians in Republic of Uzbekistan: Demography, Identity, and Social Dynamics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 178-191. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14

УДК 39(575.1)=161.1
ББК 63.521(=411)

Дата поступления статьи: 21.12.2022
Дата принятия статьи: 15.02.2023

РУССКИЕ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ДЕМОГРАФИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Юлия Николаевна Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе полевых материалов, собранных в Республике Узбекистан в период с 2011 по 2019 г., анализируются вопросы демографического развития, идентичности и социальной динамики русских. В статье доказано, что термин «русские» следует рассматривать применительно к Узбекистану без этнизации, русских в республике невозможно анализировать как гомогенное этническое образование. Было определено, что аналогом названия данной группы являются термины «русскоязычные», «европейцы», включающие потомков переселенцев в Центральную Азию во время Российской империи и советского периода. Установлено, что демографические показатели русскоязычных этнических групп (русские, украинцы, татары, корейцы) в Республике Узбекистан в период с 1991 по 2021 г. постепенно уменьшаются. Выявлено, что основными чертами социальной динамики русских в период суверенитета становятся: потеря особого правового и «символического» статуса, осознание статуса меньшинства и зависимости от государственной политики в национальной сфере. У русских в Узбекистане сохраняется «европейская» со-

© Цыряпкина Ю.Н., 2023

циокультурная идентичность и усиливаются границы с национальной идентичностью коренного населения региона. В изучаемый период укрепилась сложная и множественная идентичность русских, в том числе и локальная региональная идентичность. Заметным явлением становится сужение социально-экономического профиля русских в городах Республики Узбекистан.

Ключевые слова: Узбекистан, русские, русскоязычные, меньшинство, политико-правовой статус, «европейцы», идентичность, социально-экономический профиль.

Цитирование. Цыряпкина Ю. Н. Русские в Республике Узбекистан: демография, идентичность и социальная динамика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 178–191. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14

Введение. Демографическое и социокультурное развитие русских в суверенном Узбекистане чаще всего исследовалось в контексте демографического развития титульной группы. Этим процессам посвящены обобщающие работы таких авторов, как О.Б. Ата-Мирзаева, В.Л. Гентшке, Р.Х. Муртазаевой [5]. Публикаций об изменениях в политико-правовом статусе, самосознании и идентичности русских в суверенном Узбекистане немного, напрямую указанные вопросы рассматривались в статьях узбекского автора Е.В. Абдуллаева (см., например: [1]). Среди российских работ стоит выделить статью члена-корреспондента РАН Ю.В. Арутюняна [4] по итогам сравнительного исследования адаптации русских к постсоветским реалиям в Узбекистане и Эстонии в 1990-е годы. Косвенно вопрос об идентичности русскоязычного населения затрагивался в совместной публикации российско-британского коллектива авторов М. Флинн, Н. Космарской, Г. Сабировой, в которой анализируются аспекты, связанные с памятью русскоязычного населения Ферганы о советском прошлом [38].

Непосредственно русское сообщество Узбекистана в Ташкенте и в Чирчике (город в Ташкентской области в 30 км от столицы) на основе полевых материалов изучал американский исследователь С. Радниц. Автор пришел к выводам о том, что политические факторы миграции русских из Узбекистана, связанные с процессами нациестроительства, с проявлениями бытового национализма, влияли на решение о миграции только из-за того, что они затрагивали материальное благополучие людей [36].

Вопросам изучения идентичности русских в Ташкенте в начале 2000-х гг. посвящена публикация британского антрополога М. Флинн [37], написанная на основе качественных эмпирических исследований. В работе затрагиваются важнейшие аспекты адаптации русских в Узбекистане в условиях нациестроительства. В перечисленных публикациях рассматриваются отдельные аспекты темы, но не показывается социальная динамика этой группы населения в суверенный период.

Автором данной статьи в 2010-е гг. опубликованы работы, в которых на основе анализа полевых материалов, собранных в республике, характеризуются этнокультурные процессы русских в отдельных городах Узбекистана [32], а также процессы изменения идентификационных маркеров русских в Республике Узбекистан [33].

Методы и материалы. Статья основывается на уникальных полевых материалах, собранных в Узбекистане в период 2011–2015 гг. ежегодно, затем в 2019 году. Всего автором было записано 85 полуструктурированных интервью с теми, кто относится к русскоязычному населению Узбекистана. За указанные годы было проведено 5 экспедиций в различные города Узбекистана. Больше всего опрошенных респондентов было в г. Ангрен (Ташкентская область) – 34 чел., г. Ташкент – 24 чел., г. Фергана (Ферганская область) – 19 чел., г. Алмалык (Ташкентская область) – 5 чел., пос. Каган (12 км от Бухары) – 1 чел., г. Сырдарья (Сырдарьинская область) – 1 чел. В связи с тем, что доступность респондентов в Узбекистане была ограничена, набор информантов осуществлялся методом «снежного кома» – все это не позволило осуществить выборку по возрастным и социальным параметрам. Интервьюирование проводилось по заранее спланированному гайду, подразумевающему свободный ответ респондентов на поставленные вопросы. Этническая идентичность респондента опреде-

лялась посредством ответа на прямой вопрос, в двух случаях респонденты затруднились с отнесением себя к этнической группе и указали свою «официальную» идентичность по паспорту, эти случаи в работе маркируются отдельно. В г. Ангрен были опрошены: русские – 20 чел., татары – 8 чел., узбеки – 3 чел., немцы – 2 чел., украинцы – 2 чел., таджики – 1 чел., китайцы – 1 чел. В г. Ташкент опрошены: русские – 13 чел., татары – 8 чел., украинцы – 1 чел., узбеки – 2 чел. В г. Фергана респонденты следующим образом определили свою идентичность: русские – 15 чел., узбеки – 3 чел., таджики – 1 чел. В г. Алмалык проинтервьюированы: русские – 4 чел., узбеки – 1 чел. В пос. Каган опрошены: русские – 1 чел.; в г. Сырдарья: русские – 1 чел.

Одна из трудностей изучения русских в суверенном Узбекистане связана с неоднозначностью самого определения «русский» и тех, кто входит в эту группу. Е.В. Абдуллаев одним из первых отметил невозможность анализа данной группы как гомогенного этнического образования [1, с. 12]. По его мнению, русские оказались очень разобщенными вследствие того, что относились к большой этнической группе, мигрировали разными волнами в имперский период и в советское время. В период СССР к русским активно себя причисляли представители других этнических групп, выходцы из смешанных браков и т. д. Схожие выводы на материалах исследования русских постсоветского Кыргызстана (1992–2002 гг.) содержатся в монографии Н.П. Космарской. В ее работе обосновывается позиция, согласно которой следует «очистить термин “русские” от этнизации» применительно к центральноазиатским республикам [7, с. 427]. Условное рассмотрение термина «русские» приводит к поиску определения для данного сообщества. Н.П. Космарская поясняет, что под термином «русские» имеет в виду русскоязычное сообщество Кыргызстана [7, с. 425]. Применительно к Узбекистану адекватного термина для обозначения группы переселенцев из России и их потомков не найдено [2, с. 8]. Лингвист и культуролог из Узбекистана А. Улько отмечает, что используемые для обозначения данной группы в Узбекистане определения «европейцы» или «русскоязычные» являются неудачными [31], однако более точного аналога пока не находится. В целом исследователи едины в том, что в данную группу входят потомки переселенцев в Центральную Азии во время имперского освоения Туркестана и миграций советского периода [2, с. 8]. Кроме русских, в эту группу включаются украинцы, татары, немцы, корейцы, евреи и др. При этом нужно подчеркнуть, что носителями русского языка и схожей идентичности стали представители коренного населения Узбекистана, для некоторых из них русский является родным языком. Применительно к этой группе чаще употребляется определение «обрусевшие» узбеки / таджики и т. д. [1, с. 15].

В повседневно-бытовой жизни Узбекистана чаще всего употребляются определения «европейцы» и «националы», и они указывают на социокультурные границы, сложившиеся в городах еще в имперский период. Несмотря на тот факт, что в советский период стирались границы между «старым» (узбекским) и «новым» (европейским) городом, в социокультурной жизни сохранилось разделение по линии «европейской» и национальной (узбекской) идентичности. Отдельные авторы это разделение отмечают в категориях «европейцы – узбеки», подчеркивается, что оно проявляется во множестве различных границ [8, с. 141].

Е.В. Абдуллаев выделяет признаки «европеизма» русских в Узбекистане, к которым относит урбанизированный стиль жизни, владение европейским языком (в случае Узбекистана – русским), ориентир на западные стандарты и ценности, проявляющиеся в большем индивидуализме и критицизме [1, с. 19]. В советское время «европейскую» идентичность приобрели депортированные народы (немцы, корейцы), а также татары, эти группы стали русскоязычными и адаптировали европейский стиль жизни, городскую урбанизированную культуру и др. Часть коренного населения региона (узбеки, таджики), преимущественно городские жители, также приобщились к европейским ценностям, одежде (советская русификация), стали носителями «европейской» идентичности. «Европейская» идентичность аккумулирует схожие профессиональные интересы, культурную ориентацию, ценности и традиции, которые пересекают границы национальности.

«Европейская» идентичность была привнесена в центральноазиатское общество посредством русского языка, что сделало его «родным» для многих этнических групп, которых относят к русскоязычным, – татар, корейцев, немцев, украинцев, евреев и др. Носителями русского языка и «европейской» идентичности также стали представители коренного населения. Из интервью Р. [22]: *Когда Камилла* (*внучка респондента.* – Ю. Ц.) *училась здесь* (*в Фергане.* – Ю. Ц.) *в школе, я ее спрашивала: «Камилла, сколько у Вас русских в классе осталось?» Она мне начинает перечислять: «Я, Юля...» Я у нее спрашиваю: «А ты-то почему русская?»* В данном фрагменте интервью как раз выявляется важнейшая сложность самоидентификации «обрусевших» узбеков, чаще всего детей, которые приобщаются к «европейской» социокультурной идентичности и идентифицируют себя с русскими по языку, которым владеют как родным.

Анализ. Если рассматривать демографические показатели условной группы русскоязычного населения, то можно выявить динамику по годам и этническим группам (см. таблицу).

В Узбекистане после 1989 г. перепись населения не проводилась. Первая перепись населения в период суверенитета Узбекистана запланирована на ноябрь 2023 года. Все статистические данные показаны по результатам промежуточных срезов, предоставляемых Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан. За 30-летний период доля русских уменьшилась более чем в 2 раза. Хотя отъезд русских из Узбекистана начался еще со второй половины 1970-х гг., в дальнейшем эти миграционные процессы значительно усилились в конце 1980-х годов. Динамика абсолютных и относительных показателей свидетельствует, что доля русских постепенно снижается с 1 653 478 чел. (8,3 %) в 1989 г. до 720 324 чел. (2 %) в 2021 г., так же как и уменьшаются показатели других русскоязычных групп (татары, украинцы и др.). Численность корейского населения снижается, но не такими высокими темпами, как у других групп: с 183 140 чел. (0,9 %) в 1989 г. до 174 210 чел. (0,5 %) в 2021 г., что объясняется высоким уровнем рождаемости и адаптивности корейцев к условиям жизни в Узбекистане в период независимости. При этом у узбеков выделяется высокий прирост населения, в абсолютных цифрах численность титульного населения выросла в 2 раза: 14 142 475 чел. (71,3 %) в 1989 г., 29 194 071 чел. (84,4 %) в 2021 г. [12].

В процессе анализа социальной динамики русских в Узбекистане автором статьи выделены основные социокультурные черты этой группы, которые проявляются в период суверенитета.

1. Оставшееся в республике русское население становится **меньшинством** вследствие изменения политико-правового статуса в начале 1990-х гг., который болезненно воспринимался русскими в центральноазиатских республиках [29, с. 16]. Одним из косвенных

Этнический состав населения Республики Узбекистан в 1990-е – 2021 г., чел.

Ethnic composition of the population of the Republic of Uzbekistan in 1990s – 2021, number of people

Этническая группа	1989 г.	1999 г.	2013 г.	2018 г.	2021 г.
Всего населения	19 810 077 (100 %)	24 135 559 (100 %)	29 993 531 (100 %)	32 656 660 (100 %)	34 558 891 (100 %)
Узбеки	14 142 475 (71,3 %)	18 737 854 (77,6 %)	24 858 159 (82,8 %)	27 427 844 (83,9 %)	29 194 071 (84,4 %)
Русские	1 653 478 (8,3 %)	1 208 467 (5 %)	809 530 (2,7 %)	739 684 (2,2 %)	720 324 (2 %)
Татары	467 829 (2,3 %)	316 585 (1,3 %)	211 119 (0,7 %)	192 252 (0,6 %)	187 330 (0,5 %)
Корейцы	183140 (0,9 %)	176 802 (0,7 %)	184 699 (0,6 %)	175 993 (0,5 %)	174 210 (0,5 %)
Украинцы	153197 (0,7 %)	110 133 (0,5 %)	–	–	–

Примечание. Составлено по: [6; 10–12].

признаков этого является масштабная миграция нетитульного населения на постоянное место жительства за пределы Узбекистана в первые годы суверенитета. Вместе с тем в официально-правовом поле Узбекистана термин «меньшинства» не зафиксирован и подчеркивается равноправный характер межэтнических отношений. Однако данную категорию в оценке политико-правового положения русских используют как внутри Узбекистана, так и за его пределами. В первую очередь это связано с тем, что русские в Узбекистане, как и в других республиках региона, лишились прежних привилегий, связанных со «статусом экстерриториальности». Данное определение было введено норвежским исследователем Полом Колсто, который подчеркнул, что русские в советское время в любой республике СССР, даже там, где их было мало (случай Узбекской ССР), чувствовали себя свободно в употреблении родного языка, во всех республиках находились государственные институты, языком делопроизводства в которых был русский [35, p. 613].

Е.В. Абдуллаев совершенно справедливо отмечал, что из-за массовой миграции в 1990-е гг. русские в Узбекистане стали ассоциироваться с «отъезжающими» на постоянное местожительство в другие страны [1, с. 17]. Обратные паттерны поведения русских, нацеленные на укоренение в Узбекистане, воспринимались окружающим сообществом, особенно в небольших городах, как нестандартные. Из интервью С. [23]: *...мой сын строит дом в Джуйдаме* (*название махалли в Фергане.* – Ю. Ц.), *я им помогаю, конечно. Соседи-узбеки так удивляются, что русские не контейнер для переезда собирают, а дом возводят.* Это один из редких примеров выстраивания жизненной стратегии русских в Фергане.

Казахстанский исследователь А.Н. Алексеенко, анализируя положение русских в Казахстане в период суверенитета, отмечает, что степень их интеграции в казахстанское общество полностью зависит от государственной политики [3, с. 11]. Этот вывод можно экстраполировать на ситуацию в других центральноазиатских республиках. Учитывая уровень государственного патернализма в Узбекистане, русские в этой республике в еще большей степени зависят от государственных решений. Спад миграции нетитульного населения из Узбекистана в начале 2000-х гг. был связан с изменениями в государственной политике и сдерживании государством всплесков бытового национализма. Соответственно, для нетитульного населения общественная и социокультурная среда становится сравнительно комфортной.

Осознание политического статуса меньшинства и изменение социокультурной среды в 2000–2010-е гг. фиксируются в оценочных установках респондентов о своем положении в республике. Во время полевых исследований в г. Ангрен Ташкентской области в 2014 г. в конце интервью респондент Е. [18] полушепотом многозначительно сказала: *Все равно мы здесь не свои, мы в гостях!* Два раза отказ от интервью с российским исследователем был обоснован и передан в форме: *Мы здесь чужие! Нам нужно вести себя тихо!*; *Мы не дома! Не стоит привлекать к себе внимание* (Ангрен, 2014 г., полевые исследования автора). Примерно та же оценка положения русских – «гости поневоле» – содержится в публицистических заметках о русских в Узбекистане поэта, прозаика В. Муратханова [14].

При этом процесс адаптации к жизни в Узбекистане, который чаще всего сводится к сохранению / локализации своей социокультурной среды, сопровождается болезненным осознанием сокращения этой группы. Из интервью А. [24]: *…и самое главное, я почувствовал однажды. Раньше, когда вот тут выступали наши, да, то русские смотрели, а те* (*имеет в виду узбеков.* – Ю. Ц.) *играли, какое-то было ощущение, ну вот, знаешь, где-нибудь показывают концерт, вот где-нибудь там Дом культуры, а русские смотрят. А последний раз вот несколько лет назад смотрю: коллективы русские танцуют, а вокруг узбеки, и я понял, что мы – резервация. Резервация, то есть уже для саморазвития сил почти нет, это уже такое доживание, скорее всего. <…> …Ну не знаю, какие еще до этого обстоятельства сложатся, сейчас вот эти все перемещения, трудовые силы, они там приезжают. Может быть, что-то поменяет – это непредсказуемый фактор, но, конеч-*

но, тот мир, который был такой уютный, такой колониальный, такой баюкающий, уже не будет. Никогда не вернется в общем-то. Респондент указывает на видимое демографическое сокращение русских, сужение привычной социокультурной микросреды Ферганы и явную ностальгию по прежнему космополитичному русскоязычному городу.

Та же мысль зафиксирована в интервью Г. из Ангрена [16]: *Конечно, на сегодняшний день огорчает, даже если открытым текстом говорить и называть своими именами, устрашает то, что идет отплыв русскоязычного населения, русские, татары, ну в общем, европейцы покидают Центральную Азию, к сожалению. <…> …Устрашает то, что практически не с кем общаться. Те люди, с которыми я общалась на короткой ноге, те, с которыми у меня был тесный круг общения, с которыми были одни интересы, одни взгляды, – все поуезжали, остались считанные, раз-два и обчелся.*

Сокращение привычной «европейской» городской микросреды и невозможность полностью интегрироваться в национальное общество и культуру заставляет русских болезненно ощущать свой статус «меньшинства».

2. Сохранение **«европейской» идентичности русских** и укрепление границ между европейцами и узбеками. Феномен социокультурной идентификации населения Узбекистана мало изучен в исследовательской литературе. Как ни странно, этот аспект больше упоминается в публицистических работах [34]. Наиболее точно он обозначен в научной публикации А. Космарского, который рассматривает данный феномен как «параллельное и полунезависимое существование модерного городского индустриального русскоязычного “яруса” и традиционного, автохтонного торгово-сельскохозяйственного мира» [8, с. 141]. Границы «европейской» и национальной идентичности и данное разделение в повседневно-бытовой жизни нередко подчеркивается в интервью респондентами. Из интервью Д. [20]: *Многие русские до сих пор считают, что русские – это так* (*поднимает руку вверх.* – Ю. Ц.), *а узбеки они там чуть пониже, многие узбеки, кстати, тоже так, но их становится меньше таких, но тем не менее общая тенденция как бы сохраняется. Вот даже простой такой пример, вот стоит мой мотоцикл, да вон там, я приехал к своему знакомому подремонтировать его, и узбеки набежали: «Кто хозяин?!» И вот один из них там смотрел с удивлением туда-сюда и увидел у меня там то ли болт открутился, то ли что-то, я не знаю, вот само собой, и он мне говорит: «Это что такое?! Ты же – русский, ты же – не бабай, а у тебя вот это вот такое на мотоцикле! Как это так?!» <…> У него в сознании даже не вписывается, что у русского человека тоже может что-то открутиться, может болтаться и как-то вот так вот выглядеть. Понимаете, да?! <…> Очень распространено представление, что если хозяин – русский, то эту технику можно продать лучше, потому что она в хорошем состоянии. Вот у меня буквально на прошлой неделе мой знакомый, в милиции работает, лейтенант, с ним идем разговариваем, он говорит: «Мне машина нужна. У тебя нет кого-нибудь знакомых русских, кто продает машины?» Он не хочет узбеков, таджиков, он у русского хочет купить. Вот это показатель. <…> Потому что русский человек, раз это техника, то, значит, русский понимает лучше, он, значит, грамотнее, он – грамотней, вот логика такая. Многие так.*

В повседневно-бытовой жизни узбекских городов степень доверия к русским значительно выше, поэтому у них предпочитали покупать квартиры, бытовую технику, автомобили и др. Это связано с тем, что в представлении коренных жителей, чаще всего выходцев из сельской местности, русские – коренные жители городов, носители современной культуры, у которых имеется модерный опыт. Выходцы из сельской среды, переезжая в город, так или иначе проходят русификацию, которая становится неотъемлемым условием для приобщения к модернизирующейся городской среде [2, с. 10]. При этом респондент из Ангрена подчеркивает, что «символический» статус русских, он его обозначает как комплекс «старшего брата», имеет значение только для узбеков – выходцев из сельской местности. Из интервью Д. [20]: *…городские* (*узбеки.* –

Ю. Ц.) *уже вот от этой установки больше и больше отходят, особенно люди образованные, вот узбеки да, с высшим образование, которые из себя что-то представляют, состоялись как личности, занимают определенное место в социуме, такое прочное уже, у них нет вот этого комплекса. А вот те, кто там подальше и повыше* (*имеет в виду жителей кишлаков.* – Ю. Ц.), *они – да. <…> Я бы так сказал, ощущать себя «старшим братом» почти уже тут некому. Потому что те, кто был неграмотней, необразованней, поумней, они, как говорится, давно уже отсюда свалили, почуяв общую тенденцию. Остались здесь ну кто попроще, в основном, в основной своей массе. Как может чувствовать себя «старшим братом» алкаш, который побирается?! Таких немало русских здесь. Что с него брать?! А он, кстати, бросает тень на всю нацию: «А, русский алкаш» – часто можно это услышать.*

Респондент отмечает, что сами русские уже давно не ощущает статус «старшего брата», но транслируют свою «европейскую» идентичность. В повседневной жизни так или иначе проявляются границы между двумя социокультурными идентичностями, это очерчивается в первую очередь в самоназвании групп: «европейцы» в повседневной жизни, в интервью часто обозначают титульное население нейтральным определением «националы», в редких случаях – «бабай». В последнее определение вкладывается разный смысл в зависимости от того, по отношению к кому его применяют.

В общем значении «бабай» (от узбекского «бобо» – «дедушка») на языке повседневности означает мужчину-узбека, филологи отмечают, что употребляется в ироничном контексте [34]. В интервью Е. [21] подчеркивается: *…раньше* (*имеет в виду советское время.* – Ю. Ц.) *бабаи были просто узбеки… причем обидный контекст это слово носило для русского населения, а для узбеков бабай – это дедушка*. В семантическом значении, которое четко не указывается респондентами, ярлыком «бабай» наделяли несовременного мужчину, чей внешний вид или поведение выдавало отсутствие правильных привычек и схем поведения в городе.

Сами узбеки в значение слова «бабай» не вкладывают ироничный и обидный смысл и имеют в виду человека несовременного. Из разговора с узбеком, водителем такси, который, рассказывая о конфликте поколений в своей семье, заметил: *Жена мне говорит: «Что ты одеваешься как бабай?! У тебя одни брюки и рубашки, посмотри джинсы и футболки молодежные»* (Ангрен, 2014 г. включенное наблюдение). В данном случае сам респондент утверждал, что у него консервативные привычки в выборе одежды.

В работе А. Космарского подчеркивается эта же особенность социокультурной идентификации, согласно которой ташкентская узбекская элита, чаще всего русифицированная, по многим параметрам была ближе ташкентским «европейцам», чем сельским соплеменникам. Именно городские узбеки акцентировали внимание на культуре поведения выходцев из сельской местности [8, с. 143]. Приведенные факты свидетельствуют о наличии множества невидимых границ, существующих в узбекском обществе.

3. Русские в Узбекистане все чаще имеют **сложную множественную этническую идентификацию**, в которой формализированная паспортная идентичность не всегда совпадает с самоощущением. Этническая идентичность в этнически смешанных семьях, особенно у детей от разных в этноконфессиональном плане родителей, подвергается «дрейфу идентичности» [30, с. 123], в рамках которого используются различные культурные конфигурации, идентификация становится ситуативной.

В городской среде советского Узбекистана заключалось множество межэтнических браков или, чаще всего, союзов между русскими и представителями коренных народов региона (узбеками, таджиками). У детей от смешанных браков в дальнейшем возникали сложности с этническим и религиозным самоопределением. В советский период дети из смешанных браков, где кто-либо из родителей был русским, в большинстве случаев в паспорте записывались как «русские». При этом отождествление с религией либо не происходило, либо происходило на поверхностном уровне как вариант культурной традиции, так как в эпоху атеизма религия была под запретом. Разные судьбы потомков этнически сме-

шанных семей в Самарканде в имперский, советский периоды и в эпоху суверенитета показаны в монографии кандидата филологических наук Т. Ниязовой [15]. Автор, пытаясь выделить важные культурные конфигурации для этнически смешанных семей, акцентирует внимание на том, какой язык доминирует у потомков, что является одним из маркеров социокультурной идентичности.

В суверенном Узбекистане определиться с этнической идентичностью становится необходимым в формально-бюрократических процедурах в связи с наличием в узбекских паспортах обязательной для заполнения графы «национальность». В то же время «национальность», зафиксированная в узбекском паспорте, не всегда соответствует этнокультурному и социокультурному самоопределению человека. Носители русской культуры и языка, преимущественно из смешанных семей, легко изменяют свои идентификационные маркеры и подстраиваются под этническую принадлежность или религию большинства. Зачастую это решение принимается осознанно и связано с выбором дальнейшей стратегии на проживание в Узбекистане.

Респондент Ф. из Алмалыка [28], 19 лет, на момент интервьюирования в 2014 г. также имела сложности с самоидентификацией. Респондент признавала, что сформировалась в русской культуре, русский язык для нее являлся родным, она разделяла «европейскую» социокультурную идентичность, что выражалось в ее внешнем виде и манере одеваться, но соотнести себя с той или иной этнической группой не могла: *И.: А Вы себя по национальности как идентифицируете? Р.: Никак, вот никак, честно, никак, никак, мама – смешанная, папа – смешанный, ну что делать не знаю?! В паспорте написано «узбечка». И.: Да?! Почему узбечка? Р.: Как по мне скажешь?! Ну все равно, акцент русский, русская школа, все равно свое дает. Ну как по мне скажешь, что я узбечка или русская, вот ну как вот меня Бог так отделил, да?! Ну да вот, например, у меня бабушка, отец у нее керченский татарин, с Керчи они все, вот когда была сталинская репрессия, они попали под сталинскую репрессию и, соответственно, сюда попали, смеси очень много. Папа – донской казак с татарином, мама – таджичка с кем-то еще, это тяжело вот, тяжело, честно, бабушка сама намешанная уже.*

Ф. могла существовать сразу в двух контекстах – «европейском» и национальном: выходя в город на встречу с друзьями, надевала короткие шорты, но осознавала, что в махаллю, где проживает бабушка по материнской линии, нужно облачиться в более традиционную одежду – укороченные шаровары и тунику. На выбор паттернов поведения у выходцев из смешанных семей влияет множество ситуативных факторов, окружение, контекст существования и др.

Из интервью Н. [25]: *...у меня папа – узбек из Бричмуллы с голубыми глазами, фронтовик, 2 года был в плену у немцев, 25 лет прожил в России, целину осваивал в Омске. Потом приехал в Ташкент, меня привез в 12 лет сюда. <...> В СССР я записала в паспорте национальность «узбечка», потому что знала, что папе будет приятно. У меня еще 2 брата, один записался как «русский», другой как «узбек». В семье всегда говорили только на русском языке. <...> Сколько у нас здесь было директоров, когда они смотрят мой паспорт, ни один не удивился: «Н., ты узбечка?» Все говорят: «В России родилась! Тебе повезло!» Они на национальность совсем не смотрят.* В отдельных семьях родные братья и сестры выбирают разные варианты формализированной идентичности, что еще раз свидетельствует о ситуативности и множественности этнической идентичности.

Важнейшей для респондентов является «европейская» социокультурная идентичность. Этническое самоопределение уживается с другими видами идентичности. На самоопределение влияет множество ситуативных факторов, связанных с семьей, окружением, выбором партнера, жизненными планами и стратегией на дальнейшее проживание в республике или миграцию за ее пределы. При этом наличие «европейской» идентичность не позволяет интегрироваться в национальную традиционную среду, либо интеграция происходит до определенной степени. Из интервью А. [24]: *...другие реакции на мир, другие впечатления, оно и другое, почему и чухают все* (*имеет в виду миграцию рус-*

ских. – Ю. Ц.), *потому что он сидит и не может разделить каких-то ментальных глубинных вещей, не может... все равно он не хочет становиться узбеком, он примет внешние признаки: казан, плов там, какие-то вещи, но в каких-то глубинных вещах он не хочет меняться.*

Эта же мысль о невозможности глубокой аккультурации русских в национальной среде Узбекистана высказывалась в интервью В. [26]: *Ну здесь, допустим, еще почему уезжают, истончается вот это российское присутствие. А я, допустим, выучил узбекский язык, у меня дед прекрасно говорил по-узбекски. Но этого мало, нужно быть ментальным. Язык выучить можно, но нужен менталитет узбека. А менталитет я уже не приобрету, да и не только я, никто не приобретет.*

Наличие «европейской» идентичности, осознание границ между «европейцами» и узбеками в социокультурном пространстве Узбекистана, заимствование отдельных традиций, аспектов жизни в Центральной Азии приводит к формированию ***локальной*** идентичности среднеазиатского русского. Этот вид идентификации подробно охарактеризовала Н.П. Космарская на полевых материалах, изучающих идентичность русских в Кыргызстане, и она же обозначила главный компонент этой идентичности – осознание себя отличающимся от русских в России [7, с. 403]. Характерный эпизод, раскрывающий этот вид идентичности, в интервью Р. [17]: *Здесь – Восток! Люди здесь были празднично одетые, веселые, ну Восток всегда любит яркую одежду, блестящую. Это не то что там грязные фуфайки, кирзовые сапоги, шапки-ушанки и вечно пьяные мужики в России.*

Из интервью О. [27]: *...но в Россию не хочу, меня раздражают русские те. Потому что я с детства помню – это превосходство, националисты еще те, хоть говорят, что здесь национализм, да в России страшный национализм.* Во многих интервью подчеркиваются различные границы, разделяющие среднеазиатских русских с русскими в России. Главный акцент на собственную «самость» и качества, которыми отличаются жители России.

Одной из важнейших составляющих локальной идентичности среднеазиатского русского является эмоциональная привязанность к родине, в данном случае – к Узбекистану. К примеру, у респондента И. [19] близкие родственники проживали в Алтайском крае РФ, сам он неоднократно выезжал в Россию в трудовую миграцию: *И.: Какую страну ты считаешь Родиной? Что для тебя Родина? Р.: Здесь, Узбекистан. Узбекистан для меня – это все, это мое детство. <...> Это точно, горячая лепешка, дыня. Мирзочульская дыня, большая такая, душистая, сладкая… одна дыня двенадцать – пятнадцать килограмм, одна дыня была. Вот наша семья с бабушкой вместе, нас шесть человек, росло трое детей, отец, мать и бабушка – шесть человек, мы в доме жили. Вот такую покупал отец большую дыню, на всех хватало, еще оставалось. Вдоволь наедались…*

Локальная идентичность среднеазиатских русских в Узбекистане объединяет представителей всего русскоязычного сообщества. Идентификация русских Узбекистана сложна по своей структуре и может включать различные лояльности и общности.

4. Трансформация **социально-экономического положения** русских в Узбекистане. Несмотря на то что национальная политика, законодательство Республики Узбекистан носит «уравнительный» характер и обеспечивает права всех этнических групп, в 1990-е гг. у русских существенно сузился их социально-профессиональный профиль, что стало неизбежным из-за разрушения прежних хозяйственных связей, остановки производства, а также скрытых рычагов конкуренции, таких как языковая политика, когда незнание государственного языка приводило к их «острожному» исключению из политической и экономической жизни.

В специальном исследовании С. Радница о факторах, выталкивающих русских из Узбекистана в 1990–2000-е гг., акцентируется внимание на том, что экономические трудности постсоветского времени отразились на всех жителях Узбекистана, однако острота языкового вопроса позволила узбекам иметь дополнительный ресурс в соревновании за трудовые места и должности [36, p. 667]. В ис-

следовании М. Флинн также отмечается, что русские респонденты не связывали свое сложное экономическое положение с этничностью. Безработице были подвержены как русские, так и узбеки [37, p. 274–275].

«Отчужденность» нетитульных групп в социально-экономической структуре связана с тем, что они не вписывались в административный аппарат, силовой блок, бизнес-структуры и т. д. из-за отсутствия доступа в патрон-клиентские сети, родства и земляческих связей, но при этом они работали в качестве наемных работников [1, с. 23]. В 2000–2010-е гг. государство устанавливает негласные квоты для нетитульного населения, в рамках которых в каждом государственном учреждении должны работать русские или другие русскоязычные для демонстрации баланса в национальной политике. Из интервью Д. [20]: *...в наше ангренское отделение полиции ищут русского или другого «европейца» для приема на работу, министерство срочно потребовало выполнить квоту по меньшинствам. А кто там сможет работать? Надо же знать государственный язык.* В государственных учреждениях русские были трудоустроены в единичных случаях, и это не влияло на общую ситуацию с безработицей: *...на государственную службу в основном берут узбеков, например в Аппарат Президента. Это негласный закон, по-моему делается это для того, чтобы поддержать национальные кадры. В частных компаниях, когда необходимо взять на работу хорошего специалиста, берут русских* [13, с. 208].

Отдельные работодатели, положительно оценивая уровень квалификации и подготовки русских, активно нанимают их на работу. Из интервью О. [27]: *...да, я говорю, тогда за те 8 лет* (*имеет в виду 1990-е гг.* – Ю. Ц.) *упал статус русских, потом он улучшился. Даже у меня директор в школе – узбечка, я как-то прихожу, говорю: «Там вот учительница ищет работу…» Она: «Русская?» Я: «Да». Директор: «Веди!» Даже тут, вроде сама узбечка, нет, русскую ей приведи.* В данном случае стремление руководителя взять на работу сотрудницу с «европейской» социокультурной идентичностью связано с ролью женщины в традиционной национальной семье, в которой на первый план выходит забота о муже, детях и родителях мужа. Хотя эта ситуация постепенно изменяется, и в последние 3 года президент Ш. Мирзиеев усиливает меры по социальной поддержке женщин и их успешной профессиональной социализации [9].

В исследовании потенциальных соотечественников в Узбекистане, проведенном Институтом стран СНГ в 2008 г. практически сразу после введения в действие «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» в 2006 г., отмечается, что основной сферой занятости русских становится производство, в котором требуется высокая квалификация, техническая подготовка, а также частный сектор. Исходя из данных проведенного мониторинга, русские в Узбекистане считали, что их уровень жизни существенно отличается в худшую сторону, чем в России [13, с. 205–208]. Это становилось одной из важнейших причин миграции русских из Узбекистана, наряду со сложностью получения образования молодежью и др.

Заключение. Опыт исследований русских в центральноазиатских республиках приводит к выводу об условном рассмотрении этнонима «русские», не обозначающего этническую группу. Русские в Узбекистане представляют собой многонациональное сообщество с «европейской» идентичностью потомков переселенцев в регион во время имперского освоения Туркестана и миграций советского периода. При этом демографические показатели всех русскоязычных этнических групп (русские, украинцы, татары, корейцы) уменьшаются. Основными чертами социальной динамики русских в период суверенитета становятся: потеря особого правового и символического статуса; осознание статуса меньшинства и зависимости от государственного политики в национальной сфере; сохранение «европейской» социокультурной идентичности и обозначение границ с национальной идентичностью. В изучаемый период усилилась сложная и множественная идентичность русских, в том числе и локальная идентичность. Заметным явлением становится сужение социально-экономического профиля русских, что стало одной из причин миграции из Узбекистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии / под ред. А. А. Князева. Бишкек: О.Ф. Александра Князева; Центральноазиат. ин-т рус. диаспоры, 2007. Вып. 1. С. 9–33.

2. Абдуллаев Е. В. Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 7–10.

3. Алексеенко А. Н. Русские в орбите государственной политики // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 11–12.

4. Арутюнян Ю. Русские в Узбекистане // Россия и мусульманский мир. 2004. № 4. С. 110–117.

5. Ата-Мирзаев О. Б., Гентшке В. Л., Муртазаева Р. Х. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. 251 с.

6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. по Узбекской ССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4

7. Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.

8. Космарский А. Вежливый отказ от конфликтов: к антропологическому объяснению «стабильности» постсоветского Узбекистана // Центральная Евразия. 2018. № 2 (2). С. 135–148.

9. Льготы, квоты, гранты. Президент определил меры по поддержке женщин. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/02/women-support/

10. Материалы, предоставленные Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан, от 12 мая 2014 г. № 01/2-05-05/3-50.

11. Материалы, предоставленные Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан, от 3 мая 2019 г. № 01/4-01-19-477.

12. Материалы, предоставленные Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан, от 15 мая 2022 г. № 01/3-13-07/3-280.

13. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). М.: Ин-т стран СНГ, 2008. 269 с.

14. Муратханов В. Первородный грех колониста. Русские в Средней Азии. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/8/pervorodnyj-grehkolonista.html

15. Ниязова Т. Ф. Made in USSR. Самарканд: Междунар. ин-т центральноазиат. исслед., 2022. 309 с.

16. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью: г. Ангрен, Республика Узбекистан, 20.08.2012, Г., 32 года, татарка, учитель.

17. ПМА. Интервью: г. Ангрен, Республика Узбекистан, 03.09.2013, Р., 64 года, татарин, пенсионер.

18. ПМА. Интервью: г. Ангрен, Республика Узбекистан, 09.05.2014, Е., 84 года, русская, пенсионер.

19. ПМА. Интервью: г. Ангрен, Республика Узбекистан, 09.05.2014, И., 40 лет, татарин, водитель.

20. ПМА. Интервью: г. Ангрен, Республика Узбекистан, 14.07.2014, Д., 42 года, русский, безработный.

21. ПМА. Интервью: г. Ангрен, Республика Узбекистан, 17.08.2018, Е., 48 лет, русская, инженер.

22. ПМА. Интервью: г. Фергана, Республика Узбекистан, 02.08.2014, Р., узбечка, 61 год, пенсионер.

23. ПМА. Интервью: г. Фергана, Республика Узбекистан, 06.08. 2014, С., 68 лет, русская, пенсионер.

24. ПМА. Интервью: г. Фергана, Республика Узбекистан, 07.08.2014, А., 64 года, русский, преподаватель.

25. ПМА. Интервью: г. Ташкент, Республика Узбекистан, 23.09.2015, Н., 53 года, узбечка по паспорту, служащая.

26. ПМА. Интервью: г. Ташкент, Республика Узбекистан, 12.08.2015, В., 64 года, русский, научный сотрудник академического института.

27. ПМА. Интервью: г. Ташкент, Республика Узбекистан, 15.09.2015, О., 41 год, татарка, преподаватель в лицее.

28. ПМА. Интервью: г. Алмалык, Республика Узбекистан, 20.08.2014, Ф., 19 лет, узбечка по паспорту, но с неопределившейся этнической идентификацией, выпускница академического лицея.

29. Тишков В. А. Русские в Средней Азии и Казахстане. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. 22 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 51).

30. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

31. Улько А. «Узбекский – язык для узбеков»? Почему в стране до сих пор есть проблемы с узбекским языком. URL: https://old.hook.report/2019/08/problema-uzb/

32. Цыряпкина Ю. Н. Русские Узбекистана: современные этнокультурные процессы (на примере г. Ангрена) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 91–94.

33. Цыряпкина Ю. Н. Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4 (50). С. 206–213.

34. Шафранская Э. Русский язык Ташкента: фольклорно-мифологическая повседневность. URL:

http://mytashkent.uz/2008/04/30/russkiy-yazyik-tashkenta-folklorno-mifologicheskaya-povsednevnost/

35. Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium: Journal of International Studies. 1999. № 28 (3). P. 607–631.

36. Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivations for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58, № 5. P. 653–677.

37. Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35, № 2. P. 267–288.

38. Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66, № 9. P. 1501–1524.

REFERENCES

1. Abdullaev E.V. Russkie v Uzbekistane 2000-h: identichnost v uslovijah demodernizacii [Russians in Uzbekistan in the 2000s: Identity in the Conditions of Demodernization]. Knjazev A.A., ed. *Russkij mir v Centralnoj Azii* [Russian World in Central Asia]. Bishkek, O.F. Aleksandra Kniazeva, Tsentralnoaziat. in-t rus. diaspory, 2007, iss.1, pp. 9-33.

2. Abdullaev E.V. Ob identichnosti russkih Srednej Azii [On the Identity of Russians in Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, vol. 2, pp. 7-10.

3. Alekseenko A.N. Russkie v orbite gosudarstvennoj politiki [Russians in the Orbit of State Policy]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, vol. 2, pp. 11-12.

4. Arutjunjan Ju. Russkie v Uzbekistane [Russians in Uzbekistan]. *Rossija i musulmanskij mir* [Russia and the Muslim World], 2004, vol. 4, pp. 110-117.

5. Ata-Mirzaev O.B., Gentshke V.L., Murtazaeva R.H. *Uzbekistan mnogonacionalnyj: istoriko-demograficheskij aspekt* [Multinational Uzbekistan: Historical and Demographic Aspect]. Tashkent, Jangi asr avlodi Publ., 2011. 251 p.

6. *Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1989 g. po Uzbekskoi SSR* [All-Union Population Census of 1989 for the Uzbek SSR]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4

7. Kosmarskaja N.P. *«Deti imperii» v postsovetskoj Centralnoj Azii: adaptivnye praktiki i mentalnye sdvigi (russkie v Kirgizii, 1992–2002)* ["Children of the Empire" in Post-Soviet Central Asia: Mental Shifts and Practices of Adaptation (Russians in Kyrgyzstan, 1992–2002)]. Moscow, Natalis Publ., 2006. 597 p.

8. Kosmarskij A. Vezhlivyj otkaz ot konfliktov: k antropologicheskomu objasneniju «stabilnosti» postsovetskogo Uzbekistana [Polite Rejection of Conflicts: An Anthropological Explanation "Stability" of Post-Soviet Uzbekistan]. *Centralnaja Evrazija* [Central Eurasia], 2018, no. 2 (2), pp. 135-148.

9. *Lgoty, kvoty, granty. Prezident opredelil mery po podderzhke zhenshhin* [Benefits, Quotas, Grants. President Defines Measures to Support Women]. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/02/women-support/

10. *Materialy, predostavlennye Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan, ot 12 maya 2014 g. № 01/2-05-05/3-50* [Materials Provided by the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics Dated May 12, 2014, No. 01/2-05-05/3-50].

11. *Materialy, predostavlennye Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan, ot 3 maya 2019 g. № 01/4-01-19-477* [Materials Provided by the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics Dated May 3, 2019, No. 01/4-01-19-477].

12. *Materialy, predostavlennye Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan, ot 15 maya 2022 g. № 01/3-13-07/3-280* [Materials Provided by the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics Dated May 15, 2022, No. 01/3-13-07/3-280].

13. *Monitoring realizacii Gosudarstvennoj programmy po okazaniju sodejstvija dobrovolnomu pereseleniju v Rossijskuju Federaciju sootechestvennikov, prozhivajushhih za rubezhom, v centralnoaziatskom regione (Kazahstan, Kirgizija, Tadzhikistan, Uzbekistan)* [Monitoring the Implementation of the State Program to Assist Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad in the Central Asian Region (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan)]. Moscow, In-t stran SNG, 2008. 269 p.

14. Murathanov V. *Pervorodnyj greh kolonista. Russkie v Srednej Azii* [The Colonist's Original Sin. Russians in Central Asia]. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/8/pervorodnyj-greh-kolonista.html

15. Nijazova T.F. *Made in USSR*. Samarkand, Mezhdunar. in-t centralnoaziat. issled., 2022. 309 p.

16. *Polevye materialy avtora (dalee – PMA). Intervyu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 20.08.2012, G., 32 goda, tatarka, uchitel* [Field Materials of the Author (hereinafter – FMA). Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 20.08.2012, 32, Tatar, Teacher].

17. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 03.09.2013, R., 64 goda, tatarin, pensioner* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 09.03.2013, 64, Tatar, Pensioner].

18. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 09.05.2014, E., 84 goda, russkaja,*

pensioner [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 09.05.2014, 84, Russian, Pensioner].

19. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 09.05.2014, I., 40 let, tatarin, voditel* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 09.05.2014, 40, Tatar, Driver].

20. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 14.07.2014, D., 42 goda, russkij, bezrabotnyj* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 14.07.2014, 42, Russian, Unemployed].

21. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 17.08.2018, E., 48 let, russkaia, inzhener* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 17.08.2018, 48, Russian, Engineer].

22. *PMA. Interviu: g. Fergana, Respublika Uzbekistan, 02.08.2014, R., uzbechka, 61 god, pensioner* [FMA. Interview: Fergana, Republic of Uzbekistan, 02.08.2014, Uzbek, 61, Pensioner].

23. *PMA. Interviu: g. Fergana, Respublika Uzbekistan, 06.08.2014, S., 68 let, russkaia, pensioner* [FMA. Interview: Fergana, Republic of Uzbekistan, 06.08.2014, 68, Russian, Pensioner].

24. *PMA. Interviu: g. Fergana, Respublika Uzbekistan, 07.08.2014, A., 64 goda, russkii, prepodavatel* [FMA. Interview: Fergana, Republic of Uzbekistan, 07.08.2014, 64, Russian, Lecturer].

25. *PMA. Interviu: g. Tashkent, Respublika Uzbekistan, 23.09.2015, N., 53 goda, uzbechka po pasportu, sluzhashchaia* [FMA. Interview: Tashkent, Republic of Uzbekistan, 23.09.2015, 53, Uzbek by Passport, Employee].

26. *PMA. Interviu: g. Tashkent, Respublika Uzbekistan, 12.08.2015, V., 64 goda, russkii, nauchnyy sotrudnik akademicheskogo instituta* [FMA. Interview: Tashkent, Republic of Uzbekistan, 12.08.2015, 64, Russian, Researcher of the Academic Institute].

27. *PMA. Interviu: g. Tashkent, Respublika Uzbekistan, 15.09.2015, O., 41 god, tatarka, prepodavatel v litsee* [FMA. Interview: Tashkent, Republic of Uzbekistan, 15.09.2015, 41, Tatar, Lecturer at the Lyceum].

28. *PMA. Interviu: g. Almalyk, Respublika Uzbekistan, 20.08.2014, F., 19 let, uzbechka po pasportu, no s neopredelivsheisia etnicheskoi identifikatsiei, vypusknitsa akademicheskogo litseia* [FMA. Interview: Almalyk, Republic of Uzbekistan, 20.08.2014, 19, Uzbek by Passport, but with Undecided Ethnic Identification, Graduate of an Academic Lyceum].

29. Tishkov V.A. *Russkie v Srednei Azii i Kazakhstane* [Russians in Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. 22 p. (Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii [Studies in Applied and Urgent Ethnology], vol. 51).

30. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsialno-kulturnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.

31. Ulko A. *«Uzbekskii – iazyk dlia uzbekov»? Pochemu v strane do sikh por est problemy s uzbekskim iazykom* ["Uzbek Is the Language for Uzbeks"? Why There Are Still Problems with the Uzbek Language in the Country]. URL: https://old.hook.report/2019/08/problema-uzb/

32. Tsyriapkina Iu.N. Russkie Uzbekistana: sovremennye etnokulturnye protsessy (na primere g. Angrena) [Russians of Uzbekistan: Modern Ethno-Cultural Processes (On the Example of the City of Angren)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 91-94.

33. Tsyriapkina Iu.N. *Identifikatsionnye markery russkogo naseleniia Uzbekistana v postsovetskii period* [Identification Markers of the Russian Population of Uzbekistan in the Post-Soviet Period]. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2015, no. 4 (50), pp. 206-213.

34. Shafranskaia E. *Russkii iazyk Tashkenta: folklorno-mifologicheskaia povsednevnost* [Russian Language of Tashkent: Folklore and Mythological Everyday Life]. URL: http://mytashkent.uz/2008/04/30/russkiy-yazyik-tashkenta-folklorno-mifologicheskaya-povsednevnost/

35. Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics. *Millennium: Journal of International Studies*, 1999, no. 28 (3), pp. 607-631.

36. Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivations for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan. *Europe-Asia Studies*, 2006, vol. 58, no. 5, pp. 653-677.

37. Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 2007, vol. 35, no. 2, pp. 267-288.

38. Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 9, pp. 1501-1524.

Information About the Author

Yulia N. Tsyryapkina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of History and International Relations, Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya St, 55, 656031 Barnaul, Russian Federation, guzvenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8537-8410

Информация об авторе

Юлия Николаевна Цыряпкина, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031 г. Барнаул, Российская Федерация, guzvenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8537-8410

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.15

UDC 339.92:327
LBC 65.9(6)-98

Submitted: 16.01.2023
Accepted: 17.07.2023

REGIONAL SECURITY INTEGRATION IN THE SADC REGION

Chimuka Singuwa

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Gabriel Honrada

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The Southern African Development Community (SADC) is one of Africa's most vivid examples of security integration. As the regional group aspires to promote political and economic independence, peace and security are considered indispensable for regional development, as instability in one member state could harm neighboring countries. *Methods and materials.* Relevant literature was critically analyzed, and the study adopted a secondary data collection method as an approach. Using the theory of security communities and theories of integration, this paper analyzed the historical security cooperation between the countries in the region as the first step towards regional integration in Southern Africa, that is, the restraining of the apartheid regime in South Africa. *Analysis.* The analysis further focused on establishing and evolving the Organ on Politics, Defense, and Security (OPDS) and its institutional relationship with the SADC Summit. *Results.* The findings showed that SADC faced more internal challenges than external ones, which led to regional integration. Leading factors in the lack of peace and security were armed conflict, legacy of violence, and poor governance, among others. SADC envisioned peace and security through the adopted Strategic Indicative Plan for the Organ (SIPO). The author concludes that the SADC Summit and the OPDS are the leading platforms for managing security issues in the SADC region.

Key words: SADC, OPDS, integration, security, community, Southern Africa.

Citation. Singuwa C., Honrada G. Regional Security Integration in the SADC Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 192-201. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.15

УДК 339.92:327
ББК 65.9(6)-98

Дата поступления статьи: 16.01.2023
Дата принятия статьи: 17.07.2023

ИНТЕГРАЦИЯ В ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ САДК

Чимука Сингува

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Габриэль Хонрада

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сообщество развития Юга Африки (САДК) является одним из наиболее ярких примеров интеграции в сфере безопасности в Африке. Поскольку эта региональная группа стремится к политической и экономической независимости, мир и безопасность считаются необходимыми для регионального развития, так как нестабильность в одном из государств-членов может нанести ущерб соседним странам. В ходе исследования был проведен критический анализ соответствующей литературы, а также использован метод сбора вто-

© Singuwa C., Honrada G., 2023

ричных данных. С использованием теории сообществ безопасности и теории интеграции был проведен анализ исторического сотрудничества стран региона в области безопасности как первого шага на пути к региональной интеграции на Юге Африки, то есть сдерживания режима апартеида в ЮАР. Далее анализ был посвящен созданию и развитию Органа по политике, обороне и безопасности (ОПОБ) и его институциональным отношениям с саммитом САДК. Полученные результаты показали, что САДК сталкивается с внутренними проблемами в большей степени, чем с внешними, что и привело к региональной интеграции. Ведущими факторами отсутствия мира и безопасности были, в частности, вооруженные конфликты, наследие насилия и неэффективное управление. САДК предусматривает обеспечение мира и безопасности в рамках принятого Стратегического индикативного плана для этого органа (SIPO). Автор приходит к выводу, что саммит САДК и ОПОБ являются ведущими платформами для управления вопросами безопасности в регионе САДК.

Ключевые слова: САДК, ОПОБ, интеграция, безопасность, сообщество, юг Африки.

Цитирование. Сингува Ч., Хонрада Г. Интеграция в области региональной безопасности в регионе САДК // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 192–201. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.15

Introduction. Regional integration aims to create peaceful, stable, and strengthened economic communities for markets to grow and flourish. However, the resulting institutional, structural, and capacity-building challenges remain a stark reality, a phenomenon described in and confirmed by the African Union Audit report [1]. In particular, the AU report identifies challenges to how these Regional Economic Communities (RECs), like the Southern African Development Community (SADC), have secured peace within the sub-regions.

Peace and security were a fundamental raison d'etre for regional cooperation in Southern Africa, the last African region to decolonize and liberate itself. To a large extent, security and political survival gave rise to the Southern African Development Coordination Conference (SADCC) in 1980, a regional community with a mission to resist destabilization and reduce dependency on apartheid-era South Africa. With the prospect of democratization in the post-apartheid country, SADCC was transformed in 1992 into the Southern African Development Community (SADC), in which an elaborate peace and security architecture was designed to help prevent violent conflicts in the region.

As with other issues, such as state-building, traditional security theories are only partially suitable for understanding African affairs. In any case, Emanuel Adler and Michael Barnett's approach to security communities provides some valuable elements in the analysis of SADC [4]. Adler and Barnett described that Western Europe became a security community due to "desecuritization," a progressive marginalization of mutual security concerns in favor of other issues. They capture this transformation through the concept of a speech act – that security refers to the enunciation of something as security – and examine how the development of collective identity and community came through discursive self-formation.

SADC, a Regional Economic Community (REC) in Southern Africa, displays features of a security community still taking shape. However, it may be argued that SADC has evolved towards some common values, such as the preference for peace, democratic transition of political power, a common framework for the conduct of legitimate and transparent elections, a regional code for policing, standard protocols that govern security and development, and the existence of a common doctrine for Peace Support Operations (PSO). In addition, all 16 SADC member states subscribed to the political agenda and shared the values of good governance, democracy, and peace as laid out in the SADC treaty.

The nature of security cooperation in SADC takes many forms, such as a mutual defense pact (SADC Mutual Defense Pact 2003), common Peace Support Operations (PSOs) under the provisions of the SADC Standby Force (SADCFS), and arrangements within the African Union (AU), non-aggression pacts, and common collaborative Security Cooperation and the Regional Indicative Strategic Development Plan (RISDP) 2020–2030, which is anchored on a firm foundation of peace, security, and good governance in SADC.

The RISDP serves as a comprehensive development and implementation framework

that has guided the integration agenda of SADC since 2005. Under the peace and security and good governance foundational pillar, RISPD aims to enhance conflict prevention, management, and resolution mechanism with an effective early warning system capable of tracking and monitoring political, security, and socio-economic threats.

Methods and materials. The establishment of the SADC Organ for Politics, Defense, and Security (OPDS) was as a result of major threats to the security of people and states derive from internal rather than external [5]. It has been stated that Angola, Botswana, Lesotho, Malawi, Mozambique, Swaziland, Tanzania, Zambia, and Zimbabwe formed the SADCC towards economic liberation and integrated economic development. It was preceded by the Frontline States (FLS) (Angola, Mozambique, Zambia, Malawi, and Tanzania) formed in the 1970s to support anti-colonial and anti-apartheid forces within the region. Namibia joined in 1990, South Africa in 1994, Mauritius in 1995, the Democratic Republic of the Congo (DRC) and Seychelles in 1997, and Madagascar in 2005 [7].

It has been submitted that the origin of SADC was due to external pressures like globalization, instability, and security, while other schools of thought observe it internally through geography, social and cultural context, colonial experience, alliance with Frontline States (FLS) and some enemies enforcing apartheid regimes in South Africa [13]. Hence, it was meant for political solidarity, economic cooperation, and to stand against instability in South Africa, which was the economic stronghold of the Southern region. Accordingly, the Windhoek Treaty of 1992 transformed SADCC into SADC, and the regional bloc came up with two frameworks: the Regional Indicative Strategic Development Plan (RISDP) for sound political, economic, and corporate governance and the Strategic Indicative Plan for the Organ (SIPO), responsible for peace and stability [17]. Outlined mission being, "The SADC mission is to promote sustainable and equitable economic growth and socio-economic development through efficient productive systems, deeper cooperation and integration, good governance, and durable peace and security, so that the region emerges as a competitive and effective player in international relations and the world economy [14].

The study was carried out through secondary data collection and relied predominantly on internet-based sources such as relevant theses, books, newspapers, journals, articles, reports prepared by research scholars and university publications. However, due care on reliability, suitability, and adequacy of the data was considered.

Analysis. The study unearthed compelling evidence showing SADC as a peace and security actor of the regional bloc since its establishment in 1992.

1. SADC was established in 1992 and is currently made up of 16 member states.

2. The SADC region experienced more internal challenges than external ones, which threatened peace and security.

3. The regional bloc objectives to promote peace and security in the region were achieved through the protocol on politics, defense, and security co-operation under SIPO.

4. The SADC Summit and the OPDS are the leading platforms for managing security issues in the SADC region.

The discourse here is guided by the research findings in the literature review. The emergency of SADC since 1992 is currently constituted with 16 member states as in, and the integrating factors being externally fighting against apartheid in South Africa, legacy of colonialism and Neo-colonialism within the rest of SAR. Internally, the uniting cause was to fight for economic liberation and integrated economic development, which were threatened by the instability of peace and security, the greatest enemy of sustainable peace and development in all diversities of human and societal dimensions. From the conflict transformation perspective, the SADC envisioned to promote peace and security in the region by creating the Organ for Politics, Defense, and Security (OPDS).

As observed, the region experienced instability characterized with armed conflicts, such as in the DRC as the legacy of colonialism and Neo-Colonialism. Armed conflicts necessitated domestic crises as well as neighborhood ones, resulting in unplanned regional migration. The challenge of the undemocratic governance of other member states was coupled with power

struggles, coup-d'état as well as poor electoral processes (DRC).

The emergence of security cooperation in the SADC region. Regional security integration has been crucial for all countries in Southern Africa for many decades. After the end of Western colonialism, the newly independent states in the SADC region formed a loosely institutionalized regional grouping for mutual assistance and defense against the common threat of the remaining Apartheid government in South Africa. The Realist theories on the formation of regimes argue that states choose to form a government because they realize that they operate in coordination and are usually confronted by the same challenges.

By pursuing a concerted strategy of deliberately destabilizing Southern African states that harbored liberation movements and fueling intrastate conflicts north of its borders, the apartheid regime in South Africa undermined peace and development in the regions. It prompted its neighbors to create a defensive alliance. As a political response to both apartheid in South Africa and colonial rule, the first security organization called the Frontline States (FLS) was established in 1974 by a coalition of African countries. The founding members were Angola, Botswana, Lesotho, Mozambique, Tanzania, Zambia, and Zimbabwe [10]. The Frontline States were deeply concerned about the growing military budget of the regime in South Africa and the threat this growth posed to their security and independence [3]. In addition, apartheid South Africa's nuclear programs further aggravated the situation and created a sense of insecurity in neighboring countries.

The evolution and structure of Frontline States were profoundly influenced by pan-African influence. The activities of the Frontline States were often adopted after the activities of the Organization of the African Unity (OAU) African Liberation Committee (ALC), whose main objective was to promote the process of decolonization in African countries [2]. Besides, the Inter-State Defense and Security Committee (ISDSC) was established by the Frontline States in 1975 as an essential structure of the security organization with a mandate to address various security issues, mainly related to the ideology of apartheid in South Africa, faced by member states in Southern Africa. The ISDSC played a crucial role in the liberation struggle against colonial and apartheid regimes and in maintaining the member states' national sovereignty and territorial integrity.

Apart from operating on the ideological foundations of Pan-Africanism, the Frontline States' solidarity was based on three other factors. First, the decision-making was derived from the presidential summit. The summit was attended by heads of state, governments, and representatives of the liberation movements. Secondly, the self-consistent restriction of Frontline States on membership created a simplified governance structure. Thirdly, the informal nature of the Frontline States had given members the flexibility to pursue independent policies. Later, these factors significantly influenced the structure and the modus operandi of the Southern African Coordination Conference (SADCC) regarding a collective foreign decision-making policy. The SADCC was an intergovernmental economic organization created in 1980 to counter the economic dictates of apartheid South Africa in the region. It ensured broad economic, scientific, technical, and foreign trade cooperation between the member states and the expansion of their economies and finances to achieve financial independence.

The apartheid regime in South Africa was the main push factor behind the first attempts at security cooperation in the Southern African region. This security dynamic changed dramatically when the newly created Southern African Development Community (SADC) welcomed a democratic South Africa as a member in 1994. The SADC heads of state saw the opportunity to transform the basis for regional cooperation from mutual apprehension to mutual gain and set ambitious integration goals such as creating a common market and free movement of workforce, investment, and trade. In 1996, SADC established its political and security arm, the Organ on Politics, Defense, and Security. With these events of the 1990s, SADC showed its intention to leave behind a security system based on enmity and insecurity and to begin instead the construction of one based on amity and mutual trust.

The Southern African Development Community (SADC). The 1990s were a period of change in integration in Southern Africa. The early 1990s presented a new scenario for the entire international system, with the end of the

Cold War and the dissolution of the Soviet Union. In turn, the global transformations propelled anti-colonial battles on the African continent and the abolition of the apartheid regime in South Africa. Consequently, political and security problems and the opportunity for greater regional cooperation arose.

In this context of change and new possibilities, on August 17, 1992, at a summit in Windhoek, Namibia, heads of state and government signed the SADC declaration and treaty that effectively transformed the SADCC into SADC. The SADC treaty redefined the basis of cooperation among the member states from a loose association into a formal organization with a legally binding agreement. According to Article 5(1) of the SADC Treaty, the objectives of SADC, which are also contained in SADC's common agenda, are to achieve economic development and growth, peace and security, poverty reduction, and to enhance the standard and quality of life for the people of Southern Africa. These objectives will be achieved through increased regional integration built on democratic principles, the rule of law, and equitable and sustainable development. In addition, the constitutive SADC Treaty established the Summit of SADC Heads of State and Government as the highest policy and decision-making body. Although the Summit's regular meetings provide resolutions on policies concerned with economic and political matters, it also serves equally as the highest decision-making body for resolving regional peace and security issues [11].

In the SADC region, peace and security are integral components of development planning in Southern Africa because economic cooperation and integration require a peaceful environment in which people can be successful and contribute to their full potential [15]. Instability in one member state may impact neighboring countries or cause regional integration setbacks. For instance, the instability in the Democratic Republic of Congo (DRC) for many years has been the leading cause of setbacks in security integration in the region. The security situation in the eastern DRC continues to be a significant concern. Regional efforts under the auspices of the SADC have been focused on securing a ceasefire, the withdrawal of the M23 Movement (an armed group operating in the DRC's North Kivu province that was dormant in the past decade and became active again in 2022) from occupied areas, the disarmament and cantonment of its combatants, and the search for political solutions through dialogue. Therefore, peace and security issues remain a top priority for the regional community. They are articulated and demonstrated in the SADC Protocol on Politics, Defence, and Security.

As mentioned above, in the context of a new regional environment, SADC created its political and security arm in 1996. The critical blueprint governing SADC peace and security integration is the Revised Strategic Indicative Plan for the Organ (SIPO), a strategic plan for the organ. The SADC's core objective in the field was first elaborated in 2003 and revised in 2012. It is to be a peaceful and stable political and security environment through which the region will realize its social-economic development, poverty eradication, and regional integration goals.

The SIPO is, therefore, not an end but rather an enabling instrument for the implementation of other regional documents, including the Protocol on Politics, Defense, and Security, as well as the recently revised Regional Strategic Development Plan (RISDP) and the SADC Industrialization Strategy and Roadmap. The SADC RISDP 2020–2030 and SADC Vision 2050 are strategic plans seeking to deepen security integration and foster development in Southern Africa [8]. The 40th Ordinary SADC Summit approved the two Strategic plans in Maputo, Mozambique, for 2020. They are based on the foundation of peace, security, and democratic governance.

In addition, the Organ for Politics, Defence, and Security was incorporated into the SADC framework in 1996. The regional community has established a set of institutions that, together with the relevant structures of the African Union (AU) and other regional economic communities, form part of the African Peace and Security Architecture (APSA) [18, pp. 37-53].

However, the development of SADC's peace and security institutions is faltering as they lack material and political support. As a result, the structures created thus far need greater political support, organizational capacity, and more resources. While SADC has responded to a series of intrastate crises since its formation in 1992, the outcome of these interventions, its record on promoting peace, and the democratic principles enshrined in its founding documents have been

mixed. Recently, SADC has responded decisively to military interference and government instability in Lesotho, sanctioning the deployment of troops. But SADC's muted response to the DRC's constitutional crisis, which rose from a failure to hold timely elections before President Laurent Kabila's term of office expired, the interference by the Zimbabwean army in civilian politics, which compelled President Robert Mugabe to resign, and several disputed elections signal both a continued inability and a willingness on the part of SADC to enforce its liberal democratic founding principles consistently [19].

In addition, criticism of the intervention in neighboring states remained a contested topic. This was the case when some SADC member states intervened in the DRC conflict in 1998; member states Angola, Namibia, and Zimbabwe deployed troops to the DRC to support Laurent Kabila's rebel government. This intervention was authorized by the SADC Organ on Politics, Defence, and Security Cooperation (SADC Troika), which Zimbabwe then chaired. The intervention came shortly after Rwanda and Uganda's invasion of the DRC and the subsequent request by the then-president of the country, Laurent Kabila, for SADC to assist him with curbing the aggression from neighbors. Under the auspices of the SADC Allied Forces, the military intervention was codenamed "Operation Sovereign Legitimacy" (OSLEG). Its objectives were to ward off rebels (notably sponsored by Rwanda and Uganda), secure the DRC territory, and protect civilians. At the time, the other SADC member states abstained from intervening, as consensus still needed to be reached within SADC. This scenario led to implications, contestations, and increased disagreements. In general, the outcomes were not the result of collective action.

In addition, although there are mixed assessments of the efforts of the SADC Allied Forces' intervention in the DRC, the point of the agreement remains that the four years of troop presence and active military engagement in the DRC helped the country regain its authority and sovereignty. The intervention by the SADC Allied Forces was arguably concluded with the signing of the Lusaka Agreement in 1999.

The Organ for Politics, Defence, and Security (OPDS). SADC created its Organ on Politics, Defense, and Security in 1996 after recognizing that achieving its primary goal of eradicating poverty through economic integration was next to impossible while the region was riddled with instability and political conflict. In its original structural setup, SADC's (SADCC) institutional framework did not include a body dealing with peace and security issues other than the summit, nor was there a ministerial committee to develop regional peace and security architecture [11]. However, as mentioned earlier, the relationship between economic growth and peace had already been recognized in the 1992 declaration establishing SADC, which stated that an environment of peace, security, and stability was a prerequisite for the development and improvement of the standard and quality of life of the people of the region.

The Organ for Politics, Defence, and Security, alongside the Summit, constitutes the most critical SADC institution for managing regional peace and security. However, it did not suffer several setbacks at the outset. The Organ was created too hastily, without an explicit agreement on how it would function [9]. As a result, it quickly became caught in a deadlock between Zimbabwe and South Africa. While Zimbabwe, whose president, Robert Mugabe, chaired the Organ, wanted it to remain independent from the Summit, South Africa sought to subject the Organ to the authority of the SADC Summit. For the first five years of its existence, as Laurie Nathan highlights, the Organ, which lacked a protocol to give it a legal basis, operated as a competitor to the SADC Summit; this resulted in a situation where two forums of heads of state made decisions concerning matters of regional peace and security [12]. According to Matlosa, the SADC region failed to respond to multiple conflicts during this period because of the protracted dispute over the Organ status [13, p. 115]. For this study, it would be sufficient to note that the deadlock was broken at the SADC Summit in Malawi in August 2001, when SADC Heads of State signed the Protocol on Politics, Defense, and Security Cooperation and reached an agreement on several central issues concerning the Organ's leadership structure and its relationship with the SADC Summit.

Among the vital issues resolved were the following:

1) The Organ should be integrated into the SADC structure. It was supposed to report to the SADC Summit rather than remain an independent institution in the tradition of its predecessor, the Frontline States (FLS);

2) It was agreed that the chairmanship of the Organ should rotate annually. Instead of a single chairmanship, the protocol introduced a troika, with a rotating membership on an annual basis, to head the new Organ. This troika mechanism, which comprises the former, the current, and the incoming chairman of the Organ, aims to prevent misuse of the chairmanship to gain permanent control over the Organ. This brought Zimbabwe's dominating position as a "usurper" of the chair of the organ de facto to an end [9];

3) With the signing of the Protocol on Politics, Defence, and Security Cooperation, the Summit agreed on broad guidelines for the work of the restructured Organ. Under the Protocol on Politics, Defence, and Security Cooperation, the Organ, whose overall objective is to promote peace and security, shall:

– safeguard the people and development of the region against instability arising from the breakdown of law and order, intrastate and interstate conflict, and aggression,

– promote political cooperation, shared values, and institutions,

– develop standard foreign policies that are to be advocated in international forums,

– coordinate regional security and defense,

– prevent intrastate and interstate conflict by peaceful means and consider enforcement where peaceful means do not suffice,

– promote democratic institutions and universal human rights,

– encourage member states to implement AU and UN treaties on arms control and disarmament, and

– enhance regional capacity for peacekeeping, disaster management, and the coordination of international humanitarian assistance [16].

Combining the promotion of peace and security with democracy and human rights, as well as development and humanitarian concerns, the 2001 Protocol thus reflects, to a certain extent, the liberal peace and human security agenda advanced by the UN since the middle of the 1990s. By mandating the Organ to respond to intrastate conflicts, the protocol also indicated a shift from a Westphalian concept of sovereignty toward the doctrine of responsibility to protect; this would also be reflected in the Constitutive Act of the African Union, which replaced the OAU a year later.

As Hendricks and Musavengana emphasize, integrating the Organ into the SADC structure markedly improved security sector governance and reduced the risks of contentious troop deployments, as during the Second Congo War. As they argued in their 2010 analysis, though there is a degree of transparency surrounding the work of the Organ, the decision-making processes are still not transparent to the public, and the SADC's engagement with civil society on security matters is minimal [6].

As stated above, peace and security are necessary for sustainable development and deeper regional integration. In this regard, one joint initiative in terms of peace and security is the SADC standby force, or Brigade, which SADC Heads of State and Government established through the Memorandum of Understanding (MoU) signed in Lusaka, Zambia, in August 2007. The Brigade is a regional, multidimensional, peace-support operations capability established under the African Standby Force (ASF) framework. The Brigade represents a commitment to purpose that ensures a collective approach to defense and security, protecting civilians, and safeguarding the stability of the SADC region. The brigade operates as a tool of the SADC Organ on Politics, Defense, and Security Cooperation. It receives its direction and guidance from the SADC Committee of Chiefs of Defense Staff and the Committee of SADC Police Chiefs to provide peace-building efforts in the region.

The SADC Heads of State also signed another element of the region's security architecture at the Summit in Tanzania in 2003, the Mutual Defense Pact. The security pact had been provided for the Protocol Article 2. However, the signing of the protocol had been the object of complex negotiations between the member states, and this resulted in the signing of a significantly watered-down version of the pact, wherein SADC countries do not commit themselves to the principle that an attack on one is an attack on all, as is the case with the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Instead, the pact leaves it

open for each member to decide how to respond if a fellow member is attacked militarily by external or internal forces. As a result, the defense pact does not add much depth to SADC's security integration effort. In addition, the Mutual Defense Pact was also instituted for member states to contribute to developing defense training, research, and intelligence matters [16].

In summary, the construction of the first Organ in 1996 was a hasty venture as it was an interim solution to the organization's need for a joint security institution. Moreover, its ambiguous role and unclear jurisdiction gave proof of a weak compromise that reflected the discord between Zimbabwe's and South Africa's interests. However, this changed with the adoption of the Protocol on Politics, Defence, and Security Cooperation in 2001 and the member states decision to reform their governing regional security institutions by re-launching the Organ. With the subordination of the new OPDS directly under SADC's control, South Africa achieved a major diplomatic victory. It influenced the institutional design of the SADC's regional security integration (cooperation) framework most substantially.

Conclusion. Peace and security for SADC are primarily about achieving security community at the regional level. The REC has initiated commitment and change through its treaties, policies, protocols, and agreements. This has led to more significant collective and conscious institutionalization and transformation linked to intent (policy, protocol, and agreements) and action (security institution formation).

The relative stability of the Southern African region at present is remarkable, considering its long history of violent, large-scale conflict. Not only was Southern Africa the last part of the continent to be freed from colonialism through armed liberation struggles, which continue to shape its politics and societies, but the region also suffered from intertwined proxy and civil wars that sometimes outlived the Cold War. However, while the area continues to experience isolated armed conflicts and developmental backlogs are significant to regional stability in the long run, the most acute source of instability stems from governance deficits, which have prompted crises in various SADC states in the past decade. However, although SADC has gradually established a peace and security infrastructure, the institutions need more capacity; they need more material and political support, as member states are reluctant to cede authority to supranational structures or enforce SADC principles. As a result, the governance deficits highlighted and SADC's lackluster conflict management may arrest the development of the Southern African region in the long run.

Both SADC's peace and security architecture, which emerged from the historical alliance of the Frontline States, and the community as a whole, were put to the test in the late 1990s when several SADC states became embroiled in the war that raged in the DRC. While armed conflict continues in the DRC, nowadays the SADC region boasts several politically stable democracies and prosperous economies. Moreover, in the past 20 years, SADC institutions have been essential in managing regional peace and security matters, including crises in member states. In this regard, the SADC has temporarily contained constitutional concerns resulting from the undermining of democratic institutions by authoritarian regimes and the military through the formation of transitional governments in Zimbabwe, Madagascar, and the DRC. But the enduring governance crisis in Zimbabwe escalated into a coup d'état, and the authoritarian government has continued to resort to violence and repression against opponents. Notwithstanding a change of leadership, the legitimacy crisis of the DRC government could not be resolved either, as an interregnum culminated in disputed elections. Meanwhile, Eswatini (formerly Swaziland) remains an absolute monarchy with severe governance deficits, and Lesotho suffers political instability. Governance deficits, political conflicts, and electoral violence have also affected the Republic of South Africa's consolidated democracy and otherwise peaceful states like Malawi and Zambia. However, SADC has been more successful through high-level diplomatic mediation, which seeks to prevent regional conflict.

To sum up, there is a need for more peace and security efforts undertaken by SADC. In practical terms, the member states or actors involved should have the capacity for peace and security and political will and commitment, and cooperation among member states and with the international community remains crucial in terms

of attending to the emerging, broadly defined security threats. Regional integration transpires in various forms, such as through harmonizing security policies. Therefore, the SADC leadership must be more cognizant that policymakers must consider that an enabling environment of peace and security is required for regional integration and development. This means that action only occurs entirely if sound political institutions, stability, and the rule of law are present within the region.

REFERENCES

1. *Audit Report of the African Union*. African Union, 2007. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3

2. Ali M., Donald G. Independent African States and the Struggle for Southern Africa. *Southern Africa Since the Portuguese Coup*. Colorado, Westview Press, 1990. 183 p.

3. Archer S. Defence Expenditure and Arms Procurement in South Africa. *War, and Society: The Militarisation of South Africa*. Cape Town, David Philip, 1989, pp. 244-259.

4. Barnett M., Adler E. We Are Studying Security Communities in Theory, Comparison, and History. *Security Communities*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, pp. 413-441. DOI: 10.1017/CBO9780511598661.013

5. Dzimba J. A Common Sub-Regional Agenda for Peace, Human Security and Conflict Prevention: A View from SADC. Goucha M., Cilliers J., eds. *Peace, Human Security and Conflict Prevention in Africa*. Pretoria, Institute for Security Studies, 2001, pp. 23-36.

6. Hendricks C., Musavengana T. *The Security Sector in Southern Africa*, Pretoria, Institute for Security Studies, 2010, p. 16.

7. *International Crisis Group Report (ICGR). Implementing Peace and Security Architectural (II).* Article on Southern Africa Crisis Group Africa Report No.191. 15 October 2012. Johannesburg/Brussels. pp. 1-44.

8. Joseph J.E. The South African Development Community (SADC) and COVID-19: Revisiting Security Community. *SADC. EUREKA: Social and Humanities*, 2021, vol. 5, pp. 69-81.

9. Kagwanja P. Power and Peace: South Africa and the Refurbishing of Africa's Multilateral Capacity for Peacemaking. *South Africa's Role in Conflict Resolution and Peacemaking in Africa*. Cape Town, HSRC Press, 2006, pp. 27-58.

10. Khaleel M. Dilemmas of Security in Southern Africa: Problems and Prospects for Regional Security Cooperation. *The United States of Africa?* Pretoria, Africa Institute of South Africa, 2001. 399 p.

11. Laurie N. *Community of Insecurity: SADC's Struggle for Peace and Security in Southern Africa*. Farnham, Ashgate Publishing, 2013, pp. 23-27.

12. Laurie N. *Community of Insecurity: SADC's Struggle for Peace and Security in Southern Africa*. Farnham, Ashgate, 2012, pp. 38-42.

13. Matlosa K. Ballots or Bullets: Elections and Conflict Management in Southern Africa. *Journal of African Elections*, 2001, vol. 1, no. 1, p. 115.

14. Moma J.A. Reconsidering the Origins of the Southern African Regionalism Thirty Years Later: Towards a Constructivist Approach to the Origins of SADC. *E-Journal of International Relations*, vol. 3, no. 2, Nov., 2012, pp.103-113.

15. Ngoma N. SADC: Towards a Security Community? *African Security Review,* 2003, vol.12, no. 3, pp. 17-28.

16. *SADC Protocol on Politics, Defence, and Security Cooperation*, 2001. URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/2021-08/Protocol_on_Politics_Defence_and_Security20001.pdf

17. *Status of Integration in the Southern African Development Community*, 2021. URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/202108/Status_of_Integration_in_the_SADC_Region_Report.pdf

18. Van Nieuwkerk A. *Exploring SADCs Evolving Peace and Security Policy Framework*. Maputo, Friedrich Ebert Foundation and Johannesburg: Centre for Defence and Security Management, 2014, pp. 28-53.

19. Van Nieuwkerk A. Exploring SADC's Evolving Peace and Security Policy Framework. *Southern African Security Review*. Maputo, Friedrich Ebert Foundation and Johannesburg: Centre for Defence and Security Management, 2013, pp. 37-53.

Information About the Authors

Chimuka Singuwa, Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Assistant, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, jonathanial@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-0812-9234

Gabriel Honrada, Postgraduate Student, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, honradagabriel@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6810-2650

Информация об авторах

Чимука Сингува, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, ассистент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, jonathanial@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-0812-9234

Габриэль Хонрада, аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, honradagabriel@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6810-2650

www.volsu.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.16

UDC 94(367)
LBC 63.3(2)41

Submitted: 05.04.2021
Accepted: 20.04.2021

THE DANUBE HOMELAND OF THE SLAVS IN THE TALE OF BYGONE YEARS: A PROBLEM OF INTERPRETATION [1]

Denis E. Alimov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article discusses the image of the ancestral homeland of the Slavs as described in the early 12th century Old-Russian chronicle known as the "Tale of Bygone Years." *Methods and materials.* The focus of the article is on the concept of the Danube Slavic land, which, according to the chronicle, was the ancient homeland of the Slavs. In order to elucidate this concept, the author uses elements of historical-semantic analysis of the text and compares its information with data from other sources relevant for the study of this topic. *Analysis.* Taking into account the heterogeneity of knowledge underlying the chronicle ethnogenetic construction, the author identifies various elements of this knowledge. *Results.* The author comes to the conclusion that the image of the Danube homeland of the Slavs was not a bookish construction but a reflection of the ethnic realities of the early Middle Ages, when the Carpathian basin was the core area of the Slavic ethnic identity. According to the author, the formation of the idea that the Middle Danube Slavic land was the primary homeland of the Slavs was also the result of the perception of the Slavs as autochthonous inhabitants of Illyricum and Pannonia, which existed in Rome in the time of the Pannonian diocese of Methodius and probably influenced the formation of Slavic ethnogenetic legends through Cyril's and Methodius's cultural and ideological legacy.

Key words: Tale of Bygone Years, Slavs, Slavic identity, Illyricum, Pannonia.

Citation. Alimov D.E. The Danube Homeland of the Slavs in the Tale of Bygone Years: A Problem of Interpretation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 202-213. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.16

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)41

Дата поступления статьи: 05.04.2021
Дата принятия статьи: 20.04.2021

ДУНАЙСКАЯ ПРАРОДИНА СЛАВЯН В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ [1]

Денис Евгеньевич Алимов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Алимов Д.Е., 2023

Аннотация. В статье рассматривается образ дунайской прародины славян в «Повести временных лет» (начало XII в.). Анализируя содержание данного образа, автор приходит к выводу, что он не был книжным конструктом, а соответствовал этническим реалиям раннего Средневековья, отражая зону распространения славянской этнической идентичности в Среднем Подунавье. Формирование представления о том, что дунай-

ская Словенская земля была первичной родиной славян, по мнению автора, также обусловлено восприятием славян как автохтонных жителей Иллирика и Паннонии, существовавшим в Риме в период функционирования Паннонского диоцеза Мефодия и, вероятно, оказавшим влияние на формирование славянских этногенетических легенд посредством кирилло-мефодиевского культурно-идеологического наследия.

Ключевые слова: Повесть временных лет, славяне, славянская идентичность, Иллирик, Паннония.

Цитирование. Алимов Д. Е. Дунайская прародина славян в «Повести временных лет»: проблема интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 202–213. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.16

Введение. Одной из черт картины мира автора «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) является свойственное ему представление о славянах как о едином народе, связанном общностью происхождения. На страницах летописи это представление отразилось в этногеографическом введении, содержащем рассказ о происхождении славян, а также в тематически связанной с ним летописной статье 898 г., где говорится о создании славянской письменности. По мнению А.А. Шахматова, в частях летописного текста, посвященных происхождению славян и славянской письменности, отразился более ранний источник. Предложив именовать этот источник «Сказанием о преложении книг на славянский язык», ученый приписывал ему западнославянское происхождение, связывая его создание с эпохой, когда в славянских землях, находившихся в юрисдикции Рима, создалась угроза для использования славянского языка в богослужении [21, с. 80–92]. Хотя идея А.А. Шахматова об использовании летописцем западнославянского «Сказания» в своем общем виде была поддержана многими авторами, происхождение, состав и датировка этого гипотетического источника (в широких хронологических пределах X – конца XI вв.) стали предметом непрекращающейся дискуссии, в ходе которой, наряду с развитием гипотезы о создании «Сказания» в Сазавском монастыре в Чехии [20], высказывались и вполне резонные скептические замечания в адрес правомерности отнесения к «Сказанию» сведений о расселении славян из этногеографического введения ПВЛ.

При всей перспективности текстологических изысканий для адекватной интерпретации летописной версии происхождения славян как целостной концепции средневекового автора их явно недостаточно. Актуальным остается вопрос о соотношении восприятия славян как единого многоплеменного народа и процесса распространения славянской идентичности. Притом что в историографии появлялись попытки рассматривать рассказ о расселении славян как отражение реальных событий, соотнося его с «дунайской теорией» происхождения славян (обзор проблематики см.: [16]) или миграциями славян с территории Аварского каганата [10, с. 38–42; 34, s. 55–98], все подобного рода интерпретации наталкиваются на вопрос о том, каким образом память о столь далеких эпохах могла в течение веков сохраняться в условиях бесписьменного общества. Более того, вызывает сомнения сама правомерность разговора о реальных событиях в контексте интерпретации этногенетического нарратива. Летописный рассказ о происхождении славян, являющий собой характерную для средневекового историописания этногенетическую конструкцию, может и должен рассматриваться в рамках популярного в средневековой историографии жанра «*origo gentis*», то есть «происхождение народа» [30, s. 21–22]. Мотивы прародины народа и его переселения на новое место жительства являлись в таких конструкциях не отражением реалий, а элементами обусловленной этническим дискурсом структуризации прошлого. Дискуссионным остается лишь вопрос о том, в какой мере эта структуризация являлась порождением уже существовавших архетипов мышления, а в какой – результатом восприятия элементов книжного знания, прежде всего библейских матриц. Важным элементом в произведениях жанра «*origo gentis*» было и так называемое локальное знание (см., например: [25]), с помощью которого мифологические или почерпнутые из книг сюжеты встраивались автором этногенетической конструкции в знакомый ему культурный ландшафт. К локальному знанию могли относиться топонимы, актуальные для данно-

го места и времени этнические и географические названия и т. п. Таким образом, задачей историка должно быть объяснение дискурсивных конструктов, каковыми являются этногенетические повествования, посредством идентификации в них элементов книжного и локального знания той эпохи, в которую они создавались.

Методы и материалы. Ввиду обширности темы летописного «*origo gentis*», в настоящей статье мы сфокусируемся лишь на одном из его элементов, а именно на содержащемся в нем представлении о прародине славян на Дунае. В центре нашего внимания окажется понятие Словенской земли, которая, согласно ПВЛ, была древней родиной славян. В определении генезиса и содержания этого понятия, сопряженном с идентификацией в нем элементов книжного и локального знания, нам должны помочь как элементы историко-семантического анализа самого летописного текста, так и сравнение информации ПВЛ со сведениями других релевантных для изучения данной темы источников.

Анализ. Повествование о происхождении славян в этногеографическом введении ПВЛ начинается с сообщения об уделах трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета. Описание каждого из уделов содержит перечни народов, в которых отразилось использование хронографических источников [4; 11], в первую очередь славянских переводов хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы [6; 21]. Включив словен в восходящий к хронике Георгия Амартола перечень стран и народов, составивших удел Иафета, летописец поместил их между Иллириком и Лухитией (то есть районом Лихнида (Охрида)) [18, с. 7]. Следующее упоминание о словенах содержится в рассказе о разделении языков вследствие строительства Вавилонской башни. Летописец снова упоминает уделы сыновей Ноя, на сей раз определяя их по сторонам света, после чего сообщает: «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне» [18, с. 8]. Хотя в историографии установлено, что нарцами здесь именуются норики, то есть жители римской провинции Норик, что, очевидно, отражает знакомство летописца с памятником, подобным хронике Ипполита Римского или Пасхальной хронике, где также фигурирует этот народ, упоминаемый в перечне 72 народов вслед за паннонцами [3; 5, с. 56; 17, с. 29–32], источник отождествления нориков со словенами остается неясным. Можно лишь констатировать, что такое отождествление хорошо вписывается в локализацию летописцем постбиблейской славянской прародины. О ней, сразу вслед за упоминанием нарцев, летописец сообщает следующее: «По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣх словѣнъ разидошася по зѣмле и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ» [18, с. 8].

Если местоположение «Угорской земли», то есть Венгрии, не вызывает вопросов, то значение термина «Болгарская земля» нуждается в уточнении, так как ко времени составления ПВЛ прошло почти сто лет с момента исчезновения Болгарского царства с политической карты Европы. Как показал П. Коматина, проанализировав обширный массив свидетельств о «Болгарии» XI–XII вв., в эту эпоху Болгарией именовалась территория Охридской архиепископии, причем представление о границах Болгарии, обусловленное длительным вхождением тех или иных епархий в юрисдикцию Охрида, обладало относительной устойчивостью [9]. Из этого следует, что в пределы той части славянской прародины, которая в период составления ПВЛ находилась в составе Болгарской земли, едва ли могли включаться области Нижнего Подунавья, некогда входившие в состав Болгарского царства: в византийских текстах XI–XII вв. эти территории именовались Мизией, а не Болгарией [9, с. 46–47]. Следовательно, в регионе Подунавья летописная Болгарская земля могла охватывать лишь области находившихся здесь четырех епархий Охридской архиепископии – Сремской, Белградской, Браничевской и Видинской.

Так как в наши задачи не входит рассмотрение сюжета о расселении славян, к которому летописец обращается сразу вслед за известием о дунайской прародине, обратим внимание лишь на тот пассаж введения, где снова фигурируют дунайские славяне. Летописец возвращается к ним по завершении пространного перечня народов Восточной Евро-

пы, делая своего рода исторический экскурс: «Словѣньску же языку, яко же рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви, и насѣлници словѣном быша. Посемъ придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» [18, с. 10]. Казалось бы, упоминание в этом пассаже болгар, которые, в отличие от обров (аваров) и белых угров (оногуров?), основали свою державу на Нижнем Дунае, лишь позднее расширив свою власть на окраины Карпатской котловины, побуждает усомниться в правильности интерпретации Болгарской земли как территории Охридской архиепископии. Но веских оснований для сомнений все же нет. Дело в том, что сведения об обрах, уграх, Хосрове и Ираклии были почерпнуты летописцем из славянского перевода хроники Георгия Амартола. К этому же источнику восходит и использованное при описании происхождения болгар выражение «рекше от козаръ» [21, с. 45–46]. Еще более важным является то обстоятельство, что сходное описание водворения болгар на Дунае содержится в «Повести полезной о латинах», написанной предположительно в XII веке. В свое время А.А. Шахматов предположил, что «Повесть полезная о латинах», так же как и ПВЛ, при описании ранней истории славян опиралась на «Сказание о преложении книг на славянский язык», но недавно А. Николовым была высказана гипотеза, согласно которой ПВЛ заимствовала информацию о болгарах напрямую из «Повести полезной о латинах», существенно изменив при этом ее содержание. Дело в том, что в «Повести», в отличие от ПВЛ, сообщается об овладении болгарами Мизией и расселении их родов к западу до Иллирика. Как видно, географическая номенклатура памятника находится в соответствии с византийскими представлениями, что неудивительно: по мнению А. Николова, «Повесть» была переводом с греческого, созданным на Балканах в конце XI или начале XII века. Как считает исследователь, превратить болгар в «насельников» в славянской земле летописца побудило упоминание в тексте Иллирика, который в ПВЛ локализуется в Словенской земле [14, с. 266–267].

Рассказ о судьбах дунайских славян продолжается в ПВЛ в статье 898 г., восходящей, согласно гипотезе А.А. Шахматова, в своей основной части к «Сказанию о преложении книг на славянский язык». Содержащиеся в этой статье известия о волохах, которые «приняша землю словеньску», и уграх, которые, изгнав волохов, «наслѣдиша землю ту», неоднократно анализировались в историографии. При сохраняющейся дискуссионности вопроса об источнике этих сведений почти всеми исследователями признается, что они хорошо отражают историю Карпатской котловины в IX в. – сначала господство франков (волохов) в Паннонии, а затем занятие ее венграми. Таким образом, географическая привязка фигурирующей здесь Словенской земли (Карпатская котловина или ее западная часть) не вызывает сомнений.

Переходя далее к рассказу о создании славянской письменности, летописец снова использует термин «Словенская земля». На сей раз он именует князьями Словенской земли Ростислава, Святополка и Коцела, которые отправили посольство к византийскому императору с просьбой прислать им учителя, который бы перевел для славян священные книги. Из этого следует, что Словенской землей здесь именуется пространство трех княжеств – Моравского (Ростислав), Нитранского (Святополк) и Паннонского (Коцел). Подобное использование понятия «Словенская земля», отражающее этническое единство славян Карпатской котловины [35; 33, s. 19], заставляет вспомнить описание славянской прародины в этногеографическом введении, ведь пространство Словенской земли из статьи 898 г. в значительной степени совпадает с той территорией, которая в этногеографическом введении представлена как первичная зона обитания славян. Несовпадения ограничиваются включением в статье 898 г. в состав Словенской земли Моравии (согласно тексту введения, мораване были среди тех славян, которые, расселяясь с Дуная, стали обретать названия в соответствии с местами своего нового обитания; мораване – от реки Моравы [18, с. 8]), и упоминанием во введении наряду с Венгрией еще и Болгарской земли, тогда как

в статье 898 г. в качестве наследника Словенской земли выступает лишь «Угорская земля», действительно, охватывавшая территории бывших Паннонского и Нитранского княжеств. Этим двум нюансам едва ли стоит придавать важное значение. Объединение Моравии с Нитранским и Паннонским княжествами кажется совершенно естественным в силу не только того, что Моравия составляла политическое единство с Нитранской землей и одно время также контролировала Паннонию, но и упоминавшегося этнического единства словен. Что же касается упоминания Болгарии в качестве страны, занимающей «ныне» (наряду с Венгрией) район первоначального проживания славян, то здесь стоит принять во внимание то, что одной из расположенных в Подунавье епархий Охридской архиепископии была Сирмийская, охватывавшая район Срема. Хотя принадлежность Срема в 860-е гг. остается не вполне ясной, есть некоторые основания думать, что в правление Коцела Срем был частью Паннонского княжества [28, с. 350]. В этом случае совпадение пространства дунайской прародины, обрисованного во введении, с территорией Словенской земли из статьи 898 г., может быть еще более полным.

Прежде чем делать на основании этого совпадения какие-либо выводы относительно генезиса представлений о дунайской прародине, необходимо принять во внимание еще один фрагмент статьи 898 г., где говорится о поставлении Мефодия паннонским епископом. Сообщив о том, что Мефодий был поставлен епископом «въ Пании (в Паннонии. – *Д. А.*), на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла», летописец дал комментарий значению этой преемственности, попутно сообщив дополнительные сведения о прародине славян: «Тѣм же словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ. В Моравы бо ходилъ и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ; ту бо бѣша словене первое. Тѣм же и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ словѣнескъ и поставилъ есть епископа и намѣсника по себѣ Андроника словеньску языку» [18, с. 16]. Информация о поставлении Мефодия по инициативе Коцела «на стол Андроника апостола» была почерпнута автором из Паннонского жития Мефодия. Однако вся последующая конструкция, устанавливавшая связь между Андроником, Моравией и Иллириком, определяемым летописцем как район миссии апостола Павла и как первоначальное место обитания славян, в других источниках не зафиксирована и, судя по всему, является оригинальной концепцией летописца.

О том, что апостол Павел, распространяя веру, доходил «до Иллирика», известно из Библии (*Рим*. 15:19), в то время как Андроник как «епископ Паннонии» фигурировал в раннесредневековой традиции. Стол Андроника в историографии было принято отождествлять с Сирмием – важнейшим церковным центром римской Паннонии. Однако, как недавно показала М. Бетти, традиция считать Сирмий местом служения Андроника прослеживается лишь начиная с Нового времени [23, p. 194–203], вследствие чего не может быть уверенности в том, что в Житии Мефодия, как и в ПВЛ, под «столом Андроника» понимался именно Сирмий. Скорее, в обоих случаях здесь вообще не подразумевался какой-то определенный центр, а лишь имелась в виду территория Паннонии.

Хороним «Иллирик» был хорошо известен летописцу из перевода хроники Георгия Амартола: в восходящем к ней перечне стран, приводимом в этногеографическом введении ПВЛ, Иллирик упомянут среди областей, составивших удел Иафета. Включая в этот перечень словен и размещая их между Иллириком и Охридской областью («Лухития»), летописец, очевидно, стремился согласовать информацию хроники со сведениями, приведенными им в статье 898 г. [21, с. 42–43]. Таким образом, имевшаяся в распоряжении летописца информация об Иллирике, Паннонии и апостолах была дополнена им следующими элементами: 1) локализация Иллирика в Моравии / Паннонии; 2) локализация в Иллирике первичного района обитания славян.

Попытаемся теперь выявить логику, обусловившую появление этих элементов, с точки зрения «археологии знания». Для начала необходимо отметить, что убеждение в том, что славяне являются автохтонными

жителями Иллирика, принадлежа к числу первых народов, приобщившихся к христианству, было свойственно не только древнерусскому автору. Похожее представление уже в IX в. фиксируется в Риме. Так, в 873 г. папа Иоанн VIII адресовал «склавинскому» (очевидно, сербскому) князю Мутимиру письмо, в котором призывал его вернуться, «следуя обычаю своих предков» (*progenitores*), под церковную юрисдикцию паннонского епископа [24, p. 367–368]. Поставление Мефодия паннонским епископом означало возрождение церковной организации, существовавшей в античности, вследствие чего ясно, что папа считал славян автохтонными жителями [12, с. 74]. Похожая апелляция ко временам античности содержится и в письмах Иоанна VIII, направленных в 879 г. в Хорватию, где в это время правил Бранимир. В письме Бранимиру содержится намек на изначальную связь хорватов с Римом: папа приветствовал возвращение хорватского князя «под крыло святой апостольской столицы», отмечая, что из этого материнского источника и предки (*patres*) князя «пили медоносный напиток святого учения» [31, s. 40]. Эта же идея изначальной связи предков (*parentes*) хорватов с Римом, облаченная в почти дословно повторяющуюся формулу о медоносном напитке, звучит и в другом письме папы, адресованном хорватскому клиру и народу [31, s. 47–48]. Фактически из содержания писем Иоанна VIII вытекало, что и сербы, и хорваты были автохтонными жителями Иллирика, принявшими христианство из Рима в эпоху Римской империи и ныне имеющими шанс (в случае с Мутимиром и сербами) или активно стремящимися (в случае с Бранимиром и хорватами) возвратиться в лоно матери-церкви.

На то, что Рим был заинтересован в стремившихся к эмансипации от франкской и византийской опеки славянских политиях, потенциально способных стать его опорой в регионе, неоднократно обращалось внимание в историографии при обсуждении миссии Кирилла и Мефодия и отношений Римского престола со славянскими князьями. При этом, как показала М. Бетти, в случае с письмами Иоанна VIII речь шла о сознательной репрезентации идеи континуитета римской церковной власти над Иллириком, потребовавшей от папы использования особого политического языка [23, p. 211]. Думается, что именно в этом контексте следует интерпретировать представление славян в этих письмах автохтонными жителями Иллирика. Признание Иоанном VIII политических притязаний славянских лидеров, столь отличное, по верному замечанию М. Бетти, от франкского взгляда на славян как на подвластных императору варваров [23, p. 211], подразумевало не только обретение славянами достойного статуса в реализуемом Римом церковно-политическом проекте, но и легитимацию этого статуса апелляцией к античному прошлому. Преданные Риму славяне оказывались в этой оптике потомками первохристиан Иллирика

Таким образом, само возникновение идеи об автохтонном проживании славян в Иллирике было обусловлено актуальной церковно-политической повесткой – стремлением Рима восстановить свою юрисдикцию в регионе, главным образом, посредством учреждения Паннонского диоцеза. Скорее всего, именно свершившееся в это время в историческом воображении римских интеллектуалов «прикрепление» славян к Иллирику способствовало появлению представления о нем как о древней родине славян. Рано или поздно это представление должно было проникнуть к самим славянам. Так, в рескрипте папы Иннокентия IV 1248 г., разрешавшем использовать глаголические тексты в богослужении в Сеньской епископии, была зафиксирована существовавшая в Хорватии традиция, согласно которой изобретателем славянской азбуки был Иероним Блаженный [36, p. 42]. Как известно, Иероним был уроженцем города Стридон, располагавшегося, по данным античных источников, на границе Далмации и Паннонии, вследствие чего автохтонистская перспектива в интерпретации прошлого привела к включению этой фигуры в хорватскую историческую традицию.

По догадке А. Авенариуса, именно существовавшее в Хорватии представление об автохтонном происхождении южных славян обусловило появление в ПВЛ представления о прародине славян в Иллирике [1, с. 30–31]. На наш взгляд, можно допустить, что сформировавшееся в Риме представление об автохтонном происхождении славян Иллирика,

став в период существования «славянского диоцеза» Мефодия, элементом кирилло-мефодиевского культурно-идеологического проекта, способствовало появлению древнейших славянских версий «*origo gentis*», в которых Иллирик и/или Паннония (часть Иллирика) фигурировали в качестве прародины славян. Давно замечено, что рассказ ПВЛ о дунайской прародине обнаруживает сходство с картинами прошлого славян, изображенными в памятниках историописания Центральной Европы [15, с. 77]. Так, Паннония в качестве славянской прародины фигурирует в Великопольской хронике, где вводная часть («Пролог»), содержащая рассказ о происхождении славян, была создана во второй половине XIV в. [27]. В «Хронике так называемого Далимила» (начало XIV в.) сообщается о том, что после разделения языков сербы, под которыми хронист подразумевал древнейших славян [7, с. 27–28], заняли земли греков «возле моря», откуда распространились до Рима. Как видно, речь здесь идет о пространстве Иллирика, причем отсюда, а точнее из Хорватии, происходил, по версии хроники, и легендарный Чех – праотец чехов [7]. В историографии так и не удалось выяснить корни этногенетических представлений данных авторов, а в одной из последних работ, посвященных «Прологу» Великопольской хроники, высказывается мнение, что в качестве прародины славян Паннония в этом памятнике появилась под влиянием ПВЛ [27], что представляется сугубо теоретической возможностью.

Для наших целей важно подчеркнуть, что фигурирующие в папских письмах Хорватское и Сербское княжества не были частью Словенской земли в том виде, в каком она очерчена в ПВЛ. Размещая Иллирик на территории Моравии (и Паннонии), то есть Словенской земли, летописец мог принимать во внимание границы позднеантичной префектуры Иллирик, включавшей в свой состав Паннонию [15, с. 74–75; 17, с. 30]. В этом случае Словенская земля занимала бы лишь часть Иллирика. Однако допустимо и иное толкование, которое позволяет, напротив, считать летописный Иллирик частью Словенской земли, сузив, таким образом, территорию первичного обитания славян в ее рамках. Такое толкование можно предложить, основываясь на упоминании Иллирика в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). В нем при описании истории хорватов сообщается о том, что после переселения в Далмацию часть их отделилась от своих соплеменников и «овладела Иллириком и Паннонией», где возникло еще одно хорватское княжество [2, с. 131]. Отталкиваясь от отождествления этого княжества с так называемым Посавским княжеством в южной части Паннонии, Х. Грачанин предположил, что Иллириком здесь назван (восточный) Срем [26, с. 180]. Если в ПВЛ под Иллириком тоже разумелся Срем, то, возможно, именно этим было обусловлено упоминание летописцем «Болгарской земли» (соответствовавшей, как отмечалось, территории Охридской архиепископии, в чьей юрисдикции была Сирмийская епархия) в качестве страны, которая, наряду с «Угорской землею», охватывала область первоначального проживания славян.

Казалось бы, то, что Словенская земля в летописной статье 898 г. охватывает три княжества, на территории которых разворачивалась деятельность Кирилла и Мефодия, может быть расценено как свидетельство книжного характера понятия «Словенская земля», а именно его возникновения под воздействием кирилло-мефодиевской агиографии. В свою очередь, совпадение территории Словенской земли из статьи 898 г. с областью первичного обитания словен, обрисованной во введении, может навести на мысль, что и сама этногенетическая концепция ПВЛ возникла под влиянием житий Кирилла и Мефодия. Подобную идею высказал А. П. Толочко: ввиду того, что в ПВЛ представление о существовании единого славянского народа связано с обладанием этим народом особой письменностью, источником представлений летописца о Словенской земле ученый счел Паннонские жития [19, с. 76–77].

Идея эта, однако, должна быть подвергнута критике в свете присутствия в источниках, никак не связанных с кирилло-мефодиевской агиографией, представления о Карпатской котловине как о «стране славян», совершенно сходного с тем, что наблюдается в ПВЛ. Наиболее ранним памятником, содержащим такое представление, является «Венгерско-польская хроника», созданная в 1220–

1230-е гг. при дворе герцога Коломана, брата венгерского короля Белы IV [29]. При описании деяний легендарного короля венгров Аквилы (Аттилы) в хронике неоднократно упоминается «Склавония», то есть страна славян. Как показал М. Хомза, в состав Склавонии в «Венгерско-польской хронике» включается отнюдь не только область между Дравой, Савой и Гвоздом, превратившаяся в XIII в. в особую политико-административную единицу – Славонское королевство (*regnum Sclavoniae*), но и, по сути, все пространство Карпатской котловины [29, s. 41–43]. Показательно в этом смысле сообщение хроники о том, как внук Аквилы Бела вернулся из Аквилеи «в свою землю Склавонию, которую его дед назвал Венгрией» (*in terram suam Sclavoniam, quam atavus suus Ungariam apellavit*) [29, s. 132]. М. Хомза справедливо обратил внимание на сходство этой фразы с известием статьи ПВЛ 898 г. о том, как после того, как венгры изгнали волохов и унаследовали Словенскую землю, последняя стала именоваться Венгрией («Посем же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покорivше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска» [18, с. 15]). При отсутствии следов более ранней письменной традиции, которая бы могла повлиять на появление одинаковых этногеографических представлений в двух не связанных друг с другом памятниках, остается считать, что эти представления были обусловлены локальным знанием и отражали этнические реалии.

В обоснование того, что «Словенская земля» являлась реальным этногеографическим понятием, а не книжным конструктом, вдохновленным кирилло-мефодиевской агиографией, можно привести и свидетельства позднейших славяноязычных источников, фиксирующих использование понятия «Словенская земля» в живой речи. Одним из них является так называемое «Хождение на Флорентийский собор», написанное одним из участников русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. – предположительно диаконом суздальского епископа Авраамия. При описании обратного путешествия из Венеции через территорию современной Хорватии автор «Хождения», сообщая о пересечении им реки Дравы, дает следующий комментарий: «Та убо река у рубежа Словеньской земли с Угорескою землею» [8, с. 70]. Притом, что автору «Хождения» известны «хавратяне» (хорваты), населявшие города Сень и Бринье, едва ли можно сомневаться в том, что Словенской землей здесь именуется Славонское королевство с центром в Загребе. Однако воспринимать хороним «Словенская земля» как перевод латинского названия «Sclavonia» было бы неверно, ведь само закрепление названия «Sclavonia» за пространством, соответствовавшим территории Загребской епископии [22], произошло в силу преобладания здесь носителей славянской идентичности – словен.

Примечательно в связи с этим, что еще в XVI–XVII вв. в исторических сочинениях, создававшихся в Славонии, встречается более широкое, то есть не ограниченное рамками Славонского королевства, значение понятия «Словенская земля». Так, весьма интересна в этом отношении этногеографическая номенклатура, используемая в написанной кайкавским наречием «Хронике» Антуна Врамца, опубликованной в 1578 г. Сообщая под 744 г. о переселении венгров в Карпатскую котловину, автор хроники говорит, что они «пришли в Паннонию или Словенскую землю» (*v Pannoniu ali Zlouenzku zemlu iezu dosli*) [38, s. 28]. Как видно, Врамец, воспроизводя известный сюжет венгерской историографии о поселении венгров в Паннонии, называет занятую венграми территорию Словенской землей, совершенно не считая нужным ограничивать это понятие лишь пределами Славонии, отделенной от Венгрии рекой Драва.

Не менее показательно свидетельство хорватского автора Павла Риттера-Витезовича (1652–1713). В написанной им «Хронике, или истории веков всего света» (*Kronika aliti szpomen vszega szvieta vikov*), изданной в Загребе в 1696 г., Витезович под влиянием традиций далматинско-дубровницкой историографии использовал этноним «славяне» (*Szlovenci*) по отношению ко всем славяноязычным народам. Интересно, однако, что Витезович счел нужным разъяснить свою позицию, поместив в конце своей книги специальное приложение (*Pridavak*), в котором им был приведен пространный список славянских народов. Необходимость в таком разъяс-

нении, несомненно, диктовалась тем, что в Славонии еще в конце XVII в. не существовало привычки именовать славянами все славяноязычные народы. Поясняя читателю, что «славянами» (*Szlovenci*) он именовал не только жителей территории между Савой, Дравой и Дунаем (то есть Славонии), но и «всех других областей, которые у греков и римлян именовались Иллирией», Витезович особенно выделил Паннонию – территорию между Дравой и Дунаем, чьи жители, по его словам, хотя и смешаны с венграми, именуются «славянами» (*Szlovenci*), а язык свой исстари называют «славянским» (*slovenski*) [37, s. 468]. Складывается впечатление, что в представлении Витезовича помимо земли славян в узком смысле, то есть Славонии, и славянского мира в широком смысле, охватывавшего все славяноязычные народы, существовала еще и промежуточная страна славян, охватывавшая вместе со Славонией лежавшую к северу от Дравы Паннонию.

Словенскую землю Врамца, как и область славян-словен (*Szlovenci*) Витезовича, охватывавшую Славонию с прилегавшими к ней венгерскими землями между Дравой и Дунаем, следует трактовать как доживший до Нового времени остаток той Словенской земли, о которой сообщается в ПВЛ. Похожим образом следует трактовать и ситуацию в северной части древней Словенской земли, где стал оформляться словацкий этнос. В источниках Средневековья и раннего Нового времени к этой территории применялись термины «*Sclavonia* / *Slavonia*», а также «*Tót ország*» («Словенская земля» по-венгерски) [32]. При этом так же, как и в Славонии, в Словакии сохранялась традиция, согласно которой Словенская земля некогда охватывала более широкую территорию. Свидетельством тому является сообщение Имре Терховича (1655–1716), говорившего в одном из своих сочинений о приходе в Карпатскую котловину воинов Аттилы и превращении «Словенской страны» в Венгерскую [32, s. 102].

Выводы. То, что название «Словенская земля» на протяжении веков использовалось в качестве обозначения населенных словенами территорий Среднего Подунавья, склоняет к тому, чтобы видеть в представлениях ПВЛ о Словенской земле не книжный конструкт, а отражение этнических реалий, то есть элемент локального знания. Эти реалии, в свою очередь, находятся в полном согласии с высказываемым в современной славистике мнением, согласно которому славянская этническая идентичность зародилась на пространстве Карпатской котловины [30, s. 28–54; 13], став распространяться за ее пределы, главным образом, в результате усвоения другими славофонными народами кирилло-мефодиевской культурной традиции [30, s. 196]. Между тем, по мнению автора ПВЛ, Словенская земля на Дунае была именно прародиной славяноязычных народов. Такое представление должно было питаться не только фактом проживания здесь народа словен, с которым была связана история появления славянской письменности, но и римским по своему происхождению взглядом на славян как на автохтонных жителей Иллирика и Паннонии, очевидно, ставшим одним из элементов кирилло-мефодиевского культурно-идеологического наследия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00400 («Христианизация Балканского региона: прерывность и континуитет»).

This study was supported financially by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-01-00400 (“Christianization of the Balkan Region: Discontinuity and Continuity”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авенариус А. Ранние славяне в Среднем Подунавье: Автохтонная теория в свете современных исследований // Славяноведение. 1993. № 2. С. 27–41.

2. Багрянородный К. Об управлении империей / под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева ; пер. Г. Г. Литаврина. М.: Наука, 1991. 496 с.

3. Ведюшкина И. В. «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В. Т. Пашуто. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1998. С. 13–16.

4. Ведюшкина И. В. Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. М.: Наука, 2004. С. 52–60.

5. Вилкул Т. Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении язык» // Ruthenica. 2007. T. VI. С. 37–85.

6. Вилкул Т. Заимствования из Хроники Иоанна Малалы в Повести временных лет // Историография и источниковедение отечественной истории. 2014. Вып. 7. С. 9–34.

7. Гавриловић М. О Србима у Далимиловој хроници // Историјски часопис. 2020. Књ. 69. С. 13–37.

8. Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1970. Т. XXV. С. 60–72.

9. Коматина П. Појам Бугарске у XI и XII веку и територија Охридске архиепископије // Византијски свет на Балкану. Књ. I / Уред. Б. Крсмановић, Љ. Максимовић, Р. Радић. Београд: Византолошки институт САНУ, 2012. С. 41–56.

10. Мачинский Д. А. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 31–52.

11. Мельникова Е. А. «Этногеографическое введение» Повести временных лет : Пространственная ориентация и принципы землеописания // Живая старина. 1995. № 4. С. 45–48.

12. Мужич И. Sklavi(ni)-Σκλαβηνοί и формирование хорватского народа на Балканах // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 73–93.

13. Назин С. В. Еще раз о склавенах и антах, Мурсианском озере и городе Новиетуне // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 113–127.

14. Николов А. «И населници словеном быша»: замечания к интерпретации сведения «Повести временных лет» о поселении болгар среди дунайских славян // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. М.: Изд-во Свято-Тихоновского гуманит. ун-та, 2012. С. 261–269.

15. Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 106 с.

16. Петрухин В. Я. «Дунайская прародина» и расселение славян // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 371–383.

17. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум : Неолит, 2014. 464 с.

18. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2007. 669 с.

19. Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев ; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

20. Флоря Б. Н. Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. 1985. Т. 46 (1). С. 121–130.

21. Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. 1940. Т. 4. С. 9–150.

22. Bali T. Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću. Zagreb: Srednja Europa, 2014. 159 s.

23. Betti M. The Making of Christian Moravia (858–882): Papal Power and Political Reality. Leiden ; Boston: Brill, 2014. 251 p.

24. Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. Zagrabiae: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1877. 544 p.

25. Dzino D. Local Knowledge and Wider Contexts: Stories of the Arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the Past and Present // Byzantium, its Neighbours and its Cultures / ed. by D. Dzino, K. Parry. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. P. 89–104.

26. Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb: Plejada, 2011. 455 s.

27. Grzesik R. Panonia kolebką Słowian? O pewnej koncepcji etnogenetycznej // Kultura, literatura oraz myśl filozoficzna Słowian Wschodnich i Południowych w powiązaniach, wzajemnych oddziaływaniach (XVI Musica Antiqua Europae Orientalis. Acta Slavica). Bydgoszcz: Filharmonia Pomorska im. I. J. Paderewskiego, 2012. S. 99–107.

28. Hauptmann Lj. Mejna grofija spodnjepanonska // Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani. 1923. Kn. 1. S. 311–357.

29. Homza M. Uhorsko-poľská kronika: nedocenený prameň k dejinám strednej Európy. Bratislava: Post Scriptum, 2009. 223 s.

30. Homza M. Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. 313 s.

31. Matijević Sokol M., Sokol V. Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira. II. dopunjeno izdanje. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2005. 115 s.

32. Mrva I. Regnum Sclavorum, Sclavonia, Windenland, Slovakia, Slovák-ország, Tot vilajet, Tót ország, Zem slovenská, Slowakei, Slovácko, uhorské Slovensko – od etnicko-geografického pojmu po geograficko-politické označenie // Letz R. [et al.] Slovenské územie v historickom kontexte. Martin: Matica Slovenská, 2017. S. 93–112.

33. Mulík P. Pojem slovenského územia z historicko-geografického a historicko-lingvistického aspektu v najstaršom období // Letz R. [et al.] Slovenské územie v historickom kontexte. Martin: Matica Slovenská, 2017. S. 15–32.

34. Třeštík D. Mýty kmene Čechů (7–10 století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým». Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 s.

35. Verešová N. Povesť vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli // Historia Nova (Bratislava). 2011. Vol. II. S. 12–20.

36. Verkholantsev J. St. Jerome, Apostle of the Slavs, and the Roman Slavonic Rite // Speculum. 2012. Vol. 87. P. 37–61.

37. Vitezović Ritter P. Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696. Zagreb: ArTresor naklada, 2015. 626 s.

38. Vramec A. Kronika. Zagreb; Varaždin: Zavod za znanstveni rad: Kršćanska sadašnjost, 1992. 140 s.

REFERENCES

1. Avenarius A. Rannie slavyane v Srednem Podunavye: Avtokhtonnnaya teoriya v svete sovremennykh issledovaniy [Early Slavs in the Middle Danube Region: The Autochtonist Theory in the Light of Current Research]. *Slavyanovedenie*, 1993, no. 2, pp. 27-41.

2. Bagryanorodnyy K. *Ob upravlenii imperiey* [On the Administration of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.

3. Vedyushkina I.V. «Nartsy yezhe sut slovene» ["Nartsy Who Are Slavs"]. *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekovye. X Chteniya pamyati V.T. Pashuto* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. 10th Readings in Memory of V.T. Pashuto]. Moscow, In-t vseobshchey istorii RAN, 1998, pp. 13-16.

4. Vedyushkina I.V. Etnogenealogii v Povesti vremennykh let [Ethnic Genealogies in the Tale of Bygone Years]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2002* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2002]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 52-60.

5. Vilkul T. Tolkovaya Paleya i Povest vremennykh let. Syuzhet o «razdelenii yazyk» [The Explanatory Paleia and the Tale of Bygone Years: The Story of the Division of Peoples]. *Ruthenica*. 2007, vol. 6, pp. 37-85.

6. Vilkul T. Zaimstvovaniya iz Hroniki Ioanna Malaly v Povesti vremennykh let [Borrowings from the Chronicle of John Malala in the Tale of Bygone Years]. *Istoriografiya i istochnikovedeniye otechestvennoy istorii* [Historiography and Source Study of Russian History], 2014, iss. 7, pp. 9-34.

7. Gavrilović M. O Srbima u Dalimilovoj hronici [About Serbs in the Chronicle of Dalimil]. *Istorijski časopis,* 2020, vol. 69, pp. 13-37.

8. Kazakova N.A. Pervonachalnaya redaktsiya «Khozhdeniya na Florentiyskiy sobor» [Original Version of the "Journey to the Council of Florence"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department for Old Russian Literature], 1970, vol. 25, pp. 60-72.

9. Komatina P. Pojam Bugarske u XI i XII veku i teritorija Ohridske arhiepiskopije [The Concept of Bulgaria in the 11th and 12th Centuries and the Territory of the Archbishopric of Ohrid]. Krsmanović B., Maksimović Lj., Radić R., eds. *Vizantijski svet na Balkanu. T. 1* [Byzantine World in the Balkans. Vol. 1]. Belgrade, Vizantoloshki institut SANU, 2012, pp. 41-56.

10. Machinskiy D.A. Migratsiya slavyan v I tys. n.e. (po pismennym istochnikam s privlecheniem dannykh arkheologii) [Migration of the Slavs in the 1st Millennium A.D. (According to Literary Sources with the Use of Archaeological Data)]. *Formirovanie rannefeodalnykh slavyanskikh narodnostey* [Forming of the Early Feudal Slavic Nations]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 31-52.

11. Melnikova E.A. «Etnogeograficheskoye vvedeniye» Povesti vremennykh let: Prostranstvennaya oriyentatsiya i printsypy zemleopisaniya ["Ethnogeographic Introduction" of the Tale of Bygone Years: Spatial Orientation and Land Description Principles]. *Zhivaya starina*. 1995, no. 4, pp. 45-48.

12. Mužić I. Sklavi(ni)-Σκλαβηνοί i formirovanie khorvatskogo naroda na Balkanakh [Sklavi(ni)-Sklavenoii and the Formation of the Croatian People in the Balkans]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008, no. 2 (4), pp. 73-93.

13. Nazin S.V. Yeshche raz o sklavenakh i antakh, Mursianskom ozere i gorode Novietune [Sclaveni and Antes, Lacus Mursianus and Civitas Novietunensis Revisited]. *Vizantiyskiy vremennik*, 2019, vol. 103, pp. 113-127.

14. Nikolov A. «I naselnitsi slovenom bysha»: zamechaniya k interpretatsii svedeniya «Povesti vremennykh let» o poselenii bolgar sredi dunayskikh slavyan [«I naselnitsi slovenom bysha»: Notes on the Interpretation of the Account of the "Tale of Bygone Years" of the Settlement of the Bulgars Among the Danube Slavs]. *THEODOULOS*. Moscow, Izd-vo Svyato-Tikhonovskogo gumanit. un-ta, 2012, pp. 261-269.

15. Nikolskiy N.K. *Povest vremennykh let kak istochnik dlya istorii nachalnogo perioda russkoi pismennosti i kultury. K voprosu o drevneyshem russkom letopisanii* [The Tale of Bygone Years as a Source for the History of the Initial Period of Russian Literature and Culture. To the Question of the Most Ancient Russian Chronicle Writing]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1930. 106 p.

16. Petrukhin V.Ya. «Dunayskaya prarodina» i rasseleniye slavyan [The "Danube Homeland" and Settling of the Slavs]. *Kontsept dvizheniya v yazyke i kulture* [The Concept of Movement in Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., pp. 371-383.

17. Petrukhin V.Ya. *Rus v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus in the 9th–10th Centuries. From the Invitation of the Varangians to the Choice of Religion]. Moscow, Forum Publ., Neolit Publ., 2014. 464 p.

18. Likhachev D.S., Adrianova-Peretz V.P., eds. *Povest vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 669 p.

19. Tolochko A.P. *Ocherki nachalnoy rusi* [Essays on the Early Rus]. Kiev, Saint Petersburg, Laurus Publ., 2015. 336 p.

20. Florya B.N. Skazanie o prelozhenii knig na slavyanskiy yazyk. Istochniki, vremya i mesto napisaniya [The Tale of the Translation of the Books into the Slavic Language. Sources, Date and Place of Origin]. *Byzantinoslavica*, 1985, vol. 46 (1), pp. 121-130.

21. Shakhmatov A.A. Povest vremennykh let i yeye istochniki [Tale of Bygone Years and Its Sources]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department for Old Russian Literature], 1940, vol. 4, pp. 9-150.

22. Bali T. *Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću*. Zagreb, Srednja Europa, 2014. 159 s.

23. Betti M. *The Making of Christian Moravia (858–882): Papal Power and Political Reality*. Leiden, Boston, Brill, 2014. 251 p.

24. Rački F., ed. *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia*. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1877. 544 p.

25. Dzino D. Local Knowledge and Wider Contexts: Stories of the Arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the Past and Present. Dzino D., Parry K., eds. *Byzantium, Its Neighbours and Its Cultures*. Sydney, Australian Association for Byzantine Studies, 2014, pp. 89-104.

26. Gračanin H. *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća)*. Zagreb, Plejada, 2011. 455 s.

27. Grzesik R. Panonia kolebk№ Siowian? O pewnej koncepcji etnogenetycznej. *Kultura, literatura oraz myьl filozoficzna Siowian Wschodnich i Poiudniowych w powiązaniach, wzajemnych oddziaiywaniach (XVI Musica Antiqua Europae Orientalis. Acta Slavica)*. Bydgoszcz, Filharmonia Pomorska im. I. J. Paderewskiego, 2012, S. 99-107.

28. Hauptmann Lj. Mejna grofija spodnjepanonska. *Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani*, 1923, book. 1, s. 311-357.

29. Homza M. *Uhorsko-poľská kronika: nedocenený prameň k dejinám strednej Európy*. Bratislava, Post Scriptum, 2009. 223 s.

30. Homza M. *Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. 313 s.

31. Matijević Sokol M., Sokol V. *Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira*. Zagreb, Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2005. 115 s.

32. Mrva I. Regnum Sclavorum, Sclavonia, Windenland, Slovakia, Slovák-ország, Tot vilajet, Tót ország, Zem slovenská, Slowakei, Slovácko, uhorské Slovensko – od etnicko-geografického pojmu po geograficko-politické označenie. Letz R. et al. *Slovenské územie v historickom kontexte*. Martin, Matica Slovenská, 2017, s. 93-112.

33. Mulík P. Pojem slovenského územia z historicko-geografického a historicko-lingvistického aspektu v najstaršom období. Letz R. et al. *Slovenské územie v historickom kontexte*. Martin, Matica Slovenská, 2017, s. 15-32.

34. Třeštík D. *Mýty kmene Čechů (7–10 století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým»*. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 s.

35. Verešová N. Poves vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli. *Historia Nova (Bratislava)*, 2011, vol. II, s. 12-20.

36. Verkholantsev J. St. Jerome, Apostle of the Slavs, and the Roman Slavonic Rite. *Speculum*, 2012, vol. 87, pp. 37-61.

37. Vitezović Ritter P. *Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696*. Zagreb, ArTresor naklada, 2015. 626 s.

38. Vramec A. *Kronika*. Zagreb, Varaždin, Zavod za znanstveni rad, Kršćanska sadašnjost, 1992. 140 s.

Information About the Author

Denis E. Alimov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Slavic and Balkan Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, d.alimov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4733-4150

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Алимов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.alimov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4733-4150

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.17

UDC 908(470.45)
LBC 63.3(2Рос-4Вог)61

Submitted: 02.05.2023
Accepted: 18.07.2023

A.K. VYDRIN'S MEMOIRS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE CIVIL WAR [1]

Irina S. Petrova

State Archive of the Volgograd region, Volgograd, Russian Federation

Olga V. Rvacheva

Volgograd Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The relevance of the study is due to the need for an objective study of events related to the history of the civil war. The study of archival sources by the Tsaritsyn (since 1925 – Stalingrad) Commission for the collection and processing of materials on the history of the October Revolution and the Civil War (histparty) will expand the documentary base for researchers on this topic. The purpose of the article is to conduct a source and archeographic study of the memoirs of one of the prominent figures of the Civil War. The author's tasks were to identify the memories of A.K. Vydrin in the Stalingrad Histparty Fund, study the biography of their author, and analyze the preserved memories as a historical source on the history of Tsaritsyn 1918–1920. *Methods and materials*. The article is based on archival documents and materials from the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of the Volgograd region. The study of archival documents was based on the principles of source studies and critical analysis of historical sources. In the 1920s and 1930s, the memoirs of eyewitnesses to the events were published, including those of participants in the fighting on the Tsaritsyn front (V. Alekseev, S. Minin, etc.). However, most of the memories have not yet been introduced into scientific circulation. *Analysis*. When analyzing the memories, the author's personality is characterized, and a textual and factual study of the text is carried out. *Results*. The result of the study is a biography of a participant in the civil war and the historical value of memories as a source on the history of Tsaritsyn at the beginning of the twentieth century. *Authors' contribution*. O.V. Rvacheva analyzed the activities of the Histparty Commission, described the tasks of forming narrative sources, characterized the memoirs as a specific source base, and revealed information that reveals the historical value of A.K. Vydrin's memoirs (historical events, personalities that complement the historical picture of revolutionary events and the civil war in Tsaritsyn). I.S. Petrova performed an archeographic description and analysis of A.K. Vydrin's memoirs, assessed the significance of the memoirs for studying the revolution and the civil war in Tsaritsyn, and prepared the text of the source for publication.

Key words: archive, memoirs, sources, civil war, Battle of Tsaritsyn, Histparty.

Citation. Petrova I.S., Rvacheva O.V. A.K. Vydrin's Memoirs as a Source on the History of the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 214-223. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.17

© Петрова И.С., Рвачева О.В., 2023

УДК 908(470.45)
ББК 63.3(2Рос-4Вог)61

Дата поступления статьи: 02.05.2023
Дата принятия статьи: 18.07.2023

ВОСПОМИНАНИЯ А.К. ВЫДРИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ [1]

Ирина Сергеевна Петрова

Государственный архив Волгоградской области, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Актуальность исследования обусловлена необходимостью объективного изучения событий, связанных с историей Гражданской войны. Изучение архивных источников Царицынской (с 1925 г. – Сталинградской) комиссии по собиранию и обработке материалов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны (Истпарта) позволит расширить документальную базу для исследователей по данной теме. Цель статьи – провести источниковедческое и археографическое исследование воспоминаний одного из видных деятелей Гражданской войны. Задачами авторов являлось выявление воспоминаний А.К. Выдрина в фонде Сталинградского Истпарта, изучение биографии их автора и анализ сохранившихся воспоминаний как исторического источника по истории Царицына 1918–1920 годов. *Методы и материалы*. Статья основана на архивных документах и материалах Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Волгоградской области. Изучение архивных документов базировалось на принципах источниковедческого и критического анализов исторических источников. В 1920–1930-е гг. были опубликованы воспоминания очевидцев событий, в том числе участников боевых действий на царицынском фронте (В. Алексеева, С. Минина и др.). Однако большинство воспоминаний еще не введено в научный оборот. *Анализ*. При анализе воспоминаний дана характеристика личности автора, проведено текстологическое и фактическое исследование текста. *Результаты*. Итог исследования – представлена биография участника Гражданской войны и историческая ценность воспоминаний как источника по истории Царицына начала XX века. *Вклад авторов.* О.В. Рвачева проанализировала деятельность комиссии Истпарта, описала задачи формирования нарративных источников, охарактеризовала воспоминания как специфическую источниковую базу, выявила информацию, раскрывающую историческую ценность воспоминаний А.К. Выдрина (исторические события, персоналии, дополняющие историческую картину революционных событий и Гражданской войны в Царицыне). И.С. Петрова выполнила археографическое описание и анализ воспоминаний А.К. Выдрина, дала оценку значения воспоминаний для изучения революции и Гражданской войны в Царицыне, подготовила к публикации текст источника.

Ключевые слова: архив, воспоминания, источники, Гражданская война, оборона Царицына, Истпарт.

Цитирование. Петрова И. С., Рвачева О. В. Воспоминания А.К. Выдрина как источник по истории Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 214–223. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.17

Введение. Изучение исторического нарратива той или иной эпохи – важная часть исторического исследования. Среди видового разнообразия нарративных источников воспоминания имеют свою специфику изучения. Литература мемуарного характера традиционно характеризуется, как источник с наиболее слабой достоверностью по причине значительной субъективной составляющей. Но вместе с тем именно мемуары позволяют нередко прочувствовать эпоху и увидеть ее целостный образ через призму частного взгляда. Формирование мемуарных комплексов редко имеет организованный целенаправленный характер. Волны создания мемуарной литературы возникают после крупных исторических событий, порождающих у их участников и свидетелей желание зафиксировать память о них. И отсюда еще один важный момент мемуаристики – она является частью исторической памяти общества. В контексте темы статьи воспоминания еще нужно рассматривать, как часть политики памяти, выстраиваемой большевиками. Здесь политические интересы партийно-советского руководства стали основой социокультурной составляющей советской системы, способствуя формированию символического пространства, направляя восприятие общества и конструируя его историческую память в отношении Октябрьской революции и Гражданской войны.

Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), или Истпарт, осуществляя сбор материалов, стала механизмом по созданию воспоминаний и формированию исторического образа эпохи. За время своего существования здесь было аккумулировано огромное количество материалов – источников по истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Яркий пример тому отложившиеся в Государственном архиве Волгоградской области материалы Царицынского (Сталинг-

радского) Истпарта, которые представлены протоколами его совещаний, перепиской с гражданами по вопросу и сбору документов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в городе Царицыне и Царицынском уезде. Здесь копии и оригиналы документов партийных и советских органов, организаций и участников белого движения, выборки из газет, воспоминания участников Гражданской войны (Ф. Р-346). Изучение и введение в научный оборот документов Царицынского (Сталинградского) Истпарта позволит расширить фактическую источниковую базу для изучения событий начала XX в. в Царицыне, так как в настоящее время многие архивные документы по истории революционного движения и Гражданской войны остаются практически неизвестными для исследователей.

Целью публикации является изучение воспоминаний видного деятеля большевистского движения в Царицынском уезде Акима Кузьмича Выдрина, как исторического источника, содержащего информацию о сложном и переломном периоде истории России, определение его возможностей для исторической реконструкции данного периода и источниковой ценности сохранившихся документов.

Оборона Царицына в 1918–1919 гг. была одним из важных стратегических сражений Гражданской войны на Юге России. Борьба за Царицын имела и идеологическое, и политическое, и экономическое значение. Большую роль в изучении истории этих событий имеют документы, представленные Царицынской (Сталинградской) комиссией по собиранию и обработке материалов Октябрьской революции и Гражданской войны (Истпарт) и до сегодняшнего дня не введенные в научный оборот.

Методы и материалы. Первой публикацией воспоминаний участников Гражданской войны является книга одного из организаторов и руководителей обороны Царицына С.К. Минина «Город-боец», изданная в Ленинграде в 1925 г. [10]. О подготовке к изданию воспоминаний участников Гражданской войны, собранных Сталинградским Истпартом, упоминается в переписке Истпартотдела Сталинградского губкома ВКП(б) с Истпартом ЦК ВКП(б) о научно-издательской деятельности 1928 г. [15]. В 1932 г. были изданы очерки истории революции 1917 г. в Царицыне одним из первых руководителей Сталинградского Истпарта И.Г. Романовым [17]. В 1937 г. В.Н. Алексеевым был опубликован сборник статей и документов «Оборона Царицына», в котором использованы воспоминания Г. Арзамасцева, С. Буденного, К. Ворошилова, Э. Генкиной, О. Городовикова, П. Дыбенко, И. Егорова, Л. Клюева, Е. Ковтюх, Г. Кулик, Б. Магидова, В. Сергеева, Сердич, Т. Серегина, В. Текучева, И. Ткачева, В. Чалова, Е. Щаденко [1]. В журналах «Пролетарская революция» за 1936 г. и 1939 г. были опубликованы воспоминания Э. Генкиной о событиях в Царицыне в 1918 г. [5; 6; 7]. Позднее эти воспоминания выходили отдельными изданиями [8; 9]. Однако основной массив воспоминаний о Гражданской войне остается неопубликованным.

Е.П. Воробьев и И.С. Петрова в своих статьях упоминают о неизданных воспоминаниях Сталинградского Истпарта [4; 16]. В фонде Сталинградского Истпарта (Ф. Р-346), хранящегося в Государственном архиве Волгоградской области, содержится 25 дел (3 864 листа) с неопубликованными воспоминаниями участников Гражданской войны. В них имеются сведения о формировании революционных и добровольческих отрядов, борьбе с белогвардейцами и дезертирством, продовольственном снабжении, организации защиты города Царицына, работе Штаба обороны Царицына и др. В одном из дел сохранились воспоминания участника событий, члена Царицынского уездного Совета крестьянских депутатов – Акима Кузьмича Выдрина, на археографическом и источниковедческом анализе документов которого мы остановимся более подробно.

Анализ. Придя к власти в 1917 г., большевики, руководствуясь принципом построения нового общества, сразу стали уделять внимание созданию пространства публичной истории и в целом написанию новой истории страны. Фактически шло создание и новой памяти общества с расставлением нужных акцентов. Историю Гражданской войны в СССР писали те, кто стал победителем в ней. Вполне понятно, что большевики стремились сформировать такую историческую картину, которая способствовала бы возникновению определенного прошлого. Планы Истпарта

предусматривали создание воспоминаний по отдельным событиям и фактам. Это был новый подход. Мемуарная литература должна была выстраиваться по новым правилам. В противовес старой традиционной мемуаристике она должна была составляться применительно не к автору, а к событию [14].

Среди целей работы Истпарта указывалось и дополнение исторических событий. Действительно, в рассматриваемых условиях остро вставал вопрос досконального выявления фактов и участников, их действий и внешних условий, настроений общества и пр. То есть историю нужно было создать. Какие усилия прилагал Истпарт? Это и обращение в газеты с просьбой откликнуться тех, кто был свидетелем событий, проведение вечеров воспоминаний с целью «подтолкнуть» память, составление специальной анкеты для написания воспоминаний, оказание помощи в написании. Все это способствовало тому, что создавались массивы исторического нарратива, который нужно было обработать, нередко литературно.

Какого рода информация в этих воспоминаниях содержалась и в чем ее историческая ценность, рассмотрим на материалах воспоминаний А.К. Выдрина.

Выдрин Аким Кузьмич являлся весьма значимой фигурой в революционных событиях, развернувшихся в Царицыне в 1917 году. Он играл важную роль в событиях Гражданской войны в уезде, стоял у истоков формирования здесь советской власти, был членом первого созыва уездного Совета крестьянских депутатов. Также А.К. Выдрин стал организатором Красной гвардии в уезде, начальником штаба и командующим красногвардейского отряда Иловлинского фронта в 1918 году. Его воспоминания как непосредственного участника событий Гражданской войны представляли большой интерес как для восстановления событийно-хронологической картины, так и для формирования исторического нарратива и образа эпохи. Биография А.К. Выдрина вполне отвечала идеологическим требованиям. Он родился в крестьянской семье в селе Прямая Балка Царицынского уезда (в настоящее время – Дубовский район Волгоградской области). Окончив церковно-приходскую школу, работал в хозяйстве отца.

Его партийная деятельность началась в сентябре 1917 года. Вступив в партию, с 1917 г. по 1918 г., являлся членом Царицынского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов; в 1918–1919 гг. – заведующим отделом управления Царицынского уезда. В 1920–1922 гг. А.К. Выдрин стал комиссаром продовольствия Царицынского уезда. В 1922–1925 гг. Аким Кузьмич являлся заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Царицынского уездного комитета РКП(б). В 1925–1927 гг. А.К. Выдрин возглавлял Ленинский уездный Союз сельскохозяйственной помощи и заведовал отделом социального обеспечения Ленинского уезда Сталинградской губернии [2]. В годы Большого террора подвергся репрессиям. В Списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, датированного 10 июня 1938 г., значится А.К. Выдрин, который был осужден «по 1-й категории», то есть приговорен к расстрелу [16; 18].

В Государственном архиве Волгоградской области сохранилось несколько текстов воспоминаний А.К. Выдрина:

1. «Мои воспоминания о 1905 годе».

2. «Мои воспоминания о Февральской революции и роли в ней 141 запасного полка».

3. «Падение дворянско-помещичьей власти в уезде и организация советов» (Сохранившийся в фонде Сталинградского Истпарта текст не датирован [12]. Это 30 листов машинописного текста формата А4. – *И. П., О. Р.*).

4. «Борьба красных партизан против банд генерала Краснова в Царицынском уезде».

5. «Осенний сев во время боев в Царицынском уезде».

Из приведенного списка видно, что воспоминания А.К. Выдрина, как и большинства людей, задействованных комиссией Истпарта, представляют собой не целостные мемуары об эпохе, а воспоминания об отдельных, наиболее ярких и значимых событиях революционного периода. Период их написания – 1930–1933 годы. В это время разворачивается масштабная работа по сбору воспоминаний в Нижне-Волжском крае. Одним из побудительных мотивов для тех, кто участвовал в написании воспоминаний, были юбилейные даты военно-революционных событий: 1928 г. – 10-летие создания Красной Армии;

1930 г. – 10-летие освобождения Царицына от белых.

Некоторые из мемуарных комплексов представляют в большей степени эмоциональные воспоминания о прошедших событиях, с присутствием в тексте идеологических клише и штампов того времени. Другие имеют характер исследований. Наличие исторических деталей, фамилии деятелей разных политических принадлежностей с обозначением этой принадлежности и т. д. указывают на то, что автор не просто предавался ностальгии или действовал по заданию Истпарта, а что в данном случае цель была шире – восстановить хронологию, исторические лица и детали событий. Такие мемуары выполняли задачу исторического источника, формируемого для того, чтобы реконструировать историческую картину. Автор обладал неплохим стилем. Из воспоминаний А.К. Выдрина явствует, что его политические настроения складывались задолго до октябрьских событий 1917 года. Так, описывая свое пребывание в качестве новобранца в 1905 г. в Царицыне, А.К. Выдрин с большой симпатией передает свое впечатление от стихийного митинга, на который он случайно попал, и от речи оратора, бичевавшего царское правительство, развязанную им Русско-японскую войну, принесшую бедствие народу, и под конец призвал к свержению самодержавия [11, л. 17]. Весьма интересны нюансы различных сторон жизни, которые встречаются в воспоминаниях А.К. Выдрина. Так, автор раскрывает причины экстерриториальности военной службы в России в этот период: «Тогдашней политикой самодержавного строя в своем городе, своем уезде и даже в своей губернии оставаться служить нельзя. В этом преследовалась цель использования солдата старой царской армии, как послушное оружие на подавление всякого революционного движения. В своем городе, в своем уезде и в своей губернии не исключена возможность среди революционеров повстречать брата или отца, и направленное оружие Царской опричниной не достигнет своей цели...» [11, л. 15]. Информативны и описания социально-политической атмосферы в Царицыне в 1905 г. разгоравшегося забастовочного движения, общественных настроений: «В связи с железнодорожной забастовкой и в городе все изменилось... но сами люди на этот раз изменились. Все были серьезны, озабочены и чего-то ждали. Шли горячие разговоры о том, что заводы тоже работать бросают и присоединяются к железнодорожникам...» [11, л. 16]. В целом данный блок воспоминаний представляет интерес в контексте изучения настроений, царивших в это время в армии, реакции солдат на революционные события, зачитывание листовок, митинги и т. п. Автор приводит множество деталей (номера полков, места их размещения, фамилии офицеров и т. п.), что весьма ценно для восстановления и уточнения исторической картины.

Другой документ содержит воспоминания о событиях 1917 г. и установлении нового политического строя и о том, как эти события преломлялись в жизни небольшого уездного города, который начинал играть важную роль в истории Нижневолжского региона. В этом блоке воспоминаний прослеживается уже определенная исследовательская работа. Так, А.К. Выдрин указывает, кто был предводителем дворянства в уезде, кто был избран в новую земскую управу, называет их профессиональный и политический статус: присяжный поверенный, прапорщик, кадет, эсер, народный социалист и т. д. [13, л. 100]. Раскрывается процесс политических изменений, установление новой власти и то, как новая демократическая власть (слово «демократическая» А.К. Выдрин употребляет с оговорками) в уезде пытается укреплять свои позиции, созывая крестьянский съезд, приглашая к работе в нем в качестве делегатов представителей от 141 полка [13, л. 100 об.]. Автор останавливается и на организационных деталях выборов в уездную управу. Акцентируя внимание на ее буржуазном характере, А.К. Выдрин проводит мысль о необходимости создания народной власти в лице крестьянского совета, «чтобы обеспечить крестьянство революционным движением» [13, л. 101]. В данном случае автор воспоминаний коснулся вопроса о существовании в российских губерниях в период между февралем и октябрем в 1917 г. многовластия, которое подчас совмещало три формы власти в лице старых земских управ, новых советов, а также комиссаров Временного правительства. При выборе такого крестьянского совета в Царицыне в его

состав вошел и сам А.К. Выдрин, как делегат-солдат.

Автор подробно останавливается на описании события, имевшего в условиях того времени большое значение для российского общества – выборах в Учредительное собрание, которое и должно было окончательно решить политическую судьбу России. Впоследствии Учредительное собрание в советском историческом нарративе превратится в незначительный эпизод победоносного шествия советской власти. Однако в воспоминаниях А.К. Выдрина – это весьма важная часть политической жизни Царицына того периода: «Закипела вновь в Царицыне революционная работа, стали готовиться к кампании выборов в учредительное собрание. По Саратовскому избирательному округу меньшевистский список был под № 2, эсеровский под № 12 и большевистский под № 10. От большевиков было выдвинуто 22 человека... Царицынской организации было отведено 5 мест: Минину, Ерману, Выдрину, Бабаку и Григорьеву...» [13, л. 107–107 об.].

В воспоминаниях А.К. Выдрина, посвященных февральско-октябрьскому периоду в жизни Царицына, всплывают малоизвестные эпизоды взаимодействия между революционной властью Царицына и казаками из ближайших к Царицыну станиц. Так, А.К. Выдрин приводит факт участия в работе Чрезвычайного уездного съезда, созванного в январе 1918 г., 93 делегатов-казаков, а сам съезд определяет, как совместный с казаками [13, л. 110]. Этот сложный с точки зрения формирования политических настроений в разных социальных слоях общества момент пока еще изучен слабо. Известно, что донские казаки колебались в выборе своего отношения к большевикам, и донскому атаману А.М. Каледину не удалось мобилизовать их на защиту Дона. Упоминания о подобного рода взаимодействиях, как представленные в воспоминаниях А.К. Выдрина, позволяют уточнять историческую картину периода.

Большую ценность представляют воспоминания о работе Царицынского уездного Совета крестьянских депутатов: «В 1919 г. в момент отступления Царицынского уездного Совета крестьянских депутатов при отступлении Деникинской банды не оставил ржавого гвоздя и спас все ценности, эвакуировав 6 000 пудов одного растительного масла, погрузив на баржу № 10 штаба X армии и целиком был загружен переход рубки. Мобилизованное крестьянство из сел Ерзовки и Пичуги работали по спасению ценностей целыми сутками, спасая народное добро, не оставляя ничего врагу. Одного зерна пшеницы и проса было эвакуировано свыше 9 000 пудов. Ценности были вывезены за Саратов до города Балашова, в 1920 г. они были вновь вывезены в уезд для нужд крестьян...» [13, л. 114 об.].

В другом тексте своих воспоминаний «Осенний сев во время боев в Царицынском уезде» А.К. Выдрин приводит уникальные данные о сельскохозяйственных работах во время обороны Царицына. Текст воспоминаний сохранился в трех идентичных экземплярах, отпечатан на печатной машинке, на тетрадных листах в линию, имеет инициалы и фамилию автора. Авторской правки на оригинале и двух копиях нет. Ни один экземпляр не подписан. Воспоминания датированы 22 июня 1932 г. [12].

Следующий текст также отпечатан на машинке на листах формата А4, листы имеют следы копоти. Текст датирован 10 июля 1932 г., имеет название «Борьба красных партизан против банд генерала Краснова в Царицынском уезде» [3]. Объем воспоминаний – 9 листов, изложение грамотное, эмоциональное, без исправлений и помет автора, что свидетельствует о целенаправленном желании оставить воспоминания для потомков. Повествование содержит подробное описание событий, происходивших на территории Царицынского уезда весной 1918 г. (современные территории Дубовского и Ольховского районов Волгоградской области).

В содержании выявляется определенная заданность исторического нарратива, расставление политических акцентов, не соответствующих исторической реальности, но создающих восприятие эпохи. Так, действия генерала П.Н. Краснова представлены как единство действий с генералом А.М. Калединым антибольшевистски настроенной донской элиты: «Генерал Краснов на Дону по директиве генерала А.М. Каледина и Большого Круга из Новочеркасска мобилизовал выброшенное за

борт офицерство...». Для автора в данном случае не важно, что к моменту, когда П.Н. Краснов возглавил Область войска Донского как атаман, его предшественника А.М. Каледина уже не было в живых. Войсковой круг можно считать скорее сдерживающим фактором в военных действиях атамана, ибо казаки-делегаты стремились оставаться в границах войска, а не идти за его пределы, рискуя вызвать сильную ответную реакцию со стороны большевиков. В данном случае для А.К. Выдрина такие факты имели второстепенное значение. Гораздо важнее было показать единство белых в своей ненависти к большевикам.

В воспоминаниях автор рассказывает о поручении Штаба обороны организовать отряды для борьбы с Красновым. Выдрин подчеркивает детали этой работы, например, плату крестьянам за мобилизованных лошадей, что, по его мнению, способствовало вступлению крестьян в отряды Красной гвардии [13, л. 4 об.]. Подробно расписывает А.К. Выдрин перемещение военных частей, называет населенные пункты, тем самым детализирует картину боев под Царицыном.

Далее описывает вооружение воюющих сторон, занятые ими территории, указывает фамилии командиров. А.К. Выдрин записал: «Уезд буквально был от красновских банд очищен. Мы выставили заставы и посты, стали охранять границы своего уезда. Генерал Краснов решил послать нам свою ноту, написав ее карандашом на ученической тетради и послав под белым флагом женщину. Наша застава, завязав глаза, доставила в штаб. Я, Загудаев, Поршков и Степаненко стали рассматривать ноту. Что же Краснов написал в своей ноте: “Начальнику краснопартизанских отрядов предлагаю сложить оружие и передать власть отрядам самоуправления, распустив советы. Узурпаторские действия Ваших Советов, руководимых комиссарами, творят беззакония и преступления, которым нет даже границ. Всем тем, кто сложит оружие и пойдет против комиссаров жизнь будет гарантирована, а в противном случае я буду вынужден принять меры подавления силой оружия и открыть бой”. На ноту им написали и послали с этой перебежчицей свою контр ноту...» [3, л. 6 об.]. Таким образом, автор рассказывает об организации крестьянских отрядов и их борьбе с противниками организации Советов. В рассказе много мелких деталей, дополняющих картину формирующихся противоборствующих сил, что позволяет глубже погрузиться в атмосферу эпохи и способствует лучшему ее пониманию.

Результаты. Являясь непосредственным участником революционных событий и событий Гражданской войны в Царицынском уезде, А.К. Выдрин принял активное участие в работе Сталинградской комиссии Истпарта по формированию документационной базы по истории начального периода советской власти. В представленных в комиссию воспоминаниях отражена информация по нескольким важным историческим событиям первого двадцатилетия XX века. В ходе исследования установлено, что воспоминания А.К. Выдрина могут послужить ценным источником для изучения событий начала XX в. в Царицынском уезде. Несмотря на политическую окраску воспоминаний, они дают возможность восстановить многие неизвестные имена участников событий, детали жизни населения периода революции и Гражданской войны на Юге России, позволяют выявить неизвестные детали политической жизни Царицынского уезда.

Анализируя деятельность комиссии Истпарта, удалось установить, что работа комиссии позволила сохранить для современных исследователей уникальные источники, в том числе личного происхождения, которые, при их критическом исследовании, дают ценный исторический материал. На основе воспоминаний А.К. Выдрина показаны основные события и персоналии, которые позволяют дополнить историческую картину революционных событий и Гражданской войны в Царицыне.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-20018 «История революции и гражданской войны на Юге России (1917–1922 гг.) по документам царицынского (сталинградского) Истпарта».

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-20018, “The history of the revolution and civil war in the South of Russia (1917–1922) according to the documents of the Tsaritsyn (Stalingrad) Histparty.”

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОСЕННИЙ СЕВ ВО ВРЕМЯ БОЕВ В ЦАРИЦЫНСКОМ УЕЗДЕ.
Мои воспоминания.
А.К. ВЫДРИН

Будучи отозванным с фронта Ольховско-Илюшевского боевого участка на уездный съезд 5 октября 1918 года с ПАРШИКОВЫМ Яковом Владимировичем. И проезжая из Ольховки до Царицына через степи на лошадях было обнаружено крестьянство Царицынского уезда: отчасти будучи отвлечено на фронт против банд Генерала Краснова, а отчасти просто запуганное тем, что во время уборки поле-покоса красновские банды не одно крестьянское хозяйство подвергали ограблению. Выпрягали из возов и из косилок лошадей и быков, угоняли скот даже из общественных табунов, в Прямой Балки, только в одном селе было угнано из общественного табуна до 500 голов овец у Телякова Василия Степановича, уведено 5 пар быков с сбруей и возами насыпанного хлеба, не гнушались забирать полотя и тулупы, заглядывать в сундуки к крестьянам. Забирали все, что под руку попадало. У гр. Кузьмина Михаила было всякое, даже детское белье, в частности моя семья была обобрана до нитки. Все это создавало такое положение, [что] крестьянство отчасти не управилось и отчасти были запуганы, боялись выезжать в степь на осенний сев озимой ржи. Опасность угрожала срывом сева. По нашему сообщению, не только уездный совет крестьянских депутатов был озабочен, а озабочен был и Штаб 10 армии. Я [получил] чрезвычайные полномочия от штаба 10 армии, документ за подписью т. Минина на производство осеннего сева в северной части уезда; Пономарев Петр Владимирович в южной части уезда. Я выезжал в Дубовку, уполномочиваю от своего имени с правами неограниченной власти т. Рамжаева и мобилизую на заводе бывшем Небесчеткова 200 плугов, до 10 молотильных машин и на складах земской управы Дубовка – Балыклей до 10 плугов и до 20 шт. молотильных камней. Распределив по севам по Песковатской волости уполномочиваю т. Засорина, по Мало-Ивановской волости т. Балмашного, по Балыклейской волости т. Галышникова, по Романовской волости т. Антонцева, по Караваинке т. Парамонова и т. д. Издал приказы по уполномоченным собрать собрания крестьян, обязать немедленно приступить к разведке ворохов обмолоченной ржи, направив все вывезенное зерно на семена на месте. Обязать под страхом суровой ответственности, кто имеет рабочих быков, лошадей и землю мякоть немедленно засеять, отложив другие работы в хозяйстве. Все излишки вывезенного зерна немедленно подвести к водным путям /пристаням/ для переброски в южные села уезда для обеспечения в семенном материале. В течение 5 суток такими твердыми, решительными мерами и плюс помноженными на глубокое сознание самих крестьян, вороха обмолоченной ржи не только развеяны, снабжено население на месте семенным материалом, но было подвезено и переброшено до 40 000 пудов с пристаней Дубовка, Водяное, Пролейка, Балыклей, обеспечив полностью осенний сев в уезде.

22 июня 1932 года /Выдрин/ [11, л. 45–46].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. Н. Оборона Царицына. Сталинград: Краев. кн-во, 1937. 348 с.
2. Анкеты Всесоюзной партийной переписи членов и кандидатов партии ВКП(б) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 9. Д. 3032.
3. Борьба красных партизан против банд генерала Краснова в Царицынском уезде // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 115. Л. 3–7 об.
4. Воробьев Е. П. Коммеморация событий революции 1917 г. и Гражданской войны в Царицыне – Сталинграде в 1920–1930-х гг. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 4. С. 53–66.
5. Генкина Э. Б. Приезд товарища Сталина в Царицын // РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 132. Л. 1–155.
6. Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г.: разгром первого окружения // РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 133. Л. 1-232.
7. Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г.: разгром второго окружения // РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 134. Л. 1–189.
8. Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М.: Политиздат, 1940. 220 с.
9. Генкина Э. Б. Приезд товарища Сталина в Царицын. Сталинград: Краев. кн-во, 1937. 55 с.
10. Минин С. К. Город-боец: шесть диктатур 1917 года. Л.: Прибой, 1925. 247 с.
11. Мои воспоминания из жизни 1905 и 1906 гг. в Царицыне, Саратове и Самаре // ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 30. Л. 15–26.
12. Осенний сев во время боев в Царицынском уезде // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 27. Л. 45–46.
13. Падение дворянско-помещичьей власти в уезде и организация советов // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 115. Л. 100–114 об.
14. Пересветов В. А. Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне // Астана: Цифровая библиотека Казахстана. URL: https://biblio.kz/m/articles/view/
15. Переписка истпартотдела Сталинградского губкома ВКП(б) с истпартом ЦК ВКП(б) о научно-издательской деятельности // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 331. Л. 1–2.
16. Петрова И. С. Документы Сталинградской комиссии по сбору и обработке документальных материалов для написания истории октябрьской революции и гражданской войны на Юге России (1917–1922) // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. С. 294–297.
17. Романов И., Соколов Н. Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов: Парт. изд-во. Н.-В. краев. отд-ние, 1932. 104 с.
18. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 417. Л. 38–41.

REFERENCES

1. Alekseev V.N. *Oborona Caricyna* [Defense of Tsaritsyn]. Stalingrad, Kraev. kn-vo, 1937. 348 p.
2. Ankety Vsesojuznoj partijnoj perepisi chlenov i kandidatov partii VKP(b) [Questionnaires of the All-Union Party Census of Members and Candidates of the Party of the CPSU(b)]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoj istorii (RGASPI)*, f. 17, inv. 9, d. 3032.
3. Borba krasnyh partizan protiv band generala Krasnova v Caricynskom uezde [The Struggle of the Red Partisans Against the Gangs of General Krasnov in Tsaritsyn District]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)*, f. R-346, inv. 1, d. 115, l. 3-7 r.
4. Vorobyev E.P. Kommemoracija sobytij revoljucii 1917 g. i Grazhdanskoj vojny v Caricyne – Stalingrade v 1920–1930-h gg. [Commemoration of the Events of the Revolution of 1917 and the Civil War in Tsaritsyn]. *LOKUS: ljudi, obshhestvo, kultury, smysly*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 53-66.
5. Genkina E.B. Priezd tovarishha Stalina v Caricyn [The Arrival of Comrade Stalin in Tsaritsyn]. *RGASPI*, f. 72, inv. 3, d. 132, l. 1-155.
6. Genkina E.B. Borba za Caricyn v 1918 g.: razgrom pervogo okruzhenija [The Struggle for Tsaritsyn in 1918: The Defeat of the First Encirclement]. *RGASPI*, f. 72, inv. 3, d. 133, l. 1-232.
7. Genkina E.B. Borba za Caricyn v 1918 g.: razgrom vtorogo okruzhenija [The Struggle for Tsaritsyn in 1918: The Defeat of the Second Encirclement]. *RGASPI*, f. 72, inv. 3, d. 134, l. 1-189.
8. Genkina E.B. *Borba za Caricyn v 1918 godu* [The Struggle for Tsaritsyn in 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1940. 220 p.
9. Genkina E.B. *Priezd tovarishha Stalina v Caricyn* [The Arrival of Comrade Stalin in Tsaritsyn]. Stalingrad, Kraev. kn-vo, 1937. 55 p.
10. Minin S.K. *Gorod-boec: shest diktatur 1917 goda* [The City-Fighter: Six Dictatorships of 1917]. Leningrad, Priboj Publ., 1925. 247 p.
11. Moi vospominanija iz zhizni 1905 i 1906 gg. v Caricyne, Saratove i Samare [My Memories from the Life of 1905 and 1906 in Tsaritsyn, Saratov and Samara]. *GAVO*, f. 346, inv. 1, d. 30, l. 15-26.
12. Osennij sev vo vremja boev v Caricynskom uezde [Autumn Sowing During the Battles in Tsaritsyn District]. *GAVO*, f. r-346, inv. 1, d. 27, l. 45-46.

13. Padenie dvoryansko pomeschichei vlasti v uezde i organizaciya sovetov [The Fall of the Noble-Landowner Power in the County and the Organization of the Soviets]. *GAVO*, f. r-346, inv. 1, d. 115, l. 100-114 r.

14. Peresvetov V.A. Dejatelnost Istparta po sobiraniju vospominanij ob Oktjabrskoj revoljucii i grazhdanskoj vojne [Histparty's Activities on Collecting Memories of the October Revolution and the Civil War]. *Astana: Cifrovaja biblioteka Kazahstana*. URL: https://biblio.kz/m/articles/view/

15. Perepiska istpartotdela Stalingradskogo gubkoma VKP(b) s istpartom CK VKP(b) o nauchno-izdatelskoj dejatelnosti [Correspondence of the History Department of the Stalingrad Gubkom of the CPSU(b) with the History Department of the Central Committee of the CPSU(b) on Scientific and Publishing Activities]. *RGASPI*, f. 70, inv. 2, d. 331, l. 1-2.

16. Petrova I.S. Dokumenty Stalingradskoj komissii po sboru i obrabotke dokumentalnyh materialov dlja napisanija istorii oktjabrskoj revoljucii i grazhdanskoj vojny na Juge Rossii (1917–1922) [Documents of the Stalingrad Commission for the Collection and Processing of Documentary Materials for Writing the History of the October Revolution and the Civil War in Southern Russia (1917–1922)]. *Voenno-istoricheskie aspekty zhizni Juga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izuchenija i muzeefikacii*. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2022, pp. 294-297.

17. Romanov I., Sokolov N. *Ocherk istorii revoljucii 1917 goda v Caricyne (Stalingrade)* [Essays on the History of the 1917 Revolution in Tsaritsyn (Stalingrad)]. Saratov, Part. izd-vo. N.-V. kraev. otd-nie, 1932. 104 p.

18. Spisok lic, podlezhashhih sudu Voennoj kollegii Verhovnogo suda SSSR [List of Persons to Be Tried by the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR]. *RGASPI*, f. 17, inv. 171, d. 417, l. 38-41.

Information About the Authors

Irina S. Petrova, Candidate of Sciences (History), Deputy Director, State Archive of the Volgograd region, Kommunisticheskaya St, 30, 400066 Volgograd, Russian Federation, irinapetrovaru@rambler.ru https://orcid.org/0009-0002-4664-4955

Olga V. Rvacheva, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-5039-4744

Информация об авторах

Ирина Сергеевна Петрова, кандидат исторических наук, заместитель директора, Государственный архив Волгоградской области, ул. Коммунистическая, 30, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, irinapetrovaru@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0002-4664-4955

Ольга Владимировна Рвачева, доктор исторических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5039-4744

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.18

UDC 94(47).084.9:656.6
LBC 63.3(2)6

Submitted: 07.12.2021
Accepted: 06.05.2022

PAYROLLS AS A SOURCE FOR THE RECONSTRUCTION OF SHIP BIOGRAPHIES ON THE EXAMPLE OF THE SARAPUL OPERATING OFFICE 1954–1962

Nicholas W. Mityukov

Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

Natalia V. Toshchevikova

Department for Archive Affairs of the Administration of the Municipality "City of Sarapul," Sarapul, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Payrolls are one of the valuable historical sources, which, unfortunately, has limited access due to the law on the protection of personal data. Since they are the most popular source for confirming the length of service and income of citizens, often the funds of organizations can consist of only one payroll. In this regard, the development of processing procedures to identify the implicit information contained in them is relevant. *Methods and materials*. The work is devoted to a methodical generalization of the authors' experience in working with payrolls for the period 1954–1962 of the Udmurt administration of small rivers for the reconstruction of the biographies of the ships available there. *Analysis and results*. The greatest efficiency was demonstrated by the joint analysis of payrolls with orders for personnel. At the first stage, it is advisable to present the payroll data in tabular form. After that, the table is decomposed and a search is made for possible duplicates and combinations of ships. As a result of the work, it is shown that payrolls are a valuable source, not only as a basis for subsequent statistical processing but also as a narrative source of information. On the example of payrolls at the Sarapul operational office in 1954–1962, the operational information of the fleet available there was reconstructed. It is concluded that they are a more timely and objective source than, for example, statistical reports; therefore, in cases of disagreement, preference should be given to payroll statements. *Author's contribution.* N.W. Mitiukov made an analytical summary of the submitted documents. N.V. Toshchevikova carried out an archival search, selection of documents, and editing of the manuscript.

Key words: water transport, management for the development of small rivers, payrolls, processing methods, Sarapul operating office, Kama.

Citation. Mityukov N.W., Toshchevikova N.V. Payrolls as a Source for the Reconstruction of Ship Biographies on the Example of the Sarapul Operating Office 1954–1962. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 224-240. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.18

УДК 94(47).084.9:656.6
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 07.12.2021
Дата принятия статьи: 06.05.2022

ЗАРПЛАТНЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СУДОВЫХ БИОГРАФИЙ НА ПРИМЕРЕ САРАПУЛЬСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ КОНТОРЫ 1954–1962 ГОДОВ

Николай Витальевич Митюков

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Ижевск, Российская Федерация

Наталья Владимировна Тощевикова

Управление по делам архивов Администрации МО «Город Сарапул», г. Сарапул, Российская Федерация

© Митюков Н.В., Тощевикова Н.В., 2023

Аннотация. *Введение*. Зарплатные ведомости являются одним из ценных исторических источников, который, к сожалению, имеет ограниченный доступ из-за закона о защите персональных данных. Поскольку эти документы являются наиболее востребованными для подтверждения стажа и доходов граждан, нередко фонды организаций могут состоять только из одних зарплатных ведомостей. В связи с этим разработка процедур их обработки для выявления содержащейся в них неявной информации является актуальной. *Методы и материалы.* Работа посвящена методическому обобщению опыта авторов по работе с зарплатными ведомостями периода 1954–1962 гг. Удмуртского управления малых рек для реконструкции биографий имевшихся там судов. *Анализ и результаты*. Наибольшую эффективность продемонстрировал совместный анализ зарплатных ведомостей с приказами по личному составу. На первом этапе целесообразно представление данных зарплатных ведомостей в табулированном виде. После этого производится декомпозиция таблицы и поиск возможных дубликатов и совмещения судов. В результате работы показано, что зарплатные ведомости являются ценным источником не только как база для последующей статистической обработки, но и как нарративный источник информации. На примере зарплатных ведомостей Сарапульской эксплуатационной конторы 1954–1962 гг. произведена реконструкция эксплуатационной информации имевшегося там флота. Сделан вывод, что зарплатные ведомости более оперативный и объективный источник, чем, например, статистические отчеты, поэтому предпочтение при разногласиях следует отдавать зарплатным ведомостям. *Вклад авторов*. Н.В. Митюков произвел аналитическое обобщение предоставленных документов. Н.В. Тощевикова осуществила архивный поиск, подбор документов и научное редактирование рукописи.

Ключевые слова: водный транспорт, управление по освоению малых рек, зарплатные ведомости, методика обработки, Сарапульская эксплуатационная контора, Кама.

Цитирование. Митюков Н. В., Тощевикова Н. В. Зарплатные ведомости как источник для реконструкции судовых биографий на примере Сарапульской эксплуатационной конторы 1954–1962 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 224–240. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.18

Введение. Судовые биографии являются ценным первичным материалом, позволяющим выявить и понять тенденции развития водного транспорта. Они дают наглядную эксплуатационную информацию относительно того, например, насколько продукция судостроительного предприятия была востребована народным хозяйством. И если какое-то судно списывалось спустя короткое время после начала эксплуатации, то что это – случайность или закономерность?

Традиционно для реконструкции корабельных и судовых биографий использовалась первичная (бортовая) документация (приказы командования, судовые, машинные журналы и т. п.), не подходящая для торгового флота из-за ее низкой сохранности. Те же судовые журналы, в отличие от военно-морского флота, могли быть уничтожены вместе с судном или, вразрез имеющимся инструкциям, просто не вестись. Поэтому главным и наиболее доступным источником для реконструкции биографий торговых судов могут выступать судовые списки и регистры. Главным условием успешности реконструкции судовых биографий в этом случае является насыщенность ими определенного периода. Если до революции Министерство путей сообщения (МПС) обновляло судовые списки раз в несколько лет, а «Русский регистр» издавался раз в полгода, то подобные издания советского периода чрезвычайно редки. После издания Регистра речных судов СССР в 1926–1927 гг. следующая редакция готовилась лишь в начале 1940-х гг., и ввиду массовых изменений в судовом составе в годы войны (гибель, перевод в другие акватории и т. д.) до настоящего времени находится в виде рукописи. Регулярное издание речного регистра началось лишь в постсоветское время.

Указанная проблема ставит на повестку дня необходимость поиска альтернативного источника для реконструкции судовых биографий периода 1930–1950-х годов. Как оказалось, им может выступить делопроизводственная документация предприятия. Так, документация, например, Камского речного пароходства (КРП), хранящаяся в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК), практически не имеет лакун в приказах по основной деятельности. Это дает возможность достаточно точно и достоверно реконструировать биографию

судов этого хозяйства. При исследовании фондов более мелких хозяйств выясняется чрезвычайная эклектичность документации по основной деятельности: если в крупных хозяйствах, типа КРП, она не просто велась, а еще и дублировались (например, в фондах вышестоящих министерств и ведомств), то хозяйства, флот которых носил вспомогательный характер, могли эту документацию вообще не вести. Если для заводов или лесных хозяйств, флот которых зачастую никак не участвовал в основном производстве, это еще как-то объяснимо, то для структур Управления малых рек это выглядит парадоксально.

Тем не менее, подчиняясь органам местной исполнительной власти и зачастую не имея опыта документооборота для судового хозяйства, управления малых рек вели документацию по основной деятельности, которая в большинстве своем до нас не дошла. Для технической координации работы сети управлений было создано Главное управление речного транспорта (Главречтранс), ликвидированное в 1955 году. В его фондах имеются ежегодные эксплуатационные отчеты всех управлений СССР [2], которые наглядно демонстрируют особенности документооборота на местах. Отчеты отдельных управлений, явно написанные людьми со стажем работы в отрасли, чрезвычайно детальны и обстоятельны, другие представляют собой полудилетантские отписки. Недаром среди специалистов послевоенный флот малых рек считается одним из самых малоисследованных.

Что касается документации по личному составу, она велась профессиональными работниками кадровых и финансовых служб в форме, унифицированной по стране. А поскольку эта документация является основанием для назначения пенсий и льгот, только по ней архивные фонды имеют практически сплошной массив данных. Поэтому разработка методик обработки этой документации поможет в значительной степени заполнить лакуны в истории отечественного водного транспорта.

Главной проблемой в решении задачи является закон о персональных данных, устанавливающий запрет на использование этой документации до истечения 75 лет.

Материалы и методы. Удмуртское управление по технической эксплуатации и освоению малых рек при Совмине Удмуртской АССР (далее – Управление) было образовано в 1947 г. и включало в себя три эксплуатационные конторы: Сарапульскую (СЭК), Ижевскую (ИЭК) и Воткинскую (ВЭК). Основные материалы по истории Управления следующие.

За весь период существования Управления (1947–1961 гг.) оно заполняло ежегодные статистические отчеты, в настоящее время хранящиеся в фондах ЦСУ по УАССР [9]. Кроме традиционных статистических форм «26-вод» большое значение имеют пояснительные записки к ним, где указываются причины увеличения и уменьшения основных фондов Управления, в том числе принятие на баланс и списание судового состава. К сожалению, эти отчеты не представляют цельный массив, имея некоторые пропуски, например за 1958 год. Кроме того, после ликвидации Главречтранса в 1956 г. сильно поменялась форма отчетности. Методика расшифровки формы «26-вод» предложена нами ранее и успешно использовалась для реконструкции судового состава ряда небольших хозяйств. Однако при ее использовании для флотов свыше 10 судов возникают проблемы с неумышленными ошибками составителей [6]. В связи с этим пояснительные записки и статистические формы не могут выступать самостоятельным источником в задаче реконструкции судового состава, но являются хорошим средством верификации предлагаемой методики.

Второй массив данных представляет собой эксплуатационные отчеты, находящиеся в фондах Главречтранса [2]. Они имеются за период с 1947 по 1955 г. и позволяют уверенно восстановить состав и деятельность флота. В 1955 г., после ликвидации Главречтранса, управления перешли в полную ответственность органов местной исполнительной власти. В фондах Министерства речного флота (например, ГАРФ, Ф. А-562) имеются эксплуатационные отчеты пароходств, в которые передавались суда ликвидировавшихся управлений. Однако до непосредственного момента ликвидации документация Управлений в этом фонде чрезвычайно фрагментарна и эклектична. В связи с этим сплошного массива

эксплуатационных отчетов периода 1956–1962 гг. (года ликвидации Управления) пока в архивных фондах не обнаружено.

Третий массив источников представляет собой документацию по личному составу [6], которая состоит из документов двух видов: приказов по личному составу и ведомостей по начислению заработной платы рабочим и служащим (далее – зарплатных ведомостей), и она, к сожалению, тоже полностью не покрывает весь период существования Управления. Имеются приказы по личному составу периода 1950–1962 гг. для СЭК и 1956–1962 гг. для ИЭК и ВЭК. При этом, поскольку ВЭК являлась филиалом ИЭК, насыщенность ее приказами явно уступает таковой для ИЭК. А вот зарплатные ведомости даются с детализацией по судам лишь для СЭК. В ИЭК и ВЭК весь личный состав идет общим списком, что пока делает невозможным их использование для анализа. И наоборот, ведомости по СЭК хорошо детализованы с указанием конкретных судов, где находится личный состав.

В качестве примера для анализа выбраны зарплатные ведомости СЭК [8, д. 27]. Архивное дело представляет собой альбом формата А3, в котором имеется информация о начисленной и полученной зарплате с подписями работников. Объектом анализа выступает колонка 1, в которой указаны суда с перечислением состава команды. На каждый месяц, как правило, выделено по пять-шесть страниц. Обычно перечисление идет в следующем порядке: самоходный флот, несамоходный флот, береговой состав.

Интуитивно понятным является применение табулированного метода анализа. Он требует сведения зарплатных ведомостей в таблицу (табл. 1, 2). Формальный анализ позволяет заключить, что, как правило, в межнавигационный период, когда суда находились в зимнем отстое, личный состав получал зарплаты и отпускные персонифицировано, без привязки к судам. Этим объясняются пропуски по судам с ноября по март. Кроме того, по-видимому, произошла утеря некоторых ведомостей, которые отсутствуют в деле, например, за июнь 1955 года.

Вполне очевидно, что, если в период навигации судно находится в эксплуатации, его команда получает зарплату. Пропуски в отдельных месяцах объясняются по-разному: судно могло быть разукомплектовано (например, при ремонте), находиться в командировках и т. п. Поэтому, если команда судна хотя бы пару месяцев в году получала заплату, скорее всего оно находилось в эксплуатации весь год. Также интуитивно понятно, если судно до какого-то периода в зарплатных ведомостях не фигурировало, это может являться свидетельством того, что оно еще не принято Управлением. Аналогично, если с какого-то периода судно перестает фигурировать в ведомостях, оно, скорее всего, исключено из списков Управления.

Однако наложение на табулированные данные информации о постановке судов на баланс и их списания в целом не согласуется с этой картиной. По несамоходным судам зачастую сложно понять, какое именно судно списали или поставили на баланс, поскольку номер его может не фигурировать в пояснительной записке (табл. 1). А по самоходным судам остается много судов, которые берутся из ниоткуда и пропадают в никуда (табл. 2). Указанное обстоятельство предопределило необходимость разработки специальных методов анализа зарплатных ведомостей.

Наиболее сложным оказался вопрос о переименовании судов. Можно предположить, что при переименовании команда сохраняется. В противном случае обязательно должны последовать приказы о кадровых перемещениях.

Историография вопроса. Анализ заработной платы в исторической литературе имеет многолетние традиции, заложенные еще классиками политэкономии. Этот подход широко представлен в современных работах по экономической истории (например: [3; 5]). С другой стороны, также традиционно рост доходов и заработной платы является хорошим маркером успешности развития какой-то отрасли (см., например: [1; 4]). Вместе с тем с начала XXI в. широко начали развиваться методики анализа зарплатных ведомостей в различных междисциплинарных исследованиях. Так, оказалось, что зарплата является удобным аргументом функции при ее кластеризации, что открывает большие возможности, например, при стратификации населения [10]. Но в целом следует отметить, что

до настоящего времени использование зарплатных ведомостей как нарративного исторического источника крайне ограниченно.

Хотя в основе предлагаемой методики лежит системный анализ, для снижения ее трудоемкости большое значение имеет кластеризация флота с дальнейшим анализом каждого кластера по отдельности. Такими явно не пересекающимися группами в СЭК выступают (в зарплатных ведомостях они четко различаются): самоходный флот, паромы (несамоходный флот переправ) и баржи (несамоходный сухогрузный флот).

Эволюция самоходного флота. Судя по эксплуатационному отчету 1951 г., в Управлении была получена самоходная баржа СТ-7 [2, д. 157, л. 2]. В зарплатных ведомостях самоходных судов она числится как «самоходка». Вместе с тем среди несамоходных судов в 1957 и 1961 гг. имеется СТ-7, и видится вполне логичным объединение этих двух позиций.

В марте – апреле 1955 г. из состава СЭК пропадают катера «Стрела» и «Коммунар», но одновременно появляются «Чайковск» и «Краснокамск». Формальный анализ зарплатных ведомостей указывает на отсутствие между ними прямой связи. Но в приказах по личному составу четко прописано, что 1 апреля капитаном «Стрелы» назначен Хлебников [8, д. 21, л. 301], а 5 апреля капитаном «Коммунара» – Галкин [8, д. 21, л. 302]. И уже 11 апреля в приказах фигурируют «Краснокамск» (кап. Галкин) и «Чайковск» (кап. Хлебников) [8, д. 21, л. 304], без указания на кадровые перемещения. Это однозначно говорит о переименовании судов.

В мае 1955 г. в ведомостях в последний раз фигурируют катера № 53 и «Ястребок», а также самоходка СТ-7. Вместо них появляются катера «Переправный», «Курган», «Оханск» и самоходная баржа «Ногинск».

В майских ведомостях 1955 г. в команде катера № 53 числятся 4 человека (Синюшин, Фокин, Карманов и Самарин); «Курган» и «Переправный» в них отсутствуют. Июньская ведомость отсутствует, а в июле 1955 г. на «Кургане» числятся 6 человек (Синюшин, Соломатов, Фокин, Шумков, Калабин и Коромыслов). На «Переправном» – 4 человека (Пушинцев, Бакаев, Пестерев, Лихачев, с августа – Мансуров). Видно, что костяк команды – капитан и механик у катеров № 53 и «Кургана» совпадают, из чего можно сделать вывод о переименовании этого судна. «Переправный» имеет совершенно другую команду; таким образом, это другое, новое судно.

В майской ведомости в команде «Ястребка» числятся 2 человека (Котов и Петров). Но в приказе о ледоходе 11 апреля 1955 г. ответственным за состояние «Оханска» указан Котов [8, д. 21, л. 305]. Обычно им назначался капитан судна. 19 мая механик «Оханска» М.А. Петров переводился механиком на вновь полученный катер «Талица» [8, д. 21, л. 314]. При этом приказов об их назначении на «Оханск» нет. Кроме того, в эксплуатационном отчете за 1949 г. «Ястребок» указывается как катер проекта НКЛ-47 [2, д. 81, л. 30], а в статистическом отчете о списании судна в 1956 г. «Оханск» также указан как типа НКЛ-47 [9, д. 4316, л. 17]. Судя по приказам по личному составу, весь 1955 г. «Оханск» находится в ремонте. Из-за этого после мая 1955 г. ни «Ястребок», ни «Оханск» в зарплатных ведомостях не упоминается. Вряд ли возможно, что Управление списало «Ястребок» и получило «Оханск», чтобы снова взять на себя проблемы с его ремонтом. Намного более вероятна другая ситуация, когда «Оханск» – это все тот же старый и постоянно ломающийся «Ястребок».

Относительно «Ногинска», это явно самоходка СТ-7. Но если в майской ведомости на самоходке числится единственный человек – капитан Кабалов, то в июле на «Ногинске» – команда из 6 человек (Котышев, Шишкин, Сухоплюев, Мальцев, Шишкин, Котов). Из указанной подборки сделать однозначное заключение невозможно.

Но «Ногинск» – уникальное судно, которое, по-видимому, переименовали еще и в обратном направлении в 1957 году. В августе 1957 г. команда «Ногинска» насчитывает 6 человек (Леушин, Шишкин С., Шишкин М., Шилов, Шагалов, Плотников). В сентябре 1957 г. команда СТ-7 насчитывает 5 человек (Казанцев, Шишкин С., Лихачев, Косолапов, Сухоплюев). Снова совпадет лишь один человек. Но имеется приказ № 55 от 15 июля 1957 г. об увольнении капитана Леушина и назначении вместо него капитаном «Ногинска» Казанце-

ва [8, д. 35, л. 18]. Остальные кадровые перемещения производятся на безымянной «самоходной барже», поэтому непонятно, что имеют составители приказа – СТ-7 или «Ногинск». Таким образом, это явно одно судно.

В июне 1957 г. в ведомостях в последний раз упоминается катер «Салют», а в июле в первый раз встречается «Севастополь». Команда «Салюта» в мае – Петров и Мальцев, в июне – Петров, Мальцев, Куликов. В июле судно этой команды не указано, но команда «Севастополя» – Коротков, Казанцев, Шубин и Хохряков. Эта же команда указана в августе. В сентябре, октябре, ноябре – Коротков, Петров, Плотников, Лихачев, Куликов, Коренев. С октября в команду добавляется Ветчанин.

Формально получается «Салют» и «Севастополь» – суда с разной командой. Но ситуацию проясняют приказы по личному составу. 1 июля 1957 г. в связи с выходом из ремонта катера «Севастополь» его команда переводилась на навигационный оклад. В этот же день матросом на него приняли Куликова [8, д. 35, л. 16 об]. В зарплатной ведомости за июнь Куликов числится в команде «Салюта». Получается, что судно долго ремонтировалось, и, например, в зарплатных ведомостях за август 1956 г. в команде всего один человек – Вдовин. А в соответствии с приказами по личному составу 16 мая в распоряжение ИЭК откомандировали капитана катера «Салют» Мальцева [8, д. 35, л. 11 об]. В связи с этим получается вполне логичная картина. Во время ремонта на судне одна команда, которая по окончании ремонта уходит и заменяется другой. Петров и Куликов по истечении некоторого времени снова вернулись в команду. Бывшего капитана, командированного в Ижевск, пришлось заменить другим. Дополнительным подтверждением того, что «Салют» и «Севастополь» это одно судно, является следующее. Когда в 1955 г. в СЭКе появился «Салют», его бывшее наименование было Д-17, что указывает на пассажирское судно типа «Опыт» довоенной постройки. В 1962 г. «Севастополь», попавший на баланс КРП и списанный в июле 1964 г., числится как буксирное судно 1935 г. постройки. Поэтому после переоборудования пассажирское судно в буксирное с заменой двигателя и последовало решение о переименовании.

Наконец, катер ПС-128, упомянутый всего один раз в 1961 г., это «Венера» ВЭК, приобретенная еще в 1958 году. Поскольку в этом же месяце в ведомостях фигурирует также находящаяся в Воткинске «Победа», можно сделать вывод, что это произошло из-за временного подчинения ВЭК СЭКу.

Идентификация паромного флота в 1955 году. Паромный флот СЭК после 1955 г. представляет собой достаточно консервативную систему. Четко видно, что Паром № 1 эксплуатируется до 1958 г., после чего пропадает из зарплатных ведомостей, очевидно списанный. Аналогично до 1957 г. эксплуатируется Паром № 4, а Паром № 5 находится в строю до момента ликвидации СЭК. Доказательством того, что он перешел в Камское речное пароходство (КРП), является приказ по КРП о переименовании его в «Паром № 11». Но эта картина разительно отличается от 1955 года. Видно, что в этом году паромы периодически то появляются в зарплатных ведомостях, то исчезают, а общее их число доходит до шести. Но при ближайшем рассмотрении упоминание о Пароме № 6 происходит лишь в течение двух месяцев, причем в эти месяцы отсутствуют упоминания о Пароме № 1, из чего напрашивается вывод, что, скорее всего, это одно судно.

Для проведения анализа имеет смысл рассмотреть состав команд паромов за 1955 г. (у некоторых фамилий в ведомости присутствуют инициалы).

Май 1955 г.

Паром № 1 Коротков Ф.Н., Короткова, Куликов

Паром № 3 Тельнов В.С., Шляпин

Паром № 4 Коротков Н.П.

Июль 1955 г.

Паром № 2 Семиргей

Паром № 2 Тельнов В.С., Ершов Н.Г.

Паром № 4 Коротков Н.П., Куприянов, Глухова

Паром № 5 Коротков Г., Каранин С., Каранина А.Л., Каранина Н.С., Бушуев П., Маслов, Бушуев Н.П.

Паром № 6 Антипин, Беркутов М.А.

Август 1955 г.

Паром № 2 Семиргей

Паром № 3 Тельнов В.С., Тельнова, Лихачев Н.А., Киселев А., Воробьев, Калабин Р.Н., Фиманенко, Сырыгин

Паром № 4 Коротков Н.П., Куприянов, Глухова

Паром № 5 Коротков Г., Каранин С.Я., Каранина А.Л., Бушуев, Маслов, Бушуев, Каранина

Паром № 6 Антипин, Беркутов

Сентябрь 1955 г.

Паром № 1 Маслов, Бушуев П., Бушуев, Семиргей, Горбунова

Паром № 3 Тельнов В.С., Тельнова З.И.

Паром № 4 Коротков Н.П., Куприянов

Октябрь 1955 г.

Паром № 1 Маслов, Семиргей, Горбунова

Паром № 2-5 Бушуев П., Бушуев, Хаймин

Паром № 3 Тельнов В.С., Тельнова

Паром № 4 Коротков Н.П., Куприянов

Май 1956 г.

Паром № 1 Маслов, Семиргей, Горбунова

Паром № 3 Тельнов, Тельнова

Паром № 4 Коротков Н.П., Куприянов

Паром № 5 Осинкин П.Ф., Житников П.К., Житников Е.М., Киселев, Юрков, Осинкина О.

Июнь 1956 г.

Паром № 1 Маслов, Семиргей, Горбунова

Паром № 3 Тельнов, Тельнова

Паром № 4 Коротков П.Г, Куприянов

Паром № 5 Осинкин П.Ф., Житников П.К., Житников Е.М., Киселев, Юрков, Осинкина О.

Обращает на себя внимание наличие сразу двух Паромов № 2 в июле 1955 г., а также то, что в октябрьских ведомостях 1955 г. Паром № 2 имеет двойную нумерацию. Он указан как Паром № 2-5, что, возможно, указывает на то, что Паром № 2 стал Паромом № 5. После этого с октября 1955 г. состав паромного флота стабилизируется по количеству. Начиная с мая 1956 г. команды паромов тоже становятся в основном неизменными. Команды Паромов № 3 и 4 почти неименные в 1955–1956 гг., что доказывает, что это одни и те же суда. Но Тельнов, постоянный шкипер парома № 3, в июле 1955 г. числится шкипером Парома № 2. Возможно, это просто ошибка составителей. Команда Парома № 1 практически неизменная с сентября 1955 года.

По остальным судам требуется анализ с привлечением дополнительных источников. Так, команды Парома № 2-5 в октябре 1955 г. и Парома № 5 в мае 1956 г. полностью разные. Так что это может быть как одно судно, так и два разных.

В эксплуатационном отчете 1953 г. указано: «*Управлением в декабре 1953 г. приняты 100-тонный паром и дебаркадер на 50 тонн от Вологодского Облстройпромсоюза. Оплата счетов из-за отсутствия средств капиталовложений произведена на 50 %. Для получения этих судов необходимо в 1 кв[артале] 1954 г. выделить средства для оплаты в сумме 183 т[ысяч] р[ублей]*» [2, д. 214, л. 148]. В отчете 1954 г. указывается, что 21 июля в Пошехоно-Володарском был получен 100-тонный Паром № 1, а 16 ноября в Вологде – 50-тонный дебаркадер. Кроме того, 5 мая списан 40-тонный Паром № 1 [2, д. 250, л. 61]. В отчете 1955 г. было указано, что на конец года в составе флота Управления имеются паром в 150 т, «*получен в октябре 1955 г.*», паром в 100 т, два парома в 60 т, причем «*один использ[уется] под причал*», а также паром в 25 т, который тоже используется как причал. Имеется также дебаркадер в 60 т [2, д. 294, л. 2].

Объяснительная записка к статистическому отчету ЦСУ за 1953 г. говорит об увеличении основных фондов за счет двух паромов в 126,3 тыс. руб. и одного дебаркадера – 77,9 тыс. руб. [9, д. 3123, л. 71]. В 1954 г. указывалось, что за отчетный год увеличение основных фондов Управления произошло за счет двух паромов деревянных в 251 тыс. руб., дебаркадера в 165 тыс. рублей. Уменьшение – за счет списания за ветхостью Парома № 1 в 56 тыс. рублей [9, д. 3486, л. 21–22]. В 1955 г. новых паромов Управление не принимало [9, д. 3847, л. 25].

Как видно, эта картина категорически не совпадает с тем, что показано в зарплатных ведомостях. В 1954 г. новых поступлений паромов в Управлении нет. А для реконструкции картины возможных переименований и поступлений есть смысл привлечь приказы по личному составу, которые вместе с зарплатными ведомостями составляют единый массив документов по личному составу.

Приказом № 115 от 20 сентября 1954 г. в командировку за получением дебаркадера в Вологду направлялся шкипер Парома № 3 В.С. Тельнов. Его обязанности по предыдущему месту работы временно возлагались на А. Шляпина [8, д. 21, л. 249]. Как видно, несмотря на то что дебаркадер был готов еще в 1953 г., принимается он лишь в конце навигации 1954 г., а в зарплатных ведомостях он впервые упоминается лишь в июле 1955 года. В приказах по личному составу дебаркадер фигурирует с традиционного приказа о под-

готовке к ледоходу. Таким образом, к концу навигации 1954 г. его уже отбуксировали в Сарапул.

Странности с паромами объясняет приказ № 176 от 17 декабря 1954 г., в соответствии с которым в служебную командировку в Вологду в Облплесстройпромсоюз командировался сотрудник Управления «*для оформления приемки парома*» [8, д. 21, л. 277 об]. Как видно, несмотря на прием обоих паромов на баланс, они все еще не готовы, вплоть до конца календарного 1954 года. Из приведенных документов становится понятным, что всю навигацию 1954 г. СЭК эксплуатирует старые паромы № 1–4, несмотря на списание Парома № 1. Таким образом, в зарплатных ведомостях мая 1955 г. фигурирует старый, официально уже списанный паром. Поэтому команды Парома № 1 начала и конца года не совпадают. Мало того, несмотря на периодическое отсутствие в зарплатных ведомостях Парома № 2, в приказах он упоминается весь год. В этом смысле уникальна ведомость за июль 1955 г. – в ней фигурируют два Парома № 2. 20 июня шкипером на него назначен вновь принятый на работу Г.Т. Семиргей [8, д. 21, л. 319 об]. В связи с этим напрашивается простой вывод, что в ведомости просто ошиблись и вместо Парома № 3 второй раз написали Паром № 2. Это подтверждается командой судна. В мае в команде Парома № 3 числятся Тельнов и Шляпин. В июле – Тельнов и Ершов (указан как второй Паром № 2), в августе – Тельнов, Тельнова, в сентябре также и т. д. При этом Семиргей как в июле, так и в августе – на Пароме № 2.

В июле и августе в зарплатных ведомостях команда Парома № 6 состоит из Антипина и Беркутова. Такого состава команды более нет ни у одного парома. Приказы по личному составу проясняют данную ситуацию. Приказом № 79 от 30 мая 1955 г. производился ряд кадровых перемещений. Матрос Баржи № 5 Антипин переводился шкипером Парома № 2, после чего он, а также матрос того же парома Беркутов командировались в Вологду для получения Парома № 2 [8, д. 21, л. 317 об]. Приказом № 94 от 10 августа 1955 г. вернувшийся из служебной командировки Антипин назначался в команду Парома № 5, временно принятый матросом Беркутов из штата Управления увольнялся [8, д. 21, л. 326]. Таким образом, Паром № 6 это действительно временное наименование на период перегона судна.

Наконец, 10 сентября шкипера Парома № 1 Бушуева командировали в Вологду для получения парома с неуказанным номером [8, д. 21, л. 330].

Интересен также приказ № 80 от 2 июня 1955 г.: «*Паром № 2 с 1-го мая вывести из эксплуатации и использовать его как стоечное судно, а также для перевозки легких грузов*» [8, д. 21, л. 318]. Получается, что одновременно в СЭК имелось два Парома № 2.

Таким образом, исходя из зарплатных ведомостей и приказов по личному составу, получается следующая картина изменений состава паромного флота СЭК.

Паром № 1 (40 т) находился в эксплуатации в СЭК с момента организации в 1947 г., списан в 1954 г., упоминается в документации СЭК до лета 1955 года.

Паром № 1 (150 т) построен в 1953 г., доставлен в Сарапул в сентябре 1955 года. Работал до 1958 года.

Паром № 2 (25 т) находился в эксплуатации в СЭК с момента организации в 1947 году. В 1955 г. перечислен в стоечное судно, эксплуатировался до конца навигации 1956 года.

Паром № 2 (100 т), несмотря на готовность якобы в 1953 г., не был готов вплоть до конца 1954 года. Принят в июле 1955 г., во избежание путаницы в номерах на период перегона получил временное обозначение Паром № 6. По прибытию с Сарапул, поскольку старый Паром № 2 все еще находился в эксплуатации, получил номер Паром № 5. Эксплуатировался вплоть до ликвидации СЭК, после чего стал Паромом № 11 КРП.

Паром № 3 (50 т) получен в 1951 г., эксплуатировался до конца 1956 года.

Паром № 4 (50 т) получен в 1951 г., эксплуатировался до конца 1957 года.

Эволюция состава несамоходного сухогрузного флота. В 1958 г. флот Управления пополнился баржами № 542 и 544. В зарплатных ведомостях они числятся до октября, после чего пропадают. В сентябре 1958 г. команда барж следующая: № 542 – Чашин и Чашина, № 544 – Пушинцев. В октябре на

№ 542 – Чашин, на № 544 – Пушинцев. В мае команды Баржи № 2 – Чашин, Баржи № 3 – Пушинцев. Таким образом, однозначно получается, что № 542 стал Баржей № 2, а № 544 – Баржей № 3. Оба судна находились в составе флота Управления на момент его ликвидации и после передачи в КРП стали № 3703 и № 3704 соответственно.

В 1959–1960 гг. по зарплатным ведомостям проходят Причалы № 6 и 7. Поскольку одновременно из них исчезают Баржи № 6 и 7, скорее всего их перевели в стоечные суда.

С одной стороны, зарплатные ведомости не подтверждают факт переклассификации. Так, в октябре 1958 г. в команде на Барже № 7 числилась Каранина, в апреле 1959 г. на Причале № 7 – Семиргей и Дедюхин. Но в соответствии с книгой приказов 18 октября 1958 г., в связи с закрытием навигации, уходили в межнавигационный отпуск матросы Причала № 7 Каранина и Касаткин [8, д. 35, л. 69]. Получается, что в зарплатных ведомостях судно продолжало фигурировать баржей, хотя уже было причалом. В этом же приказе фигурирует Причал № 6, с которого в отпуск отправились шкипер Сухоплюев и матрос Сухоплюева. И снова это полностью совпадет с командой Баржи № 6 по зарплатной ведомости, например, в сентябре 1958 года.

В ведомости за сентябрь 1958 г. есть баржа без номера с командой Дедюхин, Дедюхина. В этот же самый месяц Дедюхин и Дедюхина составляют команду Баржи № 6. Скорее всего, их записали второй раз из-за выполнения какой-то работы по совместительству. Аналогичным образом в октябре 1958 г. эта же команда снова приведена дважды – в составе Баржи № 6, и на сей раз без указания судна отдельной строкой.

На момент приемки флота СЭК в КРП некий безымянный «Паром-причал» получил индекс Паром № 12. Относительно него указано, что это 100-тонное судно. Формально кандидаты под это судно в зарплатных ведомостях отсутствуют, но на 1958 г. имеется деревянная 100-тонная Баржа № 8. В период 1959–1962 гг. в зарплатных ведомостях она не фигурирует, но ее нет и в числе списываемых судов. Так что вполне получается, что судно могли переделать в стоечное судно с командой из берегового состава.

Верификация методики. С учетом результатов проведенного анализа имеет смысл провести декомпозицию зарплатных ведомостей флота Сарапульской эксплуатационной конторы (табл. 3). Для верификации полученных данных можно воспользоваться пояснительными записками к ежегодным статистическим отчетам. Ранее, используя другие источники, нами была проведена реконструкция состава флота ИЭК и ВЭК [7].

В период 1954–1962 гг. флот Ижевской эксплуатационной конторы претерпел следующие изменения: в 1955 г. списаны «Пионер» и «Свобода», в 1959 г. – «Комсомолец», в 1960 г. – «Ярославец». Через весь период проходят Баржа № 5, «Звезда», «Искра», «Герой». В 1957 г. получены ПС-70 / «Восход» и «Мышкин» / «Россия», в 1958 г. – «Юбилейный» и ПТ-112 / «Дружба», в 1959 г. – ПС-129 / «Прибой», в 1960 г. – БМК-90 / «Камбаряк», № 35 / «Сокол», Баржа № 15, «Заря», в 1961 г. – «Моряк», ПС-199 / «Комсомолец», «Красноярск», Баржа № 16. В Воткинской эксплуатационной конторе: «Освод» и «Волна» до 1959 г., «Кировец» с 1957 по 1959 г., «Победа» с 1957 г., ПС-128 / «Венера» с 1959 г. и Баржа № 6 весь период. Получается, что в 1960 г. переданы из СЭК в ИЭК «Камбаряк» и Баржа № 15, в 1961 г. – Баржа № 16. В 1957 г. из СЭК в ВЭК передана «Победа», а в 1959 г. из ВЭК в СЭК – «Кировец».

По пояснительной записке в 1954 г. увеличение основных фондов произошло за счет приобретения дебаркадера за 165 тыс. руб., баржи металлической за 30 тыс. руб. и двух паромов деревянных за 221 тыс. рублей. Кроме того, принят катер № 53 от Красноярского управления малых рек за 250 тыс. руб. (вероятно, имелся в виду Красноярский завод), а также катера № 27 и 28 из Калинина от пароходства канала Волга – Москва за 484 тыс. руб. (вероятно, имелся в виду Калининский завод). Уменьшение произошло за счет списания Парома № 1 за 56 тыс. руб. [9, д. 3486, л. 21–22].

Как было показано, указанные дебаркадер и два парома это те, что появляются в зарплатных ведомостях с 1955 года. Действительно, принят катер № 53 («Курган») и катера «Герой» и «Иньва» (ИЭК). Паром № 1 фигурирует в ведомостях до начала 1955 года.

В 1955 г. увеличение баланса произошло за счет приобретения у КРП катера Д-17 за 128,2 тыс. руб., из Молотовского управления – катера «Талица» за 96,6 тыс. руб., «Нытва» за 111,6 тыс. руб., «Бондюг» за 96,8 тыс. рублей. Уменьшение – за счет списания парохода «Свобода» – 114,7 тыс. руб., катеров «Пионер» – 47,5 тыс. руб., «Чайка» – 43,6 тыс. руб. [9, д. 3848, л. 2].

Д-17 («Салют»), «Талица», «Нытва» и «Бондюг» действительно впервые появляются в ведомостях этого года. «Чайка» пропадает из ведомостей летом 1954 г. в тщетных попытках ее отремонтировать.

В отчете 1956 г., кроме всего прочего, имеется перечень имеющегося флота на 1 января 1957 г. с указанием сумм, израсходованных на их ремонт в течение навигации. Это: «Красноярец», «Победа», «Енисейск», «Ногинск», «Краснокамск», «Нытва», «Курган», «Переправный», «Бондюг», «Чайковск», «Иркутск», «Талица», Баржи № 1–9, Паромы № 1, 3–5, дебаркадер, Баржи № 5 и 6, «Освод», «Комсомолец», «Искра», «Герой», «Ярославль», пароход «Звезда» [9, д. 4316, л. 15]. Как видно, список полностью совпадает, за исключением Парома № 2 и «Оханска», исключенных в этом году. Также выпадает катер «Салют», как указано выше, находящийся на капитальном ремонте.

Увеличение баланса 1956 г. произошло за счет принятия буксирного катера Красноярской судоверфи – 113 тыс. руб., переправного катера завода «Красный Факел» (Ростов-на-Дону) – 62 тыс. рублей. Уменьшение баланса произошло, согласно приказу Главречтранса № 22 от 14 ноября 1956 г., за счет списания катера «Оханск» – 35 тыс. руб., полуглиссера «Победа» – 22 тыс. руб., Парома № 2 – 89 тыс. руб., Баржи № 3 – 50 тыс. руб. [9, д. 4316, л. 16–17].

В этом году в ведомостях действительно впервые появляется катер «Иркутск», а также переправный теплоход ПС-70 / «Восход» в Ижевске, указанные в пояснительной записке суда по зарплатным ведомостям действительно списаны и в дальнейшем не упоминаются.

В 1957 г. на баланс Управления приняли несколько новых барж: деревянную 100-тонную постройки Пошехоно-Володарской верфи – за 99 тыс. руб.; две деревянные баржи из Молотовского управления БД-7 стоимостью 42 477,73 руб. и БД-20 за 36 334 руб.; две металлические баржи Лисинской верфи № 15 и № 16 по 54 тыс. руб.; баржа № 14 (стр. № 542) Мокшанской верфи за 99 тыс. рублей. Кроме того, принят с Каширской судоверфи водометный катер за 126 375 рублей. Уменьшение баланса произошло за счет списания парома деревянного № 3 в 46 тыс. руб., деревянной баржи БД-7 – 41 477,73 руб., катера деревянного «Енисейск» – 97 133,1 руб., баржи БД-20 – 36 334 руб., Баржи № 2 – 50 122,27 руб. [9, д. 5057, л. 14–15].

Прием на баланс и одновременное списание барж БД-7 и БД-20 в рамках привлеченных источников не совсем понятны. Объяснений этому может быть два: или транзит указанных судов через Удмуртское управление, или же суда предназначались к приему, но не были приняты, например, из-за плохого технического состояния. Остальные суда вполне узнаваемы: мокшанская баржа это Баржа № 2 (№ 542), володарская – Баржа № 3 (№ 544), две лисинские баржи – № 15 и 16, Каширский водометный катер – это «Кировец» из ВЭК. Паром № 3 и Баржа № 2 действительно пропадают из ведомостей в этом году. Ранее один из авторов (Н.В. Митюков) ошибочно реконструировал катер «Кировец» как «Енисейск». Причиной этому было то, что при получении судна в Воткинске оно имело именно это название.

За 1958 г. отчет отсутствует, а в 1959 г. получена от Пермского управления малых рек деревянная баржа № 16 (85 т) стоимостью 79,3 тыс. рублей. Списаны в этом году: катер «Комсомолец» (90 л. с.) – 93,6 тыс. руб., катер «Красноярск» (90 л. с.) – 97 тыс. руб., катер «Серьга» (150 л. с.) – 180,6 тыс. руб., паром деревянный № 1 (100 т) – 66 тыс. руб., баржа деревянная № 16 (85 т) – 79,4 тыс. руб. [9, д. 5616, л. 17–18].

Снова происходит постановка на баланс и списание баржи № 16, причины, скорее всего, аналогичны предыдущим. Из ИЭК списан катер «Комсомолец». Из ведомостей в марте 1960 г. пропадают катера «Серьга» и «Красноярск», последнее упоминание парома № 1 – в августе 1958 года.

В 1960 г. приобретена баржа от Симонихинской РЭБ за 77 тыс. руб., списаны катера буксирные (90 л. с.) стоимостью 206 360 руб.

(число непонятно) и баржи № 4, 5, 6, 7 – 124 782 руб. [9, д. 6026, л. 19–20].

В зарплатных ведомостях впервые появляется Баржа № 1, получается, что она принята от Симонихинской РЭБ. Исключенные катера – это «Чайковск» и «Краснокамск». Ранее им заменили двигатель СТЗ-30 на К-551, так что они на самом деле на момент списания 90-сильные. Из ИЭК исключен «Ярославец» (90 л. с.). Учитывая почтенный возраст «Чайковска» и «Краснокамска», их суммарная стоимость вполне могла быть в районе 100 тыс. рублей. Соответственно, «Ярославец» – уже послевоенной постройки, и стоимость в районе 100 тыс. вполне вероятна. Баржи № 6 и 7 пропадают из ведомостей в 1960 г., № 4, 5 – в августе 1961 года.

В 1961 г. увеличение баланса произошло за счет катера ПС-199, приобретенного в Ростове-на-Дону за 8 332,6 руб., в Батуми – полуглиссера за 5 524,28 руб., двух металлических барж Каширского завода (по 150 т) за 26 800 руб., причала «Этна» за 1 100 руб., полуглиссерной лодки за 2 500 рублей. Кроме того, принят от ПВХ (?) полуглиссер за 6 570,6 рублей. Уменьшение баланса произошло за счет списания СТ-7 (80 л. с.) – 9 900 руб. и металлических барж № 1 и 2 – в сумме 3 600 руб. [9, д. 6428, л. 10–11].

В этом же году ИЭК пополнился катером ПС-199 / «Комсомолец», получившим наименование ранее списанного судна. В ведомостях действительно появляется причал «Этна», бывший пароход, а также две баржи № 86 и 87. Что касается списанных барж, то Баржа № 1 действительно списана. Что касается баржи № 2, то, возможно, ее после списания в 1957 г. использовали как стоечное судно и в 1961 г. списали окончательно.

Еще одним способом верификации полученных данных могут стать приказы по основной деятельности Камского речного пароходства. Так, приказом № 10/уф от 26 февраля 1963 г. суда, принятые из Удмуртского управления, получили наименования по системе, принятой в КРП. «Курган» (150 л. с.) стал «Енисеем», «Победа» (150 л. с.) – «Сылвой», «Искра» (80 л. с.) – «Иньвой». Но более важен список барж, которые переименовали все. Деревянные баржи № 2 и 3 (100 т) стали 3703 и 3704; баржа № 9 (40 т) – БС-36; Паром № 5 (100 т) – Паром № 11; № 22 (150 т) – БС-33; № 86 (150 т) – БС-34; № 87 (150 т) – БС-35. Ижевские баржи: № 5 (40 т) стала БС-41; № 8 (40 т) – БС-38; № 15 и № 16 (по 60 т) соответственно БС-39 и БС-40, а Воткинская № 6 (40 т) – БС-37. В приказе также фигурирует безымянный Причал-паром (100 т) – вероятно, бывшая баржа № 8, ставшая Паромом № 12. Единственная отсутствующая в этом списке баржа из зарплатных ведомостей это Баржа № 10. Но она упоминается в приказе от 23 января 1964 г., разрешающем списать ряд судов, в том числе Баржу № 10, находящуюся в затопленном состоянии в Сарапуле. Этим же приказом списывались баржи на Ижевском и Воткинском прудах БС-37, БС-38, БС-41, находящиеся на плаву, а также корпус парохода «Этна» в Симонихе.

Результаты. Главный результат работы состоит в том, что она дает иллюстрацию зарплатных ведомостей как нарративного исторического источника, несмотря на то что большинство авторов воспринимают ведомости лишь как базу для последующего статистического анализа.

На примере зарплатных ведомостей Сарапульской эксплуатационной конторы Удмуртского управления по технической эксплуатации и освоению малых рек при Совмине УАССР доказано, что зарплатные ведомости являются ценным источником по истории водного транспорта, позволяющим достаточно точно реконструировать эксплуатационную информацию по имеющемуся флоту. Показано, что в случае разногласий с другой документацией (например, пояснительные записки статистических отчетов, эксплуатационные отчеты) приоритет следует отдать зарплатным ведомостям как более оперативному и объективному источнику.

Для обработки этого источника рекомендуется следующая методика:

1. Сведение зарплатных ведомостей в таблицу. Небольшие пропуски в течение нескольких месяцев, скорее всего, будут означать ремонт судна или его консервацию – например, межнавигационную.

2. Отыскание возможных дубликатов судов. Когда одно судно пропадает из ведомостей и при этом появляется новое, возможно, речь идет о переименовании.

3. Достаточным для доказательства переименования условием может служить полный повтор состава команды при отсутствии кадровых перемещений в приказах по личному составу. В случае форс-мажора, когда команда, например, со списанного судна в полном составе переводится на новое, это обязательно должно найти отражение в приказах по личному составу, причем как в форме расследования форс-мажора и организационных выводов по результатам служебного расследования, так и в форме кадровых перемещений.

4. Поскольку приказы по личному составу и зарплатные ведомости составляются разными службами (кадровыми и финансовыми), достаточным условие доказательства переименования будет при одновременном упоминании одного и того же человека в качестве члена команды одного судна в ведомостях и другого судна в приказах.

5. Наличие массового переименования в короткий срок может объясняться выходом какого-то нормативного документа. Так, анализ судового состава Сарапульской эксплуатационной конторы показывает, что весной 1955 г. вышел приказ об упорядочивании наименований судов, в соответствии с которым самоходные суда получили названия городов (Курган, Оханск, Ногинск и т. д.).

6. Слишком большой разрыв в зарплатных ведомостях и дублирование наименований, скорее всего, означают, что в хозяйстве имеются два судна одного наименования (наличие двух Паромов № 2 в 1955 г., двух «Красноярцев» в 1960 г. и т. д.).

7. Сокращенная таблица с выявленными переименованиями является готовым источником для реконструкции судовых биографий.

8. Поскольку зарплатные ведомости представляют настолько ценный исторический источник, руководящим органам следует разработать регламент доступа к нему со стороны исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. **Несамоходные плавсредства Сарапульского порта, команда которых получала зарплату в 1954–1962 гг.**

Table 1. **Non-self-propelled boats of the Sarapul port, the crew of which received a salary in 1954–1962**

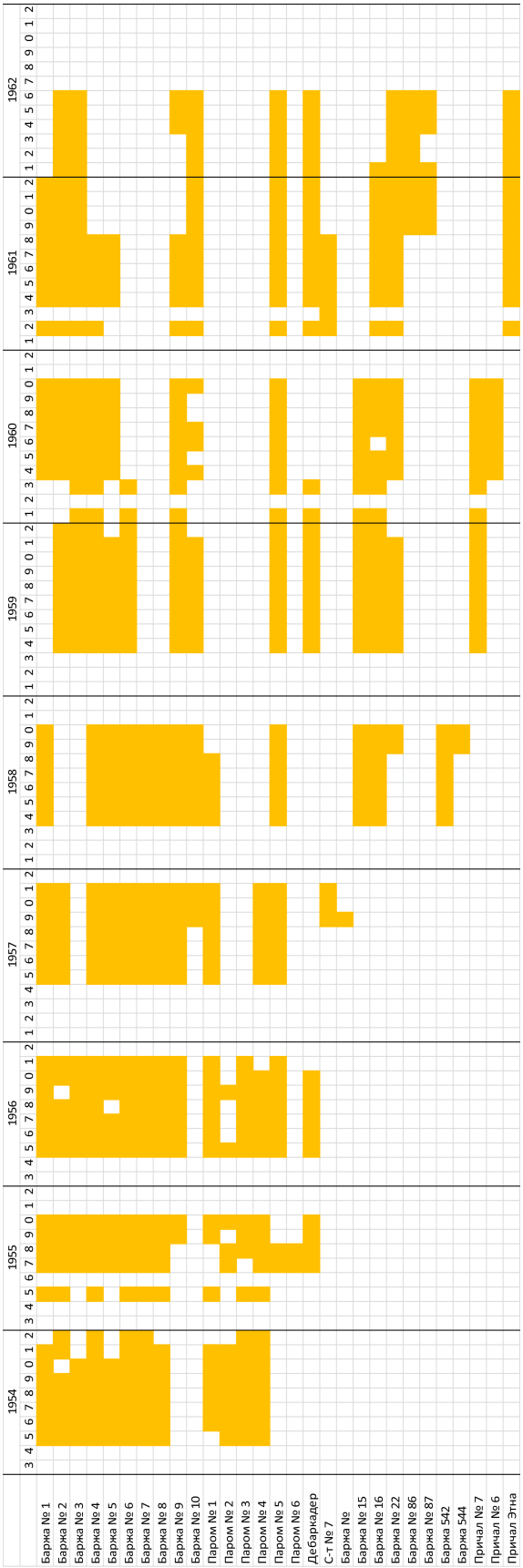
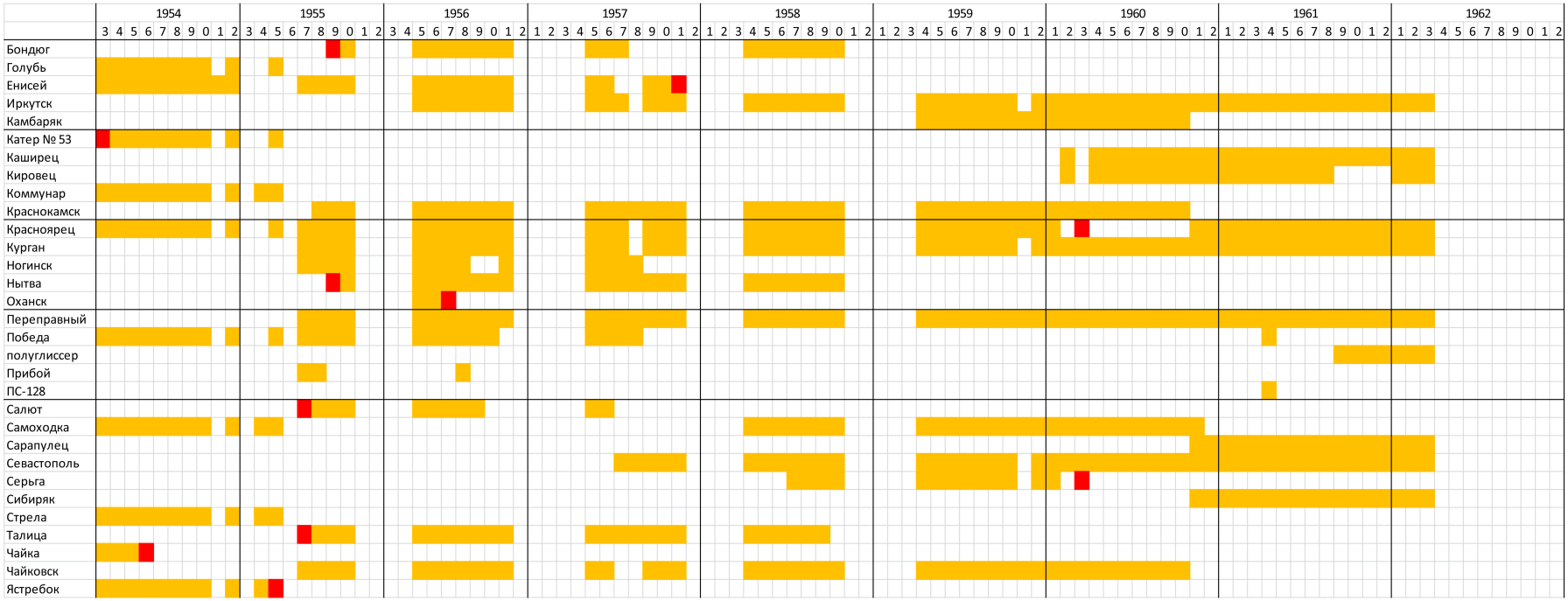

Таблица 2. **Самоходные суда Сарапульского порта, команда которых получала зарплату в 1954–1962 гг.**

Table 2. **Self-propelled ships of the Sarapul port, the crew of which received a salary in 1954–1962**

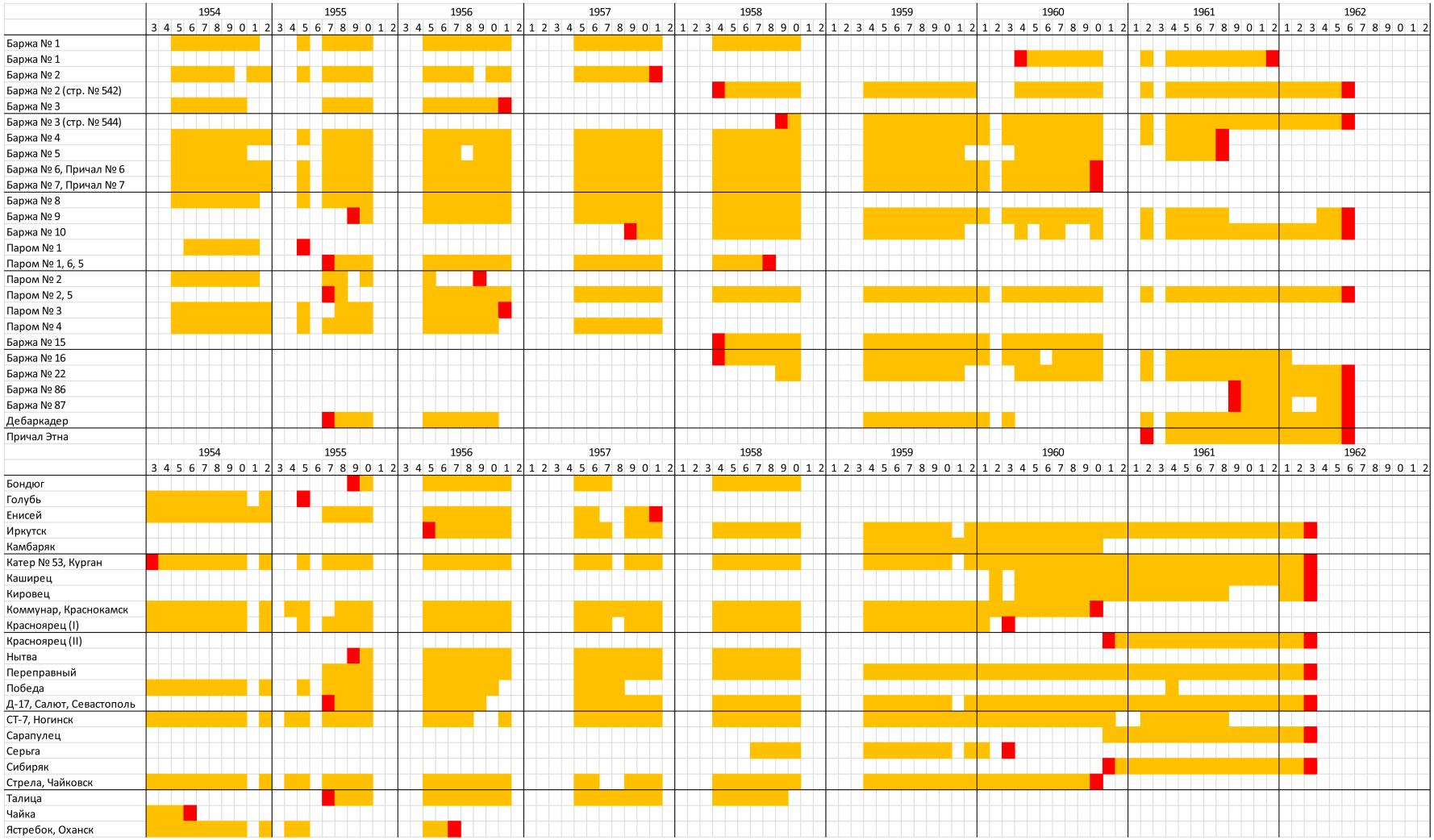

Примечание. Факт постановки судов на баланс и их списания отмечен красным цветом.

Note. The fact of placing ships on the balance sheet and their write-off is marked in red.

Таблица 3. **Декомпозиция флота Сарапульской эксплуатационной конторы по данным зарплатным ведомостей**

Table 3. **Decomposition of the fleet of the Sarapul operating office according to the data on payrolls**

Примечание. Факт принятия на баланс и списания, а также передачи в КРП отмечен красным.

Note. The fact of acceptance to the balance sheet and write-off, as well as transfer to the Kama River Shipping Company, is marked in red.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеткина Е. Ю. Статистический анализ динамики заработной платы на предприятиях объединения «Татнефть» (1950-е – 1980-е гг.) // История и компьютер. 2018. № 47. С. 17–18.
2. Главное управление речного транспорта (Главречтранс) при Совете Министров РСФСР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-439. Оп. 1.
3. Дубовик Л. Н., Сулимов В. С. Заработная плата в Тюменской области: история и современность // Экономика труда. 2017. Т. 4, № 1. С. 43–50.
4. Захаров В. П. Становление пароходства на реке Лене // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 1 (18). С. 32–38.
5. Кузнецова С. И., Партхасарати Р. Пересмотр проблемы зарплаты и конкурентоспособности в XVIII в.: Великобритания и Южная Индия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2000. № 2. С. 165–168.
6. Митюков Н. В., Баутина С. Л. Реконструкция судового состава по статистическим отчетам // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi04
7. Митюков Н. В., Лошкарев А. Н., Баутина С. Л. Реконструкция судового состава Ижевской эксплуатационной конторы / Ижевской пристани 1948–1986 гг. // Русская старина. 2019. № 10 (2). С. 173–182. DOI: 10.13187/rs.2019.2.173
8. Объединенный архивный фонд : Открытое акционерное общество «Порт Сарапул» и его предшественники // Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-82. Оп. 2б.
9. Статистическое управление Удмуртской АССР // Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-845. Оп. 4.
10. Стрекалова Н. В. Базы данных по проблемам изучения социальной стратификации и мобильности городской элиты и средних слоев Тамбова в конце XIX – начале XX в.: источники, структура, технология комплексного анализа // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 50–66.

REFERENCES

1. Aletkina E.Yu. Statisticheskii analiz dinamiki zarabotnoi platy na predpriyatiyakh obyedineniya «Tatneft» (1950-e – 1980-e gg.) [Statistical Analysis of the Dynamics of Wages at the Enterprises of the Association “Tatneft” (1950s–1980s)]. *Istoriya i kompyuter*, 2018, no. 47, pp. 17-18.
2. Glavnoe upravlenie rechnogo transporta (Glavrechtrans) pri Sovete Ministrov RSFSR [Main Directorate of River Transport (Glavrechtrans) Under the Council of Ministers of the RSFSR]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], f. A-439, inv. 1.
3. Dubovik L.N., Sulimov V.S. Zarabotnaya plata v Tyumenskoi oblasti: istoriya i sovremennost [Wages in the Tyumen Region: History and Modernity]. *Ekonomika truda*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 43-50.
4. Zakharov V.P. Stanovlenie parokhodstva na reke Lene [Formation of the Shipping Company on the Lena River]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2017, no. 1 (18), pp. 32-38.
5. Kuznetsova S.I., Partkhasarati R. Peresmotr problemy zarplaty i konkurentosposobnosti v XVIII v.: Velikobritaniya i Yuzhnaya Indiya [Revisiting the Problem of Wages and Competitiveness in the 18th Century: Great Britain and South India]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika*, 2000, no. 2, pp. 165-168.
6. Mitiukov N.V., Bautina S.L. Rekonstruktsiya sudovogo sostava po statisticheskim otchetam [Reconstruction of the Crew According to Statistical Reports]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 2, pp. 51-65. DOI: 10.31166/ VoprosyIstorii202002Statyi04
7. Mitiukov N.V., Loshkarev A.N., Bautina S.L. Rekonstruktsiya sudovogo sostava Izhevskoi ekspluatatsionnoi kontory / Izhevskoi pristani 1948–1986 gg. [Reconstruction of the Ship Composition of the Izhevsk Operational Office/Izhevsk Pier 1948–1986]. *Russkaya starina*, 2019, no. 10 (2), pp. 173-182. DOI: 10.13187/rs.2019.2.173
8. Obyedinennyi arkhivnyi fond: Otkrytoe aktsionernoe obshchestvo «Port Sarapul» i ego predshestvenniki [United Archival Fund: Open Joint-Stock Company “Port Sarapul” and Its Predecessors]. *Upravlenie po delam arkhivov Administratsii goroda Sarapula* [Department of Archives of the Administration of the City of Sarapul], f. R-82, inv. 2b.
9. Statisticheskoe upravlenie Udmurtskoi ASSR [Statistical Administration of the Udmurt ASSR]. *Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [Central State Archive of the Udmurt Republic], f. R-845, inv. 4.
10. Strekalova N.V. Bazy dannykh po problemam izucheniya sotsialnoi stratifikatsii i mobilnosti gorodskoi elity i srednikh sloev Tambova v kontse XIX – nachale XX v.: istochniki, struktura, tekhnologiya kompleksnogo analiza [Databases on the Problems of Studying Social Stratification and Mobility of the Urban Elite and the Middle Strata of Tambov in the Late 19th – Early 20th Centuries: Sources, Structure, Technology of Complex Analysis]. *Istoricheskaya informatika*, 2021, no. 4, pp. 50-66.

Information About the Authors

Nikolas W. Mityukov, Doctor of Sciences (Engineering), Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, T. Baramzinoy St, 34, 426067 Izhevsk, Russian Federation, nico02@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0968-9353

Natalia V. Toshchevikova, Master of Science (History), Head, Department for Archive Affairs of the Administration of the Municipality "City of Sarapul," Truda St, 39, 427960 Sarapul, Russian Federation, archive@sarapul.town, https://orcid.org/0000-0002-8388-5187

Информация об авторах

Николай Витальевич Митюков, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, 426067 г. Ижевск, Российская Федерация, nico02@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0968-9353

Наталья Владимировна Тощевикова, магистр истории, начальник, Управление по делам архивов Администрации МО «Город Сарапул», ул. Труда, 39, 427960 г. Сарапул, Российская Федерация, archive@sarapul.town, https://orcid.org/0000-0002-8388-5187

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.19

UDC 930.1(47+57):355.01
LBC 63.1(2)53

Submitted: 19.05.2023
Accepted: 27.06.2023

"FROM DEFAULT TO INTEREST": DOMESTIC ANTI-WAR THOUGHT IN THE SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURIES IN SOVIET HISTORIOGRAPHY [1]

Nikolay Yu. Nikolaev

Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhsky, Russian Federation

Sergei P. Ramazanov

Volzhsky Branch of the Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article considers the trends in the development of Soviet historiography of Russian anti-war thought in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Analysis*. The interrelation of the evolution of the views of Soviet researchers on pre-revolutionary pacifism with socio-political changes in the USSR is revealed. The negative assessments of "bourgeois pacifism" expressed by V.I. Lenin had a significant impact on the study of peacekeeping in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Methods and materials*. In the existing historiography, only certain aspects of the problem are considered. Among the most important methods and approaches used in writing this work are the historical-systemic and historical-comparative methods. The source base of the study was primarily scientific works, reference and encyclopedic publications, and journalistic materials. *Results*. The authors propose to single out three stages in the history of the study of Russian anti-war thought in the second half of the 19th and early 20th centuries in Soviet times. The most distinct features of the first stage (lack of significant research on the topic, harshness, and categorical assessments) emerged in the mid-1920s and were traced until the mid-1950s. Against the background of political changes in the USSR and the growth of public interest in the problem of maintaining peace, there was a serious increase in research interest in the history of Russian anti-war thought. Peacekeeping ideas were considered during this period primarily within the framework of legal, historical, and philosophical studies. The third stage became noticeable at the end of the 1980s, which manifested itself in a significant increase in works on the history of domestic pacifism and its terminological "rehabilitation." *Authors' contribution.* N.Yu. Nikolaev revealed the trends in the development of Soviet historiography of Russian anti-war thought in the second half of the 19th and early 20th centuries. S.P. Ramazanov analyzed methodological approaches and carried out general scientific editing of the article.

Key words: Soviet historiography, USSR, pacifism, peacemaking, anti-war thought.

Citation. Nikolaev N.Yu., Ramazanov S.P. "From Default to Interest": Domestic Anti-War Thought in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries in Soviet Historiography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 241-252. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.19

© Николаев Н.Ю., Рамазанов С.П., 2023

УДК 930.1(47+57):355.01
ББК 63.1(2)53

Дата поступления статьи: 19.05.2023
Дата принятия статьи: 27.06.2023

«ОТ УМОЛЧАНИЯ К ИНТЕРЕСУ»: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АНТИВОЕННАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ [1]

Николай Юрьевич Николаев

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, г. Волжский, Российская Федерация

Сергей Павлович Рамазанов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции развития советской историографии отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX века. Выявлена взаимосвязь эволюции взглядов советских исследователей на дореволюционный пацифизм с общественно-политическими изменениями в СССР. Значительное влияние на изучение миротворчества второй половины XIX – начала XX в. оказали негативные оценки «буржуазного пацифизма», высказанные В.И. Лениным. Авторы предлагают выделить в истории изучения отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. в советское время три этапа. Наиболее отчетливо черты первого этапа (отсутствие значительных исследований по теме, резкость и категоричность оценок) проявились с середины 1920-х гг. и прослеживались до середины 1950-х годов. Со второй половины 1950-х гг. на фоне политических изменений в СССР и роста общественного интереса к проблеме сохранения мира происходило серьезное увеличение исследовательского интереса к истории отечественной антивоенной мысли. Миротворческие идеи рассматривались в этот период прежде всего в рамках правовых, исторических и философских исследований. Третий этап стал заметным с конца 1980-х гг., что выражалось в существенном росте работ по истории отечественного пацифизма и его терминологической «реабилитации». В существующей историографии исследованы лишь отдельные аспекты проблемы. К числу наиболее важных методов и подходов, использованных при написании данной работы, относятся историко-системный и историко-сравнительный методы. Источниковой базой исследования послужили прежде всего научные труды, справочно-энциклопедические издания и публицистические материалы. *Вклад авторов*: Н.Ю. Николаев выявил тенденции развития советской историографии отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX века. С.П. Рамазанов проанализировал методологические подходы, осуществил общее научное редактирование статьи.

Ключевые слова: советская историография, СССР, пацифизм, миротворчество, антивоенная мысль.

Цитирование. Николаев Н. Ю., Рамазанов С. П. «От умолчания к интересу»: отечественная антивоенная мысль второй половины XIX – начала XX в. в советской историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 241–252. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.19

Введение. Советский период историографии при всей его кажущейся идеологической и методологической «монолитности» далеко не однороден, а выделение в нем отличительных этапов и поиск закономерностей напрямую связаны с анализом внутри- и внешнеполитической ситуации в СССР. В полной мере такой подход применим при изучении советской историографии отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX века. Анализ миротворческого дискурса этого времени представляет собой одну из самых интересных и одновременно исследовательски сложных проблем в общей истории отечественного пацифизма [2]. Вторая половина XIX в. – это период идейного усложнения российского миротворчества, появления в нем новых течений и направлений. В начале XX в. происходил важный этап теоретического переосмысления антивоенной мысли и ее переход в сферу практической деятельности через создание первых обществ мира [37]. Очевидно, что изучение дореволюционного пацифизма целесообразно доводить до 1914 г., так как начавшийся масштабный конфликт кардинальным образом повлиял на российское общество и изменил воззрения многих прежних противников войны.

К сожалению, несмотря на важность данной темы, ее историографический аспект практически не изучен. Причин тому, по нашему мнению, несколько. В советский период прогрессивными приверженцами мира объявлялись прежде всего представители рабочего класса. В отдельных случаях право выступать «истинными миротворцами» признавалось за сторонниками радикально-демократических идей. При этом стоит понимать, что по большей части антивоенная мысль второй половины XIX – начала XX в. была представлена работами политиков и общественных деятелей умеренно-либеральных взглядов. Они же стояли у истоков первых в России обществ мира [52, с. 163–165, 182–183]. В этом видится основная причина советской «исследовательской слепоты» по отно-

шению к дореволюционным противникам войны. Более того, неприятие «буржуазного и реформистского пацифизма» В.И. Лениным и его соратниками привело к тому, что само понятие «пацифизм» рассматривалось советскими авторами как классово чуждое и было «реабилитировано», войдя в широкий научный оборот, лишь на рубеже 1980–1990-х годов.

В постсоветский период исследовательский интерес к истории российского миротворчества второй половины XIX – начала XX в. заметно активизировался с начала 1990-х гг. и сохранялся до середины 2000-х годов. Именно в этот период появилось несколько работ, в которых можно было найти обзор советской историографии дореволюционного миротворчества. Прежде всего речь идет о работах костромского историка Г.Н. Четверухина, чьи исследования начала 2000-х гг. были посвящены истории российского миротворчества второй половины XIX в. [50, с. 13–22; 51, с. 5–6]. Несмотря на ряд очевидных достоинств, укажем, что историографический обзор в его работах не носил характер самостоятельного исследования, а также хронологически ограничивался лишь второй половиной XIX века. С конца 2000-х гг. интерес к изучению антивоенной мысли России второй половины XIX – начала XX в. и в целом истории пацифизма заметно снизился. Историография истории отечественного миротворчества оказалась на периферии академического внимания. Можно отметить лишь работу одного из авторов данной статьи, посвященную современной / постсоветской историографии антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX века. В ней отчасти был рассмотрен и советский период [34].

Методы. В задачи данного исследования не входит анализ каждой публикации, но авторы убеждены в необходимости внутренней систематизации и общей типологизации советской историографии дореволюционного пацифизма. Хронологические рамки исследования – 1917–1991 годы. Верхние хронологические рамки ограничены 1991 г. и не затрагивают постсоветский период, который является предметом отдельного исследования. Нижние хронологические рамки более размыты, так как предполагают анализ публицистики В.И. Ленина в период Первой мировой войны.

К числу наиболее важных методов и подходов, использованных при написании данной работы, относятся историко-системный и историко-сравнительный методы. Источниковой базой исследования послужили прежде всего научные труды, справочно-энциклопедические издания и публицистические материалы.

Анализ. Советская историография антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. на протяжении всего своего существования базировалась на ленинских и отчасти сталинских оценках. Однако следует признать, что их характер и масштаб не были константой и менялись в течение всего советского периода. Глубокое неприятие В.И. Лениным «буржуазного пацифизма» порождало у советских авторов «исследовательскую слепоту» при анализе дореволюционной антивоенной мысли, а также требовало сложного балансирования между необходимостью следовать принципам научной объективности и обязанностью соотносить содержание исследования с ленинскими оценками.

Работы В.И. Ленина и его соратников периода Первой мировой войны полны жесткой, категоричной критики пацифизма, который понимался как «форма одурачивания рабочего класса» [25, с. 165]. В работах лидера большевиков («Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия», «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)», «Конференция заграничных секций РСДРП» и др.) понятие «пацифизм» оказалось накрепко «привязано» к идеологически чуждым марксизму атрибутивам «шовинистический», «буржуазный», «оппортунистический», «либеральный» и пр. [25, с. 161–167, 192–194, 307–350]. Как результат, «понятие пацифизма прочно вошло в советский период нашей истории в обойму третируемых, идеалистических, буржуазных, а следовательно, чуждых, враждебных социалистическому обществу идейных фикций» [41, с. 4]. В начале 1920-х гг. в условиях необходимости прорыва дипломатической изоляции молодого советского государства В.И. Ленин отчасти изменил свое отношение к пацифизму. Оно стало более прагматичным и предполагало ситуативное сотрудничество с буржуазными сторонниками мира на базе «широкой пацифистской программы» [26, с. 406–408; 27, с. 34–40, 63–64, 69–70]. Одна-

ко о смягчении позиции Ленина «вспомнили» лишь в конце 1980-х гг., когда на фоне общего идейно-политического кризиса советские обществоведы стремились объединить ригоризм марксистско-ленинской методологии с новыми исследовательскими принципами и ценностями.

Свою лепту в оценки советской литературой отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. внесли труды И.В. Сталина, которые наряду с сочинениями В.И. Ленина выступали важными историографическими ориентирами с конца 1920-х и до середины 1950-х годов. Сталинские высказывания о пацифизме, притом что они сравнительно немногочисленны, отличались безапелляционностью и идейным формализмом, превращая понятие «пацифизм» в откровенно пейоративную коннотацию [43, с. 200]. Противопоставление партии большевиков как деятельных противников войны и пацифистов, «лишь вздыхающих о мире и ограничивающихся пропагандой мира», позднее постулировалось И.В. Сталиным в «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» [42, с. 160].

В то же время отметим, что безусловными авторитетами для советских обществоведов работы В.И. Ленина становятся лишь со второй половине 1920-х гг. [47, с. 102]. В предшествующий период можно обнаружить единичные примеры вполне идеологически нейтрального упоминания о пацифизме и его сторонниках в дореволюционной России [15, с. 11–13]. Однако по мере идеологизации социально-гуманитарных наук даже осторожные оценки отечественной антивоенной мысли в советской литературе постепенно сошли на нет. Г.Н. Четверухин именует предвоенный период, и прежде всего 1930-е гг., «мертвым штилем» в изучении истории российского пацифизма [50, с. 14]. По его мнению, до середины 1950-х гг. отечественное миротворчество как *отдельный объект исследования* советскими гуманитариями игнорировалось. На наш взгляд, данное утверждение не совсем справедливо. Критическое переосмысление антивоенной мысли в русле марксистско-ленинской идеологии происходило и в 1920-е, и в 1930-е, и в 1940-е годы. Хотя, конечно, стоит признать, что данный период не отличался значительным объемом качественных исследований по истории российского миротворчества. Тем не менее отдельные антивоенные сюжеты и/или видные сторонники мира в той или иной мере постоянно находились в оптике исследовательского интереса советских авторов этого времени.

Так, объектом жесткой критики, которая порой доходила до откровенной травли, стал Л.Н. Толстой и его учение [39; 53]. Здесь также свою роль сыграли ленинские оценки Толстого как выдающегося писателя, но посредственного мыслителя, ставшие на десятилетия идейным ориентиром для исследователей творчества писателя. «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, писал Ленин, и поэтому совсем мизерны заграничные и русские “толстовцы”, пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения» [24, с. 210]. Характерным проявлением презрительно-негативного отношения к радикальному пацифизму Л.Н. Толстого служат стихотворения В.В. Маяковского [32, с. 308–309, 331]. Так, в лице своего героя Вани Дылдина поэт изобразил хулигана-уклониста, для которого идеи непротивления лишь удобный предлог не идти в армию: *Говорит, учтиво стоя: / Убеждениями – Толстой я. / Мне война – что нож козлу. / Я – непротивленец злу* [31, с. 194]. Безусловно, отношение Маяковского к великому писателю и проповеднику идей непротивления было сложнее банального злословия, однако нельзя не признать, что критические воззрения (вплоть до инвективности) на толстовство со стороны советских исследователей в 1920–1950-е гг., безусловно, преобладали [19, с. 160–161].

Резко негативное отношение к пацифизму, отрицавшему прогрессивное значение освободительных, революционных и антиколониальных войн, оказывало существенное влияние на подходы к изучению истории отечественной антивоенной мысли до середины 1950-х годов. Исследование миротворческих идей (и в литературе, и в искусстве) зачастую происходило через анализ отношения к войне, иными словами, паксология изучалась посредством полемологии [9]. Среди подобных работ отметим также монографию Д.Е. Тамарченко, в которой среди прочего были рассмотрены взгляды на

военные конфликты ряда русских писателей второй половины XIX в. (Л.Н. Толстого, В.М. Гаршина, Г.И. Успенского) [45, с. 5–63]. Общественный пацифизм прошлого оценивался автором как угроза политическому настоящему, а выразители миротворческих взглядов определялись им как враги советского государства и марксистско-ленинской идеологии: «Борьба против пацифизма в художественной литературе является одной из важнейших политических задач марксистской критики» [45, с. 64]. Крошечную безоценочную заметку об отношении к войне А.С. Пушкина поместил на страницах журнала «Жизнь искусства» известный литературовед Б.В. Томашевский. Обширная цитата из неизданных записок поэта не оставляла сомнений – Пушкин был горячим противником войн и при установлении конституционного строя допускал исчезновение постоянной армии в течение столетия [48, с. 3]. Однако спустя несколько лет высказывать подобные мысли было уже небезопасно. В 1930 г. Томашевский опубликовал более развернутое исследование воззрений великого поэта на «вечный мир». На этот раз, по мнению ученого, Пушкин считал невозможным в обозримом будущем достижение вечного мира, однако допускал, что революционные и освободительные войны приближают всеобщее примирение [49, с. 228–230].

Отдельно следует указать на советскую юридическую литературу этого времени. Известно, что значительную долю среди дореволюционных противников войны составляли ученые-правоведы (Ф.Ф. Мартенс, Л.А. Камаровский, А.Н. Ладыженский, М.А. Таубе, В.М. Гессен и пр.). Однако даже в немногочисленных исследованиях по гуманитарному праву этого периода вклад дореволюционных ученых в основном замалчивался [17]. Редкие упоминания о российских правоведах – сторонниках мира носили резко критический, а порой и обличительный характер. К примеру, Е.Б. Пашуканис отказывал работавшим до 1917 г. специалистам по международном праву (Ф.Ф. Мартенсу, Л.А. Камаровскому, Б.Э. Нольде) в научной оригинальности и обвинял их в обслуживании великодержавной внешней политики: «Буржуазно-пацифистское направление (международного права. – *Н. Н., С. Р.*) тоже имело своих представителей, отражавших устремления капиталистических кругов к более цивилизованной, то есть более расчетливой, более тонкой политике захватов и аннексий, чем какую были способны вести реакционные помещики» [36, с. 73–74].

Смягчение международной обстановки и потепление во внутриполитической жизни во второй половине 1950-х гг. положительно повлияли на изучение отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX века. С этого момента можно начать отсчет следующего этапа в советской историографии дореволюционного пацифизма. С конца 1950-х гг. существенно возрос интерес к истории российского миротворчества, заметно увеличилось количество связанных с антивоенной мыслью исследовательских сюжетов, поменялись научные подходы и общие оценки. Важным фактором стало изменение в советском обществе отношения как к войне в целом, так и к средствам ее предотвращения. Это повлияло и на научную терминологию. Конечно, до общественно-политической «реабилитации» пацифизма было еще далеко, и он продолжал оцениваться как идеология чуждая и даже в чем-то враждебная советскому обществу и государству [21, с. 148]. Однако помимо привычных ссылок на «недостаточность и ограниченность» пацифизм к началу 1970-х гг. уже рассматривался как искренний и деятельный помощник советского движения сторонников мира [6, с. 291].

Первым заметным проявлением этих исследовательских новаций стало издание монографии известного российского и советского правоведа В.Э. Грабаря, которого в довоенный период не раз упрекали в реакционности и в отходе от изучения международного права на марксистских принципах [36, с. 74]. В своем монументальном историко-библиографическом труде Грабарь с явной симпатией отзывался о миротворческой деятельности дореволюционных авторов (к примеру, Л.А. Камаровского) [8, с. 301–302]. Исследователь дал краткий обзор научной и научно-популярной литературы (по преимуществу дореволюционной) по развитию идеи «вечного мира», теории и практике пацифизма, сокращению вооружений, деятельности обществ мира, кодификации гуманитарного права во второй половине XIX –

начале XX в. [8, с. 429–447]. В последовавшие два десятилетия советские правоведы все активнее интересовалась дореволюционными исследователями международного, в том числе и гуманитарного, права [5; 22]. В этот же период появился целый ряд работ, в которых рассматривались антивоенные сюжеты (идеи разоружения и вечного мира) в трудах ученых-юристов второй половины XIX – начала XX в. [4; 23]. И хотя обвинения в «непоследовательности и ограниченности» буржуазных пацифистов в этот период продолжали сохраняться, одновременно подчеркивался их вклад в современное антивоенное движение [4, с. 177, 185].

Особенно заметно новые интерпретации антивоенной мысли в советской юридической литературе проявлялись на протяжении 1980-х годов. Этот процесс совпал с глобальными изменениями в мире и внутри страны, которые в конечном счете привели к постепенному отказу от категорично негативных ленинских оценок «буржуазного пацифизма» (от ссылок на мнение И.В. Сталина советская историография избавилась еще в середине 1950-х гг.). Увеличение значимости миротворческого дискурса в общественно-политической жизни СССР второй половины 1980-х гг. отразили и советские партийные документы [29, с. 62–76]. В идеологии марксизма и пацифизма позднесоветские исследователи теперь стремились найти содержательные взаимосвязи, подчеркнуть желание В.И. Ленина сотрудничать с либеральными пацифистами для разоружения и установления общего мира [46, с. 60–68]. В работах советских юристов дореволюционные российские правоведы-пацифисты оценивались уже нейтрально или даже нейтрально-позитивно (что особенно заметно с конца 1980-х гг.) [20, с. 5–43]. Объектом исследовательского интереса становились важные события государственного миротворчества второй половины XIX в., в которых значительную роль сыграли отечественные специалисты по международному праву (Брюссельская конференция 1874 г., Гаагская мирная конференция 1899 г., Гаагская мирная конференция 1907 г.) [44].

С конца 1950-х гг. наблюдалось увеличение исследовательского интереса к антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. со стороны других категорий советских обществоведов – историков, философов, литературоведов. Безусловно, здесь свою роль сыграла актуализация в середине 1950-х гг. международной антивоенной повестки, повсеместный рост популярности идей разоружения и проведения миролюбивой внешней политики. В заявлениях советских руководителей и партийных документах с конца 1950-х гг. закрепился тезис о мирном сосуществовании, недопустимости войн и необходимости борьбы за всеобщий и вечный мир [30, с. 63–74; 38, с. 56–61]. В 1958 г. появилось глубокое исследование М.П. Алексеева, посвященное идее «вечного мира» в творчестве А.С. Пушкина. В нем понятие «пацифизм» упоминалось без привычного шлейфа пейоративных коннотаций. Видный литературовед выделил различные влияния на антивоенные взгляды Пушкина, в том числе и влияние предшествующей отечественной интеллектуальной традиции [1]. Впервые издаются отдельной книгой антивоенные сочинения крупного российского просветителя рубежа XVIII–XIX вв. В.Ф. Малиновского (комплиментарное предисловие к нему написал известный в будущем философ Э.А. Араб-Оглы) [28]. В 1960–1970-е гг. идеи мира в западноевропейской и российской философской мысли (последние по преимуществу XVIII в.) были рассмотрены в ряде значимых научных исследований [2; 35].

Зримым проявлением новых тенденций в историографии стало изменение отношения к радикальному пацифизму Л.Н. Толстого от неприятия и/или игнорирования идеологии непротивления в 1920–1950-е гг. к постепенному, но нарастающему к ней исследовательскому интересу. Одним из первых авторов, заново «открывших» советским читателям размышления великого писателя о войне и насилии без прежних «идеологических ярлыков», стал известный философ и литературовед В.Ф. Асмус [3]. Многочисленные научные и научно-популярные работы с позитивными оценками толстовского учения (которое понималось теперь как активная и проактивная деятельность) издавались в СССР на протяжении 1970–1980-х гг. [7; 16].

В послевоенный период появился ряд исторических исследований общего характера, посвященных внешней политике России

второй половины XIX – начала XX века. Внимание исследователя истории пацифизма могли привлечь лишь незначительные по объему сюжеты, связанные с политическим миротворчеством российского правительства на рубеже XIX–XX веков. Антивоенная мысль в них фактически не представлена или в лучшем случае удостаивалась отрывочного упоминания. Разумеется, оценки советскими исследователями внешней политики как правительственных антивоенных инициатив, так и общественной их поддержки были в различной степени критичны [13, с. 457–462; 40, с. 180–181, 538–539, 572–574].

Советские историки общественной мысли подходили к изучению миротворчества второй половины XIX – начала XX в. избирательно. Антивоенная позиция представителей либерального лагеря до Первой мировой войны замалчивалась, а после начала конфликта оценивалась исключительно как шовинистическая и экспансионистская [10, с. 11–23; 11, с. 45–56]. Однако к концу 1980-х гг. тональность в оценках либеральных пацифистов претерпела существенное изменение: они становятся более политически и идеологически нейтральными. В ряде случаев можно наблюдать достаточно благожелательный анализ миротворческой деятельности российских либералов накануне 1914 г. [52, с. 163–165, 182–183].

В отличие от либеральных пацифистов, антивоенным взглядам сторонников радикально-демократических идей уделялось значительно больше исследовательского внимания. В большинстве своем список «прогрессивных противников войны» ограничивался именами Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, отдельными народниками [18]. Миротворчество революционных демократов противопоставлялось «буржуазному пацифизму» и рассматривалось как идейный предшественник ленинского учения о мире. Н.И. Макеев писал, что, «признавая войну как явление закономерное в классовом обществе, Чернышевский был далек от пацифистского подхода, осуждающего всякую войну» [33, с. 47]. Вплоть до 1990 г. советские обществоведы продолжали видеть ключевыми фигурами дореволюционного отечественного миротворчества прежде всего представителей радикальной отечественной мысли [14, с. 117–121]. Тем не менее последние годы существования СССР можно определить как новый этап развития советской историографии антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX века. Его зримыми проявлениями стали использование в позитивном значении понятия «пацифизм», положительная оценка дореволюционных противников войны, в том числе из либерального лагеря, стремление пересмотреть ленинские оценки «буржуазного пацифизма».

В сборнике «Принципы ненасилия: классическое наследие» (1991) можно увидеть те новые принципы изучения отечественной антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в., которые в полном мере будут уже реализованы в постсоветский период. Так, в статье Р.М. Илюхиной присутствовал полный и окончательный отказ от прежних негативных трактовок пацифизма как идеологии, враждебной марксизму и лишь имитирующей реальную борьбу за мир. Исследователь жестко критиковал советскую историографию пацифизма, которая «отстает от мирового уровня примерно на 30 лет». Автор обращался к позитивному дореволюционному опыту российских миротворцев (Л.Н. Толстой, П.Н. Милюков). По мнению Илюхиной, марксизм и пацифизм были близки в желании установить общий мир и, несмотря на различия в средствах достижения итогового результата, «скорее могли бы дополнять друг друга, чем разъединять» [12, с. 192–193].

Выводы. Советская историография антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. делится на три разных по содержанию и по продолжительности этапа. Нараставшие признаки первого этапа можно проследить с момента установления советской власти, однако окончательное его формирование завершилось к середине 1920-х годов. Характерной чертой первого этапа было жесткое идеологическое неприятие большинства представителей дореволюционного миротворчества. В основном они симпатизировали либеральным партиям и зачастую были там не на последних ролях. Между тем в советской историографии царило твердое убеждение, что лишь рабочий класс способен эффективно бороться за установление всеобщего мира. Следовательно, пацифистские настроения представителей буржуазного лагеря не укла-

дывались в прокрустово ложе классового подхода. Безусловным историографическим ориентиром в данном случае служили отрицательные суждения о «буржуазном пацифизме» В.И. Ленина, который характеризовал его как бессодержательный, нелепый и лицемерный. Советские исследования этого времени по истории антивоенной мысли – редкие, едва ли не единичные работы, игнорировавшие вклад сторонников мира из либерального лагеря. С конца 1950-х до конца 1980-х гг. можно обозначить следующий этап, куда более насыщенный и фундированный. Прежде всего здесь выделялись труды советских правоведов, которые «вернули» читателю забытые имена выдающихся специалистов по международному праву, внесших значительный вклад в его кодификацию (Ф.Ф. Мартенса, Л.А. Камаровского, М.А. Таубе и пр.). На этот период пришелся рост интереса к идеям радикального пацифизма Л.Н. Толстого, которые в предшествующий период подвергали неоправданно резкой критике. Отдельные аспекты антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. были рассмотрены философами и историками в 1950–1980-е годы. Наконец, третий этап характеризовался стремительной эрозией ленинских оценок буржуазных пацифистов и вклада либеральных противников войны. Черты нового этапа можно увидеть в целом ряде работ второй половины 1980-х гг., однако окончательно он раскрылся лишь в исследованиях 1990–1991 годов. Видимыми проявлениями третьего этапа стали рост общественного и научного интереса к дореволюционному миротворчеству и расширение проблематики его изучения. Одновременно в исследовательской литературе предпринимались энергичные усилия «примирить» марксизм / ленинизм и буржуазный пацифизм. Однако следует признать, что в полной мере новые принципы и подходы к изучению антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в. будут востребованы лишь в постсоветский период.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, https://rscf.ru/project/23-28-01272/

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-01272, https://rscf.ru/project/23-28-01272/

[2] Авторы понимают «пацифизм» в самом широком смысле, то есть как антивоенное учение / движение, которое реализуется в теоретической и практической формах и направлено на искоренение войн, вооруженных конфликтов и всякого рода насилия из человеческого общежития и установление всеобщего мира и согласия. Разумеется, значение этого понятия меняется в случае использования соответствующего атрибутива. К примеру, под «радикальным пацифизмом» понимается отрицание всякого насилия и любых вооруженных конфликтов, даже с учетом их оборонительного характера. «Умеренный пацифизм», или пацифицизм при общем негативном отношении к войнам, допускает в отдельных случаях их необходимый, а порой и прогрессивный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Русская литература. 1958. № 3. С. 3–39.

2. Андреева И. С. Проблема мира в западноевропейской философии. М.: Мысль, 1975. 223 с.

3. Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого // Лев Толстой. В 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 35–102.

4. Богданов О. В. Идеи разоружения в истории международных отношений и права // Советский ежегодник международного права. М.: Изд-во АН СССР. 1962. С. 166–188.

5. Богданов О. В. Международно-правовые проблемы разоружения. М.: Междунар. отношения, 1979. 189 с.

6. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 19. М.: Сов. энцикл., 1975. 648 с.

7. Гин М. М. «Непротивленство» по Евангелию и по Л. Толстому // Наука и религия. 1978. № 9. С. 19–22.

8. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.

9. Грос В. Н. Война в искусстве. Л.: Красная газ., 1930. 170 с.

10. Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 244 с.

11. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Наука, 1967. 372 с.

12. Илюхина Р. М. Пацифизм и ненасильственная альтернатива в истории // Принципы ненасилия: классическое наследие. М.: Прогресс, 1991. С. 163–200.

13. История дипломатии. [В 5 т.]. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. 820 с.

14. Капто А. С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. М.: Политиздат, 1990. 431 с.

15. Кареев Н. И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг.: историографические очерки. Пг.: Наука и шк., 1923. 120 с.

16. Козлов Н. С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. М.: Изд-во МГУ, 1985. 136 с.

17. Коровин Е. А. Краткий курс международного права. Ч. 2. Право войны. М.: Воен. юрид. акад. РККА, 1944. 111 с.

18. Кузнецова Г. А. Вопросы войны и мира, международных отношений на страницах «Колокола» в освещении А.И. Герцена // Внешняя политика России и общественное мнение. М.: Ин-т истории СССР, 1988. С. 76–90.

19. Курьянова В. В. Толстовский миф в творчестве В.В. Маяковского // LITERA. 2018. № 4. С. 152–167.

20. Лазарев С. Л. Международный арбитраж. М.: Междунар. отношения, 1991. 213 с.

21. Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958. 275 с.

22. Левин Д. Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. : Общие вопросы теории международного права. М.: Наука, 1982. 198 с.

23. Левин Д. Б. Русские юристы-международники о сущности международного права // Советский ежегодник международного права. 1975. М.: Наука, 1977. С. 217–225.

24. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 17. М.: Изд-во полит. лит., 1968. 655 с.

25. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 590 с.

26. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 44. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 725 с.

27. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 729 с.

28. Малиновский В. Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 170 с.

29. Материалы XVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

30. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1959. 259 с.

31. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1958. 536 с.

32. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1958. 611 с.

33. Макеев Н. И. Н. Г. Чернышевский – редактор «Военного сборника». М.: Воениздат, 1950. 106 с.

34. Николаев Н. Ю. Современная историография о российском миротворчестве второй половины XIX – начала XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. URL: https://history.jes.su/s207987840019954-8-1/

35. Папаригопуло С. В. Прогрессивные русские мыслители XVIII века о мире и войне // Вопросы философии. 1960. № 2. С. 132–142.

36. Пашуканис Е. Б. Очерки по международному праву. М.: Сов. законодательство, 1935. 222 с.

37. Петрова Е. Е. Деятельность Общества мира (к 100-летию образования первой пацифистской организации в России) // История государства и права. 2009. № 8. С. 37–39.

38. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.

39. Путинцев Ф. М. Толстой, толстовство и сектантство // Революция и культура. 1928. № 17. С. 17–24.

40. Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.; Л.: АН СССР, 1960. 705 с.

41. Рудницкая Е. Л., Лисовой Н. Н. Миротворческая парадигма русской мысли // Миротворчество в России : Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 4–27.

42. Сталин И. В. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. [М.].: Изд-во ЦК ВКП(б) Правда, 1938. 352 с.

43. Сталин И. В. Сочинения. В 18 т. Т. 11. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во. полит. лит., 1949. 382 с.

44. Стародубцев Г. С. Вклад Ф.Ф. Мартенса в кодификацию международных правил, применяемых в вооруженных конфликтах // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 107–110.

45. Тамарченко Д. Е. Тема войны в литературе. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1933. 134 с.

46. Темкин Я. Г. Марксисты и пацифисты (из опыта взаимоотношений) // Вопросы истории КПСС. 1987. № 8. С. 56–68.

47. Тихонов В. В. Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 101–108.

48. Томашевский Б. В. Мысли Пушкина о войне // Жизнь искусства. 1924. № 24. С. 3.

49. Томашевский Б. В. Пушкин и вечный мир // Звезда. 1930. № 7. С. 227–231.

50. Четверухин Г. Н. Происхождение и развитие российского миротворчества в последней трети XIX века. Кострома: Авантитул, 2003. 60 с.

51. Четверухин Г. Н. Российская интеллигенция второй половины XIX в. и проблемы миротворчества: дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2007. 30 с.

52. Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. 231 с.

53. Ярославский Е. М. О Л.Н. Толстом и «толстовцах». М.: Безбожник, 1928. 22 с.

REFERENCES

1. Alekseev M.P. Pushkin i problema «vechnogo mira» [Pushkin and the Problem of "Eternal Peace"]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1958, no. 3, pp. 3-39.

2. Andreeva I.S. *Problema mira v zapadnoevropejskoj filosofii* [The Problem of Peace in Western European Philosophy]. Moscow, Mysl Publ., 1975. 223 p.

3. Asmus V.F. Mirovozzrenie Tolstogo [Tolstoy's Worldview]. *Lev Tolstoj. V 2 kn. Kn. 1* [Leo Tolstoy. In 2 Books. Book 1], Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961, pp. 35-102.

4. Bogdanov O.V. Idei razoruzheniya v istorii mezhdunarodnyh otnoshenij i prava [Ideas of Disarmament in the History of International Relations and Law]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Soviet Yearbook of International Law], Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 166-188.

5. Bogdanov O.V. *Mezhdunarodno-pravovye problemy razoruzheniya* [International Legal Problems of Disarmament]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1979. 189 p.

6. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya. V 30 t. T. 19* [The Great Soviet Encyclopedia. In 30 Vols. Vol. 19]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1975. 648 p.

7. Gin M.M. «Neprotivlenstvo» po Evangeliyu i po L. Tolstomu ["Nonresistance" According to the Gospel and According to L. Tolstoy]. *Nauka i religiya* [Science and Religion], 1978, no. 9, pp. 19-22.

8. Grabar V.E. *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Materials for the History of the Literature of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958. 491 p.

9. Gross V.N. *Vojna v iskusstve* [War in Art]. Leningrad, Krasnaya gaz. Publ., 1930. 170 p.

10. Dumova N.G. *Kadetskaya partiya v period pervoj mirovoj vojny i Fevralskoj revolyucii* [The Cadet Party During the First World War and the February Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 244 p.

11. Dyakin V.S. *Russkaya burzhuaziya i carizm v gody pervoj mirovoj vojny (1914–1917)* [Russian Bourgeoisie and Tsarism During the First World War (1914–1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 372 p.

12. Ilyuhina R.M. Pacifizm i nenasilstvennaya alternativa v istorii [Pacifism and the Nonviolent Alternative in History]. *Principy nenasiliya: klassicheskoe nasledie* [Principles of Nonviolence: Classical Heritage], Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 163-200.

13. *Istoriya diplomatii. V 5 t. T. 2* [History of Diplomacy. In 5 Vols. Vol. 2]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1963. 820 p.

14. Kapto A.S. *Filosofiya mira: istoki, tendencii, perspektivy* [Philosophy of the Peace: Origins, Trends, Prospects]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 431 p.

15. Kareev N.I. *Novejshee vremya ot 1859 do 1914 gg.: istoriograficheskie ocherki* [The Newest Time from 1859 to 1914: Historiographic Essays]. Petrograd, Nauka i shk. Publ., 1923. 120 p.

16. Kozlov N.S. *Lev Tolstoj kak myslitel i gumanist* [Leo Tolstoy as a Thinker and Humanist]. Moscow, Izd-vo MGU, 1985. 136 p.

17. Korovin E.A. *Kratkij kurs mezhdunarodnogo prava. Ch. 2. Pravo vojny* [Short Course of International Law. Part 2. The Law of War]. Moscow, Voen. yurid. akad. RKKA, 1944. 111 p.

18. Kuznecova G.A. Voprosy vojny i mira, mezhdunarodnyh otnoshenij na stranicah «Kolokola» v osveshchenii A.I. Gercena [Issues of War and Peace, International Relations on the Pages of "The Bell" in the Coverage of A.I. Herzen]. *Vneshnyaya politika Rossii i obshchestvennoe mnenie* [Foreign Policy of Russia and Public Opinion]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1988, pp. 76-90.

19. Kuryanova V.V. Tolstovskij mif v tvorchestve V.V. Mayakovskogo [Tolstoy Myth in the Works of V.V. Mayakovsky]. *LITERA*, 2018, no. 4, pp. 152-167.

20. Lazarev S.L. Mezhdunarodnyj arbitrazh [International Arbitration]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1991. 213 p.

21. Levin D.B. *Osnovnye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Main Problems of Modern International Law]. Moscow, Gosyurizdat. 1958. 275 p.

22. Levin D.B. *Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v konce XIX i nachale XX v.: Obshchie voprosy teorii mezhdunarodnogo prava* [Science of International Law in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries: General Questions of the Theory of International Law]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 198 p.

23. Levin D.B. Russkie yuristy-mezhdunarodniki o sushchnosti mezhdunarodnogo prava [Russian International Lawyers on the Essence of International Law]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1975* [The Soviet Yearbook of International Law. 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 217-225.

24. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 17* [The Complete Collection of Works. In 55 Vols. Vol. 17]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1968. 655 p.

25. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 26* [The Complete Collection of Works. In 55 Vols. Vol. 26]. Moscow, Izd-vo polit. lit.,1969. 590 p.

26. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 44* [TThe Complete Collection of Works. In 55 Vols. Vol. 44]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970. 725 p.

27. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 45* [The Complete Collection of Works. In 55 Vols. Vol. 45]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970. 729 p.

28. Malinovskij V.F. *Izbrannye obshchestvenno-politicheskie sochineniya* [Selected Socio-Political Works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958. 170 p.

29. *Materialy XVIII syezda Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza* [Proceedings of

the 28th Congress of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 352 p.

30. *Materialy vneocherednogo XXI syezda KPSS* [Proceedings of the Extraordinary 21st Congress of the CPSU]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 259 p.

31. Mayakovskij V.V. *Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 7* [The Complete Collection of Works. In 13 Vols. Vol. 7]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1958. 536 p.

32. Mayakovskij V.V. *Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 9* [The Complete Collection of Works. In 13 Vols. Vol. 9]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1958. 611 p.

33. Makeev N.I. *N.G. Chernyshevskij – redaktor «Voennogo sbornika»* [N.G. Chernyshevsky – Editor of the Military Collection]. Moscow, Voenizdat, 1950. 106 p.

34. Nikolaev N.Yu. Sovremennaya istoriografiya o rossijskom mirotvorchestve vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Modern Historiography About Russian Peacekeeping in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic Scientific and Educational Journal "History"], 2022, vol. 13. URL: https://history.jes.su/s207987840019954-8-1/

35. Paparigopulo S.V. Progressivnye russkie mysliteli XVIII veka o mire i vojne [Progressive Russian Thinkers of the 18th Century About Peace and War]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1960, no. 2, pp. 132-142.

36. Pashukanis E.B. *Ocherki po mezhdunarodnomu pravu* [Essays on International Law]. Moscow, Sovet. zakonodatelstvo Publ., 1935. 222 p.

37. Petrova E.E. Deyatelnost Obshchestva mira (k 100-letiyu obrazovaniya pervoj pacifistskoj organizacii v Rossii) [Activities of the Peace Society (To the 100th Anniversary of the Formation of the First Pacifist Organization in Russia)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2009, no. 8, pp. 37-39.

38. *Programma Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza* [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 144 p.

39. Putincev F.M. Tolstoj, tolstovstvo i sektantstvo [Tolstoy, Tolstoyan Movement and Sectarianism]. *Revolyuciya i kultura* [Revolution and Culture], 1928, no. 17, pp.17-24.

40. Rotshtejn F.A. *Mezhdunarodnye otnosheniya v konce XIX veka* [International Relations at the End of the 19th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1960. 705 p.

41. Rudnickaya E.L., Lisovoj N.N. Mirotvorcheskaya paradigma russkoj mysli [The Peacemaking Paradigm of Russian Thought]. *Mirotvorchestvo v Rossii: Cerkov, politiki, mysliteli. Ot rannego srednevekovya do rubezha XIX-XX stoletij* [Peacemaking in Russia: The Church, Politicians, Thinkers. From the Early Middle Ages to the Turn of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 4-27.

42. Stalin I.V. *Istoriya vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bolshevikov). Kratkij kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Course]. Moscow, Izd-vo CK VKP(b) Pravda, 1938. 352 p.

43. Stalin I.V. *Sochineniya. V 18 t. T. 11* [Works. In 18 Vols. Vol. 11]. Moscow, OGIZ, Gos. izd-vo polit. lit., 1949. 382 p.

44. Starodubcev G.S. Vklad F.F. Martensa v kodifikaciyu mezhdunarodnyh pravil, primenyaemyh v vooruzhennyh konfliktah [Contribution of F.F. Martens in the Codification of International Rules Applied in Armed Conflicts]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1988, no. 7, pp. 107-110.

45. Tamarchenko D.E. Tema vojny v literature [The Theme of War in Literature]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo hudozh. lit., 1933. 134 p.

46. Temkin Ya.G. Marksisty i pacifisty (iz opyta vzaimootnoshenij) [Marxists and Pacifists (From the Experience of Relationships)]. *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the History of the CPSU], 1987, no. 8, pp. 56-68.

47. Tihonov V.V. Istoricheskaya nauka v 1920-e gody: istoriograficheskie zametki [Historical Science in the 1920s: Historiographic Notes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 30 (321), pp. 101-108.

48. Tomashevskij B.V. Mysli Pushkina o vojne [Pushkin's Thoughts About the War]. *Zhizn iskusstva* [Life of Art], 1924, no. 24, p. 3.

49. Tomashevskij B.V. Pushkin i vechnyj mir [Pushkin and the Eternal Peace]. *Zvezda* [Star], 1930, no. 7, pp. 227-231.

50. Chetveruhin G.N. *Proiskhozhdenie i razvitie rossijskogo mirotvorchestva v poslednej treti XIX veka* [The Origin and Development of Russian Peacekeeping in the Last Third of the 19th Century]. Kostroma, Studiya operativnoj poligrafii «Avantitul» (Vasilev I.V.), 2003. 60 p.

51. Chetveruhin G.N. *Rossijskaya intelligenciya vtoroj poloviny XIX v. i problemy mirotvorchestva: diss. ... kand. ist. nauk* [Russian Intelligentsia in the Second Half of the 19th Century and Problems of Peacemaking. Cand. hist. sci. diss.]. Kostroma, 2007. 30 p.

52. Shelohaev V.V. *Ideologiya i politicheskaya organizaciya rossijskoj liberalnoj burzhuazii. 1907–1914 gg.* [Ideology and Political Organization of the Russian Liberal Bourgeoisie. 1907–1914]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 231 p.

53. Yaroslavskij E.M. *O L.N. Tolstom i «tolstovcah»* [Tolstoy and the "Tolstoyans"]. Moscow, Bezbozhnik Publ., 1928. 22 p.

Information About the Authors

Nikolay Yu. Nikolaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Engelsa St, 42a, 404121 Volzhsky, Russian Federation, nikcam@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9878-4397

Sergei P. Ramazanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Volzhsky Branch of the Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, sp-ram@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7942-2852

Информация об авторах

Николай Юрьевич Николаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, ул. Энгельса, 42а, 404121 г. Волжский, Российская Федерация, nikcam@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9878-4397

Сергей Павлович Рамазанов, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, sp-ram@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7942-2852

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.20

UDC 930
LBC 63.1(2)

Submitted: 27.03.2023
Accepted: 27.06.2023

THE DEVELOPMENT OF GENDER STUDIES IN THE RESEARCH OF THE BATTLE OF STALINGRAD

Alexandra K. Elokhina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Historiography devoted to the study of wartime Stalingrad demonstrates the changing object of Stalingrad studies. We can distinguish several successive research narratives and research programmes. *Methods and materials.* The article is of a reviewing, historiographical nature. The main methodology used in this article is the study methodology for research programmes. Methods of gender studies are also used in the article. *Analysis.* The traditional natural narrative is devoted to the description of military operations in the city from September 1942 to February 1943. Historians focus on the military units and formations (battalions, regiments, divisions, and armies) involved in the hostilities. The 2000s brought a change in the object of research in the historiography of the Battle of Stalingrad. For the first time, the civilian population of the military Stalingrad became the object of close study. A continuation and deepening of the "civilian population" narrative is the theme of the "children of Stalingrad." It would seem that after studying Stalingrad's childhood, it is logical to talk about women. But it is difficult to make the Stalingrad woman an object of scientific research. If the child has already become a "legitimate" object of historical study, the woman is still regarded as a kind of "weak" analogue of the man. The functional roles of a woman (wife and mother) almost always supersede her gender specificity and her experience. *Results.* One of the tasks of such research should be to analyse the change in a woman's social role from wife, mother, and keeper of the home to a more independent and important member of society. The special socio-economic and political position of women in Soviet military society still requires close study. The methodology of gender studies should come to Stalingrad studies.

Key words: gender studies, methodology of gender studies, women of Stalingrad, wartime Stalingrad, children of Stalingrad, historiography, research narrative.

Citation. Elokhina A.K. The Development of Gender Studies in the Research of the Battle of Stalingrad. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 253-262. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.20

УДК 930
ББК 63.1(2)

Дата поступления статьи: 27.03.2023
Дата принятия статьи: 27.06.2023

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Александра Константиновна Елохина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Историография, посвященная изучению Сталинграда военного времени, демонстрирует изменение объекта сталинградских исследований. Мы можем выделить несколько последовательно сменяющих друг друга исследовательских нарративов и исследовательских программ. Традиционный естественный нарратив посвящен описанию военных действий в городе с сентября 1942 г. до февраля 1943 года. В центре внимания историков оказываются военные части и соединения (батальоны, полки, дивизии, армии), участвовавшие в боевых действиях. 2000-е гг. внесли в историографию Сталинградской битвы изменение объекта исследования. Впервые само по себе мирное гражданское население военного Сталинграда стало объектом пристального изучения. Продолжением и углублением нарратива «мирного населения» является тема «детей Сталинграда». Казалось бы, после изучения сталинградского детства логично говорить и о женщинах.

© Елохина А.К., 2023

Но сталинградская женщина становится объектом научного исследования с трудом. Если ребенок уже стал «законным» объектом исторического изучения, то женщина все еще рассматривается как своеобразный «слабый» аналог мужчины. Функциональные роли женщины (жена и мать) практически всегда вытесняют ее гендерную особость и ее опыт. Уникальное социально-экономическое и политическое положение женщины в советском военном обществе еще требует своего пристального изучения. В сталинградские исследования должна прийти методология гендерных исследований.

Ключевые слова: гендерные исследования, методология гендерных исследований, женщины Сталинграда, Сталинград военного времени, дети Сталинграда, историография, исследовательский нарратив.

Цитирование. Елохина А. К. Становление гендерных исследований в изучении Сталинградской битвы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 253–262. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.20

Введение. Историография, посвященная изучению Сталинграда военного времени, обширна и постоянно дополняется. Важно обратить внимание, что сталинградские исследования демонстрируют развитие и интересные смены объекта исследования. Причем исследования меняются вместе с современной трансформацией исторического знания и общественного сознания.

В нашей статье рассмотрены последовательные этапы изменения исследовательского интереса (а именно переход исторического нарратива от более традиционного маскулинного взгляда на войну к менее явным проблемам мирного населения, в частности женщин) и приведены основные источники и литература по каждому из них.

Стоит обратить внимание, как усложняется образ женщины в исторических исследованиях. Изначально в литературе сталинградская женщина описывается как одна из составных частей (не самая важная, к тому же) общей многоликой массы «мирного населения», но позже оказывается, что именно женщины, по сути, являются этим «мирным населением». Что сталинградская женщина сама по себе является важным объектом исторического исследования, а ее социальные функции вовсе не сводятся только к функции материнства.

Методы и материалы. Статья носит обзорный, историографический характер, ее предметом являются нарративы исследования Сталинградской битвы и основные этапы изменения этих нарративов.

Основной метод исследования в данной статье – методика исследования научных исследовательских программ, сформулированная И. Лакатосом. Важно обратить внимание, что у И. Лакатоса ядро научной исследовательской программы состоит из «неопровержимых доказательств», которые во многом определяются внутренней логикой, но подвержены влиянию социального и исторического контекста.

Каждая научно-исследовательская программа обладает своим «узлом» проблем и ценностных отношений, которые позволяют одни вопросы рассматривать как «важные», а другие считать «несущественными». Женский вопрос долгое время относился именно к таким «несущественным» вопросам, но в силу некоторых социальных изменений сейчас меняет свой статус и превращается в «важный» вопрос. Мы такую перемену связываем с появлением новой научно-исследовательской программы гендерной истории, которая по-своему выстраивает и оценивает давно известные исторические факты и события.

На основании такого подхода И. Лакатоса нами выявлены четыре исследовательских нарратива в рамках изучения Сталинградской битвы. Каждый из этих нарративов связан с определенной научной исследовательской программой.

Гендерные исследования с недавнего времени стали важной частью современной исторической науки. В нашей стране важнейшую роль в становлении гендерных исследований сыграли работы Н.Л. Пушкаревой, которая заложила как основы теории, так и практики гендерных исследований [21]. Гендер вместе с национальностью и классовым происхождением стал важной социальной характеристикой. Что значит быть советской женщиной в 40-е гг. XX века? Этот совсем не тривиальный вопрос усложняется драматическими обстоятельствами Великой Отечественной войны.

Традиционный позитивистский подход к войне как организованной исключительно мужской государственной и военной деятельности исключал из внимания исследователей и мирное население, и самих женщин. А это приводит к упрощению картины. Всем известно про героическую оборону дома Павлова сводной группой 3-го батальона Жукова, но то, что в подвале дома весь сентябрь и октябрь жили мирные жители, просто игнорируется традиционными историками. Мирные жители просто не вписываются в традиционный нарратив.

С этой точки зрения гендерным исследованиям свойственен критический подход. Попытки написать историю «глазами женщин», с точки зрения женского опыта, тяготение к индивидуальному неизбежно приводят к конфликту с традиционными историческими подходами. В этом смысле очень показательна первоначальная негативная реакция исторического сообщества на ставшую уже классической работу Дж. Скотт [40]. Поэтому гендерные исследования – это попытка написать «другую» историю, опираясь часто на методы «устной истории», изучить половую иерархию в контексте советского общества 40-х годов.

Гендерные исследования направлены на выявление специфической роли женщины в довоенном и послевоенном Сталинграде, на изучение изменения социальной роли женщины в период всей Великой Отечественной войны. Важность гендерного метода доказывает развитие исторического нарратива, который уже не рассматривает женщину только как жену и мать (то есть как часть семьи), но начинает видеть в женщине самостоятельного и полноценного члена общества. У женщины кроме биологических появляются социальные функции, которые в драматическое военное время приобретают новые важные качества.

Анализ. Историография, посвященная изучению Сталинграда военного времени, демонстрирует изменение объекта сталинградских исследований. Мы можем выделить несколько последовательно сменяющих друг друга исследовательских нарративов и исследовательских программ [13, с. 147].

Традиционный естественный нарратив посвящен описанию военных действий в городе с сентября 1942 г. до февраля 1943 года. Это традиционная военная история, берущая свое начало чуть ли не с сочинений К. фон Клаузевица о кампаниях Бонапарта Наполеона. В центре внимания военных историков оказываются военные части и соединения (батальоны, полки, дивизии, армии), ведущие боевые действия, и их командиры.

Так как подавляющая часть комбатантов мужчины (чаще всего это старшие командиры, которые в послевоенное время написали мемуары, история обычных солдат редко интересует историков, хотя есть исключения [27; 41]), – это преимущественно мужская история с его позитивисткой спецификой. Это история сильных военных и политических лидеров, история героизма на поле боя и на производстве, история решительных поступков, сложных и подробных военных планов и т. д. Это классическая событийная история.

В самом обобщенном историческом взгляде такой подход может превращаться в историю институтов: сталинградских государственных органов в военное время [20; 28; 29], военного производства [6; 22], военного управления, социалистического общества [33] и т. д. Это направление особенно популярно в нашей стране, так как оказывается идейно близким к традиционной государственной школе отечественной историографии.

Внимание к женщинам в этих традиционных исследовательских подходах (яркий пример – воспоминания В.И. Чуйкова [34]) – концепция общенародной борьбы, когда весь народ и даже женщины встали в строй (зенитчицы, связистки, летчицы). Но в целом война в таком нарративе – не женская тема. Особенно интересно это выражается в немецкой мемуарной литературе: сражающиеся советские женщины – это пример «нечестной», «подлой» «азиатской» войны [23], в то время как настоящая роль «европейской» женщины в пассивном ожидании своего мужа / брата / отца и самоограничении в тыловой жизни [31].

Традиционный нарратив Сталинградской битвы обширен. Он берет начало с вышедшего уже в 1943 г. в Сталинграде небольшого сборника статей «13-я гвардейская в боях за Сталинград». Военная история Сталинграда последние 20 лет стала очень актуальной темой, по которой практически ежегодно

выходят научные монографии. Перечислим основных, на наш взгляд, авторов: А.В. Исаев [8], В. Рунов [24], Е. Кобяков [9], А. Чунихин [35], Д. Гланц [38], Дж. Марк [39], А. Ветттштейн [42].

Военная история сейчас переживает активный этап развития, который связан с открытием военных архивов (2007 г.) и целым потоком новой информации, требующей анализа и интерпретации. Новые документы неизбежно повлекут создание новой истории Сталинградской битвы, которая будет неизбежно отличаться от традиционного советского нарратива. Не случайно многие авторы в названии своих книг обыгрывают тему «неизвестного» или «забытого» Сталинграда.

2000-е гг. внесли в историографию Сталинградской битвы существенное изменение объекта исследования. Исследователи на фоне кризиса советской историографии обнаружили гражданское население г. Сталинграда. В это время советское военное и политическое руководство подвергалось крайней критике историками (часто абсолютно незаслуженно), советская героика обороны Сталинграда казалась некоторым историкам неуместной. Поток зарубежной мемуарной и исторической литературы, негативно оценивающей советское военное руководство и продвигающей немецкий взгляд (теперь немецкие солдаты становились героями и мучениками) на историю Сталинграда, усугублял историографическую ситуацию. В этом контексте сама Великая Отечественная война стала представляться негативным событием, а все ее участники, вольные и невольные, ее жертвами.

На наш взгляд, ключевой в этом дискурсе является книга Татьяны Анатольевны Павловой [19]. Впервые в ее монографии само по себе мирное гражданское население военного Сталинграда стало объектом пристального исследования. Военная героика в данном исследовательском подходе вытеснена переживанием драмы мирного населения, которое рассматривается как бы отдельно от войны, которую ведет советское государство. Гражданское население рассматривается как оказавшееся между двух воюющих армий: РККА и Вермахта. Война описывается как абсолютное зло, как драма всех ее участников и рассматривается вне ее причин и следствий. В этом контексте появляется тема критики советского руководства, допустившего трагедию мирного населения (запоздалая эвакуация мирного населения), что свойственно для историографии этого времени.

Проблемы мирного населения Сталинграда продолжают и сейчас изучаться специалистами [16]. В конце 2022 г. вышел важный сборник документов, раскрывающий роль мирного сталинградского населения в строительстве оборонительных сооружений вокруг г. Сталинграда [32]. Возникает исследовательский интерес к частной жизни советского человека [11]. В целом такой нарратив носит антивоенный и антимилитаристский характер, что связывает эту историографию с развитой послевоенной европейской традицией осмысления Второй мировой войны.

Этот новый для отечественной историографии исследовательский подход, тем не менее, опирается на очень развитую еще советскую тему преступлений против советского мирного населения. Недаром диссертация Т.А. Павловой написана именно в таком контексте [18]. Но в этом подходе мирное население рассматривается не как самостоятельный объект изучения, а как жертва военных преступлений Вермахта, войск СС, частей восточноевропейских коллаборационистов. Эта исключительно важная тема традиционно привлекает внимание исследователей.

Так, в 2008 г. вышли сборники документов «Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы» [17] и «Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области» [28]. Сборники содержат уникальный источниковый материал, который в основном еще ждет своих исследователей. Многие частные вопросы оккупационной политики в Сталинградской области не изучены, роль оккупационных полицейских частей, в частности эстонских или украинских, не исследована.

Тематика преступлений против мирного населения в последние годы становится все

более и более актуальной. Ведущими отечественными специалистами на сегодняшний день в этой теме являются А. Дюков [5], Е. Яковлев [36], Е.Ф. Кринко [10; 12].

Тема явно будет расширяться и исследоваться дальше. В основе ее находится концепция, что война – это не только солдаты и мужчины, но и мирное не воюющее население (старики, женщины и дети), что откровенно и недвусмысленно является нарушением правил и обычаев войны. Анализ преступной политики Германии, ее сателлитов на оккупированной территории СССР, связи этой политики с нацисткой идеологией и экономикой находится в центре этого подхода.

Продолжением и углублением нарратива «мирного населения» является тема «детей Сталинграда». Тема детей, как самой незащищенной в военное время категории населения, имеет сильный общественный резонанс.

Интересно, что раньше ученых темой занялись общественники (сами повзрослевшие «дети Сталинграда»). Еще в 1991 г. была создана общественная организация «Дети военного Сталинграда», которая собирала воспоминания сталинградских детей. Определенную работу проводили в этом направлении и научные сотрудники Музея-панорамы «Сталинградская битва». Совместными усилиями на сегодняшний день собраны тысячи документов, писем, фотографий. Накоплен очень богатый материал «устной истории». По этой важной теме на сегодняшний день существует своя историография [1; 4; 15; 30].

Значительный вклад в развитие тематики сталинградского детства внесла и вносит Марина Александровна Рыблова, создавшая целое направление исследований «антропология военного города». Коллективная монография «Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы)» [26], изданная под ее руководством, задает достаточно высокий исследовательский стандарт.

Здесь важно обратить внимание, что М.А. Рыблова прежде всего этнограф, и тема детей Сталинграда в ее работах оказывается этнографической, а не исторической. Этнография детства, находящаяся между методами социологии и подходами психологии, исходит из изучения детской субкультуры, которая коренным образом отличается от субкультуры взрослых. Дети в этом смысле оказываются слишком непохожими на взрослых, чтобы стать «настоящим» объектом истории. Тем не менее разрыв между этнографией детства и историей детства не столь велик и может быть преодолен. Военная сталинградская повседневность резко отменила детство, и история 15-летнего разведчика Саши Филиппова яркое тому подтверждение. Феномен пионеров-героев, сынов и дочерей полков еще ждет своего серьезного объяснения.

Подводя итог, можно сказать, что изучение сталинградского детства – целая исследовательская революция, подобная революции, совершенной в 60-е гг. во французской историографии Ф. Арьесом [2].

Казалось бы, после изучения сталинградского детства логично говорить и о сталинградских женщинах. Но сталинградская женщина становится объектом научного исследования с большим трудом.

Так, женщина могла рассматриваться в антивоенном контексте [7], в религиозном контексте [14], в контексте материнства [25], но сама по себе сталинградская женщина практически не рассматривается специалистами. Если ребенок уже стал «законным» объектом исторического изучения, то женщина все еще рассматривается, как своеобразный «слабый» аналог мужчины.

Функциональные роли женщины (жена и мать) практически всегда вытесняют ее гендерную особость и ее опыт несмотря на то, что социальная роль женщины конструируется и меняется в зависимости от требований окружающей действительности. Однако именно этот опыт, механизмы и причины изменения женских ролей редко рассматриваются в историографии, продолжая оценивать женщин с точки зрения функций, которые она выполняет в тот или иной период времени. Особенное социально-экономическое и политическое положение женщины в советском военном обществе еще требует своего пристального изучения. В сталинградские исследования должна прийти методология гендерных исследований [3].

Важно обратить внимание, что война серьезно изменила женский социальный статус и социальные роли. Даже после эвакуации в Сталинграде оставалось до 200 тыс. мирного населения, и подавляющую часть этого населения составляли женщины. Сталинградки оказались в экстремальной ситуации. Сначала в армию / ополчение были призваны их мужчины (мужья, отцы, братья), а потом, в сентябре 1942 г., город покинула советская власть (14 сентября переправился за Волгу первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП А.С. Чуянов). Даже Красная армия, последний оплот советской власти в городе, была вынуждена отступить к самому берегу Волги и оставить все жилые кварталы врагу (исключение – Бекетовка и Красноармейск).

Сталинградские женщины без мужчин и государства были вынуждены впервые сами организовывать свою жизнь (выживание) в оккупированных центральных районах города Сталинграда (Дзержинский, Ворошиловский, Ерманский), искать способы взаимодействия с армией противника и его оккупационной администрацией. Сталинградские женщины создали свои оригинальные формы социального взаимодействия и социальной организации, в которых оригинальным образом смешались традиционные крестьянские обычаи и сравнительно новые пролетарские социальные нормы. Этот интересный социальный феномен требует своего пристального изучения.

В зарубежной историографии тема женщин в Великой Отечественной войне набирает все большую и большую популярность. Но, к сожалению, советская женщина часто в иностранных исследованиях рассматривается просто как жертва советской государственной пропаганды и советского тоталитарного режима. Советская женщина подвергается двойному угнетению – традиционному мужскому и государственному. Это, конечно, ангажированный и крайне упрощенный подход, который лишает советскую женщину своей онтологии [37]. В противовес современной западной идеологизации и политизации изучения советских женщин необходимо, используя методологию гендерных исследований, описать женский опыт в экстремальных условиях Сталинграда.

Заключение. Несмотря на обилие источников и историографии, описывающих как военные действия в Сталинградской битве, так и жизнь мирного населения, история военного времени не может быть полной без взгляда на жизнь женщин на оккупированной территории, их проблемы и способы выживания. Одной из задач в рамках подобных исследований должен стать анализ изменения социальной роли женщины от жены, матери, хранительницы очага к более самостоятельному и важному члену общества (глава семьи, воительница (военная?), гражданка, восстанавливающая город и свой дом из руин). Изучение сталинградских женщин, несмотря на все сложности, должно быть целостным и корректным, учитывая специфику сложноорганизованного советского общества в военные и послевоенные годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «...и горела Волга»: оставшиеся в живых Сталинградцы вспоминают / ред. Ф. Айкхофф, О. Арнольд, С. Крюгер. Кёльн; Волгоград: Издатель, 2002. 292 с.

2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.

3. Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2019. 994 с.

4. Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы / сост. Ю. В. Кулешова. Волгоград: Издатель, 2008. 152 с.

5. Дюков А. Р. Истребительная политика нацистов на оккупированной советской территории : Направления исследования // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Опыт изучения и преподавания. М.: РГГУ, 2005. С. 316–325.

6. Единство фронта и тыла – залог Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / отв. ред. Л. И. Будченко. М.: Глобус, 2009. 250 с.

7. Женщина и война, 1941–1945. Россия и Германия / отв. ред.: Н. Э. Вашкау, П. Линке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 156 с.

8. Исаев А. В. Битва за Сталинград. Мифы и правда. М.: Эксмо, 2022. 544 с.

9. Кобяков Е. Неизвестный Сталинград. Новый взгляд на величайшую битву. М.: Яуза, 2023. 320 с.

10. Кринко Е. Ф. Оккупация советских территорий во время Великой Отечественной войны:

проблемы исследований // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 2. С. 21–29.

11. Кринко Е. Ф., Тажидинова Т. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

12. Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.

13. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 135–154.

14. Мордвинов С. В. Женщины и возрождение православия в Сталинградской области в 1943–1953 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 32–37. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2012.2.5

15. Мы родом из войны: дети военного Сталинграда вспоминают. Волгоград: Издатель, 2004. 144 с.

16. Насекин М. А., Буганов А. В. Военная повседневность гражданского населения Сталинграда в 1942–1943 гг. (по дневникам Анны Арацких и Серафимы Ворониной) // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 26–34.

17. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Волгоград: Перемена, 2008. 60 с.

18. Павлова Т. А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. – февраль 1943 г. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 245 с.

19. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 594 с.

20. Пищулина С. Ю. Сталинградский городской Комитет обороны в 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2007. 250 с.

21. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.

22. Работа промышленных предприятий г. Сталинграда и Сталинградской области в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы: тематический обзор фонда № 113 Волгоградского обкома КП РСФСР / ред. Л. И. Будченко, отв. сост. Е. В. Студеникина. Волгоград, 2012. 80 с.

23. Рудель Г.-У. Пилот пикировщика // Бомбы сброшены! М.: АСТ, 2002. 736 с.

24. Рунов В. Неизвестный Сталинград. М.: Вече, 2023. 432 с.

25. Рыблова М. А. Женщины-матери военного Сталинграда: практики спасения и сохранения детей // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов : (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). М. ; Старый Оскол: ИЭА РАН: СТИ НТУ «МИСиС», 2015. Т. 2. С. 65–70.

26. Рыблова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Архипова Е. В., Курилла И. И. *, Назарова М. П. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 336 с.

27. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / пер. с нем. К. Левинсона; отв. ред. Й. Хелльбек; послесл. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 672 с.

28. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2008. 1360 с.

29. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны / под ред. М. М. Загорулько. 2-е изд. Волгоград: Издатель, 2007. 902 с.

30. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... / сост. Г. В. Егорова, Е. А. Соколова. Волгоград: Издатель, 2012. 136 с.

31. Старгардт Н. Мобилизованная нация: Германия 1939–1945. М.: КоЛибри, 2021. 688 с.

32. Участие населения Сталинградской области в строительстве инженерно-технических сооружений и оборонительных рубежей. 1941–1943 гг. / редкол.: Л. И. Будченко (отв. ред.); сост.: Н. А. Насонова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 495 с.

33. Харинина Л. В. Восстановление и развитие высших учебных заведений Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. 26 с.

34. Чуйков В. И. Начало пути. М.: Воениздат, 1959. 360 с.

35. Чунихин А. Забытый Сталинград. На флангах сражения. М.: Яуза, 2020. 288 с.

36. Яковлев Е. Война на уничтожение. Что готовил Третий Рейх для России. СПб.: Питер, 2017. 480 с.

37. Attwood L. Creating the New Soviet Woman Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–53. London: MACMILLAN PRESS LTD, 1999. 220 p.

38. Glantz D. M. Armageddon in Stalingrad. September-November 1942 // The Stalingrad Trilogy / David M. Glantz with Jonathan M. House. Lawrence: University Press of Kansas, 2009–2014. Vol. 2. 896 p.

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

39. Mark J. D. Death of Leaping Horseman: The 24th Panzer Division in Stalingrad. Sydney: Leaping Horseman Books, 2002. 541 p.

40. Scott J. W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // The American Historical Review. 1986. № 91 (5). P. 1053–1075.

41. Survivors of Stalingrad. Eyewitness Accounts from the Sixth Army, 1942–1943 / ed. R. Busch. London: Frontline Books, 2014. 306 p.

42. Wettstein A. E. Die Wehrmacht im Stadtkampf 1939–1942. Paderborn: Schöningh, 2014. 452 S.

REFERENCES

1. *«...i gorela Volga»: ostavshiyesya v zhivykh Stalingradtsy vspominayut* ["...And the Volga Burned": The Survivors of Stalingrad Remember]. Cologne, Volgograd, Izdatel Publ., 2002. 292 p.

2. Aryes F. *Rebenok i semeynaya zhizn pri starom poryadke* [Child and Family Life Under the Old Order]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 416 p.

3. *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya: Khrestomatiya* [Introduction to Gender Studies. Chrestomathy]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2019. 994 p.

4. *Voyna glazami detey: ocherki, vospominaniya, dokumenty* [War Through the Eyes of Children: Essays, Memoirs, Documents]. Volgograd, Izdatel Publ., 2008. 152 p.

5. Dyukov A.R. *Istrebitelnaya politika natsistov na okkupirovannoy sovetskoy territorii: Napravleniya issledovaniya* [The Extermination Policy of the Nazis in the Occupied Soviet Territory: Directions of Research]. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg.: Opyt izucheniya i prepodavaniya* [The Great Patriotic War of 1941–1945. The Experience of Studying and Teaching]. Moscow, RGGU, 2005, pp. 316-325.

6. Budchenko L.I., ed. *Yedinstvo fronta i tyla – zalog Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)* [The Unity of the Front and Rear Is the Key to Victory in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Globus Publ., 2009. 250 p.

7. Vashkau N.E., Linke P., eds. *Zhenshchina i voyna, 1941–1945. Rossiya i Germaniya* [Woman and War, 1941–1945. Russia and Germany]. Volgograd, Volgograd gos. un-t, 2006. 156 p.

8. Isayev A.V. *Bitva za Stalingrad. Mify i pravda* [Battle for Stalingrad]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 544 p.

9. Kobyakov E. *Neizvestnyy Stalingrad. Novyy vzglyad na velichayshuyu bitvu* [Unknown Stalingrad. A New Look at the Greatest Battle]. Moscow, Yauza Publ., 2023. 320 p.

10. Krinko E.F. Okkupatsiya sovetskikh territoriy vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny: problemy issledovaniy [Occupation of Soviet Territories During the Great Patriotic War: Research Problems] *Informatsionno-analiticheskiy vestnik. Istoriya. Etnologiya. Arkheologiya* [Information and Analytical Bulletin. Story. Ethnology. Archeology]. Maykop, ARIGI Publ., 1999, iss. 2, pp. 21-29.

11. Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P. *Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voyennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)* [Private Life of a Soviet Person in Wartime Conditions: Space, Boundaries and Mechanisms of Implementation (1941–1945)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2013. 362 p.

12. Krinko E.F. *Zhizn za liniyey fronta: Kuban v okkupatsii (1942–1943 gg.)* [Life Behind the Front Line: Kuban in Occupation (1942–1943)]. Maykop, Izd-vo AGU, 2000. 242 p.

13. Lakatos I. Metodologiya nauchnykh issledovatelskikh programm [Methodology of Scientific Research Programs]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1995, no. 4, pp. 135-154.

14. Mordvinov S.V. Zhenshchiny i vozrozhdeniye pravoslaviya v Stalingradskoy oblasti v 1943–1953 godakh [Women and the Revival of Orthodoxy in the Stalingrad Region in 1943–1953]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of the Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2012, no. 2 (22), pp. 32-37. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2012.2.5

15. *My rodom iz voyny: deti voyennogo Stalingrada vspominayut* [We Come from the War: The Children of Military Stalingrad Remember]. Volgograd, Izdatel Publ., 2004. 144 p.

16. Nasekin M.A., Buganov A.V. Voyennaya povsednevnost grazhdanskogo naseleniya Stalingrada v 1942–1943 (po dnevnikam Anny Aratskikh i Serafimy Voroninoy) [Military Everyday Life of the Civilian Population of Stalingrad in 1942–1943 (According to the Diaries of Anna Aratsky and Serafima Voronina)]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2021, no. 2, pp. 26-34.

17. *Okkupatsiya. Mirnoye naseleniye goroda i oblasti v period Stalingradskoy bitvy* [Occupation. The Civilian Population of the City and Region During the Battle of Stalingrad]. Volgograd, Peremena Publ., 2008. 60 p.

18. Pavlova T.A. *Grazhdanskoye naseleniye Stalingradskoy oblasti v usloviyakh germanskoy okkupatsii: iyul 1942 g. – fevral 1943 g.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Civilian Population of the Stalingrad Region under the German Occupation: July 1942 –

February 1943. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2007. 245 p.

19. Pavlova T.A. *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoye naseleniye v Stalingradskoy bitve* [Secret Tragedy: The Civilian Population in the Battle of Stalingrad]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 594 p.

20. Pishchulina S.Yu. *Stalingradskiy gorodskoy Komitet oborony v 1941–1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Stalingrad City Defense Committee in 1941–1945. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2007. 250 p.

21. Pushkarova N.L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoye znaniye* [Gender Theory and Historical Knowledge]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. 496 p.

22. Budchenko L.I., ed. *Rabota promyshlennykh predpriyatiy g. Stalingrada i Stalingradskoy oblasti v period Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gody: tematicheskiy obzor fonda № 113 Volgogradskogo obkoma KP RSFSR* [The Work of Industrial Enterprises in the City of Stalingrad and the Stalingrad Region During the Great Patriotic War. 1941–1945: Thematic Review of Fund No. 113 of the Volgograd Regional Committee of the Communist Party of the RSFSR]. Volgograd, 2012. 80 p.

23. Rudel G.-U. Pilot pikirovshchika [Dive Pilot]. *Bomby sbrosheny!* [Bombs Have Been Dropped!]. Moscow, AST Publ., 2002. 736 p.

24. Runov V. *Neizvestnyy Stalingrad* [Unknown Stalingrad]. Moscow, Veche Publ., 2023. 432 p.

25. Ryblova M.A. Zhenshchiny-materi voyennogo Stalingrada: praktiki spaseniya i sokhraneniya detey [Women-Mothers of Military Stalingrad: Practices of Saving and Preserving Children]. *Zhenshchiny i zhenskoye dvizheniye za mir bez voyn i voyennykh konfliktov: (K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne)* [Women and the Women's Movement for a World Without Wars and Military Conflicts. (To the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War)]. Moscow, Stary Oskol, IEA RAN, STI NTU «MISiS», 2015, vol. 2, pp. 65-70.

26. Ryblova M.A., Krinko E.F., Khlynina T.P., Arkhipova Ye.V., Kurilla I.I., Nazarova M.P. *Detstvo i voyna: kultura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detey v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Stalingradskoy bitvy)* [Childhood and War: The Culture of Everyday Life, Mechanisms of Adaptation and Practice of Survival of Children in the Conditions of the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 336 p.

27. Hellbek J, ed. *Stalingradskaya bitva: svidetelstva uchastnikov i ochevidtsev (po materialam Komissii po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Battle of Stalingrad: Testimonies of Participants and Eyewitnesses (Based on the Materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War)]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015. 672 p.

28. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya oblastnaya komissiya po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyaniy nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh soobshchnikov i prichinennogo imi ushcherba grazhdanam, kolkhozam, obshchestvennym organizatsiyam, gosudarstvennym predpriyatiyam i uchrezhdeniyam Stalingradskoy oblasti* [Stalingrad Regional Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders and Their Accomplices and the Damage They Caused to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises and Institutions of the Stalingrad Region]. Volgograd, 2008. 1360 p.

29. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskiy gorodskoy Komitet Oborony v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Stalingrad City Defense Committee During the Great Patriotic War]. Volgograd, Izdatel Publ., 2007. 902 p.

30. Egorova G.N., Sokolova E.A., eds. *Stalingradskoye detstvo. 23 avgusta 1942 goda...* [Stalingrad Childhood. August 23, 1942...]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 136 p.

31. Stargardt N. *Mobilizovannaya natsiya: Germaniya 1939–1945* [Mobilized Nation: Germany 1939–1945]. Moscow, KoLibri Publ., 2021. 688 p.

32. Budchenko L.I., ed. *Uchastiye naseleniya Stalingradskoy oblasti v stroitelstve inzhenerno-tekhnicheskikh sooruzheniy i oboronitelnykh rubezhey. 1941–1943 gg.* [Participation of the Population of the Stalingrad Region in the Construction of Engineering Structures and Defensive Lines. 1941–1943]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2022. 495 p.

33. Kharinina L.V. *Vosstanovleniye i razvitiye vysshikh uchebnykh zavedeniy Nizhnego Povolzhya v poslevoyennyye gody (1945–1953): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Restoration and Development of Higher Educational Institutions of the Lower Volga Region in the Post-War Years (1945–1953). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2012. 26 p.

34. Chuykov V.I. *Nachalo puti* [The Beginning of the Journey]. Moscow, Voyenizdat Publ., 1959. 360 p.

35. Chunikhin A. *Zabytyy Stalingrad. Na flangakh srazheniya* [Forgotten Stalingrad. On the Flanks of the Battle]. Moscow, Yauza Publ., 2020. 288 p.

36. Yakovlev E. *Voyna na unichtozheniye. Chto gotovil Tretiy Reykh dlya Rossii* [War of Annihilation. What the Third Reich Prepared for Russia]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2017. 480 p.

37. Attwood L. *Creating the New Soviet Woman Women's Magazines as Engineers of Female Identity,*

1922–53. London, MACMILLAN PRESS LTD, 1999. 220 p.

38. Glantz D.M. Armageddon in Stalingrad. September-November 1942. Glantz D.M., House J.M. *The Stalingrad Trilogy*. Lawrence, University Press of Kansas, 2009–2014, vol. 2. 896 p.

39. Mark J.D. *Death of Leaping Horseman: The 24th Panzer Division in Stalingrad*. Sydney, Leaping Horseman Books, 2002. 541 p.

40. Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis. *The American Historical Review*, 1986, no. 91 (5), pp. 1053-1075.

41. Busch R., ed. *Survivors of Stalingrad. Eyewitness Accounts from the Sixth Army, 1942–1943*. London, Frontline Books, 2014. 306 p.

42. Wettstein A.E. *Die Wehrmacht im Stadtkampf 1939–1942*. Paderborn, Schöningh, 2014. 452 S.

Information About the Author

Alexandra K. Elokhina, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Assistant, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, alexelokhina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3475-384X

Информация об авторе

Александра Константиновна Елохина, аспирант кафедры истории и международных отношений, ассистент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, alexelokhina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3475-384X

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://hfrir.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

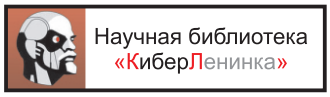

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2023. Том 28. № 4. 1–264.